

Российское китаеведение:
история, современное состояние
и перспективы развития

О.В. Дьякова

Государство Бохай:
археология,
история,
политика

Российское китаеведение:
история, современное состояние и перспективы развития

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Far Eastern Branch

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East

Olga V. Diakova

**POHAI STATE:
ARCHAEOLOGY, HISTORY, POLITICS**

MOSCOW
Nauka — Vostochnaya Literatura
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока

О.В. Дьякова

**ГОСУДАРСТВО БОХАЙ:
АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА**

МОСКВА
Наука — Восточная литература
2014

УДК 94(571)+94(51)
ББК 63.3(0)4
Д93

*Исследование и издание книги осуществлены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-31-09008*

Ответственный редактор
д-р ист. наук, академик РАН *В.Е. Ларичев*

Дьякова О.В.

Государство Бохай: археология, история, политика / О.В. Дьякова; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2014. — 318 с.: ил. — ISBN 978-5-02-036574-2.

Монография посвящена первому тунгусо-маньчжурскому государству Бохай (698–926), располагавшемуся на территории российского Приморья, Северо-Восточного Китая, на северо-востоке Кореи. В работе рассказывается о возникновении Бохая, анализируется история его формирования, развития и гибели, рассматриваются исторические судьбы бохайцев. Большое внимание уделяется этническим проблемам и этногенезу бохайцев.

The monograph is devoted to the first Tungus-Manchu state Bohai (698–926), situated in the territory of the Russian Primorye, North East China and North East of Korea. In the work there analyzed history of Bohai since its beginning, the process of forming and the ages of its development till downfall, and historical fates of Bohai residents. Much attention is paid to ethnic problems and ethnic genesis of Bohai residents.

ISBN 978-5-02-036574-2

© Дьякова О.В., 2014
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2014

Предисловие

Для Восточной Азии бохайская проблема всегда была значимой, поскольку оказалась тесно связана с этнической и политической историей пяти стран — Китая, Северной Кореи, Южной Кореи, Японии и России. В силу разных обстоятельств бохаеведческие исследования проводились в каждой стране изолированно, а получаемые учеными результаты далеко не всегда становились доступны иностранным специалистам. Все это не способствовало воссозданию объективной исторической картины. В последние десятилетия сложилась благоприятная ситуация для проведения комплексного анализа истории Бохая. Китайские научные исследования открылись миру и российские исследователи получили доступ если не к самым историческим источникам, то, по крайней мере, к обильным и хорошо изданным публикациям материалов.

Однако при написании монографии автор столкнулась с рядом проблем, о которых необходимо предупредить читателей. Одной из первоочередных задач изучения Бохая является определение его границ по археологическим материалам России, Китая, Северной Кореи, что до сих пор не было сделано. И здесь возникло много сложностей, проявившихся в том, что один и тот же памятник мог публиковаться под разными названиями и с разными географическими привязками, т.к. исследования проводились в разные годы (десятилетия) и разными исследователями. И если с российскими памятниками разобраться можно по архивным материалам и все источники привести к общему знаменателю, то с китайскими и северо-корейскими памятниками ситуация более напряженная. В Китае регистрация археологических памятников возложена на городские, уездные и прочие культурные учреждения. Для проведения аналитических исследований материалы поступают в научные учреждения. И в публикациях далеко не всегда указываются другие названия археологических объектов. Попытки развеять мои сомнения за счет консультаций с китайскими учеными положительных результатов не принесли. Сложность с северо-корейскими материалами заключается в том, что они часто публикуются то с китайскими названиями, то с корейскими без указаний точной географической привязки. Поэтому автор заранее приносит свои извинения за возможные неточности такого рода.

Результаты исследования автором неоднократно обсуждались на конференциях различного уровня, а так же в Институте Дальнего Востока РАН, Институте Востоковедения РАН, Институте Языкознания РАН, Институте Археологии РАН, Институте Восточных Рукописей РАН. Особо хочется отметить разностороннюю помощь академика В. С. Мясникова, внимательно и заинтересованно следившего за разработкой бохаеведческой проблемы. Нельзя не отметить ценность консультаций, получаемых автором по уточнению китайских и корейских переводов от большого знатока Востока к.и.н., доцента А.Л.Ивлиева.

Возможность изучения архивных и библиотечных материалов, касающихся дальневосточной истории, была предоставлена Институтом восточных рукописей РАН, Обществом изучения Амурского края. Техническое сопровождение иллюстративного материала осуществлялось Л.А.Карака, С.В.Василенко, В.О. Лёвушкиным. Всем коллегам, принимавшим участие в подготовке монографического исследования, автор приносит глубокую благодарность.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОХАЕВЕДЕНИЯ

История первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай (698–926), располагавшегося на территории стран Дальнего Востока всегда являлась значимой проблемой для ученых этих стран. В ее разработке активнейшее участие принимают исследователи пяти государств — КНР, КНДР, РК, Японии и России. В трех из них — Китае, Северной Корее и Южной Корее — бохайская проблема выведена на уровень государственной и под ее решение созданы специальные научные фонды и общества. В данной главе речь пойдет о проблемах изучения Бохая в китайской, южнокорейской, северокорейской и российской историографии.

1.1. Китайская историография

История Бохая зафиксирована в разрозненных и часто отрывочных китайских письменных источниках. В первую очередь это китайские династийные хроники, где Бохаю посвящен небольшой раздел в «Цзю Тан шу» (цз. 199/а), разделы в «Синь Тан шу» (цз. 219), а также в более позднем источнике «Вэньсянь тункао». В них отражены основные вехи бохайской истории, отмечена дипломатическая деятельность этого государства и зафиксирована генеалогия тунгусо-маньчжурских племен: сушени — илоу — мохэ — чжурчжэни. Кроме указанных документов, были и другие нарративные источники, которые было необходимо выявить, проверить их подлинность, очистить от различного рода правок и сопоставить факты и имена, приводимые в разных документах. Естественно, что такие источники могли быть доступны в первую очередь исключительно китайским исследователям, по роду своей деятельности (службы) способным их обнаружить, соответствующим образом обработать, классифицировать и, наконец, подготовить единый корпус письменных документов. В китайской историографии этот период сбора письменных источников по Бохаю обозначен как «первая волна» в его изучении и названы имена основоположников — Тан Янь, Хуан Вэйхань (Хуан Шэнфу), Цзинь Юйфу. Всего же китайские ученые выделяют в истории изучения Бохая четыре этапа или, как они образно их называют, «четыре волны» [Лю Сяодун, 2006, с. 1].

I этап (первая волна) охватывает период от начала XX в. до 1 октября 1949 г., т.е. даты создания КНР, когда в связи с образованием нового государства потребовалась корректировка официальной истории. Первый этап современные китай-

ские историки определяют как «самодеятельный» и оценивают следующим образом: «Исследования истории Бохай в 20–30-х годах, даже, несмотря на наличие такой мощной источниковедческой базы, были застойно-малопонятными... не был сформирован даже соответствующий корпус научной терминологии» (*Лю Сяодун*, 2006, с. 11). Сказанное достаточно объективно отражает ситуацию в китайской науке, сложившуюся в то время. Однако необходимо отметить, что именно тогда была скомпонована источниковедческая база по Бохаю, являющаяся основой для исследований всех последующих этапов.

Бохайская проблема изначально привлекла внимание китайских исследователей маньчжурского происхождения. Это были люди, своими корнями связанные с племенами мохэ, которые образовали в 698 г. мохэское государство Чжэнь, переименованное позднее в Бохай. Они не были профессиональными историками, но положили начало китайской историографии Бохая, подготовив фундаментальные работы: «Описание государства Бохай (Трактат о государстве Бохай)», «Записки о государстве Бохай», «Хронологический свод сведений о государстве Бохай». Эти работы вошли в китайскую историографию как классические сочинения по древностям северо-восточных территорий [*Хуан Вэйхань*, 1958, с. 236; *Цзинь Юйфу*, 1934; *Цзинь Юйфу*, 1984, с. 646; *Цзинь Юйфу*, 1992, с. 127].

1. Тан Янь. «Описание государства Бохай (Трактат о государстве Бохай)». Из опубликованных источников известно, что Тан Янь был этническим маньчжуром, его родовая фамилия — Гуэрцзя, имя — Чжэнь Цзюнь, прозвище — Цзайтин, Юаньсу, второе имя — Шэцзян. В конце правления династии Цин он работал на различных должностях в водном и строительном управлениях, позднее занимал должности областных и провинциальных уровней. Родился Тан Янь на Суйфэне, т.е. в месте, где располагалась «древняя ставка бохайского главнокомандующего». Тан Янь этим гордился и любил называть себя «командующий Тан Янь». В работе «Описание государства Бохай (Трактат о государстве Бохай)» Тан Янь собрал сведения о людях и событиях, относящихся к истории государства Бохай. Китайский учёный Лю Чэнгань в предисловии к монографии Тан Яня точно и образно объяснил тягу Тан Яня к бохайской истории, сказав: «Как ребенок любит мать, так странник горюет о своих родных местах», или иначе говоря, «С душевной болью смотрю на древнее государство, древнюю столицу, родные места» [*Лю Сяодун*, 2006, с. 11].

Книгу «Описание государства Бохай (трактат о государстве Бохай)» Тан Янь оформил в 1919 г. Монография, насчитывающая более 30 тысяч иероглифов, состоит из четырех свитков: «Хроника», «Описания», «Таблицы», «Биографии».

Первый свиток — «Хроника» включает три цзюаня: «Добохайская история», «Хроника», «Летопись после Бохая». В первом цзюане повествуется о «прежних поколениях», т.е. о племенах сушэней, илоу, уцзи, мохэ, являвшихся, согласно китайским летописям, предками бохайцев и представлявших единую генеалогическую цепь тунгусо-маньчжурских этносов. В цзюане «Хроника» повествуется о деятельности тринадцати ванов, среди которых четвертый правитель Ван Юань включен в повествование о четвертом вane Хуаюй. В третьем цзюане — «Летопись после Бохая», или «Поздняя хроника» описывается деятельность бохайских потомков, уцелевших после падения в 926 г. государства Бохай от рук киданей и существовавших во времена Ляо (916–1125), Сун (969–1127), Цзинь (1115–1234).

Второй свиток — «Описания» включает три цзюаня: «География», «Должности чиновников», «Одежда и эскорт».

Третий свиток — «Таблицы» включает два цзюаня: «Подношение дани», «Военные походы».

Четвертый свиток — «Биографии» представлен тремя цзюанями — «Царские фамилии», «Нецарские фамилии», «Потомки».

По оценке китайских ученых, монография Тан Яня «Описание Бохая (трактат о государстве Бохай)» является первым фундаментальным трудом по истории государства Бохай, собравшим воедино все нарративные источники, разбросанные по разным династийным китайским летописям и документам. Поэтому указанное произведение считается исторической классикой. Сам же Тан Янь подвел итог своему труду такими словами: «Разрозненные сведения о событиях, происходивших в государстве Бохай, превратились в книгу».

В настоящее время книга Тан Яня «Описание Бохая (трактат о государстве Бохай)», по мнению всех специалистов Китая, достойна стоять в одном ряду с такими работами, как «Описание государства киданей» и «Описание великого государства Цзинь», опубликованными Юань Сижэнем. В то же время современные специалисты отмечают, что при написании данной книги Тан Янь не коснулся материалов по истории Японии, а из материалов по истории Кореи использована только одна книга — «Энциклопедия восточного государства». В связи с этим Цзинь Юйфу в работе «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» делает заключение, что несмотря на неполное использование (выявление) источниковой базы, эту книгу надо принимать как первоисточник и эталон. Потому что «...дополнять и редактировать уже созданное произведение легко, а создавать такое произведение изначально чрезвычайно трудно. В этом большая личная заслуга господина Тана, переоценить которую невозможно» [Цзинь Юйфу, 1984, с. 646].

2. Хуан Вэйхань (Хуан Шэнфу). «Записки о государстве Бохай». Согласно публикации Лю Сяодуна, Хуан Вэйхань имел прозвище (второе имя) Шэнфу и происходил из уезда Чунжэнь пров. Цзянси. Он ведал делами управления чиновников воинских частей, был кандидатом на должность правителя области Чжили, главой правительства Хулань и, по совместительству, начальником налогового управления, правителем Лунцзян, а также занимал другие чиновничьи должности. Хуан Вэйхань составил несколько книг, в том числе «Описание правительства Хулань», «Предания о древних мудрецах Черной реки» и др. Его работа «Записки о государстве Бохай» является изложением региональной истории северо-востока Китая местными чиновниками, поскольку господин Хуан (или человек из рода Хуан), как пишут китайские историографы, испытывал большой интерес к «государствам восточного захолустья» и позиционировал эти места как районы с потенциально самостоятельными государствами, среди которых Бохай был основным. Для восстановления исторической справедливости в оценке истории Бохая, длительное время являвшегося гегемоном в этом, как принято было называть в Китае эту территорию, северо-восточном «захолустье», Хуан Вэйхань приступил к созданию труда «Записки о государстве Бохай» с целью выявить, сохранить и озвучить документальные источники, свидетельствующие о большом значении и роли этого государства для всего Дальнего Востока. И, как считал Хуан Вэйхань, «...по этой причине собранные документальные материалы по Бохаю нельзя игнорировать, устранять, удалять» [Хуан Вэйхань, 1958, с. 236].

Хуан Вэйхань закончил написание книги «Записки о государстве Бохай», будучи уже в преклонном возрасте. В авторском предисловии к первоначальному варианту данной книги Хуан Вэйхань указывает 1929 год как дату ее завершения. Впоследствии в первоначальный вариант вносились изменения, исправления, но полное редактирование книги при жизни Хуана Вэйханя не было завершено, и дело закончил его друг Бао Фэнкуань, опубликовавший книгу Хуана Вэйханя в 1958 г. в Тайбэе. Окончательный вариант книги состоит из 70 тысяч иероглифов и делится на три тома. Первый том включает три раздела: «В целом о стране (Го тун)», «Народ (Чжун Цзу)», «Церемонии и обычаи (Ли Су)». Второй том содержит четыре раздела: «География (Ди Ли)», «Должности чиновников. (Чжи гуань)», «Биографии (Жэнь у)», «Производимые продукты (У чань)». В третий том включены два раздела: «Подношение дани Китаю (Чао гунчжунго)», «Обмен визитами с Японией (Цзяо куа жибэнь)». В оглавлении книги значится цзюань под названием «Воссоздание государства», но текст цзюаня в книге отсутствует. Оказывается, изначально у Хуана Вэйханя такой цзюань в тексте книги был, но по совету китайского исследователя Чэнь Чжитана он был изъят Бао Фэнкуанем и разбросан по событиям в конце разных глав книги. При редактировании черновика книги Хуана Вэйханя «Записки о государстве Бохай» Бан Фэнкуань сохранил первоначальное (авторское) оглавление. Сам же текст книги Бан Фэнкуань сопроводил своими комментариями и уточнениями.

По оценке китайских ученых, работа Хуан Вэйханя по цитированию исторического материала в сравнении с работой Тан Яня «Описание государства Бохай» более полезна и информативна, поскольку в ней присутствуют не только материалы по истории Китая, но и исторические материалы Кореи, Японии. Дословная оценка книги Хуан Вэйханя следующая: «Он наберевал граждан разного подданства и рядом, и за границей... Например, сведения о том, что Кан-ван Сунлинь был внуком Вэнь-вана (посмертный титул) Циньмао, получены из японских исторических книг. Сведения о 14-м ване Да Вэйцзе заимствованы из «Сведений о важнейших событиях при династии Тан» [Цзинь Юйфу, 1992, с. 21]. Подобная практика для пополнения исторических сведений применялась Хуан Вэйханем постоянно. Поскольку Хуан Вэйхань пользовался не оригинальными, а вторичными корейскими и японскими историческими источниками, по мнению китайских историков, в работе появилось много ошибок, которые были перенесены из этих вторичных материалов. Позднее книга Хуан Вэйханя была тщательно отредактирована Цзинь Юйфу и в нее введен дополнительный цзюань «Заметки с исправлениями допущенных ошибок», где указаны все уточнения, заимствования и сопоставления, обнаруженные в работе.

3. Цзинь Юйфу. «Хронологический свод сведений о государстве Бохай». О Цзинь Юйфу (1887–1962) известно, что по прозвищу (второму имени) он Цзин Ань, являлся выходцем из города Ляоян пров. Ляонин. Цзин Ань стал основоположником изучения истории северо-восточного Китая. Ему удалось собрать воедино все исследования исторических источников по государству Бохай и создать серию трудов, среди которых «Общая (сводная) история северо-востока», «Изучение истории Китая», «Хронологическая сводка источников». В течение семи лет Цзинь Юйфу собирал исторический материал и за три года подготовил книгу. Судьба Цзинь Юйфу сопровождалась различного рода коллизиями, вполне соответствующими времени, в котором он жил. 18 сентября 1931 г. в Китае

произошел переворот. Япония вторглась в три северо-восточные провинции Китая и Цзинь Юйфу попал в тюрьму. 12 ноября 1931 г., находясь в тюрьме, он принял решение написать сочинение «Хронологический свод сведений о государстве Бохай». За три месяца книга вчерне была готова. Как отмечает сам автор, с 18 ноября написание данного «Свода» стало для него ежедневным занятием, и к началу декабря главная часть «Свода» в основном была завершена. Пятнадцатого декабря Цзинь Юйфу зафиксировал в своём дневнике: «Работа над книгой «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» заняла у меня несколько лет, и ничего другого я не мог писать. Я был заточён временем и кабинетом и не мог позволить себе думать о других делах, а полностью сосредоточился на сочинении, и в течение одного месяца успешно завершил работу над ней». Как считают китайские историографы, своей работой «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» Цзинь Юйфу выразил свои оппозиционные настроения в отношении японской агрессии, и поэтому он является литератором, который не подчинился японцам, а сопротивлялся им [Лю Сяодун, 2006, с. 11].

Впоследствии черновой вариант сочинения Цзинь Юйфу был доработан в книгу, впервые официально изданную в 1934 г., затем дважды переизданную (в 1984 и 1992 гг., уже после смерти исследователя) с дополнениями и приложениями других китайских исследователей.

Монография Цзинь Юйфу «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» состоит из двух томов, включающих 20 цзюаней: 1) «Общий очерк», представляющий свод письменных китайских источников; 2) «Общий очерк», включающий письменные источники Кореи, Японии; 3) «Хроника правлений», посвящена всем ваннам Бохая; 4) «Постбохайская хроника», в котором указан правитель марионеточного государства Дундань; 5) «Хронологическая таблица» о событиях Бохая и Дундань; 6) «Генеалогическая таблица», посвященная происхождению бохайцев (сушень — илоу — уцзи — мохэ — чжурчжэни — маньчжуры); 7) «Таблица основных событий в Бохэе и Дундань»; 8) «Таблица подчиненных племен»; 9) «Биография членов царского рода и сановников»; 10) «Биографии подданных (нецарского рода)»; 11) «Биографии знатных бохайцев и простолудинов»; 12) «Повествование о подчиненных племенах» (хэйшуй, фуне, юэси, тели и др.); 13) «Биографии потомков Бохая»; 14) «География»; 15) «Чиновники и должности»; 16) «Народы и обычаи»; 17) «Продовольствие и товары»; 18) «Литература»; 19) «Разные исследования о Бохэе»; 20) «Дополнительные записи» (со сведениями о мохэ и других племенах). Последующие переиздания книги Цзинь Юйфу включают «Дополнения», «Приложение» и «Указатели», выполненные другими исследователями Бохая. Так, в «Дополнениях» сделаны добавки практически ко всем разделам книги. «Приложение» состоит из двух частей. Первая часть включает исследование потомков Бохая, вторая — перечень источников. «Заключение» посвящено характеристике книги «Бохай гочжи чанбянь». «Новые приложения» дают информацию по эпиграфике бохайских памятников. «Указатель» содержит сводку имен, географии, предметов. «Послесловие» позиционирует «Археологическое общество провинции Цилинь».

В книге насчитывается 440 тысяч иероглифов, цитируется более 130 источников, которые автор разделил на две части. Старые Танские источники он отнес к оригинальным материалам, которые не требуют ревизии; для более поздних минских источников и других работ, по мнению исследователя, необходима ревизия,

чтобы убедиться в их достоверности, и только после этого возможно их использование в качестве исторических материалов. Таким образом, в книге Цзинь Юйфу «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» не только собраны почти все китайские источники, имеющие отношение к истории Бохая, но также приведены обширные письменные сведения, сохранившиеся в древней литературе Японии и Кореи. Более того, Цзинь Юйфу их систематизировал и распределил по соответствующим местам, проведя дополнительно проверку их достоверности. Выполненный Цзинь Юйфу титанический труд в настоящее время является самым полным, уточненным и достоверным источником по письменной истории Бохая. Как отмечают китайские историографы, Цзинь Юйфу является тем человеком, который собрал большой историко-исследовательский массив по государству Бохай, а его работа «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» является произведением, в котором собрано большинство исследований по истории Бохая. И вплоть до сегодняшнего дня, будь то китайский или иностранный исследователь Бохая, нет такого, который не рассматривал бы «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» как обязательную книгу на своём рабочем столе.

Таким образом, анализ процесса формирования корпуса письменных источников первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай показывает, что основоположниками этого свода являются три человека: Тан Янь, подготовивший работу «Описание государства Бохай (или трактат о государстве Бохай)»; Хуан Вэйхань, опубликовавший «Записки о государстве Бохай», и Цзинь Юйфу, завершивший в 1931 г. черновой вариант рукописи «Хронологический свод сведений о государстве Бохай» и опубликовавший ее в 1934 г. Позднее, через 50 лет после первой публикации монографии Цзинь Юйфу, в 1984 г., когда проблемы северо-восточных территорий, и в частности государства Бохай, вновь оказались актуальны для Китая, КНДР и СССР, последовало второе издание монографии, а в 1992 г. осуществлено третье издание. Новые публикации монографии сопровождались дополнениями, приложениями и исправлениями, вносимыми современными авторами. Однако в целом работы Тан Яня, Хуан Вэйханя и Цзинь Юйфу являются звеньями одной цепи, последовательно дополняющими, исправляющими, уточняющими и редактирующими друг друга, превращаясь в полиаспектный исторический источник и образуя добротный корпус нарративных источников по средневековой истории российского Дальнего Востока, Японии, Кореи и Китая.

II этап (вторая волна, 1949–1964 гг.) связан с образованием нового Китая, «когда всё было разрушено и началось полное возрождение» [Лю Сяодун, 2006, с. 7]. Второй этап можно назвать археологическим, поскольку он ознаменован открытием в 1949 г. эпитафии на могильной плите принцессы Чжэнь Хуэй с последующим ее изучением и систематизацией раскопанных археологических материалов.

Эпитафия на могильной плите принцессы Чжэнь Хуэй. Плита с эпитафией была обнаружена в 1949 г. в уезде Дуньхуа пров. Цзилинь в лудиншаньской могиле принцессы Чжэнь Хуэй. В 1954 г. к исследованию некрополя приступил Янь Ваньчжан. В 1956 г. он подготовил к публикации работу «Исследование бохайского памятника принцессе Чжэнь Хуэй» [Янь Ваньчжан, 1956]. Автором впервые были проанализированы девизы правления бохайского вана Вэньвана (774–793) и установлено, что девиз Дасин использовался ещё до рождения Вэньвана

и в последние годы его правления, а сама принцесса Чжэнь Хуэй была его второй женой. С этими выводами Янь Ваньчжана согласились все китайские исследователи. Несколько позднее Цзинь Юйфуном были сделаны дополнения к работе Янь Ваньчжана, в которых он рассмотрел города, политику, искусство, литературу Бохая и определил социальный статус лудиншаньского некрополя: «некрополь рода ванов, в котором находятся редкие и ценные погребения» [Цзинь Юйфу, 1956]. Кроме того, он предложил Центральным руководящим органам и Археологическому институту АН КНР проводить на этом памятнике регулярные стационарные раскопки. Вскоре Цзинь Юйфу опубликовал в одном из авторитетных журналов Китая «Преподавание истории» вторую статью, посвященную анализу проблемы возникновения государства Бохай и причин его гибели.

Систематизация материалов, найденных при раскопках в 1964 г. Исследования лудиншаньского некрополя и бохайского городища Шанцзин проводились совместно Археологическим институтом АН КНР и Академией общественных наук КНДР. По результатам раскопок, как отмечают китайские бохаведы, был написан полевой научный отчет. Но в 1966 г. в Китае началась «культурная революция», затормозившая на 10 лет изучение истории Бохая. Это время китайские исследователи называли «периодом печали и скорби», так как в 1966 г. корейская сторона в одностороннем порядке опубликовала материалы совместных раскопок [Отчет, 1966]. А в 1971 г. корейский руководитель археологической экспедиции Чжу Жунсянь опубликовал книгу «Культура Бохая». В КНР же монография «Лудиншань и бохайский город» с изложением всех материалов раскопок вышла только в 1997 г. [Институт археологии..., 1997]. Второй этап исследования истории Бохая китайские историографы оценивают следующим образом: «Руководители, участвовавшие во второй волне, без всякого сомнения отодвинули Цзинь Юйфу на задний план, поскольку у него не оказалось достойных последователей. Цзинь Юйфу умер в 1962 г., не дожив до „культурной революции“, в чем его счастье; но его горе в том, что он не увидел результаты раскопок 1964 года... Цзинь Юйфу оценивается... как „полководец“ второй волны, и фактически он был начинателем раскопок бохайского некрополя погребений ванского рода и аристократии» [Лю Сяодун, 2006, с. 8]. Таким образом, второй этап в исследовании истории Бохая по своей сути является археологическим, так как в научный оборот вводится новый вид источников, позволяющих выполнять перекрестную проверку письменных и археологических сведений и фактов и выходить на реконструкцию исторических реалий Бохая. Второй этап в изучении истории Бохая мог бы завершиться более значимыми и даже прорывными результатами с выходом на мировой уровень. Однако «культурная революция», по оценке китайских ученых, значительно затормозила этот процесс.

III этап (третья волна, 1980–1996 гг.) проходил «в обстановке реформ и открытости внешнему миру». К этому времени были накоплены серьезные научные результаты по истории и археологии Бохая. В 1982 г. Сюнь Юйлян (пров. Цзинь) опубликовал статью «Приведение к одному знаменателю — исправление заблуждений и лжи, имеющих отношение к историческим материалам Бохай во времена Тан» в авторитетном в Китае издании «Изучение истории». Почти одновременно в этом же издании появилась статья Лю Сяодуна, Хэ Сыдэ, Ян Чжицзюня «Первоначальное исследование товарно-денежной системы и экономики государства Бохай». В 1983 г. Чэнь Сяньчан (пров. Хэйлунцзян) в «Вестнике Ци-

цикарского педагогического института» опубликовал статью «Обзор истории государства Бохай». В январе 1984 г. Ван Чэньли (пров. Цзилинь) издал «Краткую историю» в Народном издательстве (пров. Хэйлунцзян). В июле этого же года Чжу Гочэнь и Вэй Гочжун (пров. Хэйлунцзян) опубликовали «Рукопись по истории Бохай», выпущенную редакторско-издательским отделом по артефактам пров. Хэйлунцзян. В 1987 г. этот же издательский отдел опубликовал книгу Ли Дяньфу и Сюнь Юйляна (пров. Цзилинь) «Государство Бохай». Таким образом, в 80-е годы прошлого столетия в первых рядах по изучению Бохая оказались ученые двух провинций — Цзилинь и Хэйлунцзян.

В целом в III этапе следует отметить три важнейшие вехи по изучению Бохая: проведение в 1986 г. хэйлунцзянскими учеными международного симпозиума в Цзинбоху; публикацию в 1996 г. в издании «Изучение истории» статьи «Перепроверка и корректировка династической летописи (хроники) Бохай»; наконец, издание в 1997 г. Институтом археологии АН КНР книги «Лудиншань и бохайский город». Параллельно этому велась работа по корректировке и дополнению ранее написанных статей. Популярная статья Ван Чэньли «Краткая история Бохай», привлекавшая внимание международного научного сообщества, была значительно расширена и опубликована под названием «Бохайское государство на китайском северо-востоке и Северо-Восточная Азия». В 1987 г. Ван Чэньли и Лю Чжэньхуа заново отредактировали книгу «Культура и история Бохай», введя в нее 48 опубликованных до 1986 г. наиболее значимых статей китайских учёных. В 1988 г. Ван Чэньли вторично откорректировал три свои книги — «Описание государства Бохай», «Записки государства Бохай», «Хронологическая сводка источников описания государства Бохай», что способствовало развитию бохаеведения. В 1985 г. Сюнь Юйлян в «Сборнике исторических материалов Бохая» повторно систематизировал и отредактировал исторические документы. В этот же период Чжу Гочэнь, Цзинь Тайшунь, Ли Шоте и др. завершили монографию «Древние городища Бохай».

Таким образом, на третьем этапе изучения Бохая ученые Китая, обладая уникальным конгломератом письменных и археологических материалов, смогли выйти на передовые позиции в области бохаеведения. Главным специалистом международного уровня по истории Бохая следует признать Ван Чэньли. Именно он заложил основу знания письменных источников, состоялся как организатор научно-исследовательского процесса и развернул подготовку научных кадров. По общепризнанной оценке, книга Ван Чэньли «Государство Бохай на китайском северо-востоке и в северо-восточной Азии» поставила точку в третьем этапе изучения Бохай [Лю Сяодун, 2006, с. 7].

IV этап (четвертая волна) в изучении истории Бохая начался в 1996 г. с созыва международного симпозиума по бохайской культуре в пров. Хэйлунцзян, куда прибыли не только историки Бохая из трёх северо-восточных провинций, но и специалист Государственного управления артефактов Цзу Субай (Генеральный директор археологического общества Китая, доктор-преподаватель), Сюй Пинфан (директор института археологии АОН КНР, доктор-преподаватель), Хуан Цзинлюэ (начальник группы специалистов государственного управления артефактов, бывший заместитель начальника управления по артефактам), Чжан Чжунпэй (доктор-преподаватель Цзилиньского университета, бывший директор музея «Гугун») и другие. Уже серьёзно больной Ван Чэньли написал в адрес симпозиума приветственное письмо и передал свою последнюю статью.

Особенностью четвертого этапа является смена научных поколений. Деятельность поколения историков Бохая двух предшествующих этапов — Янь Ваньчжана, Ван Чэнли, Ван Цзяньцзюня — оборвалась в 1996 г. Новое поколение историков Бохая, по мнению китайских историографов, не смогло своевременно занять их позиции, и изучение Бохая ослабло. Несмотря на то что на ежегодном съезде по поводу 10 крупных археологических открытий бохайская проблематика не раз удостоивалась всекитайской награды (в 1991 г. — по результатам раскопок трехкурганного мавзолея (Саньлинфэнь), в 1995 г. — по раскопкам могилы в Хунцзюньюй (рыбозавод)), в целом, по признанию китайских специалистов, уровень археологических отчетов и научных результатов не был высоким. Но постепенно ситуация выравнивалась. В 1998 и 2000 г. государственное управление артефактов созывало симпозиумы-коллоквиумы по бохайской проблеме. Параллельно с этим начиная с 1997 г. хэйлунцзянским Институтом археологии осуществлялись крупномасштабные раскопки бохайского города Шанцзин, археологами провинции Цилинь — раскопки города Аодун (уезд Дуньхуа), городища Лунсигу и других важных памятников. Но не только эти исследования выдвинули археологию Бохая на первый план. Активно изучались города, пути сообщения, керамическое производство, буддийские храмы, поэзия и язык Бохая. По всем направлениям отмечен ощутимый прорыв. Более того, проблеме «Культура и история Бохая» был придан официальный статус как специальной теме приграничной археологии Государственного управления артефактов. В 2003 г. издана вторая редакция книги «Культура и история Бохая», куда вошло 45 статей, опубликованных в Китае в 1987–2002 гг. [Культура и история Бохая, 2003]. Следует отметить, что в названной книге превалируют работы по археологии и истории, носящие преимущественно аналитический характер.

Подводя итог четырем этапам изучения Бохая в Китае, следует сказать, что первый этап — это этап систематизации литературно-исторических источников; на втором и третьем этапах появляются новые источники — археологические, происходит накопление материалов с попытками его интерпретации и корреляции с письменными документами; современный — четвертый — этап аккумулирует все предшествующие наработки, значительно расширяя на базе археологического материала исследовательские направления Бохая, что, безусловно, в обозримом будущем выведет бохаетоведение Китая на новый уровень.

1.2. Южнокорейская историография

Бохаетоведение как научное направление сформировалось в Южной Корее только в конце XX в. Это событие было обусловлено совершенно определенной политической мотивацией. Конкретным толчком для запуска в Южной Корее программы бохаетоведения послужила ситуация, сложившаяся в Советском Союзе в перестроечное и постперестроечное время, т.е. в середине 80-х и в 90-х годах XX столетия. По многим причинам Советский Союз стал открывать ранее закрытые для иностранцев территории, в том числе приграничные районы Дальнего Востока. Естественно, что к этому явлению проявили активный интерес многие страны — США, Япония, Республика Корея, Китай. Им требовалась разносторонняя информация по широкому спектру проблем сложившейся в России ситуации. Научные изыскания, особенно в области гуманитарных и естественных

дисциплин — археологии, этнографии, географии, геологии, биологии, являлись прекрасной и надежной платформой, позволяющей не только непосредственно наблюдать за всеми происходящими в России политическими, экономическими, социальными, национальными и прочими процессами, но и получать перво-классный научный материал для разработки фундаментальных и прикладных исследований, в том числе в области национальной государственной доктрины. В частности, Южная Корея искала возможность выйти на материалы таких коренных исторических проблем, как этногенез и этническая история корейского этноса, а также происхождение, периодизация, корреляция и взаимосвязь корейских средневековых государств Силла, Пэкче, Кая, Когурё с Бохаем и династией Тан.

Напомним, что на территории самой Южной Кореи не было памятников ни Бохая, ни Когурё, совершенно необходимых для решения поставленных задач. Когурёские памятники известны в Северной Корее и на северо-востоке Китая, бохайские же объекты распространялись гораздо шире и занимали Дунбэй, северо-восток КНДР и часть территории российского Дальнего Востока. Однако из-за известных политических сложностей между двумя корейскими государствами южнокорейские исследователи практически не имели доступа не только к самим когурёским материалам Северной Кореи, но и к публикациям северокорейских специалистов, которые тесно сотрудничали с российскими учеными. Поэтому, когда появился шанс получить доступ к бохайским памятникам российского Дальнего Востока, он был полностью использован Южной Кореей. Во-первых, южнокорейские исследователи получили археологические источники в виде научных отчетов о раскопках большинства памятников, исследованных в российском Приморье во второй половине XX в. Во-вторых, многие источники были оперативно и качественно опубликованы, т.е. введены в научный оборот. В-третьих, начиная с 1993 г. южнокорейская сторона стала заключать договоры о научном сотрудничестве с академическими, краеведческими, образовательными организациями Дальнего Востока и Сибири.

Бохай в историческом контексте. Основной проблемой бохаеведения в Республике Корея является установление роли государства Бохай в корейской истории, т.е. выяснение того, было ли оно корейским. Ретроспективный анализ корейских нарративных источников показывает, что оценки роли Бохая в корейской истории прямо зависели от политических ситуаций, в которых страна оказывалась в те или иные исторические моменты. Так, в «Самгук саги», датированной 1145 г., государство Бохай не включалось в число корейских государств, бохайского вана Цзожуна определяли как сумо мохэ, что полностью совпадало с трактовкой китайской историографии [Самгук саги, 1959]. При этом отмечалось, что Бохай являлся родственной страной Корё. Корейские историки, в частности Хан Гю Чхоль, предполагали, что под родственностью понимались брачные связи Бохая с корейскими странами, а не принадлежность Бохая к корейским государствам [Хан Гю Чхоль, 1999, с. 16]. Однако помимо официальной точки зрения, отраженной в «Самгук саги», существовала и противоположная позиция, занимаемая монахом Менчжоном, настаивавшим на включении Бохая в число корейских государств. Эта позиция для Кореи была чрезвычайно важна, носила политический характер и служила предлогом возвращения своих земель у чжурчжэньской империи Цзинь [Ким, 2004, с. 22]. В XIII в., когда были созданы

«Самгук юса» (1281 г.) и «Чеван унги» (1287 г.), бохайский ван Цзожун признавался уже корейцем [Самгук саги, 1959]. По оценке Хан Гю Чхоля, в XV в. в период государства Чосон в «Самгук Чоре» (Извлечение из истории трех государств, 1482) и «Тонгук тхонкам» (Общие сведения по восточным странам, 1485) вновь возобладали позиции китайской историографии, и в работах стали приводить довольно много китайских сведений о Бохэе [Хан Гю Чхоль, 1999, с. 34].

В XVIII в. в Корее возникло движение Сирхак, значительно повлиявшее на национальное самосознание корейцев. Именно в это время стали доказывать равнозначность и равноценность Кореи и Китая, в связи с чем многие сторонники движения Сирхак стали снова причислять Бохай к корейским государствам и акцентировать внимание на том, что предок правителя Бохая был из когурёских сокмаль мальгаль (сумо мохэ) [Ким, 2004]. Современные корейские бохаеведы основное достижение ученых движения Сирхак видят в том, что история Бохая стала рассматриваться в рамках корейских государств, а сама история Кореи стала делиться на историю Северного и Южного государств [Хан Гю Чхоль, 1999]. В XIX в. в связи со сменой политических ориентиров интерес к Бохаю в корейской историографии вновь снизился. Главенствующими стали традиции китайской историографии. В работах «Чосон ёкдэсаряк» (Краткая история Чосон, 1895), «Тонъгук ёкдэсаряк» (Краткая история восточного государства, 1899) Бохай описывался только как сосед государства Силла, а сами бохайцы определялись как сумо мохэ из особого рода Когурё, т.е. в данном случае опять возобладала китайская трактовка из «Синь тан шу» и «Цзю тан шу».

В конце XIX в. в корейской историографии вновь отмечаются изменения, обусловленные новой политической ситуацией. В это время значительно усиливается японское влияние и история Бохая вновь рассматривается вне истории корейских государств. Особенно наглядно это проявляется в труде Хаяси «Чосонса». Позднее, в связи с колонизацией Кореи Японией, японское влияние на корейскую историографию значительно усиливается и закрепляется на длительный срок, а история государства Бохай выносится за рамки корейской истории и помещается, согласно китайской традиции, в историю Маньчжурии. Историю Кореи (VIII–X вв.) японские исследователи ограничивали государством Объединенная Силла, а некоторые даже утверждали, что Силла, Когурё, Пэкче и Бохай были данниками Японии. При этом есть все основания отметить и положительный вклад японских ученых в исследование Бохая. Благодаря им корейские историографы получили возможность значительно расширить свои знания в области письменных китайских источников, российских археологических материалов, публикаций европейских исследователей, в частности Людвиг Рисса.

Таким образом, взгляды корейцев на историю государства Бохай, его отношения и взаимосвязь с корейскими государствами и корейском этносом во II тысячелетии многократно кардинально менялись в зависимости от политической ситуации. Прослеживаются две основные позиции: 1) как только Корея становилась более или менее самостоятельным государством, Бохай объявлялся корейским государством и включался в корейскую историю; 2) при попадании Кореи под влияние Китая или Японии история Бохая выносилась за рамки корейской истории и Бохай исключался из числа корейских государств.

Проблемы Бохая глазами современных южнокорейских ученых. Как уже указывалось, бохаеведение как научное направление сформировалось в Южной Ко-

рее в последнее двадцатилетие XX в. Южнокорейские ученые получили доступ ко всему корпусу исторических источников — нарративных в виде китайских, японских и северокорейских публикаций и археологических — в виде материалов раскопок бохайских памятников в российском Приморье и Маньчжурии.

Перед южнокорейскими учеными стояла сложная задача доказать причастность Бохая к истории Кореи и определить роль бохайцев в этногенезе и этнической истории корейцев. В настоящее время для Южной Кореи данная доктрина является национальной. Она финансово поддерживается государством, различными фондами, общественными организациями, коммерческими структурами. Работы над ней не только продолжаются до сего момента, но прикладываются большие усилия для расширения географических рамок исследований. Территория изучения включает Восточную, Южную, Западную Сибирь, Забайкалье, Бурятию, Приморье и Приамурье. Особый интерес проявлен к Монголии, северо-востоку Китая, Средней Азии. Для проведения исследований созданы комплексные центры, использующие весь спектр гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Следует отметить потрясающую настойчивость, трудолюбие, скрупулезность корейских ученых при проведении исследований. В работах участвуют не только состоявшиеся ученые, но также аспиранты и студенты. Как правило, корейцы предпочитают сами обрабатывать и анализировать материал раскопываемых археологических памятников, писать научные отчеты и оперативно издавать их на корейском и, во многих случаях, на русском языках [Отчет, 2007; Отчет 2008 и др.].

Основные научные результаты, касающиеся «вечных» проблем бохаеведения (происхождение и история бохайского этноса, образование государства Бохай, статус бохайского правителя, роль Бохая в корейской истории, этнический состав знати, причины падения Бохая, международные отношения Бохая), сконцентрированы и опубликованы ведущими южнокорейскими археологами и историками в фундаментальных трудах, к которым относятся десяти томная «История Кореи», вышедшая в 1996 г., где последняя книга посвящена Бохаю и называется «История Бохая»; монография профессора Хан Гю Чхоля «История внешнеполитических отношений Бохая»; монография профессора Сон Ки Хо «Изучение политической истории Бохая»; серия статей различных авторов.

По проблемам этногенеза и этнической истории бохайцев ведущим специалистом является профессор Сон Ки Хо. Досконально ознакомившись с работами российских ученых и археологическими материалами, а также с китайскими летописными источниками, он принял позицию российских ученых и согласился, что основным населением Бохая являлись мохэские племена, в частности сумо мохэ, т.е. средневековые тунгусо-маньчжуры [Song Kiho, 1990]. Археологические артефакты в данном случае оспорить трудно. Практически на всех бохайских памятниках российского Приморья и Северо-Востока Китая присутствует мохэский культурный пласт. Это подтверждают на основе своих исследований и китайские коллеги. Но дальнейшие интерпретации выявленных фактов у российских, китайских и корейских ученых принципиально расходятся. Китайская сторона объявляет мохэские племена подданными династии Тан, корейская сторона в лице Сон Ки Хо объявляет их как племена вассальные от когурёсцев, российские исследователи считают мохэские племена самостоятельными. Более жесткую позицию по этому вопросу занял другой ведущий ученый — профессор Хан

Гю Чхоль, попытавшийся по письменным источникам доказать, что мохэсцы (мальгаль), принимавшие участие в создании Бохая, это не тунгусо-маньчжуры, а особый род Когурё. Такую этническую интерпретацию сумо-мохэ разделяют многие южнокорейские медиевисты, в том числе это активно приветствуется молодежью. Следовательно, можно констатировать, что единой платформы по этому вопросу не выработано, но среди южнокорейских специалистов преобладает позиция Хан Гю Чхоля.

Более однозначно в современной корейской историографии решается вопрос о создании государства Бохай. Практически все южнокорейские ученые, ссылаясь на корейские, китайские и японские письменные источники, утверждают, что государство Бохай являлось прямым наследником Когурё, уничтоженного Китаем. Все это послужило основанием рассматривать Бохай как раздел истории Объединенной Силла. Данное положение, собственно, отражало теорию «эпохи севера и юга», где Силла была южной страной, а Бохай — северной и все это входило в корейскую историю. Особым достижением профессора Сон Ки Хо как исследователя можно считать то, что он попытался доказать с помощью дипломатических посланий факт переименования Бохая в Корё, что случилось якобы при Мунване. Исследования Сон Ки Хо получили международную известность.

Многочисленные дискуссии на конференциях и в публикациях сопровождали другую чрезвычайно значимую для данной доктрины проблему определения этнической принадлежности правителя Бохая и бохайской знати. Основания для горячих полемик создавали противоречия, встречавшиеся в китайских и корейских летописях. В китайской летописи «Цзю Тан шу» Тэ Чжо Ень назывался «полководцем Когурё», а в «Синь Тан шу» — мохэсцем на службе Когурё. В корейской «Самгук саги» на этот счет вообще не было сведений, зато мохэсцы упоминаются на несколько веков раньше, чем в китайских источниках.

Подобные противоречия вызвали у южнокорейских специалистов недоверие к китайским письменным источникам, что послужило основанием для ревизии многих исторических сведений и привело к довольно открытому напряженному противостоянию китайских и южнокорейских историков. Такая ситуация наблюдалась на многих международных конференциях, в том числе в ноябре 2007 г. в Сеуле. Профессор Хан Гю Чхоль, большой знаток китайских и корейских письменных источников, пришел к вполне предсказуемому выводу, что основатель бохайского государства по происхождению был сунгарийским мохэсцем, а поскольку бассейн Сунгари находился в вассальных отношениях с Когурё, то и основатель Бохая имел прямое отношение к Когурё. Более того, опираясь на исследования китайских историков Сунь Цзиньцзи, Чжуан Яня и других, считавших мохэские племена по составу разноэтничными и относивших сумо мохэ и байшань мохэ к нетунгусским племенам вэймо, южнокорейские специалисты не исключали их принадлежность к когурёсцам. Достаточно подробному и максимально объективному анализу данную проблему подверг Сон Ки Хо. Он рассмотрел летописные факты в историческом контексте и выявил противоречия, на которые ранее внимание никто не обращал. Например, Сон Ки Хо выявил, что у первого правителя Бохая Тэ Чжо Ёна и его сына разные имена и неясности с этнической принадлежностью. Противоречие расшифровывалось через историческую ситуацию. Поскольку мохэсцев регулярно теснили Китай и Когурё, что письменно зафиксировано в китайской литературе, то неизбежно случались пе-

реселения мохэ то на территорию Китая, то на территорию Когурё, где они попадали под влияние этих государств, перенимая и используя их традиции в разных областях [Song Ki Ho, 2000]. Но почти на 10 лет ранее корейских исследователей логично и объективно эта ситуация была проанализирована и разъяснена выдающимся российским востоковедом М.В. Воробьевым. «Сразу же по воцарении основатель государства отправил посла к тюркам... — дружба с тюрками могла пригодиться бохайцам. В свой черед, в 700 г., поехало посольство и в Силла. Сам китайский император выразил заинтересованность в хороших отношениях с Бохаем, прислав в 705 г. по воцарении посла в Бохай, что было равнозначно принятию в сюзеренитет. В 712 г. Цзожун получил от Китая титул короля (вана) префектуры Бохай, генерал-губернатора округа Хуань и автоматически утратил свое прежнее „мохэское“ звание» [Воробьев, 1995, с. 114–135]. Этим могут объясняться, на наш взгляд, некоторые противоречивые данные китайских летописей. «Развивающаяся государственность вскоре выделила не только короля, его семью, фамилию (Да), клан, но и ряд других знатных фамилий: Гао, Чжан, Ян, Доу, У, Ли» [Воробьев, 1995, с. 114–135]. К этим фамилиям принадлежали 335 бохайцев: к фамилии Да — 100 человек, Гао — 59, Чжан — 21, Ян — 9, Доу — 3 человека, У — 11 человек, Ли — 11. Корейские исследователи, в частности Сон Ки Хо, относит их к когурёским. Российские ученые считают, что это мохэсцы, взявшие китайские и корейские фамилии [Шавкунов Э.В., 1992, с. 80–82]. Достаточно остро эта проблема обсуждалась на конференции в Сеуле в ноябре 2006 г., где корейская сторона активно отстаивала корейскую принадлежность фамилий, что позволяло говорить о корейском происхождении Бохая.

Пристальное внимание южнокорейские историки уделили международным отношениям Бохая, особенно с Силла, так как это давало основания включать Бохай в корейскую историю. Основную лепту в изучение данной проблемы внес профессор Хан Гю Чхоль, проследивший по письменным документам непростые взаимоотношения двух средневековых государств — от мирных дипломатических до враждебных и захватнических со стороны Бохая в 818–820 гг., когда король Бохая Жэньсю, отличавшийся воинственностью, захватил районы, принадлежавшие Силла. Силла ответила строительством вала длиной в 300 ли. Все эти взаимоотношения рассматривались в рамках теории Северного (Бохай) и Южного (Силла) государств корейской истории [Хан Гю Чхоль, 2001, с. 67].

Следующей проблемой, имеющей принципиальное значение в истории Кореи, является проблема гибели Бохая и постбохайская судьба населения. Китайские источники об этом периоде сохранили мало сведений. Корейские исследователи по-разному оценивают причины гибели Бохая. Одни называли внутренние раздоры, другие стихийное бедствие, большинство обвиняли киданей [Ким, 2004, с. 22].

Поднимали южнокорейские исследователи и проблему судьбы бохайцев после падения государства Бохай. Эта проблема не нова ни в китайской, ни в российской историографии. Кратко она выглядит следующим образом. Несмотря на катастрофу, бохайцы как этнос сохранялись длительное время, вплоть до монгольского нашествия. Многие были использованы киданями как воины и военачальники, приняли они участие и в создании чжурчжэньской империи Цзинь.

Таким образом, подводя итог современным исследованиям южнокорейских ученых, можно сказать, что на данном этапе ими проделана большая работа с

корпусом ранее недоступных исторических источников, позволивших подвести доказательную базу под национальную государственную доктрину о принадлежности Бохая к корейской истории и о роли бохайцев в этногенезе корейцев. Естественно, это не окончательные результаты, поскольку исследования активно продолжаются и многие из них далеко не бесспорны, но главное — все получаемые интерпретации доступны для международного научного сообщества и обсуждаемы, что позволяет отходить от политической мотивации и постепенно приближаться к историческим реалиям.

1.3. Северокорейская историография

Исследование памятников бохайской культуры в КНДР началось в 60-х годах XX в. Это было частью большого проекта, посвященного всестороннему исследованию культурного наследия Северной Кореи. В 1963–1965 гг. корейские ученые совместно с китайскими специалистами работали на раскопках бохайских памятников Северо-Восточного Китая (Манчжурии). Но в Китае началась «культурная революция», и результаты этих работ были опубликованы корейскими учеными, что вызвало горькое сожаление со стороны китайских коллег.

Полномасштабные археологические раскопки бохайских памятников в КНДР начались в 80-е годы прошлого века и продолжались до начала 90-х годов. Основным районом исследования являлись прибрежные районы восточного побережья Северной Кореи. Раскопки проводили ученые Института археологии Академии общественных наук КНДР Ри Джунголь, Ким Джичхоль, Ю Бёнхын, Хан Индок во главе с директором Ким Джонхёком.

За этот период было обследовано четыре равнинных городища (городище Чхонхэ провинции Южная Хамгён, уезд Пукчхон; городище Сонсани провинции Северная Хамгён, город Кимчхэк; городище Пугок провинции Северная Хамгён, город Чхонджин, городище Ингери провинции Северная Хамгён, уезд Хверён); 15 горных городищ (городища Унду, Чансундэ, Намджын, Чибанни, Тасин провинции Северная Хамгён; городища Каын, Юльджи, Косан, Ангок, Ёнджонни, Ёнидон, Масан, Ниманджи, Токсан, Пэун провинции Южная Хамгён); семь прибрежных фортов — Канмибон, Чансынмок, Норумок, Согандэ, Квиамдэ, Пхальгёндэ, Ангёдон (бассейн рек Оран и Мёнган); форт Ханчхонсан (г. Синпхо, провинция Южная Хамгён); две заградительные крепости — Сэдок и Чибанни (уезд Оран, провинция Северная Хамгён); восемь погребальных памятников — могильник Кунсим (город Хверён), могильник Пуго (город Чхонджин), могильники в уезде Кильджу и Хвадэ, могильники в уездах Ривон, Пукчхон, Хынвон и городе Синпхо.

В основу исследований северокорейские ученые положили учение Чучхэ, с позиции которого Бохай был большим и независимым государством, наследником Когурё. Все усилия северокорейских исследователей были приложены именно к ее обоснованию.

В целом северокорейская историческая концепция выглядит следующим образом: древний Чосон сменило Когурё, Когурё сменил Бохай, Бохай сменила Корё. Особенно жестко в настоящее время отстаивается версия, что Бохай стал преемником Когурё [Ю Бёнхын, 1997; Ким Ёнджун, 1997; Ли Чханджун, 1997].

Подобная позиция учёных КНДР стала предметом критики со стороны исследователей других стран, в первую очередь ученых Южной Кореи. Так, профессор Сон Ки Хо отметил тенденциозность и ограниченность северокорейской исторической концепции и указал на то, что северокорейские историки и археологи не принимают во внимание мнение иностранных специалистов и игнорируют устойчивые в науке положения [Сон Ки Хо, 1991].

Для северокорейских и южнокорейских научных кругов камнем преткновения остается проблема преемственности Когурё и Бохая. По мнению южнокорейских ученых, позиция северокорейской науки слишком тенденциозна. Как отметил Хан Гю Чхоль, утверждая, что Бохай являлся преемником Когурё, нельзя не учитывать влияние окружающих государств на историческое развитие страны. Ведь это является общепризнанным фактом [Хан Гю Чхоль, 1994].

Успехи ученых КНДР в исследовании памятников государств Когурё и Бохай в целом достаточно очевидны. Если не принимать во внимание проблему правопреемственности Бохая и Когурё, систематические исследования северокорейскими учеными археологических памятников позволили им в 2004 г. через ЮНЕСКО внести в реестр памятников всемирного наследия 12 когурёских объектов. Процесс был длительным, северокорейской стороне пришлось соперничать с китайскими исследователями, но Северная Корея добилась положительного результата. К перипетиям этого сложного процесса мы вернемся в другом разделе.

1.4. Российская историография

Российское бохаеведение имеет достаточно длительную историю, отмеченную как серьезными научными свершениями и открытиями, так и длительными периодами стагнации. В изучении Бохая прослеживаются три этапа.

Первый этап начинается с конца XVIII в. и заканчивается 1930 г. (год смерти В.К. Арсеньева). В этот период данной проблемой занимались крупные русские ученые, в первую очередь о. Иакинф (в быту Николай Яковлевич Бичурин, 1777–1853), сумевший во время пребывания в Китае в наисложнейших условиях добыть источники и на их базе создать «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «Статистическое описание Китайской империи», «Начало и первые дела Маньчжурского дома» и др. Н.Я. Бичурин первый поведал русскому обществу, что основателем государства Бохай был Цзо-жун из племени сумо мохэ, что танский двор признал его государем в «достоинстве Чжень-го Ван», что владения Бохая простирались на 5000 ли (2500 км), что «под его державою находились Фу-юй, Воцзюй, Бяньхань, Чаосянь и разные владения на севере моря» и что с того времени, как «Да Ту-юй объявил себя независимым государем, китайская история перестала писать о государстве Бохай...» [Бичурин, 1956, с. 254].

Весьма значимы в области бохайской истории труды В. Горского, введшего в научный оборот добротные сведения о дальневосточных племенах и государствах, в том числе о сумо мохэ и Бохае. В статье «Начало и первые дела Маньчжурского дома» он пишет о Бохае как о центре просвещения, а время царствования династии Бохай считает «золотым веком в истории Маньчжурии» [Горский, 1852, с. 57]. В российской историографии это одна из первых оценок Бохая как государства, оставившего серьезный след в дальневосточной истории.

Первый опыт переноса письменной восточной язычной информации на конкретные археологические памятники принадлежит архимандриту Палладию (Петр Иванович Кафаров, 1817–1878), совершившему большое путешествие по российскому Дальнему Востоку и предположившему, что Южно-Уссурийское городище это бохайский город Фурдан-чэн, а Краскинское городище — бохайский порт и что территория Приморья это часть Бохая [Кафаров, 1870, 1871, 1872]. Его поиски положили начало последующим археологическим изысканиям.

Малоизвестную в историографии, но принципиально важную роль в изучении Бохая сыграл М.Г. Шевелёв. Об этом мы узнаем от первого историографа Бохая А.З. Матвеева, скрупулезно собравшего, систематизировавшего и опубликовавшего все переводные сведения о бохайском государстве в раритетной работе «Бохай (Из истории Восточной Азии VIII–X вв.)» [Матвеев, 1929]. Предложенная А.З. Матвеевым структура подачи материала (как и сам материал) настолько последовательны и совершенны, что до сих пор используются исследователями как образцы во всех обобщающих трудах по Бохаю [Шавкунов Э.В., 1968; Государство Бохай..., 1994]. Что касается М.Г. Шевелева, то он, хорошо владея китайским языком, по летописям, в частности по «Тан шу», изучил материалы о Бохае и впервые по характеру движения морских течений доказал, что территория Бохая не могла ограничиваться только Ляодуном, его владения обязательно должны простираться до Владивостока. На этом же основании (по морским течениям) М.Г. Шевелев указал на неизбежность обоюдного контакта бохайцев и японцев. Их регулярно должно было прибивать течением к материку и островам. И он оказался полностью прав. Последующие археологические исследования автора данной работы подтвердили это положение. В бухтах Северо-Восточного Приморья были обнаружены бохайские охранные крепости и порты [Дьякова, 2009].

Большую роль в фиксации и обследовании археологических памятников Приморья, в том числе бохайских, сыграл первый председатель Общества изучения Амурского края Ф.Ф. Буссе, прибывший в 1862 г. на Дальний Восток в качестве правителя путевой канцелярии военного губернатора Амурской области [Буссе, 1888]. Только благодаря его труду сохранились сведения о многих археологических объектах. Ф.Ф. Буссе лично открыл и исследовал серию памятников юга и юго-востока Приморья. Он работал на Западно-Уссурийском, Южно-Уссурийском, Анучинском, Новогордеевском городищах, тщательно выполнил описания основных элементов оборонительных систем — валов, рвов, ворот, составил схемы фортификаций. Итогом анализа археологических фактов стало создание исторической периодизации края, в которую были включены четыре эпохи: 1. Эпоха первобытного человека. 2. Владычество маньчжур и китайцев с 668 г. по 1615 г., когда здесь в течение 947 лет процветала культура. 3. Период запустения с 1615 г. по 1861 г.. 4. Эпоха присоединения территории к России.

Выявленная Ф.Ф. Буссе география приморских городищ позволила исследователю высказать мысль о том, что средневековые памятники долины р. Усури принадлежали одному политическому объединению, западной границей которого служил водораздел рек Усури и Арсеньевка. Позднее, уже в начале XX в., эта идея прозвучала вновь, но уже из уст В.Э. Шавкунова, попытавшегося под-

твердить ее новыми археологическими материалами [Шавкунов В.Э., 2005, с. 27–32].

Значительную лепту в изучение Бохая и тунгусо-маньчжурских этносов внесли востоковеды А.В. Гребенщиков, Ив. Захаров, А.М. Позднеев (1851–1920), чьими материалами, хранящимися в фондах Института восточных рукописей РАН, до сих пор активно пользуются тунгусо-маньчжуроведы.

Многое для популяризации средневековой истории Приморья сделал редактор газеты «Дальний Восток» В.А. Панов, активно публиковавший результаты археологических изысканий, переводные материалы и всячески способствовавший поиску источников по истории края.

Особого внимания заслуживают исследования В.К. Арсеньева (1872–1930), кадрового военного, прибывшего в 1900 г. молодым офицером во Владивосток для прохождения службы в качестве начальника охотничьей команды с целью изучения дальневосточной территории. Им не только обследованы во время экспедиций древние и средневековые памятники Приморья, составлена карта, намечены пути передвижения, дороги, но и предложена периодизация археологических памятников. В.К. Арсеньев — единственный исследователь, прошедший 12 экспедиций по Дальнему Востоку и 25 раз пересекший горную страну Сихотэ-Алинь. Его маршруты охватили всю территорию Уссурийского края. В сложных условиях он выявил, сфотографировал, топографически заснял, измерил и описал 128 памятников старины.

Выполненные В.К. Арсеньевым работы позволили ученому создать на базе археологических материалов историческую периодизацию региона: эпоха первобытного человека — царство Бохая с VIII по XII вв.; Цзиньская (Золотая) империя до конца XIV столетия; период запустения до XIX в.

Надо сказать, что первый этап изучения Бохая пришелся на очень сложный период российской истории (освоение окраинных территорий, русско-японская война, первая мировая война, смена государственной власти, гражданская война, интервенция, индустриализация, коллективизация), но несмотря на физические лишения, политические и социальные катаклизмы, лучшие умы России, совершив гражданский и научный подвиг, заложили все основные направления в области бохаведения и воссоздали историческую канву первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай.

Итогами первого этапа российского бохаведения следует признать: выявление, перевод и введение в научный оборот основного корпуса китайских источников по Бохаю; сбор русскоязычной литературы по средневековью Дальнего Востока, концентрировавшейся и сохранившейся преимущественно в библиотеке и архиве Общества изучения Амурского края; попытки корреляции китайских источников и археологических материалов, определение географических границ Бохая, куда, что чрезвычайно важно, впервые было включено российское Приморье; систематизация и хронологизация истории Бохая от возникновения до его падения, характеристика государственной структуры и административной системы (пять столиц, 62 округа, 15 областей), со всей очевидностью показывающей самостоятельный статус Бохая среди дальневосточных государственных объединений; подробное освещение дипломатической деятельности и взаимоотношений Бохая с Китаем и Японией (с указанием количества посольств и торговых миссий); открытие бохайских археологических памятников в При-

морье; начало аналитических историко-археологических разработок периодизационных систем.

Как видим, русская интеллигенция заложила добротную базу для последующего изучения Бохая, обозначив все основные направления и показав перспективы исследований. Но история распорядилась по-другому. После таких достижений наступило двадцатилетнее затишье, принять эстафету было некому...

Второй (археологический) этап изучения государства Бохай начинается в 1953 г., с момента организации А.П. Окладниковым Дальневосточной археологической экспедиции и планомерного научного исследования археологии Приморья и Приамурья с целью установления истории заселения региона в древности и средневековье. За короткий срок ДВАЭ разведывательными маршрутами охватила «район Владивостока, острова между побережьем Кореи и Владивостоком, прибрежные территории от Посыета до устья Суйфуна, долину реки Майхэ и бухты Тетюхе, Находка, район г. Артема» [Ларичев, 1970, с. 34].

Блестящая и по тому времени полная характеристика предшествующих исследований, опубликованная Алексеем Павловичем в 1959 г. в книге «Далекое прошлое Приморья», до сих пор не знает себе равных. Но главное, исследователем разработана периодизация археологических культур, которая и ныне не претерпела принципиальных изменений. Особое внимание ученый уделил письменным источникам, введенным в научный оборот русскими востоковедами, что позволило экстраполировать археологические материалы в исторические события. Так, все средневековые памятники Дальнего Востока были сопоставлены с конкретными историческими этносами и государствами, известными из китайских летописей и династийных хроник. Все этнокультурные разработки А.П. Окладникова выдержали проверку временем. Выделенные им археологические культуры — мохэская, бохайская, чжурчжэньские — до сих пор изучаются специалистами в рамках проблем, поставленных ученым, главной среди которых остается этногенез и история древних и средневековых тунгусо-маньчжуров.

Яркая, неординарная фигура Окладникова притягивала к себе талантливую молодежь, самозабвенно изучавшую древности дальневосточных территорий. В первую очередь это были востоковеды-китаисты М.В. Воробьев, В.Е. Ларичев и Э.В. Шавкунов — выпускники Ленинградского государственного университета, воспитанные на классических традициях русской ориенталистики. Жизнь разбросала их по разным географическим точкам: М.В. Воробьев представлял питерское востоковедение, В.Е. Ларичев — новосибирское, Э.В. Шавкунов — владивостокское.

М.В. Воробьев, безусловно, сыграл исключительную роль в изучении дальневосточного средневековья. Он был старше своих товарищей: участник Великой Отечественной войны, коренной петербуржец, дядя которого в былые времена служил водителем в Зимнем дворце, отзывчивый, но требовательный человек, сумевший превозмочь сложные (почти трагические) жизненные коллизии и состоять как ученый мирового класса. Превосходный и тонкий знаток всех письменных и археологических источников, он опубликовал серию монографий по истории стран Восточной Азии, ставших настольными книгами для всех современных специалистов [Воробьев, 1961, 1975, 1983, 1994]. Им впервые в отечественной историографии введены в научный оборот публикации китайских исто-

риков и археологов, дан профессиональный их анализ и оценка в контексте приморских археологических объектов, в раскопках которых он принимал личное участие. Трудно назвать проблему, какой учёный не касался в своих работах, но среди приоритетных направлений следует отметить исследования по этногенезу тунгусо-маньчжуров, истории возникновения Бохая, дипломатическим отношениям, этнокультурным связям. Кроме того, им собрана по письменным источникам вся информация о тунгусо-маньчжурских, тюркских, палеоазиатских и монгольских этносах, начиная от их происхождения и заканчивая историческими судьбами. Ко всем проблемам исследователь подходил не просто как востоковед, знающий языки — китайский, корейский, японский, а как историк, способный объективно и мастерски анализировать фактологический материал. И в этом плане он, видимо, был «последним из могикан».

Не менее значительный вклад в дальневосточную медиевистику внёс другой ученик А.П. Окладникова — В.Е. Ларичев, не только обнаруживший считавшиеся утраченными дневники архимандрита Палладия (Кафарова) и раскрывший «тайну каменной черепахи», но, главное, организовавший перевод и подготовивший к публикации на русском языке с комментариями цикл исторических источников: «История Золотой империи», «История Железной империи», «История небесной истории», «Маньвэнь лао дан. Старый архив на маньчжурском языке». Кроме того, не один десяток лет им выпускалась серия «История и культура Востока», где публиковались статьи и монографии по археологии Китая, Монголии, Японии, Кореи, Сибири и Дальнего Востока, в том числе материалы бохайских памятников [Ларичев, 1963, № 1, с. 114–122]. В результате современные исследователи, занимающиеся дальневосточной медиевистикой, получили доступ к историческим источникам, раскрывающим пространственный и временной диапазон событий тех времён, что открывало перспективы выхода на новый уровень исследований.

Нельзя не отметить и то, что В.Е. Ларичев сорок лет руководил сектором «История и археология стран зарубежного Востока» (1970–2011), подготовившим сибирское поколение востоковедов, ныне работающих в науке.

Своего третьего ученика — Э.В. Шавкунова А.П. Окладников определил в 1955 г. после окончания университета во Владивосток для изучения дальневосточного средневековья, обеспечив китайскими источниками по Бохаю (передано не менее десяти цзюаней) и археологическими наработками. В 1962 г. Э.В. Шавкуновым была защищена кандидатская диссертация «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье», а в 1968 г. издана монография с аналогичным названием. Перечитывая этот труд и последующие работы исследователя, понимаешь, какие фундаментальные задачи А.П. Окладников поставил перед своим учеником. Часть из них Э.В. Шавкунов сумел выполнить. Тщательный анализ письменных источников позволил исследователю обрисовать этнополитическую обстановку в азиатском регионе в I тыс. н.э. и показать исторический фон возникновения государства Бохай, его территориальные границы и количество населения, указав, со ссылкой на китайского ученого Цзинь Юйфу, что общее количество хозяйственных дворов в Бохае достигало 100 тыс., а численность войска — более 10 тыс. человек. Эта разработка в обновленном виде используется в разных изданиях до сих пор [История Сибири, 1968, с. 313–320; Государство Бохай, 1994; и др.].

Несмотря на ограниченное число открытых в Приморье бохайских памятников и незначительные площади раскопок, Э.В. Шавкунов верно определил бохайские археологические признаки в черепице, фортификации, погребальном обряде, т.е. приступил к выделению бохайской археологической культуры. Следует заметить, что в 50-е годы XX в. полевой комитет Института археологии внимательно следил за молодыми археологами, оказывая им разностороннюю методическую помощь (заслуга Л.А. Евтюховой, лично читавшей полевые отчеты и оставлявшей карандашные комментарии на полях по поводу определения «школ» поливной керамики и датировок). Это было особенно важно для Э.В. Шавкунова — востоковеда, не имевшего должной археологической подготовки.

Принципиальным научным достижением Э.В. Шавкунова является определение по археологическому материалу племен мохэ как основного (титульного) населения Бохая. В то время исследователь, пройдя разведками в составе экспедиции А.П. Окладникова многие мохэские памятники, прекрасно видел в бохайском археологическом материале мохэский пласт [Шавкунов Э.В., 1968; История Сибири, 1968]. К сожалению, позднее он втянулся в непродуктивный спор об «истинных и неистинных чжурчжэнях», что основательно запутало не только его, но и некоторых его последователей и отвлекло от решения основных проблем дальневосточной археологии, в частности происхождения, корреляции и хронологии средневековых культур региона.

Э.В. Шавкунов, вслед за А.П. Окладниковым, определяя географические границы Бохая, включал в него всю территорию Приморья. Ссылаясь на работу китайского исследователя Цзинь Юйфу, он писал: «Во времена наибольшего расцвета Бохая его территория достигала внушительных размеров. Северо-западной границей Бохая, по всей вероятности, служило нижнее и среднее течение р. Сунгари до ее слияния с р. Нонни, откуда граница шла прямо на юг до п-ва Ляодун, поворачивая затем на восток вдоль морского побережья до устья р. Амноккана, и дальше шла на восток, по суше, захватывая часть территории Северной Кореи. На востоке границей служило побережье Японского моря. Ближайшими соседями Бохая на севере и северо-востоке были племена хэйшуй мохэ, шивей, сыму, кушо или куюе, цзюаньли и моицзе. Часть этих племен впоследствии была включена в состав Бохая» [История Сибири, 1968, с. 317].

Заслугой Э.В. Шавкунова как востоковеда является выявление родо-племенных названий мохэ и современных тунгусо-маньчжурских этносов — нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, маньчжур, а также обнаружение бохайских слов на страницах «Синь Тан шу» [Шавкунов, Сэм, 1960, с. 50; История Сибири, 1968, с. 317]. К сожалению, эти изыскания не получили продолжения.

Э.В. Шавкуновым по письменным источникам была разработана политико-административная карта Бохая. Он писал: «...из пятнадцати бохайских округов девять находились либо полностью, либо частично на территории советского Дальнего Востока, причем большинство этих округов было учреждено на территории того или иного племенного объединения, а на некоторые округа к тому же было перенесено имя этих племён. К числу последних округов относятся Тели, Моцзе, Шуайбинь. Земли племени юйлоу были преобразованы в два округа — Динли и Айбянь. Округа Аньюань и Хуайюань были учреждены на землях пле-

мени юеси, а округ Дунпин — на землях племени фуне» [Шавкунов, 1968, с. 62]. Впоследствии ученики Э.В. Шавкунова пересмотрели данное положение, забыв сделать необходимый анализ археологических объектов по культурно-значимым признакам и датировкам. В результате география бохайских памятников, как шагреновая кожа, сжалась до Южного, Центрального, отчасти Западного Приморья.

Надо сказать, что Э.В. Шавкунову крупно повезло при его первых самостоятельных шагах в приморской археологии. Он открыл все типы системно взаимосвязанных между собой бохайских памятников — городищ, поселений, некрополей, культовых объектов, что открывало широкие возможности для понимания бохайской культуры Приморья и ее места в средневековой истории края. Но смена научных интересов и некоторая самоизоляция в исследованиях (ослабление контактов и обсуждение разработок в археологических центрах других территорий) отвлекли исследователя от решения этой насущной проблемы. К этому времени Э.В. Шавкунов уже возглавлял сектор археологии, разделенный с декабря 1972 г. на два самостоятельных подразделения: сектор средневековой археологии и сектор первобытной археологии. Бохаеведческое направление окончательно перешло в руки его учеников, благополучно продолживших исследования.

Большинство стационарных раскопок бохайских памятников Приморья после 1972 г. связано с именем В.И. Болдина, о чем свидетельствуют более трех десятков полевых отчетов [Болдин, 1975, № 5646; 1977, № 6748; 1981, № 8560; и др.]. Полученные исследователем археологические материалы позволили существенно продвинуть изучение бохаеведческих проблем, начиная от разработок классификационных характеристик материала и заканчивая этногенетическими построениями. В 1978 г. на основании анализа керамики в бохайской культуре были выделены две группы памятников — николаевская, отражавшая керамические традиции троичной группы мохэ и амурских чжурчжэней, и новогордеевская, отличавшиеся своеобразием лепной посуды, что связывалось с их разным этническим происхождением; указывалось, что объединяющей эти две бохайские группы памятников является круговая ремесленная керамика, во многом аналогичная посуде культуры амурских чжурчжэней. В это же время в керамике бохайской культуры по технике изготовления было выделено три категории: лепная, доработанная на круге и круговая (гончарная), имевшие разное происхождение [Дьякова, 1978, с. 25; Болдин, Дьякова, 1979, с. 114–119; Дьякова, 1984, с. 99–113]. Напомним, что в то время не приветствовались ссылки на присутствие в археологических материалах танских традиций, поэтому исследователи при проведении аналогий либо не выходили за пределы Амуро-Приморского региона, либо ограничивались фразами «на обширных территориях Дальнего Востока», «в земледельческих культурах» [Дьякова, 1984].

Основное внимание В.И. Болдина кроме раскопок было сосредоточено на изучении хозяйства бохайцев и чжурчжэней. Этой теме исследователь посвятил ряд статей и защитил в 1986 г. кандидатскую диссертацию «Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчжэней», предложив классификацию земледельческих орудий и установив по остеологическому материалу состав разводимых бохайцами домашних животных: лошадей, свиней, собак, крупный рогатый скот [Болдин, 1976].

Принципиальное значение для разработки периодизации бохайской культуры имела стратиграфическая корректировка ряда памятников и выявление строительных горизонтов, что впоследствии позволило не только установить стандартный набор бохайской керамики для разных хронологических этапов культуры, но и наметить хронологию памятников [Болдин, Семениченко, 1978; Болдин, 1990; Болдин, Дьякова, Сидоренко, 1990; Дьякова, 1990; Дьякова, 1993].

Разработку общей характеристики бохайской культуры Э.В. Шавкунов поручил выпускнице МГУ, этнографу по специализации Л.Е. Семениченко, несколько лет стационарно исследовавшей Новогордеевское, Старореческое городища, Новогордеевское поселение. В результате ею была подготовлена кандидатская диссертация «Материальная культура населения Приморья в период государства Бохай (VIII–X вв.)», в которой содержалась подробная классификация археологических материалов, подтверждающая все основные положения Э.В. Шавкунова: «Культура населения Приморья в период государства Бохай развивалась на основе культуры живших здесь мохэских племен, унаследовавших и их локальные различия, которые были столь устойчивы, что сохранились не только на раннем, но и позднем этапе» [Семениченко, 1981, с. 21]. Кроме того, ее исследования подтвердили выделение двух групп бохайских памятников — николаевской и новогордеевской. В первой прослежены мохэские традиции Приамурья (Николаевское-2, Марьяновское городище, Новопокровское погребение), вторая — результат контактов с когурёсцами в виде своеобразного локального варианта мохэской культуры. К тому же она первой обратила внимание на многослойность Новогордеевского городища. Вскоре после защиты диссертации Л.Е. Семениченко поменяла место жительства и к бохаеведческой проблеме больше не обращалась.

Исследованием бронзовых и железных изделий занимался В.Д. Ленков, установивший влияние южносибирских и приамурских традиций на бохайскую металлургию [Ленков, 1974]. Позднее к изучению этой проблемы присоединилась Л.В. Конькова, выявившая по спектральному анализу состав бохайских бронз [Конькова, 1989, с. 60–64].

В целом второй этап исследования Бохая оказался благоприятным для развития науки. В этот период было создано два научно-исследовательских института. В 1961 г. в новосибирском академгородке А.П. Окладников организовал Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН), а через десять лет, в 1971 г. А.И. Крушановым был создан во Владивостоке Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. В каждом из них работали специализированные секторы и лаборатории, сотрудники которых целенаправленно занимались проблемами дальневосточной медиевистики и ежегодно осуществляли экспедиционные исследования. В результате новосибирским Институтом была издана «История Сибири», где в первом томе бохайской проблеме посвящен специальный раздел, положения которого не устарели до сих пор и имеют не только историографическое значение. Но основные результаты в области бохаеведения были получены во владивостокском институте. Следует назвать три обобщающие работы: «История Дальнего Востока СССР (с древнейших времен до XVII века)», опубликованная в 1989 г. в издательстве «Наука», где государству Бохай посвя-

щена отдельная глава «Приморье в составе государства Бохай (698–926), предлагающая квинтэссенцию всех достижений в этой области; монографию О.В. Дьяковой «Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока», вышедшую в 1993 г. в издательстве «Дальнаука» в трех частях, где бохайской проблеме посвящен раздел во введении с обоснованием археологических признаков бохайской культуры, предложена методологическая разработка структуры средневековых культур, главы с характеристикой бохайской керамики Приморья и Северо-Восточного Китая, в которых обоснованы три традиции, сформировавшие бохайскую культуру — мохэская, представляющая основное население государства, когуреская, представляющая ремесленно-государственный пласт, и танская, отождествляющая торгово-ремесленные контакты; коллективную монографию «Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока», вышедшую под редакцией Э.В. Шавкунова в 1994 г. в издательстве «Наука». В коллективной монографии помимо обновленных вариантов разделов «Этнополитическая обстановка на Дальнем Востоке накануне образования государства Бохай (V–VII вв.), «Очерк политической истории государства Бохай», «Административно-территориальное устройство Бохая» предложены разработки по классификации бохайских памятников (Э.В. Шавкунов, В.И. Болдин, А.Л. Ивлиев), ремесленному производству (черный металл — В.Д. Ленков, керамика — О.В. Дьякова, стекло — Г.Л. Силантьев, цветной металл — Л.В. Конькова, поливная керамика — Е.И. Гельман, домашнее ремесло — Н.В. Лещенко, вооружение — В.Э. Шавкунов), показавшие всю мощь бохайского государства и его роль в регионе. По задумке Э.В. Шавкунова коллективная монография по Бохаю была должна стать первой книгой в серии «Очерки истории средневековых государств народов Дальнего Востока России и смежных зон Азии (VIII–XIII вв.)». Однако в силу сложившихся обстоятельств Э.В. Шавкунов перестал возглавлять сектор и вскоре покинул институт, а планировавшиеся тома по империям Ляо и Цзинь так и остались неосуществленным проектом. Следующей задачей после создания источниковедческой базы должно было стать пошаговое восстановление по археологическим материалам конкретной истории приморской части Бохая, но оно так и не состоялось...

Третий этап начинается с 90-х годов прошлого века и связан с кардинальными изменениями, произошедшими в стране. Этот период, по китайскому образцу, можно назвать «периодом печали и скорби». Дальневосточное пограничье перестало быть закрытой территорией, началось активное международное сотрудничество с разного рода иностранными организациями и фондами при почти полном отсутствии российского государственного финансирования науки. На арену вышли креативные менеджеры, проводившие экспедиционные исследования по поставленным заказчикам программам. Однако в данном процессе были не только отрицательные, но и положительные моменты. Во-первых, материалы международных экспедиций в виде научных отчетов активно и достаточно качественно публиковались на двух языках [Археологические памятники..., 2007, 2010; «Интеграция» на Краскинском городище, 2004; *Никитин, Чжун Сук Бэ*, 2009; *Никитин, Чжун Сук Бэ, Пискарева*, 2009; и др.]. Во-вторых, обсуждение полученных материалов в России и знакомство с бохайскими материалами сопредельных стран значительно расширяло кругозор и помогало многопланово осмысливать проблемы как иностранным, так и российским участникам работ.

В-третьих, появилась возможность активно использовать техническое оборудование, позволявшее без уничтожения культурного слоя проводить планиграфические и другие исследования памятников. В-четвертых, несмотря на многочисленные сложности, часть научных сотрудников по-прежнему продолжала работать над фундаментальными проблемами, и есть надежда, что российские бохаведы, осмыслив и проанализировав полученные за последние десятилетия наработки, смогут выйти на новый уровень исследований, достойно завершив третий этап созданием конкретной истории российского Приморья.

Глава 2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОХАЯ

2.1. Методология

Далеко не каждому этносу выпадает удача быть объективно оцененным в истории. Особенно это относится к этносам дальневосточных территорий. В истории повезло гуннам, тюркам, монголам, поскольку, «выплеснувшись» из «азиатского котла народов», они несколько раз в средневековую эпоху перекроили политическую карту мира. Гораздо меньше повезло этносам, вытолкнутым из того же «азиатского котла», но двинувшимся не на запад, а на восток и северо-восток азиатского материка. Они мало известны даже востоковедам, так как внимание последних приковано преимущественно к Китаю, Японии, Корее. Остальные этносы Восточной Азии еще со времен китайских династийных хроник (где они обозначены как «дун-и») определены как периферийные и тем самым оттеснены на задворки истории. Изначально в число экзотических периферийных этносов попали и средневековые тунгусо-маньчжуры: мохэсцы, бохайцы, чжурчжэни, создавшие государство Бохай (698–926), империю Цзинь (1115–1234) и государство Восточное Ся (1217–1234). Заметим, что Китай дважды оказывался под их властью: сначала под чжурчжэньским владычеством, а позднее — под маньчжурским. Последнее длилось особенно долго, вплоть до Синьхайской революции 1911 г.

Чтобы восполнить этот пробел в истории, касающийся государства Бохай, необходимо прежде всего создать единый свод бохайских археологических памятников, обнаруженных в Китае, России и Северной Корее. Географически бохайские памятники приурочены преимущественно к бассейну Амура (кит. назв. Хэйлунцзян), побережью Японского моря, Приханкайской территории (по оз. Ханка проходит граница КНР и России), бассейну р. Туманная (кор. Туманган), вдоль границы КНДР и Приморского края России, т.е. сосредоточены на приграничных территориях России, Китая и Северной Кореи, образуя единый анклав. Но тут же встает вопрос: каким образом можно выделить бохайские памятники из множества разнообразных археологических объектов, да еще на такой огромной территории? Существуют ли объективные критерии? Для решения этой проблемы автором разработан понятийный аппарат и предложена методология исследования, используемые в работе. Поскольку речь идет о средневековых тунгусо-маньчжурах, где бохайцы являются одним из типологических звеньев, необходимо определить, что понимается под термином *культурная общность*. *Культурная общность* — это генетически родственные археологические культуры,

восходящие к одному предку, связанные единым ареалом формирования и развития во времени и имеющие общую историческую судьбу. В нашем случае речь пойдет о мохэской культурной общности, куда входят мохэская, бохайская, чжурчжэньская археологические культуры (амурских и приморских чжурчжэней, включающих памятники империи Цзинь и памятники государства Восточное Ся). Время функционирования мохэской культурной общности — I — сер. II тыс. н.э. Решение поставленной задачи требует обязательного установления генетической связи указанных археологических культур через этнические (этнографические) признаки. Для этого автором разработана структура средневековой археологической культуры, включающая три блока признаков: *aborигенные, государственные (региональные) и эпохальные*.

К числу *aborигенных (этнических)* признаков мы относим те, которые отражают этнические (aborигенные) традиции, позволяющие реконструировать не только культурогенез, но и этногенез, т.е. устанавливать генетическое родство. В первую очередь к ним относятся лепная глиняная посуда, изготовленная самими носителями культуры, традиционные aborigenные украшения, например серьги, пояса, реже наконечники стрел, погребальный обряд, иногда жилища. Именно этот набор признаков может использоваться для культурной диагностики и отражать этническую специфику археологической культуры.

К числу *государственных (региональных)* признаков мы относим вещи ремесленного производства, в том числе круговую глиняную посуду. Их распространение связано с действием производственных центров (мастерских, «школ», «печей», «семейств» и т.д.), сферы влияния которых редко выходят за пределы официальных политических границ государственных объединений. Следовательно, этот блок признаков должен использоваться для маркировки государства и его торгово-экономических связей. Изделия таких категорий могут базироваться как на местных, так и на чужих традициях. Они служат источником для реконструкции политико-экономических и культурных связей, но малоинформативны для установления этногенетических процессов. Причем формы сосудов и декоративное оформление таких изделий могут меняться в зависимости от «престижности», «моды» и вкусов властителей, но технико-технологическая традиция, как правило, отличается стабильностью.

К *эпохальным признакам* относятся те элементы культуры, которые распространяются шире определенного географического ареала или политического региона и маркируют эпоху в целом. К таким признакам относятся, например, пояса тюркского типа, монгольские наконечники стрел, определенные типы круговой керамики, орнаментальные композиции, многие украшения и т.д. Они являются хорошим источником для датировки комплексов и культур, позволяют устанавливать ход военных, экономических, религиозных событий и контактов, но не годятся для этногенетических реконструкций [Дьякова, 1989; 1993, с. 21].

Что такое бохайская культура с точки зрения археологии и истории? В историческом плане это племена сумо-мохэ, создавшие в 698 г. мохэское государство Чжэнь, переименованное в 712 г. в Бохай. Государство было полиэтническим. Кроме палеоазиатов в него вошли когурёсцы и китайцы. В археологическом плане это мохэская культура периода государства Бохай, содержащая aborigenные, государственные и эпохальные блоки признаков.

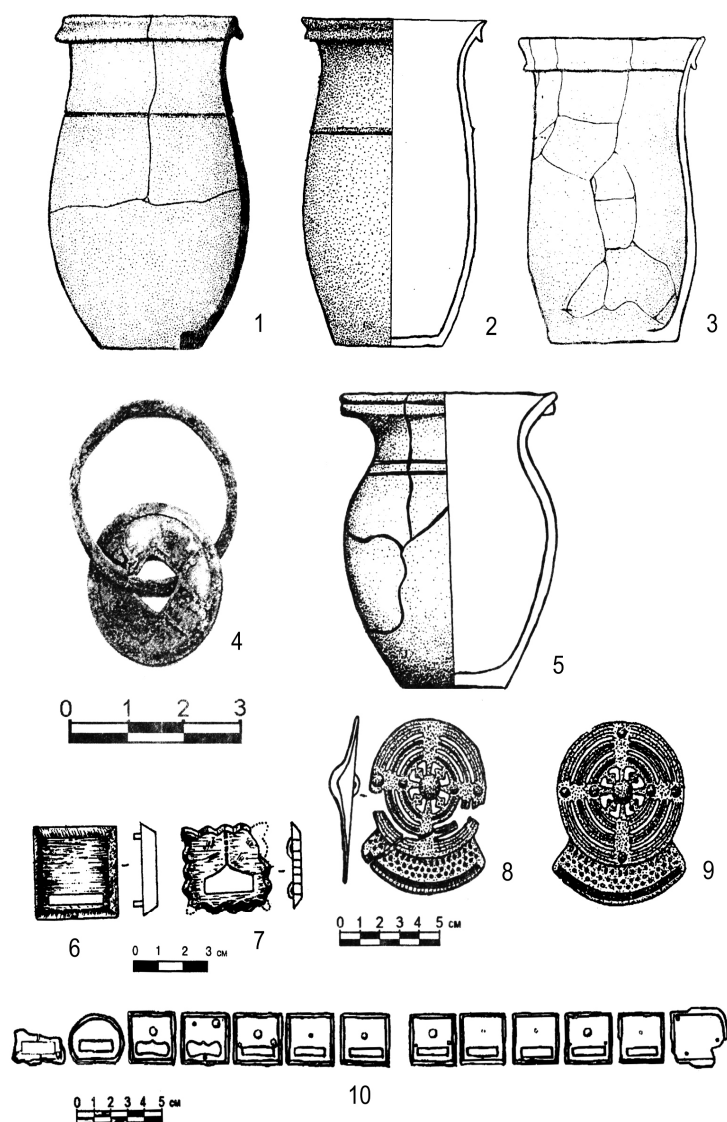

Рис. 1.

Аборигенные (мохэские) маркеры бохайской культуры. Некрополь Монастырка-3 (Дальнегорский район Приморского края): 1, 3 — мохэский сосуд (керамика), погребение № 37; 2 — мохэский сосуд (керамика), погребение № 69; 4 — комбинированные серьги (бронза), погребение № 72/73; 5 — мохэский сосуд (керамика), погребение № 72/73; 6, 7 — бляшка тюркского типа (бронза), погребение № 33; 8 — бляшка амурского типа (бронза), погребение № 72/73; 9 — бляшка амурского типа (бронза), погребение № 69; 10 — поясные бляшки тюркского типа (бронза), погребение № 27 (по: Дьякова, 1998)

Аборигенные маркеры мохэской культуры (этнографический комплекс) включают (рис. 1):

- лепную посуду мохэского типа (категория I, тип 1),
- комбинированные серьги,

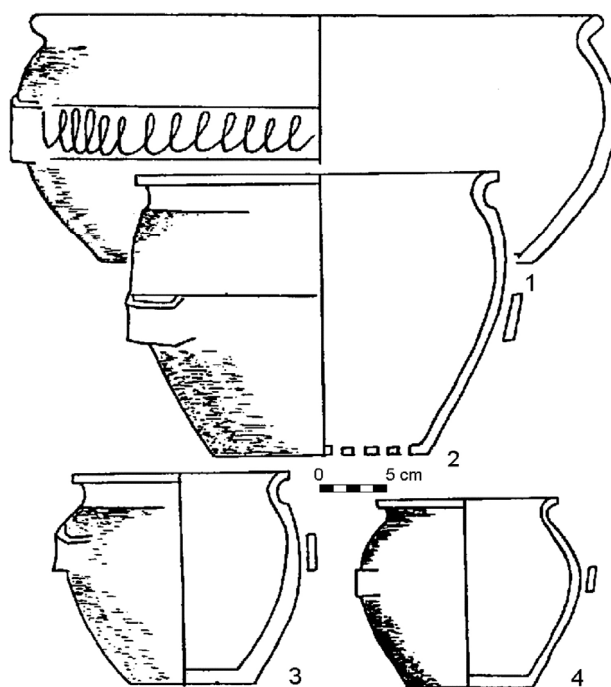

Рис. 2.

Бохайские горшки когурёского происхождения (категория II, тип 2)

- амурский пояс,
- грунтовые захоронения по обряду ингумации, кремации, вторичных.

Государственные маркеры таковы:

— в керамике — бохайские, доработанные на круге сосуды когурёского происхождения (категория II, тип 2), пароварки, сосуды с ленточными ручками (рис. 2);

— в градостроительстве — внедрение долинного типа городищ квадратной (с вариантами) формы;

— в архитектуре — появление колоннадных зданий определенных строительных модулей, концевой черепицы с изображением лотоса;

— в фортификации — каменно-почвенные валы с каменной облицовкой, ворота с привратным валом (захабом), каменные крепости на отдельных сопках когурёского происхождения;

— в культовых атрибутах — элементы мировых религий буддизма и христианства [Шавкунов Э.В., 1968; Дьякова, 1993, 1998, 2009; Ивлиев, 2006].

Эпохальные маркеры — круговая сероглиняная посуда танского происхождения, предметы вооружения, тюркские пояса и прочий импорт (рис. 1, 6–7, 10).

Как видим, государственными бохайскими маркерами являются ремесленные артефакты и сооружения когурёского происхождения, архитектурные детали танского стиля. Этот блок признаков работает в первую очередь для российского Приморья и северо-востока Китая, особенно в начальный период Бохая, позволяя за счёт появления в мохэской культуре когурёского пласта отделять мохэские

догосударственные памятники от государственных бохайских. Государственный блок внедряется в мохэскую культуру, развивается и часто вытесняет аборигенный (этнический) блок, например лепную посуду. Сложнее разобраться с бохайскими памятниками Янбанского автономного округа Китая и северо-восточной территории КНДР, где когурёский пласт присутствовал изначально. Но в этом случае на помощь приходит эпохальный блок признаков, в первую очередь ассортимент круговой керамики танских традиций, за счет которого можно отделить позднекогурёские памятники от раннебохайских.

2.2. Памятники Северо-Восточного Китая

Археологические объекты тунгусо-маньчжурского государства Бохай расположены на территориях трех государств: России (Дальний Восток), КНДР (север-восток) и Китая (северо-восток — Дунбэй или по названию проживавших там этносов — Маньчжурия). Основной конгломерат археологических памятников (более 200) сосредоточен в северо-восточных провинциях Китая — Цзилинь, Хэйлунцзян, несколько памятников отмечено в Ляонине. Бохайские памятники обследовались в КНР по специальной программе, целенаправленно, и с обязательным занесением в государственный реестр. Значительное число поселений, некрополей и городищ зафиксировано в российском Приморье, но общая сводка бохайских памятников не составлена до сих пор. Точных данных о численности бохайских памятников в Северной Корее тоже нет, но их явно не менее 20 и они тоже внесены в государственный реестр КНДР. Сложность выделения бохайских памятников на северо-востоке Кореи заключается в том, что информация о северокорейских памятниках Бохая публикуется корейскими и китайскими исследователями вместе с данными о памятниках Янбанского автономного округа Китая, что весьма затрудняет определение их местонахождения. К тому же на указанной территории когурёские и бохайские памятники далеко не всегда разграничимы по той причине, что после разгрома в 668 г. Китая государства Когурё его северо-восточная территория вместе с населением в 698 г. вошла в Бохай, и больших (маркирующих) изменений в материальной культуре населения не произошло.

В данной главе автором представлен единый свод бохайских археологических памятников с оценкой правомерности их включения в данную культуру и классификационная терминология, используемая в работе:

Лепные сосуды мохэского типа — вазы, горшки, банки с наlepным валиком под венчиком, с единой технико-технологической характеристикой, соотношением диаметра венчика и дна 1:2 (категория I, тип 1) [Дьякова, 1984, 1993].

Бохайские горшки когурёского происхождения, доработанные на круге и круговые, — широкие приземистые сосуды черно-коричневого, бурого, серо-коричневого цвета с плоским дном, выпуклым туловом, покатыми, но выделенными плечиками, переходящими в чуть вогнутую или вертикальную горловину, завершающуюся венчиком с валиком, напоминающим типично мохэский (категория II, тип 2) [Дьякова, 1984, 1993].

Круговая сероглиняная посуда танской традиции — горшки, вазы, кувшины, корчаги, корчажки, миски, чаши, крышки, котловидные сосуды, шаровидно-сферические сосуды, сосуды на ножках и другие с единой технико-технологической характеристикой (категория III) [Дьякова, 1993, с. 105–118]).

* * *

Для составления свода бохайских памятников Северо-Восточного Китая автором использованы следующие работы: Цзоу Лан. Хэйлунцзян хэган дицзюй гудай вэньхуа ицунь (Памятники древних культур в районе Хэган Хэйлунцзяна). — Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. — 149 с.; Чжэу Гочэнь, Цзинь Тайшунь, Ли Шотэ. Древние городища Бохай. — Харбин: Народное изд-во пров. Хэйлунцзян, 1996. — 314 с.; Хэйлунцзян чжэи. Вэньу чжэи (Описание провинции Хэйлунцзян. Описание памятников истории и культуры). — Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1994. — 498 с.; Чжао Хунгуан, Гань Чжигэн, Тань Инцзе, Сунь Сюжэнь. Хэйлунцзян цюйюй каогусяо (Археология района Хэйлунцзяна). Харбин, 1991. — 195 с.; Янь Ваньчжан. Исследование бохайского «Памятника принцессе Чжэнь Хуэй» // Издательство археология, 1956, № 2, с. 7–12; Лю Сяодун. Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзю (Исследование культуры Бохая с точки зрения археологических открытий). — Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. — 348 с.; Чжэи Бичжэ, Дань Хуаша, Сунь Сюжэнь. Муданьцзян чжун ся ю каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологической разведке в среднем и нижнем течении р. Муданьцзян) // Каогу. 1960. № 4. С. 26–28. В случае, если использовались дополнительные источники, ссылки на них приведены по конкретным памятникам.

Бохайские памятники провинции Цилинь (рис. 3)

Список бохайских памятников провинции Цилинь

1. Поселение Ляньсанькэн	2. Поселение Хулидун
3. Поселение Яотаньцзы	4. Поселение Сяютунь
5. Поселение Баньцзегоу	6. Поселение Бачжангоу
7. Поселение Синцзядяньтуньсибэй	8. Поселение Линьцзятаньцзы
9. Городище Нингъаньчэн	10. Поселение Шихуди
11. Городище Чэнлэнцзыбэйчэн	12. Городище Чэнлэнцзынаньчэн
13. Поселение Сяньшаньцунь	14. Городище Хоулицзятуньчэн
15. Могильник Сяогаолиму	16. Могильник Лаохэшэнь
17. Поселение Хуаньюйцюань	18. Могильник Чалиба
19. Поселение Янтуньдахаймэн	20. Поселение Лицзя
21. Поселение Дунтуаньшань	22. Поселение Паошоукоуцзы
23. Поселение Мацзятунь	24. Поселение Гуйгайшань
25. Кладбище Маоэршань	26. Поселение Даодэгоу
27. Поселение Люцзяцзы	28. Поселение Цидаохэцзы
29. Городище Сумичэн	30. Остатки строений Бэйтучэнцзы
31. Поселение Мааньши	32. Могильник Тайпинчуань
33. Могильник Сэшубэй	34. Поселение Миньчжуцунь

35. Городище Гонэйчэн
37. Поселение Вэйшахэ
39. Городище Линьчэн
41. Поселение Хэнаньтунь
43. Поселение Синьфанцзы
45. Пагода Линьгуанта
47. Поселение Юньань
49. Поселение Вэньцюань
51. Поселение Наньган
53. Городище Юйшучуань
55. Могильник Цяньдяньцзы
57. Поселение Лиянгоу
59. Городище Баома
61. Поселение Гаоличэншань
63. Поселение Дунцин
65. Городище Мацюаньцзы
67. Поселение Цингоуцзы
69. а) Поселение Синьсин;
б) Городище Синьсин
71. Горное городище Чэнцзышань
73. Остатки буддийского храма
в дер. Исиньцунь
75. Городище Аодунчэн
77. Поселение Шуаншэн
79. Городище Хэндаохэцзы
81. Городище Суньчуанькоу
83. Городище Шиху
85. Городище Хэйши
87. Поселение Эму
89. Городище Наньтайцзы
91. Поселение Данъюйган
93. Поселение Дашаньцзуйцзы
95. Городище Яодяньцзы
97. Горное городище Уфэншаньчэн
99. Поселение Синьсинцуньдун
101. а) горное городище Далицзы;
б) остатки строения в Чунши
103. Поселение Фушоутунь
105. Поселение Синьсинтунь
36. Могильник Мааньши
38. Поселение Линьцзян
40. Поселение Сигаоцзя
42. Остатки древних медных рудников
Цзясиньган
44. Печь для обжига кирпича Миньчжу
46. Городище Чанбай
48. Поселение Даин
50. Поселение Танхэкоу
52. Поселение Цзяньчангоумэнь
54. Поселение Цяньдяньцзы
56. Городище Дунтайцзы
58. Железоплавильня Синьань
60. Городище Саньдаобайхэ
62. Горное городище Янлянь
64. Остатки строения Дунцин
66. Поселение Цзингоу
68. Могильник Дунцин
70. Поселение Шибадаогоу
72. Поселение Юншэн
74. Могильник Людиншань
76. Поселение Бэйшаньцунь
78. «24 камня» в Цзяндуне
80. Горное городище Тунгоулин
82. «24 камня» в Гуаньди
84. Городище Цуньчуанькоу
86. Поселение Сунцзяган
88. Поселение Чжиань
90. Городище Дадяньцзы
92. Поселение Яодяньцзы
94. «24 камня» в Яодяньцзы
96. Поселение Цзяньчан
98. Поселение Юйминь
100. а) остатки строения на север от Чан-
сина
б) поселение Чансин
102. Поселение Даосин
104. Поселение Фуцзягоу
106. Погребение Чанжэнь

107. Городище Сигучэн
109. Горное городище Бацзяцзы
111. Могильник Хуйчжан
113. Горное городище Сунъюэшань
115. Поселение Лунъюань
117. Городище Гучэнли
119. Могильник Цаопин
121. Могильник Саньхэ
123. Горное городище Чуанькоу
125. Городище Синъань
127. Поселение Саньдаогоу
129. Городище Лунцюань
131. Поселение Синьтянь
133. Поселение Чэнбао
135. Городище Синлун
137. Городище Цзянбэй
139. Поселение Инби
141. Поселение Цигуань
143. Поселение Чжундадучуань
145. Поселение Хунъюнь
147. Городище Шичэн
149. Погребение в Бэйчэнцзы
151. Городище Мацюаньцзы
153. Могильник Мицзян
155. Городище Вэньтэхэбу
157. Поселение Хэкоутунь
159. Поселение Людаопао
161. Городище Шитоухэцзы
163. Поселение Янмулиньцзы
165. Городище Сяочэнцзы
167. Горное городище Таюаньдун-
наньшаньчэн
169. Остатки строения в Мадида
171. Погребение в Хулутуоугоу
173. Поселение Цаопинцунь
175. Поселение Цаомаодинцзы
108. Могильник Лунтоушань
110. Могильник Фудун
112. Поселение Хуйчжан
114. Поселение Гаочаньцунь
116. Поселение Луго
118. Поселение Дадун
120. Городище Гучэнли
122. Могильник Таньцянь
124. Могильник Лунцзинь
126. Поселение Хэбэй
128. Остатки строения в Синьтянь
130. См. 127
132. Городище Гаочэн
134. Могильник Фусин
136. Городище Муданьчуань
138. Могильник Инби
140. Городище Цигуань
142. Поселение Тяньцяолин
144. Остатки строения в Лотошань
146. Поселение Синьфу
148. Поселение Чжуаньцзялоуцунь
150. Остатки гончарной печи в Синьсин-
дун
152. Поселение Дунъюньдун
154. (Севернее) Городище Инъичэн; (юж-
нее) городище Балягньчэн
156. Памятников нет
158. а) городище Хэкоу,
б) могильник Хэкоу
160. Поселение Хэйдинцзы
162. Городище Сачичэн
164. Остатки буддийского храма Сыфан-
тоцзы
166. Остатки буддийского храма Дахуан-
гоу
168. Горное городище Нунпиншаньчэн
170. Городище Далюдаогоу
172. Городище Инчэнцзы
174. Горное городище Чэнцянлицзы
176. Погребение в Цаопин

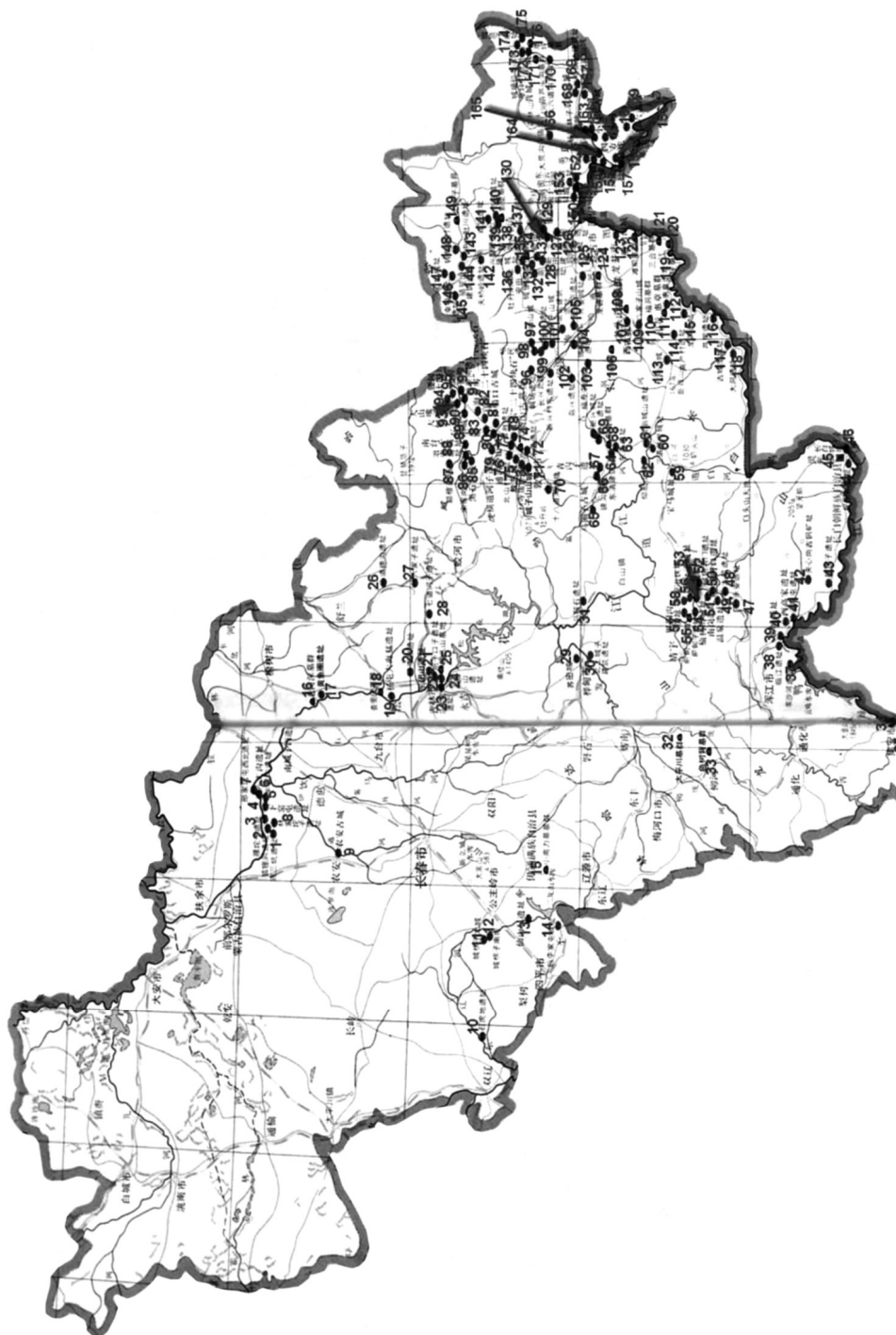

Рис. 3. Карта –схема археологических памятников государства Бохай (698–926) провинции Цилинь КНР

Поселение Ляньсанькэн. Расположено в центральной части района Ляньсанькэн-тунь волости Хуаньюйцюань-сян. Площадь равна приблизительно 1200 кв. м. Обнаружено в 1982 г., собраны фрагменты керамики с примесью песка, керамические грузила для рыболовных сетей из отмученной глины бурого цвета, фрагменты сосудов с наlepным валиком под венчиком (мохэский тип, категория 1, тип 1). На поверхности земли рассеяно довольно много двустворчатых раковин и рыбных костей [Хэйлунцзян чжи. Вэньу чжи, 1994, с. 498].

Вывод. В комплексе присутствует только аборигенный (мохэский) пласт культуры. К бохайской культуре памятник может быть отнесен условно.

Поселение Хулидун. Расположено в 50 м севернее района Хулидун-тунь деревни Ляньсанькэн-цунь волости Хуаньюйцюань-сян. Площадь равна приблизительно 2500 кв.м. Обнаружено в 1982 г., собраны фрагменты венчиков сероглиняной керамики (категория III) и фрагменты керамики с наlepным валиком бурого цвета с примесью мелкого песка (мохэский тип, категория 1, тип 1).

Вывод. В комплексе присутствует аборигенный мохэский пласт культуры (категория 1, тип 1) и керамика танских традиций (категория III). К бохайской культуре может быть отнесено условно.

Поселение Яотоцзы. Расположено в 500 м севернее района Лювэньцзю-тунь деревни Паньцзятоцзы-цунь волости Хуаньюйцюань-сян. Площадь памятника равна приблизительно 20 000 кв.м. Обнаружено в 1982 г. На поверхности земли рассеяна керамика черного цвета с примесью песка, керамика серого цвета (категория III), фрагменты керамики красно-бурого цвета. Собраны фрагменты керамики, украшенные наlepным валиком по тулову и по венчику (мохэский тип, категория I, тип 1), а также большое количество двустворчатых раковин и рыбных костей.

Вывод. В комплексе присутствуют пласты культуры: аборигенный (мохэский) (категория I, тип 1), государственный (круговая бурая керамика, категория II, тип 2) и танский (круговая сероглиняная посуда, категория III). Памятник соответствует бохайской культуре.

Поселение Сяютунь. Расположено в 100 м восточнее района Сяю-тунь деревни Цзяндунван-цунь волости Циншанькоу-сян. Памятник многослойный. Обнаружен материал эпох Бохая, Ляо, Цзинь. Исследование проводило уездное учреждение по охране памятников в 1985 г. Площадь памятника равна приблизительно 100 000 кв.м. Собран подъемный материал: венчики лепной посуды с наlepным валиком (мохэский тип, категория I, тип 1), изготовленные из отмученной глины серо-бурого цвета, и фрагменты круговой керамики серого цвета с примесью мелкого песка.

Вывод. В комплексе присутствуют пласты культуры аборигенный (мохэский, категория I, тип 1), государственный (круговая бурая керамика, категория II, тип 2) и танских традиций (круговая сероглиняная посуда, категория III). Памятник соответствует бохайской культуре.

Поселение Баньцзегоу. Расположено в 400 м северо-восточнее района Сяю-тунь деревни Цзяндунван-цунь волости Циншанькоу-сян. Площадь памятника равна приблизительно 2400 кв.м. Обнаружено в 1985 г. Материал представлен

большим количеством фрагментов лепной керамики с налепным валиком под венчиком, бурого цвета, в тесте примесь песка (мохэский тип, категория I, тип 1), а также небольшое количество сероглиняных черепков с неорнаментированной поверхностью и примесью в тесте мелкого песка (категория III).

Вывод. В комплексе присутствует аборигенный (мохэский) пласт культуры (категория I, тип 1) и керамика танских традиций (круговая сероглиняная посуда (категория III). Отсутствует бохайская керамика когурёского типа. Памятник может быть бохайским, если на нем присутствовали только мохэсцы и гончары танских традиций, а когуреские ремесленники по каким-то причинам не поставляли свой товар. Для окончательного заключения необходимы дополнительные изыскания.

Поселение Бачжангоу. Находится на северо-востоке от района Сяю-тунь деревни Цзяндунван-цунь волости Циншанькоу-сян. Исследовано в 1985 г. уездным учреждением по охране памятников. Площадь памятника равна приблизительно 3000 кв.м. Собрана круговая сероглиняная керамика (категория III) и фрагменты лепной посуды красно-бурого цвета с налепным валиком под венчиком (мохэский тип, категория I, тип 1).

Вывод. В комплексе присутствуют пласти культуры аборигенный (мохэский, категория I, тип 1) и танских традиций (круговая сероглиняная посуда, категория III). Отсутствует бохайская керамика когуреского типа. Памятник может быть бохайским, если на нем присутствовали только мохэсцы и гончары танских традиций, а когуреские ремесленники по каким-то причинам не поставляли свой товар. Для окончательного заключения необходимы дополнительные изыскания.

Поселение Синцзядяньтуньсибэй. Расположено в 300 м северо-западнее района Синцзядянь-тунь деревни Циншанькоу-цунь волости Циншанькоу-сян. Обнаружено в 1985 г. Северная и западная части поселения разрушены оврагом, остальную территорию занимает лесной массив.

Вывод. Памятник может быть условно отнесен к бохайской культуре. Требуются дополнительные изыскания.

Поселение Линьцзятоцзы. Расположено на северо-западе района Линьцзятоцзы-тунь деревни Люлибань-цунь волости Хуаньцзяо-сян. Памятник многослойный, представлен эпохой бронзы и периодами династии Хань и государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1984 г. Площадь памятника равна приблизительно 3000 кв.м. Собран материал: фрагменты лепного горшка, треножника, глиняного треножника типа «Ли» с примесью в тесте крупного песка, фрагменты чаши, кувшина, красной крашеной керамики, фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом, а также фрагменты керамики с примесью в тесте мелкого песка и орнаментом в виде прочерченной линии, фрагменты венчиков с налепным валиком (мохэский тип, категория I, тип 1).

Вывод. В комплексе присутствует только аборигенный (мохэский) пласт культуры. К бохайской культуре может быть отнесено условно.

Городище Нунъаньчэн. Расположено в уездном городе Нунъань. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь, Юань,

Цин. Исследован в 1984 г. уездным учреждением по охране памятников. В плане городище образует квадрат. Стены построены из утрамбованного грунта (по моему определению способ ханту). Периметр городища составляет 3840 м. В центре каждой стены прорезаны ворота. На востоке, западе и юге обнаружены дополнительные боковые воротца. По углам городища расположены угловые башни. Высота их фундамента достигает 7 м. Ширина фундамента стены 30 м, высота стены 0,5–3 м. Южная и западная стены практически целиком разрушены современной застройкой. Снаружи городища расположена пагода эпохи Ляо. Ранее здесь находили фундаменты построек, зольники, могилы с каменными гробами. Во время раскопок памятника найдены правительственные печати, бронзовые зеркала, бронзовые шахматы, бронзовые монеты, керамические изделия, накладные украшения из керамики, нефритовые изделия, предметы из железа, фарфоровые изделия (100 шт.). По мнению китайских исследователей здесь располагался Бохайский областной центр фуюев и Ляоский областной центр хуанлунов, в эпоху Цзинь памятник назывался Лунчжоу. В настоящее время памятник значительно разрушен.

Вывод. Несмотря на ограниченность материала можно согласиться с мнением китайских исследователей о том, что здесь располагался Бохайский областной центр фуюев.

Поселение Шихуди. Расположено в 100 м западнее района Чжанцзяюфан-тунь деревни Таньяо-цунь поселка Люцзяпфньцзы. Памятник многослойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Площадь поселения равна приблизительно 1500 кв.м. В настоящее время территория памятника превращена в пашню. Собраны фрагменты керамики желто-бурого цвета из отмученной глины с волнообразным горизонтально-прочерченным орнаментом (мохэский тип, найфельская группа, категория I, тип 1), фрагменты круговой сероглиняной керамики из отмученной глины (категория III) и фрагменты фарфора с глазурью цвета слоновой кости.

Вывод. Собранные на памятнике артефакты позволяют отнести памятник к бохайским и уточнить, что он принадлежал найфельдским мохэ, которые сопоставляются автором с племенами сумо мохэ, создавшими государство Бохай.

Городище Чэнлэнцзыбэйчэн. Расположено севернее района Чэнлэнцзы-тунь деревни Ванпинфан-цунь волости Дунхэ-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане городище образует прямоугольник. Стены городища земляные, длина с севера на юг — 329 м, с запада на восток — 324 м. Ширина фундамента стены составляет 8 м, высота — около 0,5 м. С южной стороны городище оснащено двумя воротами. По углам возведены угловые башни, среди которых северная и восточная больше остальных за счет выступающей платформы, обращенной к реке. Создается впечатление, что это причал. Собраны архитектурные детали, концевая черепица с изображением цветка лотоса, круговой сероглиняный кувшин с длинной шейкой, железные наконечники стрел, железный лемех, железный котел с ручками-ушками, бронзовая монета и большое количество фрагментов фарфора с белой, черной, бледно-синей и светло-желтой глазурью. По мнению исследователей на данном городище и городище Чэнлэнцзынаньчэн бохайский слой распространен по всей площади многослойного памятника.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру: концевая черепица с изображением цветка лотоса, равнинный тип городища прямоугольной формы. Время появления башен на многослойном памятнике требует уточнения. Следует согласиться с предположением китайских исследователей о том, что данное городище являлось портом.

Городище Чэнлэнцзынаньчэн. Расположено в 150 м южнее района Чэнлэнцзы-тунь деревни Ванпинфан-цунь волости Дунхэ-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане образует неправильный четырехугольник. Стены городища земляные. Длина с запада на восток — 180 м, с севера на юг — 174 м, высота фундамента — около 0,5 м. Северная стена оснащена воротами. По углам городища возведены угловые башни диаметром 5–7 м и высотой до 1 м. Внутри городища собраны гофрированная черепица, фрагменты фарфора с белой глазурью, фрагменты сосудов из корчажного фарфора с фиолетовой глазурью, фрагменты круговой сероглиняной керамики из отмученной глины. К настоящему моменту памятник значительно поврежден.

Выводы. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру: черепица и равнинный тип городища подпрямоугольной формы. Время появления башен на многослойном памятнике требует уточнения. Следует согласиться с предположением китайских исследователей о том, что городище являлось бохайским.

Поселение Сяньшаньцунь. Расположено между районами Сяохэяо-тунь и Шэньсяньдун-тунь деревни Сяньшань-цунь волости Фанмагоу-сян. Памятник многослойный. Представлен бронзовым веком, периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Исследован в 1984 г. городским учреждением по охране памятников. Площадь поселения составляет около 30 000 кв.м. Собран материал: каменный котел, каменная форма, каменный пест, каменная лопата, фрагменты лепной керамики бурого цвета с примесью песка, фрагменты керамики красного цвета из мелкозернистой глины, фрагменты керамики серого цвета из отмученной глины с пальцевыми вдавлениями и полосчатым орнаментом, фрагменты керамики с желто-белой глазурью, фрагменты грубого фарфора [Каогу, 1984, № 8].

Вывод. Следует согласиться с предположением китайских исследователей, что городище являлось бохайским, но окончательный вывод по имеющейся информации сделать невозможно.

Городище Хоулицзятуньчэн. Расположено в 500 м северо-западнее района Хоулицзя-тунь деревни Цзянцзявацзы-цунь волости Шилин-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Городские валы возведены в соответствии с рельефом горы. В плане образуют неправильный квадрат, состоящий из двух соединенных между собой стен. Городские стены сложены из земли и камней (земляной вал с каменной облицовкой). Периметр городища составляет 900 м. В южной и восточной стенах врезаны ворота, дополненные защитным валом (захабом), длина которого равна 56 м. С внутренней части городища под стеной вырыта траншея шириной 5 м и глубиной 1 м. Внутри городища обнаружен колодец. Из земли извлекли фрагменты лепной бурой керамики с примесью песка, бронзовые зеркала, бронзовую посуду в форме лука

и фрагменты фарфора, покрытого белой и голубой глазурью. К настоящему времени памятник серьезно поврежден.

Вывод. Следует согласиться с предположением китайских исследователей о том, что городище являлось бохайским, об этом свидетельствуют элементы фортификации — захаб у ворот и каменная облицовка земляных валов.

Могильник Сяогаолиму. Расположен на горе южнее района Сяогаолимутунь деревни Аньнун-цунь волости Цзунун-сян. Памятник однослойный бохайского периода. Обследован в 1986 г. Площадь могильника около 2000 кв.м. Отмечен в древних записях как место с «несколькими десятками древних могил». Установлено, что на могилах отсутствуют насыпи. На поверхности земли собраны венчики лепных сосудов с наlepным валиком горшковидной формы из отмученной серой глины (мохэский тип, категория I, тип 1), венчики горшков с открытым устьем, фрагменты мисок, доньшек сосудов и кости диких животных.

Вывод. Следует согласиться с предположением китайских исследователей о том, что данный могильник относится к бохайской культуре. Это подтверждают археологические и письменные источники. Керамический материал выявляет аборигенный мохэский пласт, являющийся обязательным атрибутом погребений средневековых тунгусо-маньчжуров. Кроме того, присутствует и государственный ремесленный компонент.

Могильник Лаохэшэнь. Расположен на холме южнее района Лаохэшэнтунь деревни Хоуган-цунь поселка Дао-чжэнь. Памятник многослойный. Отнесен к периодам династии Хань и государства Бохай. Обследован в 1978 г. учреждением по охране памятников города Чанчуньши, в 1981 г. раскопано 129 могил. Площадь могильника равна 5000 кв.м. Большинство могил — земляные ямы с вертикальными стенами, меньшая их часть — каменные ямы. Встречены деревянные и лакированные гробы. Зафиксированы преимущественно одиночные погребения, но в одной могиле обнаружено тройное захоронение (видимо, родственное). Все захоронения совершены по обряду ингумации, на спине с вытянутыми конечностями. Погребальным инвентарем являлись пластины-накладки с изображением летящей лошади, бронзовое зеркало, ременной крюк, оружие, инструменты, украшения. В настоящее время памятник уничтожен. На нем расположен завод точильных камней и пашни [Юйшу в Лаохэшэнь, 1987].

Вывод. Следует согласиться с предположением китайских исследователей о том, что данный могильник относится к бохайской культуре. В пользу этого свидетельствуют грунтовые ямные захоронения по обряду ингумации, хотя маркирующие культуру артефакты не опубликованы; возможно их не было.

Поселение Хуаньюйцюань. Расположено на горе Чжушань приблизительно в 1,8 км юго-западнее деревни Хуаньюй-цунь волости Фате-сян. Обнаружено в 1960 г. провинциальным учреждением по охране памятников, в 1980–1981 гг. проведены разведочные раскопки. Памятник многослойный. Представлен эпохой бронзы и периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Площадь поселения составляет около 15 000 кв.м. Обнаружено 9 жилищ типа полуземлянок и один зольник. Мощностъ культурного слоя составляет 0,8 м. Собран материал: керамический треножник бурого цвета с примесью песка, треножник типа Ли, кувшин, сосуд типа Доу, пароварка, горшок, чарка, каменный топор, нож, наконечники стрел,

зубило, тесак, а также каменные шарики с отверстиями и каменные грузила для сетей. Также обнаружены лепной горшок с наlepным валиком (двойной губкой) и прямым устьем (мохэский тип, категория I, тип 1), серая черепица с оттиском ткани, бронзовое поясное украшение, бронзовое кольцо. Радиоуглеродная датировка нижнего культурного слоя — 2815 ± 125 лет. В поселении на возвышенности расположены остатки овального в плане городища эпох Ляо и Цзинь. Стена городища сложена из земли и камней (навалом). Размеры городища 200×110 м. Высота стены от 1 до 1,5 м. В восточной части стены расположены ворота и наружный защитный ров шириной 1,5 м, глубиной 1 м. Памятник серьезно поврежден [Каогу. 1985. № 4].

Вывод. Следует согласиться с предположением китайских исследователей о том, что поселение Хуаньюйцюань содержало бохайский слой, поскольку среди материалов присутствует мохэский тип посуды (категория I, тип 1).

Могильник Чалиба. Расположен южнее деревни Чалиба-цунь поселка Малацзе-чжэнь. Обнаружен и раскопан в 1987 г. провинциальным учреждением по охране памятников. Могильник однослойный. Площадь приближается к 10 000 кв.м. Всего на памятнике зафиксировано 100 могил в виде земляных ям с вертикальными стенками. Встречены захоронения в деревянных и каменных саркофагах с деревянными гробами. Погребальный инвентарь представлен лепной керамикой бурого цвета с примесью песка (мохэский тип, категория I, тип 1) и круговыми сероглиняными горшками, кувшином, вазой из отмученной глины (категория III), плоским точильным камнем, бронзовыми пластинчатыми украшениями, бронзовыми кольцами, бронзовыми поясными украшениями, бронзовыми подвесными украшениями, железными ножами, копьями, наконечниками стрел, конскими сбруями. Всего более 500 изделий.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что могильник Чалиба по своей характеристике соответствует бохайской культуре, так как представлен ямными захоронениями с деревянными гробами и погребальным инвентарем в виде лепной керамики мохэского типа (категория I, тип 1), круговой сероглиняной танских традиций (категория III), бронзовыми поясными украшениями.

Поселение Янтуньдахаймэн. Памятник зафиксирован как бохайский, но описание и материал не приведены.

Поселение Лицзя. Расположено в 100 м восточнее станции Чоушуй-чжан деревни Лицзя-цунь волости Цзянбэй-сян. Памятник однослойный. Площадь равна 1500 кв.м. Собран материал: фрагменты круговых сосудов из серой отмученной глины (категория III), венчики и фрагменты горшков со сферическим туловом и наклонными плечиками.

Поселение и могильник Дунтуаньшань. Расположены на горе Дунтуаньшань деревни Юнъянь-цунь волости Цзяннань-сян. Поселение открыто в начале 40-х годов XX в. Представляло собой террасы на горном склоне и остатки жилищ на вершине горы. Собран материал: каменные топор, нож, наконечники стрел, грузила сетей и керамический треножник бурого цвета с примесью песка. Мощност культурного слоя достигает 0,8 м. В 1983 г. исследовано Провинциальным учреждением по охране памятников. Установлена многослойность памятника и высота над уровнем моря в 252 м. Представлен эпохой бронзы и периодами госу-

дарств Хань, Когурё, Бохай, Ляо, Цзинь, Цин. Площадь памятника составляет 30 000 кв.м. Собран материал: керамический треножник бурого цвета с примесью песка, фрагменты миски и горшка, а также каменные нож, топор, тесак, пряслице, долото. На юго-западе поселения обнаружен могильник с каменными гробами. Зафиксирован погребальный инвентарь: керамика, каменные и бронзовые изделия. В 1985 г. памятник превращен в постоянную выставку культуры Ситуаньшань.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение и могильник Дунтуаньшань соответствуют бохайской культуре, хотя доказательные материалы не приведены.

Поселение Паошоукоуцзы. Расположено возле реки в деревне Юнъань-цунь волости Цзяннань-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой бронзы и периодом государства Бохай. Площадь культурного слоя равна приблизительно 8000 кв.м. Собраны фрагменты керамики с примесью песка, чаша от сосуда типа Доу, фрагменты керамики из серой отмученной глины.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Паошоукоуцзы соответствует бохайской культуре, хотя доказательные материалы не приведены.

Поселение Мацзятунь. Расположено западнее района Мацзя-тунь деревни Жишэн-цунь волости Цзяннань-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой бронзы и периодами государств Хань, Когурё, Бохай, Ляо, Цзинь. Площадь памятника равна 10 000 кв.м. Толщина культурного слоя не превышает 2 м. Среди собранных предметов встречаются ножки керамического треножника бурого цвета с примесью песка, ножка сосуда типа Доу, каменные наконечники стрел и фрагменты керамики серого цвета из мелкой зернистой глины, фрагменты керамики с ложнотекстильным орнаментом (мохэский тип, троичская группа, категория I, тип 1), фрагменты керамики с ямочным (точечным) орнаментом, концевой диск черепицы с изображением цветка лотоса, фрагменты керамического горшка с черной глазурью.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру: черепица с изображением лотоса, лепная керамика с ложнотекстильным орнаментом, присущая троичской группе мохэской культуры (хэйшуй мохэ), сероглиняная керамика танской традиции.

Поселение Гуйгайшань. Расположено в 500 м северо-восточнее деревни Юнъань-цунь волости Цзяннань-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой бронзы и периодами государств Хань, Бохай. Площадь поселения — 10 000 кв.м. Среди собранных предметов встречены фрагменты керамики бурого цвета с примесью песка, ручки-ушки в форме колец, днище керамической пароварки, фрагменты керамики серого цвета из отмученной глины с ложнотекстильным орнаментом [Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэ бао, 1963, № 1].

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру: пароварка, сероглиняная керамика.

Кладбище Маоэршань. Расположено в деревне Юнъань-цунь волости Цзяннань-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом госу-

дарства Бохай. Площадь памятника — 8000 кв.м. Выявлено много грунтовых могил с деревянными саркофагами и небольшое количество могил в каменных ямах. Многие погребения разграблены. Отмечены вторичные захоронения. Ранее здесь находили остатки лакированного гроба, позолоченные изделия, золотые украшения, изделия из железа, керамические сосуды. Предполагается, что кладбище принадлежало племени фуюй, переселившемуся сюда еще в эпоху Хань.

Вывод. Памятник содержит погребальные традиции, маркирующие мохэскую и бохайскую культуры.

Поселение Даодэгоу. Расположено в 1,5 км восточнее деревни Чжуньинь-цунь поселка Шаньинь-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен эпохой бронзы и периодом государства Бохай. Обнаружен в 1984 г. Площадь поселения — 9000 кв.м. Собран материал: ножки конической формы от керамического сосуда красно-бурого цвета с примесью песка, каменное пряслице, каменный шар, обломок каменного ножа, венчик керамического горшка бурого цвета с наlepным валиком в виде двойной губки и примесью мелкого песка (мохэский тип, категория I, тип 1).

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Поселение Люцзяцзы. Расположено приблизительно в 100 м западнее горного городища Люцзяцзы в поселке Синьчжань-чжэнь. Обнаружено и обследовано в 1985 г. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь культурного слоя — приблизительно 2000 кв.м. Собраны фрагменты керамических горшков с наlepным валиком в виде двойной губки из серой отмученной глины (мохэский тип, категория I, тип 1). Сохранность памятника хорошая.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Поселение Цидаохэцзы. Расположено приблизительно в 500 м западнее деревни Цидаохэцзы-цунь поселка Тяньган-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь приблизительно 500 кв.м. В 40-х годах XX в. поселение занесено в реестр, затем неоднократно обследовалось. Мощность культурного слоя составляет 0,6 м. Среди подъёмного материала много архитектурных деталей, в том числе концевая черепица с изображением цветка лотоса и завитков трав, а также капельники. К настоящему моменту памятник серьезно разрушен.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Городище Сумичэн. Расположено на южном берегу реки Хуйфа-хэ, приблизительно в километре северо-восточнее деревни Дачэнцзы-цунь поселка Хуадянь-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь, Мин. Начиная с 30-х годов XX в. городище многократно обследовалось, в том числе провинциальным учреждением по охране памятников. В плане городище образует два вписанных прямоугольника (один помещен в другой, т.е. внутренний и внешний города). Периметр стен внутреннего города 1381 м, длина с севера на юг — 369 м. Периметр стен внешнего города — 2590 м, длина

с севера на юг — 747 м, с запада на восток — 611 м. Стены городища возводились утрамбовкой (способ ханту). Ширина фундамента 7 м, верха стены — 0,5–1 м, высота — 2,6–4 м. Снаружи внутренних и внешних стен прокопаны защитные рвы, заполненные водой. Стены внешнего города прорезаны воротами, защищенными наружным дополнительным валом (захабом). Внутреннее городище с восточной и западной сторон оснащено воротами и угловыми башнями. На городище и за его пределами обнаружены многочисленные фундаменты построек с разрушенными стенами. Среди находок отмечены цокольные камни, круглая черепица с изображением цветка лотоса, а также каменная ручная мельница, железные наконечники стрел, фрагменты сероглиняной отмученной керамики. Высказано предположение, что в эпоху Бохай это городище являлось областным центром города Цзилинь и продолжало использоваться в последующие эпохи.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что городище Сумичэн в эпоху Бохай являлось областным центром города Цзилинь.

Остатки строения Бэйтучэнцзы. Расположены в 200 м севернее деревни Сючэнцзы-цунь волости Сумигоу-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь — 200 кв.м. Обнаружен в 1974 г. Фундамент строения возведен из утрамбованной земли (способ ханту). Вблизи него собраны разбросанные куски кирпича, черепицы, концевые диски с изображением лепестков лотоса и другие архитектурные детали. Считается, что здесь располагалось городище, но его стены оказались разрушены.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Поселение Мааньши. Расположено в 1500 м южнее района Хэси-тунь деревни Гаосин-цунь поселка Хуншилицизы-чжэнь. Обследование и раскопки проведены в 1984 г. Площадь памятника 500 кв.м, обнаружены фундаменты зданий, выложенные из камня. Собран материал: лепные глиняные горшки бурого цвета с выпуклым туловом и венчиком с наlepным валиком (двойной губкой) (мохэский тип, категория I, тип 1), с примесью песка в тесте, а также фрагменты горшков со сферическим туловом и выделенной шейкой. В настоящее время на месте памятника — водохранилище.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Могильник Тайпинчуань. Расположен западнее района Канши-тунь волости Тайпинчуань-сян. Открыт и обследован в 1958 г. провинциальным учреждением по охране памятников. Памятник однослойный периода государства Бохай. В 1982 г. произведена съемка, составлена карта местности и полевой отчет. В 1985 г., во время вторичного обследования, обнаружено, что сохранилось 62 захоронения на площади 15 000 кв.м. Большинство могил с каменной камерой и земляной насыпью. Диаметр земляной насыпи составляет 3–5 м. Среди находок лепные глиняные горшки с наlepным валиком под венчиком (двойной губкой) из серой отмученной глины хорошей сохранности.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Могильник Сэшубэй. Расположен западнее района Сэшубэй-тунь поселка Гушаньцзы-чжэнь. Памятник двухслойный периодов государств Когурё и Бохай. Обнаружен и обследован в 1958 г. провинциальным учреждением по охране памятников. Зафиксировано 100 могил на площади приблизительно 20 000 кв.м. В 1985 г. раскопано 70 могил. Большинство могил с каменной камерой и земляной насыпью, но встречены и захоронения с каменными насыпями. Среди находок железные наконечники стрел, позолоченные кольца. Памятник имеет достаточно хорошую сохранность.

Вывод. Памятник отвечает погребальным традициям, маркирующим бохайскую культуру.

Поселение Миньчжуцунь. Расположено в центральной части улицы Хайгуан-цзе деревни Миньчжу-цунь волости Тайван-сян. Обнаружено в 1975 г. провинциальным учреждением по охране памятников. Площадь поселения — приблизительно 3000 кв.м. Толщина культурного слоя 1,6 м. Среди находок встречаются двойные ручки-ушки керамического горшка из серой отмученной глины, миска, пароварка, остатки очага и остатки кана. Поселение серьезно разрушено. [Бэйфан вэньу, 1985, № 4].

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Городище Гонэйчэн. Расположено в городе Цзиань-ши. Памятник многослойный, представлен эпохами Хань, Когурё, Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен в начале XX в. В 1975 и 1977 г. провинциальным учреждением по охране памятников проводились разведочные раскопки. Городище являлось столицей Когурё раннего периода. В плане образует квадрат, периметр равен 2686 м, всего 6 ворот, все ворота с защитным валом перед ними (захаб). Сохранившиеся к настоящему времени стены сложены из камня, их высота достигает 5 м, есть 14 фронтальных башен, достаточно хорошо сохранились только северная и западная стены; среди археологических находок встречаются каменные, керамические, железные, бронзовые и позолоченные предметы. Обнаружено, что внутри каменной стены находится глинобитная стена эпохи Хань. Внутри городища расположены остатки разных строений, в том числе здания Правительства, каменные базы, черепица, концевые диски черепицы с надписями и другие памятники культуры. Памятник серьезно поврежден [Вэньу, 1984, № 1].

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру, в частности устройство ворот (захаб) и керамику.

Могильник Мааньши. Расположен в 1,5 км южнее района Хэси-тунь деревни Гаосин-цунь поселка Хуншилицзы-чжэнь рядом с одноименным бохайским поселением. Произведены раскопки двух могил в каменных ямах с деревянными гробами. Найдены железные ножи, гвозди, керамическая посуда.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Поселение Вэйшахэ. Расположено на 200 м западнее деревни Вэйшахэ-цунь волости Вэйшахэ-сян. Памятник многослойный. Зафиксированы слои эпохи неолита, бронзового века, периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в

1984 г. провинциальным учреждением по охране памятников. Площадь — приблизительно 5000 кв.м. Толщина культурного слоя — приблизительно равна 1 м. Собраны каменный серп, фрагменты лепной керамики бурого цвета с орнаментом из прочерченных линий и примесью в тесте песка и дресвы (мохэский сосуд найфельдской группы, категория I, тип 1), дно керамического сосуда серо-бурого цвета, дно пароварки из отмученной глины — серого цвета (категория II, III). В настоящее время большая часть памятника затоплена водой.

Вывод. Памятник содержит материалы, маркирующие бохайскую культуру.

Поселение Линьцзян. Расположено на участке городища Линьцзян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обследован в 1984 г. провинциальным учреждением по охране памятников. Культурный слой находится на глубине 1,5 м от дневной поверхности, толщина культурного слоя приблизительно 0,5 м. Во время раскопок обнаружено большое количество венчиков от посуды, изготовленной из серой отмученной глины, днищ сосудов (категория I, тип 1; II, III), фрагментов желобчатой черепицы.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Городище Линьчэн. Расположено на северной стороне холма в деревне Линьчэн-цунь волости Линьчэн-сян района Линьцзян-цзюй. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружено в 1982 г. городским учреждением по охране памятников. В плане городище имеет форму овала. Периметр стен составляет 60 м. Стены насыпаны из камней высотой до 4 м. Городище с трех сторон примыкает к обрыву горы. С южной стороны расположены ворота. Городище сохранилось хорошо.

Вывод. Городище мысового типа, более традиционно для мохэских памятников или каменных когурёских крепостей, охраняющих транспортные пути сообщения. Могло функционировать во времена бохайской культуры.

Поселение Сигаоцзя. Расположено у деревни Саньхэчэн-цунь волости Сыдаогу-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1960 г. городским учреждением по охране памятников. В 1984 г. обследован повторно. Площадь около 4500 кв.м. Собраны фрагменты сероглиняной керамики (категория III), железные наконечники стрел, железные ножи.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Поселение Хэнаньтунь. Расположено в районе Хэнань-тунь деревни Хэнань-цунь волости Сыдаогу-сян. Памятник однослойный, представлен периодом государства Бохай. Площадь приблизительно 3000 кв.м. Среди находок собрана желобчатая черепица, черепица с орнаментом из завитков, фрагменты керамики из серой отмученной глины (категория I, тип 1).

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Остатки древних медных рудников Цзясиньган. Расположены в деревне Цзясиньган-цунь волости Цоцаодинцзы-сян. Памятник двухслойный периодов го-

сударств Когурё и Бохай. Обнаружен в 1984 г. городским учреждением по охране памятников. Площадь приблизительно 10 кв.км. Внутри обширной территории зафиксированы остатки 100 мест плавки меди и много древних рудных шахт. Среди находок встречена скульптура бронзового Будды, венчик керамического сосуда из серой отмученной глины (категория I, тип 1), донышко глиняного сосуда. Памятник серьезно разрушен.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Поселение Синьфанцзы. Расположено в 300 м западнее деревни Синьфанцзы-цунь волости Синьфанцзы-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1986 г. городским учреждением по охране памятников. Площадь приблизительно 2000 кв.м. Среди находок бронзовые шпильки для волос, железные гвозди, плоская черепица с оттиском веревки, плоская черепица с пальцевыми вдавлениями, фрагменты желобчатой черепицы с оттиском ткани. В настоящее время большая часть памятника распахана под заливное поле для риса.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Печь для обжига кирпича Миньчжу. Расположена посреди овощного поля в деревне Нунчжу-цунь поселка Чанбай-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1980 г. городским учреждением по охране памятников. Площадь приблизительно 700 кв.м. На глубине 0,4 м найдена кирпичная стена печи для обжига керамики и крупная пластина красной обожженной глины. На поверхности земли рассыпано большое количество кусков серого кирпича прямоугольной, квадратной, ромбической и многоугольной форм. По качеству и форме кирпича аналогичны материалу, использовавшемуся при строительстве пагоды Лингуанта. Количество, форма и конструкция печей не установлены. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Памятник содержит отдельные элементы, маркирующие бохайскую культуру.

Пагода Лингуанта. Расположена на горе Цзяота-шань севернее поселка Чанбай-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован в 1980 г. центральным государственным учреждением по охране памятников. Исконное название пагоды утрачено, а название «Пагода Лингуант» — позднее. Обнаружена в последние годы правления Гуан Сюя в эпоху Цин. Представляет собой пятиярусную полулю внутри кирпичную башню квадратной формы. Ярусы постепенно сужаются, общая высота башни составляет 12,8 м. Вся пагода выстроена из правильно подогнанного, обточенного кирпича, соединенного раствором из желтой глины. Карниз пагоды в форме налегающих друг на друга слоев, длина стороны основания равна 3,3 м, длина стороны крыши — 1,9 м. Под пагодой расположена подземная камера, соединенная на юге с мощеной дорожкой и земляными ступенями, ведущими на поверхность земли. В 1936, 1955 и 1986 г. проводился профилактический ремонт. В округе нашли железный колокол и фрагменты керамики из серой отмученной глины (категория III).

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что пагода Лингуанта относится к бохайской культуре, хотя доказательные материалы не приведены.

Городище Чанбай. Расположено на овощном поле в деревне Нунчжу-цунь поселка Чанбай-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане городище образует прямоугольник. Обнаружено в 1960 г. С 1982 г. подвергалось многократным обследованиям. Периметр равен 1 200 м, длина с севера на юг — 260 м, ширина с запада на восток — 200 м. Стены насыпаны из речной гальки, ширина фундамента около 9 м, ширина верха стены составляет 1,5 м, остаточная высота — 0,5–1,5 м. С южной стороны расположены ворота. Внутри городища собраны концевой диск черепицы с изображением лотоса, плоская черепица с узором из кружков и точек, плоская черепица с оттиском веревки, керамические ручки-ушки в форме мостика из серой отмученной глины (категория II, тип 2 — ленточные ручки), фрагменты горшка с расширяющимся кверху устьем, венчик с двойной губкой (мохэский тип, категория I, тип 1). Городище серьезно разрушено.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что городище Чанбай относится к бохайской культуре, так как тип, его планировка, архитектурные элементы и керамика соответствуют государственным признакам.

Поселение Юньань. Расположено на 200 м западнее деревни Юньань-цунь поселка Сушу-чжэнь. Памятник двухслойный периодов государств Когурё и Бохай. Обнаружен и обследован в 1960 г. В 1984 г. проведены небольшие раскопки. Площадь поселения — приблизительно 5000 кв.м. Мощность культурного слоя не превышает 1 м. Вскрыты многочисленные остатки жилищ и очагов, найдено более 300 предметов, среди которых каменные изделия, лепная керамика бурого цвета с примесью в тесте песка (мохэский тип, категория I, тип 1), круговая сероглиняная керамика из отмученной глины (категория III), костяные, бронзовые, железные предметы, жемчужные украшения.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Юньань содержит слой бохайской культуры.

Поселение Даин. Расположено в 50 м западнее деревни Даин-цунь поселка Сяньжэнь-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1986 г. во время полного обследования местности уездным учреждением по охране памятников. Площадь поселения — приблизительно 30 000 кв.м. Среди собранного материала — лепные горшки с двойной губкой бурого цвета с примесью в тесте песка (мохэский тип, категория I, тип 1), ручки-ушки в форме мостика (категория II, тип 2, ленточные ручки), венчики круговых сероглиняных горшков (категория III), днища сосудов, фрагменты боковых стенок керамики с узором из прочерченных линий и наlepным валиком, железные наконечники стрел.

Вывод. Поселение Даин содержит мохэские (этнические) и бохайские (государственные) маркеры бохайской культуры.

Поселение Вэньцюань. Расположено с южной стороны санатория Вэньцюань в поселке Сяньжэньцяо-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бо-

хай. Обнаружен в 1986 г. уездным учреждением по охране памятников. Площадь поселения — приблизительно 2000 кв.м. Среди собранного материала керамические венчики горшков с двойной губкой (мохэский тип, категория I, тип 1) из серой отмученной глины, фрагменты керамики с узором из параллельных прорисованных линий и днища сосудов (категория II, тип 2).

Вывод. Поселение Вэньцюань содержит мохэские (этнические) и бохайские (государственные) маркеры бохайской культуры.

Поселение Танхэкоу. Расположено в 1 км восточнее деревни Танхэ-цунь поселка Сяньжэньцяо-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1986 г. во время полного обследования местности уездным учреждением по охране памятников. Площадь поселения — приблизительно 17 000 кв.м. Среди находок каменный топор и фрагменты керамики серо-желтого цвета из отмученной глины (категории II, III), днища сосудов, глиняные украшения и фрагменты нефритовых колец.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Танхэкоу относится к бохайской культуре.

Поселение Наньган. Расположено на горе Сяонаньгоу-шань западнее деревни Дацинчуань-цунь поселка Сяньжэньцяо-чжэнь. Памятник двухслойный эпохи бронзы и периода государства Бохай. Обнаружен в 1986 г. во время полного обследования местности уездным учреждением по охране памятников. Площадь поселения — приблизительно 20 000 кв.м. Мощность культурного слоя составляет 0,4 м. Среди находок каменный топор, каменный нож, каменный пест, фрагменты венчиков и донышек лепных сосудов бурого цвета с примесью в тесте песка (категория I, тип 1) и фрагменты круговой сероглиняной керамики из отмученной глины (категория III). Памятник значительно разрушен.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Наньган относится к бохайской культуре.

Поселение Цзяньчангоумэнь. Расположено около нефтехранилища на железнодорожной станции в 1,5 км южнее уездного города. Памятник однослойный периода государства Бохай. Открыт в начале 1940-х годов. В 1986 г. повторно обследован уездным учреждением по охране памятников, находок не обнаружено. У населения собраны найденные в прошлом диски черепицы с изображением лотоса, желобчатая черепица, черепица с оттиском ткани, железные наконечники стрел, фрагменты керамики. В настоящее время поселение почти полностью уничтожено.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Цзяньчангоумэнь относится к бохайской культуре.

Городище Юйшучуань. Расположено приблизительно в 500 м севернее железнодорожной станции Юйшучуань поселка Шимэнь-чжэнь. Памятник трехслойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане городище прямоугольной формы, стены построены из смеси земли и камней, фундамент стены сложен из камней, длина восточной стены — 98 м, длина южной стены — 150 м, длина западной стены — 105 м, длина северной стены — 143 м, остаточная высота — 0,3–1 м, ворота на городище не зафиксированы. В пределах го-

роdiща рассеяны фрагменты черепицы, обломки кирпича, фрагменты изготовленной на круге керамики из серой отмученной глины.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что городище Юйшучуань соответствует градостроительным традициям Бохая.

Поселение Цяньдяньцзы. Расположено в 2 км юго-восточнее деревни Цзянчан-цунь волости Чоушуй-сян. Памятник трехслойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен в 1960 г. Площадь поселения — приблизительно 10 000 кв.м. Среди собранного материала каменный топор, каменный жернов, фрагменты круговой керамики из серой отмученной глины, черепица с отгиском ткани, фрагменты концевой диска черепицы, фрагменты лепной керамики красно-бурого цвета с прорезанным волнообразным орнаментом (мохэский тип, найфельдская группа, категория I, тип 1), керамические грузила сетей, крышка керамического сосуда, фрагменты фарфора с белой глазурью и рисунком цветов ржаво-коричневого цвета.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Цяньдяньцзы относится к бохайской культуре.

Могильник Цяньдяньцзы. Расположен в 500 м юго-западнее района Цяньдяньцзы-тунь деревни Цзянчан-цунь волости Чоушуй-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Открыт в 1961 г. Обнаружено 3 могилы с земляной насыпью. В 1977 г. памятник полностью раскопан. Захоронения совершены в могиле с каменной камерой и деревянным гробом. Среди находок обнаружен керамический горшок, позолоченное поясное украшение, бронзовая застежка для пояса, агатовые бусы, гвозди гроба, точило.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что могильник Цяньдяньцзы относится к бохайской культуре.

Городище Дунтайцзы. Расположено приблизительно в 500 м восточнее деревни Синьянь волости Сунцзяо-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован в 1980 и 1986 г. уездным учреждением по охране памятников. Городище возведено в соответствии с горным рельефом, на востоке и западе защищено крутым обрывом. Три ряда земляных стен (валов) отгораживают памятник со стороны холма. Первая и вторая стены образуют маленькое городище, третья является северной оборонительной линией. Длина первой стены с севера на юг — 52 м, ширина — 7,5 м, высота — 3 м. Западная сторона первой линии имеет ворота. Вторая линия отстоит от первой на 67 м. Ее длина — 28 м, ширина — 8 м, высота — 2,3 м. С северной стороны расположен 17-метровый ров. Третья линия стен приблизительно 30 м в длину, 6 м в ширину, 1,5 м в высоту. Общая площадь около 10 000 кв.м. Среди находок венчик лепного горшка с двойной губкой из серой отмученной глины (мохэский тип, категория I, тип 1), миска, кувшин (категория III), фрагменты ручек-ушек в форме мостика (категория II, тип 2, ленточные ручки).

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что городище Дунтайцзы принадлежало бохайской культуре и там содержатся маркирующие этнические (мохэская керамика) и государственные артефакты (круговая посуда с ленточными ручками).

Поселение Лиянгоу. Расположено в 1,5 км юго-восточнее деревни Чоушуй-цунь волости Чоушуй-сян. Памятник двухслойный. Представлен слоями бронзового века и периода государства Бохай. Обследован уездным учреждением по охране памятников. Площадь поселения — приблизительно 3000 кв.м. Среди собранного материала каменный нож, орудие из обсидиана, фрагменты бурой керамики с примесью песка, венчик сосуда с наlepным валиком (мохэский тип, категория I, тип 1).

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Лиянгоу принадлежало бохайской культуре и там содержатся маркирующие этнические артефакты (мохэская керамика).

Железоплавильня Синьянь. Расположена в 100 м западнее деревни Синьянь-цунь волости Сунцзяо-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1986 г. Находится снаружи городища Синьянь. Длина плавильни с запада на восток — 30 м, толщина навала — приблизительно 0,6 м. В слое земли содержится большое количество обожженной глины, железного шлака, спекшиеся куски руды разного размера. Плавильня сооружена рядом с рекой. В настоящее время большая ее часть размыта водой.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что железоплавильня Синьянь функционировала в бохайский период, хотя производственное назначение объекта не предполагает наличия диагностирующего материала.

Городище Баома. Расположено в 1 км юго-восточнее деревни Баньма-цунь поселка Эрдабайхэ-чжэнь. Памятник многослойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен и обследован в 1979 г. областным учреждением по охране памятников. В плане городище прямоугольной формы. Фундамент стен каменный, стены земляные. Длина с севера на юг — 132 м, ширина с запада на восток — 104 м, ширина фундамента северной стены — 4 м, остаточная высота — 1,2 м. Внутри городища по центру осевой линии расположено 3 платформы, отстоящие друг от друга на 10 м. Площадь городища более 450 кв.м, высота — 1–2 м. Вокруг платформы рассеяны фрагменты черепицы, квадратные кирпичи, концевые диски черепицы с зооморфными ликами, капельники, вырезанные из песчаника каменные базы, глиняные архитектурные украшения, фрагменты керамики из серой отмученной глины. К настоящему моменту южная стена и остатки ворот не сохранились.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что городище Баома возведено в бохайский период. Это подтверждается градостроительными традициями — долинным типом и прямоугольной планировкой.

Городище Саньдаобайхэ. Расположено в 500 м восточнее деревни Саньдаобайхэ поселка Сунцзян-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане городище близко к квадрату, углы скруглены, стены земляные, периметр равен приблизительно 200 м. Хорошо сохранились восточная и северная стены. Южную и западную стороны дополнительно защищает крутой обрыв. Ширина фундамента стен — 4–5 м, остаточная высота — 0,5–2 м. Снаружи стена окружена ровом шириной 3 м и глубиной 1 м. Внутри и снаружи городища про-

слежены руины построек. Среди находок железные наконечники стрел. Городище имеет хорошую сохранность.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что городище Саньдаобайхэ возведено в бохайский период. Это подтверждается градостроительными традициями — долинным типом и прямоугольной планировкой.

Поселение Гаоличэншань. Расположено в 6 км северо-западнее района Сунхуа-тунь поселка Сунхуа-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Длина поселения с запада на восток составляет 140 м, с севера на юг — приблизительно 100 м. Среди собранного материала большое количество фрагментов плоской черепицы с пальцевыми вдавлениями, желобчатой черепицы, каменные базы, фрагменты керамики из серой отмученной глины (категории II, III), кирпичи серого цвета.

Вывод. Следует согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Гаоличэншань функционировало в бохайский период и содержало отдельные этнические и государственные маркёры.

Горное городище Янлянь. Расположено в 3 км юго-восточнее района Сяоинцзы-тунь деревни Дунцзян-цунь поселка Лянцзян-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Городище возведено в соответствии с рельефом горы. В плане имеет форму тыквы-горлянки. Периметр стен равен приблизительно 1,5 км. В северной части городища сооружены три каменно-земляные стены. Средняя стена оснащена воротами. Снаружи городища расположен ров, на восточной стене сооружена фронтальная башня, на западной стене — три наблюдательные башни. Внутри городища зафиксированы остатки двух строений. На городище собран материал: черепица с пальцевыми вдавлениями, керамические грузила сетей. Городище имеет хорошую сохранность.

Вывод. Можно согласиться с определением китайских исследователей, что горное городище Янлянь функционировало в бохайский период. Правда этому противоречит наличие башен и форма горного городища.

Поселение Дунцин. Расположено севернее деревни Дунцин-цунь волости Юнцин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь поселения приблизительно 40 000 кв.м. Среди находок встречены: черепица с пальцевыми вдавлениями, желобчатая черепица, концевая черепица с декором в виде цветка, фрагменты керамики из серой отмученной глины (категория III). На поселении зафиксированы руины земляной стены длиной 150 м и многочисленные груды камней (остатки стены).

Вывод. Можно согласиться с определением китайских исследователей, что поселение Дунцин функционировало в бохайский период. Это подтверждают архитектурные детали.

Развалины строения Дунцин. Расположены севернее деревни Дунцин-цунь волости Юнцин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Представляет собой фундамент платформы размером с запада на восток 14 м, с севера на юг — 22 м. Сохранилось несколько каменных баз, вблизи которых рассеяно большое количество архитектурных деталей: концевые диски черепицы с изо-

бражением цветка лотоса, плоская черепица с пальцевыми вдавлениями, желобчатая черепица. Сохранность памятника достаточно хорошая.

Вывод. Можно согласиться с определением китайских исследователей, что развалины строения Дунцин относятся к бохайской культуре. Это подтверждают архитектурные детали.

Городище Мацюаньцзы. Расположено в 4 км западнее деревни Лянчай-цунь (старое название — Мацюаньцзы) поселка Дапучайхэ-чжэнь. Памятник многослойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обследовано в 1957 г. городским учреждением по охране памятников. В плане городище образует неправильный четырехугольник. Длина с севера на юг — 317 м, ширина с запада на восток — 208 м. Стены городища построены из смеси земли и камней. Ширина фундамента — 8 м, остаточная высота — 2,5 м. В восточной стене расположены ворота с защитным валом (захаб). По четырем углам городища расположены башни. Восточная, западная и северная стены имеют по одной фронтальной башне. В северной части городища возведена дополнительная стена и башни. Среди находок — фрагменты керамики из серой отмученной глины, железный котел, железные детали повозки и конского снаряжения, бронзовые монеты, каменный жернов. К настоящему моменту городище имеет незначительные повреждения [Каогу, 1962, № 11].

Вывод. Можно согласиться с определением китайских исследователей, что городище Мацюаньцзы возведено бохайцами с последующей перестройкой (добавлением башен) в более поздние периоды.

Поселение Цзингоу. Расположено в 5 км восточнее поселка Дапучайхэ-чжэнь. Памятник многослойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен и обследован в 1957 г. Площадь поселения приблизительно 140 000 кв.м. Мощность культурного слоя — 0,5 м. Среди собранного материала встречены каменный жернов, черепица с оттиском ткани, фрагменты керамики бурого цвета из отмученной глины и фрагменты фарфора с серо-белой глазурью.

Вывод. Можно согласиться с определением китайских исследователей, что на поселении Цзингоу присутствует слой бохайской культуры.

Поселение Цингоуцзы. Расположено в 10 км восточнее поселка Дапучайхэ-чжэнь. Памятник многослойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен и обследован в 1960 г. городским учреждением по охране памятников. Площадь поселения приблизительно 30 000 кв.м. Мощность культурного слоя составляет 0,3 м. Кроме того, обнаружена могила, сложенная из камней. Среди собранных находок — каменный жернов, фрагменты керамики из серой отмученной глины (категория III), куски черепицы, бронзовые монеты.

Вывод. Поселение можно отнести к бохайским памятникам условно, поскольку не приведён материал, по которому можно произвести культурную диагностику.

Могильник Дунцин. Расположен севернее деревни Дунцин-цунь волости Юнцин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Длина могильника с запада на восток составляет 50 м, с севера на юг — 25 м. Внешние признаки в виде каменных насыпей имеются у 7 могил (каменные саркофаги в ямах). На

территории могильника рассеяно небольшое количество фрагментов серой круговой керамики из отмученной глины (категория III) и куски кирпича. Могильник имеет хорошую сохранность.

Вывод. Могильник относится к одному из традиционных типов погребальных памятников Бохая.

Поселение Синьсин. Расположено в деревне Синфу-цунь волости Ванбань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь поселения составляет 80 000 кв.м. Среди находок встречен концевой диск черепицы с изображением цветка лотоса, капельник, плоская черепица с пальцевыми вдавлениями и фрагментами керамики из серой отмученной глины (категория I, тип 1). Поселение имеет серьезные разрушения.

Вывод. Поселение содержит традиционный для Бохая набор архитектурных деталей и керамики.

Городище Синьсин. Расположено на горе севернее деревни Синьсин-цунь волости Ванбань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане городище треугольной формы. Периметр составляет 70 м. Стены земляные. Высота западной стены около 2 м. Снаружи стены окружает ров шириной 5 м, глубиной 1,5 м.

Поселение Синьсин. Городище сопровождает бохайское поселение, расположенное у подножия горы. Сохранность памятника хорошая.

Вывод. Можно согласиться с определением китайских исследователей, что городище и поселения Синьсин функционировали в бохайский период.

Поселение Шибдаогоу. Расположено севернее деревни Шибдаогоу-цунь волости Махао-сян. Памятник многослойный, представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен и обследован в 1973 г. Площадь поселения приблизительно 20 000 кв.м. Среди находок встречены венчики сосудов из серой отмученной глины (категория III), низкие кольцевые поддоны, фрагменты плоских днищ, керамические грузила цилиндрической формы от рыболовных сетей, каменный жернов, бронзовые монеты.

Вывод. Можно согласиться с определением китайских исследователей, что поселение функционировало в бохайский период.

Горное городище Чэнцзышань. Расположено севернее деревни Чэншань-цунь поселка Сяньжу-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован в 1984 г. провинциальным учреждением по охране памятников. В плане городище имеет форму неправильного овала, так как следует за формой рельефа. Периметр стен составляет приблизительно 2000 м. Стены возведены из земли и камня. Ширина фундамента — 5–10 м, остаточная высота — 1,5–2,5 м. В восточной и западной стенах расположены ворота с защитным валом с внутренней стороны стены и наблюдательная фронтальная башня. Внутри городища зафиксировано более 50 зданий, расположенных в определенном порядке, водоем и длинная (100-метровая) ровная площадь. При проведении раскопок обнаружены железные копье, нож, наконечники стрел, а также фрагменты керамики из серой отмученной глины. Предполагается, что это город на горе Дунмоушань,

относящийся к раннему периоду существования Бохая. Сохранность памятника достаточно хорошая [Каогу, 1962, № 11].

Вывод. Чрезвычайно важно сопоставление археологического объекта с письменной информацией о том, что горное городище Чэнцзышань — это город на горе Дунмоушань, и датировка его ранним периодом Бохая. В это не вписывается только фортификационная деталь в виде фронтальной башни, появляющаяся, по мнению российских специалистов, в позднебохайский или постбохайский периоды, хотя на территории Китая башни возводились в добохайское время.

Поселение Юншэн. Расположено в 1 км севернее деревни Юншэн-цунь волости Цзяндун-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1974 г. Площадь поселения составляет 0,7 кв.км. На территории памятника расположено 5 высоких платформ, площадь самой большой — приблизительно 600 кв.м. Среди находок встречены серый кирпич, черепица, концевой диск, архитектурные украшения, а также фрагменты керамики из серой отмученной глины (категории II, III) и бронзовые монеты. Памятник хорошей сохранности.

Вывод. Поселение справедливо отнесено к бохайской культуре, так как содержит диагностирующие государственные атрибуты.

Остатки буддийского храма в деревне Исиньцунь. Расположены в 300 м западнее деревни Исинь-цунь (старое название — Мяо-тунь) волости Хунши. Памятник двухслойный, представлен периодами государств Бохай, Цин. Сохранились руины храма в виде 2 колодцев, расположенных симметрично относительно центральной оси. Длина храма с севера на юг — 30 м, ширина с запада на восток — 14,4 м. Выявлены передний и задний залы, мощеная дорожка. Около переднего зала находится фундамент кирпичной платформы, длина которого 2 м. В период государства Цин этот храм продолжал использоваться, в 1947 г. был разрушен. На территории памятника собрано большое количество архитектурных деталей периода Бохая и Цин: черепица с оттиском ткани, серый кирпич, желобчатая черепица. К настоящему моменту сохранился только фундамент здания.

Вывод. Следует согласиться с китайскими исследователями в том, что Буддийский храм в деревне Исиньцунь построен в период государства Бохай.

Могильник Людиншань. Расположен на южном склоне горы Людиншань в 5 км южнее городища Дуньхуа. Относится к периоду государства Бохай, является одним из его важнейших памятников. Некрополь известен давно под названием «Три мавзолея в Нинъань». Еще в 1884 г. Цао Тинцзе собрал о нем важные материалы, «передаваемые из поколения в поколение», и отметил, что «Три мавзолея» — это захоронение принцессы-конкубины, а не могила цзиньской принцессы-регента [Чэнь Чунься, Дун Цин, 1995, № 4]. В 1923 г. появилась информация о самом памятнике — что это склеп бохайского вана и «...высочайшую могилу окружает каменный забор, перед которым много битого кирпича...» [Чэнь Чунься, Дун Цин, 1995, № 4]. В 30-х годах XX столетия во время японской оккупации Маньчжурии могильник Людиншань изучали японские ученые, но «...раскопки не внесли достаточной точности и понимания могилы № 1 памятника «Трехмогиля»», хотя материал японцами был опубликован [Лю Сяодун, 2006, с. 11]. В 1949 г. средняя школа Цидун из уезда Дуньхуа на Людиншань ор-

ганизовала раскопки в девяти местах, в их число попала могила принцессы Чжэнь Хуэй, обнаружена плита с эпитафией. В 1954 г. к исследованию некрополя приступил Янь Ваньчжан. В 1956 г. он подготовил к публикации работу «Исследование бохайского памятника принцессе Чжэнь Хуэй» [*Янь Ваньчжан*, 1956]. Автором впервые проанализированы девизы правления бохайского вана Вэньвана (774–793 гг.) и установлено, что девиз Дасин использовался еще до рождения Вэньвана и в последние годы его правления, а сама принцесса Чжэнь Хуэй была его второй женой. В погребальный комплекс входили стела, скульптура каменного льва, позолоченные предметы, керамические предметы, золотые кольца, изделия из железа, концевые диски черепицы, черепица, кольцообразная яшмовая регалия, серо-белый рельефный элемент. Некрополь имеет хорошую сохранность [Каогу, 1961, № 6; Шэхуй кэсюэ чжэньсянь, 1979, № 3]. С этими выводами Янь Ваньчжана согласились все китайские исследователи. Несколько позднее Цзинь Юйфуном были сделаны дополнения к работе Янь Ваньчжана, в которых он рассмотрел города, политику, искусство, литературу Бохая и определил социальный статус лудиншаньского некрополя: “некрополь рода ванов, в котором находятся редкие и ценные погребения” [*Цзинь Юйфу*, 1956]. Кроме того, он предложил Центральным руководящим органам и Археологическому институту АН КНР проводить на этом памятнике регулярные стационарные раскопки. В 1959 и 1964 г. были проведены раскопки Центральным государственным учреждением по охране памятников, а затем широкомасштабные исследования осуществил Институт Археологии АН КНР совместно с Академией общественных наук КНДР. В результате установлено, что площадь могильника составляет 150 000 кв.м. В настоящее время сохранилось более 80 могил, занимающих 2 участка (западный участок насчитывает более 30, восточный — более 50 погребений). На памятнике встречены могилы в каменных склепах с земляной насыпью и в каменных ямах с земляной насыпью. Захоронение принцессы Чжэнь Хуэй (могила № 1 из «Трехмогиля») совершено в могильной комнате без входа и коридора, возведенной из уложенных рядами обработанных каменных плит, к которой ведет длинная аллея. Стены гробницы покрыты известью и рисунками. Над могилой возведен алтарный зал для проведения богослужений в честь предков или богов. Снаружи могильный холм обнесён каменным забором. Надгробная плита в форме параллелепипеда с венчавшей ее пирамидой достигала в высоту 95,5 см, ее ширина 48,5 см, толщина 29 см. Верхнюю часть плиты оконтуривал выгравированный растительный орнамент. На плиту нанесена надпись из 21 вертикальной строки. Могила сопровождала два каменных льва высотой 62 см. Раскопки могилы № 2 из «Трехмогиля», проведенные в 1992 г. Институтом археологии, показали, что могила № 2 является единым ансамблем, состоящим из могильной дорожки, коридора, могильной комнаты крупного формата с каменными разрисованными стенами. Могильное захоронение целиком сложено из обработанных базальтовых блоков. Длина могильной комнаты около 3,90 м, ширина около 3,30 м, высота — 2,45 м, длина могильного коридора — около 2,70 м, ширина — около 1,40 м, высота — около 1,70 м; могильная дорожка длиной 9,8 м, шириной 2 м. Верх могильной комнаты сложен из больших оштукатуренных базальтовых плит. Потолок загерметизирован. Могила № 2 из «Трехмогиля» представляет собой «...склеп большого формата в виде каменной комнаты» [*Цзинь Юйфу*, 1956, с. 27], предназначенный для захоронения чиновников высшего ранга и царедворцев-аристократов двора бохайского вана.

В целом относительно некрополя Людиншань у китайских исследователей сложилось мнение, что данное кладбище существовало до того, как бохайская столица была перенесена в Шанцзинчэн, и памятник относится к раннему периоду существования государства Бохай. Принцесса Чжэнь Хуэй скончалась в 777 г., погребена в 780 г., а Дациньмао Вэньван перенес столицу в Шанцзин в 756 г. Следовательно, захоронения на Людиншань совершались и после переноса бохайской столицы в Шанцзин. Поэтому время функционирования людиншаньского некрополя приходится на ранний и средний периоды Бохая.

Вывод. Некрополь Людиншань — один из главных археологических памятников государства Бохай, позволивший китайским исследователям не только разработать его периодизацию и датировку, но и реконструировать духовную и материальную культуру аристократии.

Городище Аодунчэн. Расположено на северном берегу р. Муданцзян в юго-восточной части городского района. Относится к периоду государства Бохай. Исследовалось провинциальным учреждением по охране памятников. Название «Аодунь» — передача маньчжурского слова «Одоли» (р. Муданцзянь). Городище в плане образует два квадрата, один помещенный в другой, периметр внешней стены приблизительно 1200 м, внутренней стены — приблизительно 320 м. Длина с запада на восток — 80 м, ширина с севера на юг — 80 м. Конструкция стен земляная. По краям внешней стены расположено 7 фронтальных башен. В южной стене прорезаны ворота с защитным валом перед ними (захаб). Внутреннее городище защищено рвом. Многие годы на городище находили большое количество черепицы, кирпича, каменных ступок, изделий из керамики, железных котлов, железных наконечников стрел, бронзовых монет. Историки предполагают что это столица «старого владения» раннего периода государства Бохай. Памятник сильно разрушен [Вэньу, 1960, № 6].

Вывод. Определение городища Аодунчэн в качестве столицы «старого владения» раннего периода государства Бохай является одним из важнейших достижений китайских историков в области бохаведения.

Поселение Бэйшаньцунь. Расположено южнее деревни Шань-цунь волости Цзяннань-сян в городском районе. Относится к периоду государства Бохай. Обнаружено в 1975 г. Площадь памятника составляет 8000 кв.м. Мощность культурного слоя — 0,4 м. Среди собранного материала — каменная ступка, керамический кувшин из серо-черной отмученной глины (категория III), фрагменты керамики серого цвета из мелкозернистой глины (категория II).

Вывод. Поселение по собранным материалам условно может быть отнесено к бохайской культуре.

Поселение Шуаншэн. Расположено около р. Мицзян в 500 м южнее деревни Шуаншэн-цунь волости Цзяннань-сян в городском районе. Относится к периоду государства Бохай. Обнаружено в 1975 г. Площадь памятника составляет приблизительно 3000 кв.м. Мощность культурного слоя — 0,3 м. Собранные фрагменты керамики из серой отмученной глины, керамические грузила для рыболовных сетей. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Поселение по собранным материалам условно может быть отнесено к бохайской культуре.

Памятник «24 камня» в Цзяндуне. Расположен восточнее реки в городе Дуйхуа-ши. Памятник отнесен к периоду государства Бохай. Исследован областным учреждением по охране памятников. Представлен остатками фундамента здания, ориентированного с севера на юг и состоящего из 24 цокольных камней, образующих 3 линии с 8 камнями в каждой. Занимает площадь около 80 кв.м. Каменные базы округлой формы, грубо высечены из базальта. Диаметр баз 0,8 м. Под землей обнаружен слой утрамбованной земли мощностью 0,5 м, ниже которого залегал фундамент из дробленой породы толщиной 0,9 м. На поверхности земли рассеяна черепица красного и серого цвета с оттиском ткани, желобчатая черепица, капельники. [Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао, 1985, № 8].

Вывод. Памятник по архитектурным деталям соответствует государственным признакам бохайской культуры. Вероятно, это придорожная почтовая станция.

Городище Хэндаохэцзы. Расположено в 2,5 км восточнее деревни Хэндаохэцзы-цунь поселка Цюлигоу-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Исследован городским учреждением по охране памятников. В плане городище образует неправильный квадрат с периметром 1620 м. Валы сооружены из земли. По центру западной стены расположены ворота с защитным валом перед ними. Снаружи западной стены расположено три защитных вала высотой 2–4 м, шириной 3–5 м. Другие стены защищены снаружи рвами шириной 2 м. С восточной стороны возведена 70-метровая каменная стена. Сохранность памятника хорошая.

Вывод. Городище по фортификационным традициям соответствует бохайской культуре.

Горное городище Тунгоулин. Расположено на горе восточнее деревни Лаохудуньцунь поселка Гуаньди-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Исследовался областным учреждением по охране памятников. В плане имеет неправильную форму, повторяя конфигурацию горы. Периметр городища достигает 2000 м, стены сооружены из земли и камней. Восточная, западная и северная части стены имеют ворота. Северные ворота дополнительно защищены внешним валом. На стенах возведено 9 фронтальных и 3 угловые башни. Внутри городища есть искусственный водоем. Среди находок отмечены бронзовые монеты, фрагменты керамики из серой отмученной глины, железные наконечники стрел. Городище хорошей сохранности [Каогу, 1962, № 11].

Вывод. Городище по материалу соответствует бохайской культуре. Фортификационные особенности предполагают более позднюю его перестройку.

Городище Цуньчуанькоу. Расположено севернее деревни Чуанькоу-цунь поселка Шахэянь-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государства Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен и обследован в 1957 г. городским учреждением по охране памятников. Стены городища земляные. Полностью сохранились только южная стена городища и часть фундамента западной стены. Длина южной стены — 120 м, длина западной стены — 170 м, высота — 0,5–0,7 м. Восточная и северная стены размыты рекой. Среди материала зафиксированы фрагменты керамики из серой отмученной глины, обломки черепицы [Каогу, 1962, № 11].

Вывод. Городище по материалу соответствует бохайской культуре.

Памятник «24 камня» в Гуаньди. Расположен на юг от дороги из Гуандичжэна в Дуншэн-цунь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Исследован городским учреждением по охране памятников. Представляет собой фундамент здания, состоящий из 24 каменных баз, образующих три ориентированных с запада на восток ряда, каждый из которых включает по восемь баз. Занимает площадь около 90 кв.м. Каменные базы вытесаны из гранита, имеют квадратную форму, длина сторон — 0,75 м. На поверхности земли рассеяны фрагменты черепицы, керамики и красной рыхлой обожженной глины. [Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао, 1958, № 8].

Вывод. Городище по материалу соответствует бохайской культуре. Видимо, это почтовая станция.

Городище Шиху. Расположено в 500 м к юго-западу от деревни Бакэшу-цунь поселка Гуаньди-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1957 г. городским учреждением по охране памятников. В плане квадратной формы, периметр равен 1880 м. Стены городища построены из земли. Ширина фундамента — 6–9 м, остаточная высота — 0,8–2 м. По периметру расположен городской ров, с южной стороны есть ворота. На юге расположена еще одна маленькая стена. На поверхности земли изредка встречаются предметы. Стены достаточно сильно повреждены [Каогу, 1962, № 11].

Вывод. Городище по фортификационным особенностям соответствует бохайской культуре.

Городище Хэйши. Расположено с северной стороны волости Хэйши-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Исследован городским учреждением по охране памятников. В плане прямоугольной формы, периметр равен 1320 м. Длина стен с севера на юг — 360 м, с запада на восток — 300 м, высота около 3 м. Стены городища земляные, оснащены 13 фронтальными и угловыми башнями. В южной стене есть ворота и защитный вал перед ними (захаб). Среди находок отмечены фрагменты черепицы, серый кирпич, бронзовые монеты, фрагменты фарфора. Городище сильно разрушено [Каогу, 1962, № 11].

Вывод. Городище по фортификационным особенностям соответствует бохайской культуре.

Поселение Сунцзяган. Расположено северо-западнее деревни Сунцзяган-цунь волости Хэйши-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь составляет 10 000 кв.м. Мощность культурного слоя 0,3 м. Среди находок зафиксированы фрагменты керамики из серой отмученной глины, черепица с оттиском ткани. Памятник сильно разрушен.

Вывод. Поселение условно соответствует бохайской культуре.

Поселение Эму. Расположено юго-восточнее поселка Эму-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь охватывает 700 кв.м. Среди собранного материала зафиксированы фрагменты керамики из серой отмученной глины, черепица с оттиском ткани.

Вывод. Поселение условно соответствует бохайской культуре.

Поселение Чжиань. Расположено в 1 км к югу от деревни Цзыань-цунь волости Хэйши-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обнаружен в 1983 г. Площадь достигает 20 000 кв.м. На поверхности земли собраны черепица, концевые диски с зооморфными ликами, фрагменты керамики из серой отмученной глины.

Вывод. Поселение условно соответствует бохайской культуре.

Городище Наньтайцзы. Расположено в 750 м севернее деревни Наньтайцзы-цунь волости Хэйши-сян. Занимает склон горы над рекой. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1957 г. городским учреждением по охране памятников. В плане имеет неправильную форму, следуя за горным рельефом. Северная сторона со стороны реки и склона не укреплена стенами. Периметр городища равен 500 м. Стены сооружены из земли. Ширина фундамента — 5–6 м, высота — 0,5–1,5 м. С внешней стороны западной стены расположен защитный ров. Из материала зафиксированы фрагменты керамики красного и серо-бурого цвета из отмученной глины. Городище серьезно повреждено [Каогу, 1962, № 11, с. 12].

Вывод. Городище условно соответствует бохайской культуре.

Городище Дадяньцзы. Расположено севернее деревни Дадяньцзы-цунь волости Линьшен-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1957 г. городским учреждением по охране памятников. В плане имеет неправильную форму. Общая длина западной и южной стен составляет 600 м, на севере и востоке городище имеет естественную защиту в виде горы и реки и не имеет укреплений. Стены земляные. Зафиксированы 1 ворота, 6 фронтальных башен. Внутри городища отмечен навал из камней, остатки построек. Памятник серьезно разрушен. [Каогу, 1962, № 11, с. 25].

Вывод. По фортификационным деталям городище условно соответствует бохайской культуре.

Поселение Даньюйган. Расположено в 400 м восточнее деревни Даньюйган-цунь поселка Дашаньцзуйцзы-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь поселения составляет 3000 кв.м. Среди находок значатся фрагменты керамики из серой отмученной глины, черепица с оттиском ткани и толстого каната.

Вывод. Городище условно соответствует бохайской культуре.

Поселение Яодяньцзы. Расположено восточнее деревни Яодяньцзы-цунь поселка Дашаньцзуйцзы-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован городским учреждением по охране памятников. Площадь памятника составляет 150 000 кв.м. Мощность культурного слоя — 0,3–0,6 м. Обнаружен фундамент платформы площадью 600 кв.м. Собранный материал включает керамические ручки-ушки в форме мостика бурого цвета из мелкой зернистой глины с примесью песка (категория I, ленточные ручки), серый кирпич, куски черепицы, керамическое пряслице, каменные базы колонн. Памятник имеет хорошую сохранность.

Вывод. Поселение Яодяньцзы соответствует бохайской культуре.

Поселение Дашаньцзуйцзы. Расположено к востоку от рыбного завода Дашань, в 500 м северо-восточнее поселка Дашаньцзуйцзы-чжэнь. Памятник двухслойный. Представлен эпохой бронзы и периодом государства Бохай. Обнаружен в 1960 г. областным учреждением по охране памятников. Протяженность поселения с севера на юг равна 200 м, с запада на восток — 60 м. Мощность культурного слоя достигает 0,4 м. Среди находок встречены фрагменты бурой керамики с примесью песка (категория I, тип 1), каменный топор, каменный жернов, фрагменты керамики из серой отмученной глины (категория III), черепица. Часть памятника затоплена водой. Поселение серьезно разрушено.

Вывод. Поселение Дашаньцзуйцзы соответствует бохайской культуре.

Памятник «24 камня» в Яодяньцзы. Расположен восточнее деревни Яодяньцзы-цунь поселка Дашаньцзуйцзы-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1957 г. городским учреждением по охране памятников. Представляет собой остатки фундамента здания, состоящего из 24 каменных баз, группирующихся в три ориентированных с севера на юг ряда. Каждый ряд состоит из 8 баз. Строение занимает площадь 65 кв.м. Каменные базы диаметром 0,75 кв.м высечены из магматической породы и имеют круглую форму. На поверхности земли рассеяно большое количество кусков черепицы [Цилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао, 1985, № 8].

Вывод. Памятник «24 камня» в Яодяньцзы по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре. Вероятно, это придорожная почтовая станция.

Городище Яодяньцзы. Расположено на горе Мааньшань в 300 м севернее деревни Яодяньцзы-цунь поселка Дашаньцзуйцзы-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1983 г. городским учреждением по охране памятников. Защитная стена охватывает вершину горы, имеет форму круга. Ее периметр равен 98 м. Стены построены из земли. С северо-восточной стороны расположены ворота. Находок нет. Сохранность памятника достаточно хорошая.

Вывод. Городище Яодяньцзы условно соответствует бохайской культуре.

Поселение Цзяньчан. Расположено в 500 м к югу от деревни Цзяньчан-цунь волости Лянбин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь равна 2000 кв.м. Собрана плоская черепица с пальцевыми вдавлениями, фрагменты круговой керамики из серой отмученной глины (категория III).

Вывод. Поселение Цзяньчан по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Горное городище Уфэншаньчэн. Расположено в 500 м севернее деревни Уэр-цунь волости Чансин-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане городище имеет неправильную форму, тянется по горному хребту на 2 км. Сооружено из земли, имеет наблюдательную, фронтальную, угловую башни, с юга оснащено воротами с защитным валом. Возле западной стены прослежены остатки фундамента площадью 600 кв.м. Внутри городища есть водоем и небольшая стена длиной 80 м. На поверхности земли рассеяны фрагменты кирпичей, черепицы, фрагменты керамики из серой

отмученной глины, а также железные наконечники стрел. Сохранность памятника достаточно хорошая.

Вывод. Горное городище Уфэншаньчэн по фортификационным деталям больше соответствует когурёским традициям, активно применявшимся в Бохае. Не исключено, что фортификация перестраивалась в последующие периоды.

Поселение Юйминь. Расположено в западной части деревни Юйминь-цунь волости Чансин-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Площадь поселения составляет 5000 кв.м. На территории памятника обнаружен древний колодец, в котором найден керамический горшок, железный котел на трех ножках. На поверхности собраны фрагменты керамики из серой отмученной глины, обломки фарфорового изделия. Поселение серьезно разрушено.

Вывод. Поселение Юйминь условно соответствует бохайской культуре.

Северные строения у Чансина. Расположены на севере деревни Чансин-цунь, волости Чансин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Его протяженность с запада на восток составляет 25 м, с севера на юг — около 30 м. Мощность культурного слоя 1 м. Внутри строений найдены фрагменты черепицы, скопление фрагментов керамики (категория III), а также обломки кирпича, различные шлифованные украшения.

Вывод. Северные строения у Чансина условно соответствуют бохайской культуре.

Поселение Чансин. Расположено в 1 км юго-восточнее волости Чансин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь не установлена. На поверхности земли рассеяна черепица с пальцевыми вдавлениями, плоская черепица с оттиском ткани, фрагменты керамики из серой отмученной глины. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Поселение Чансин условно соответствуют бохайской культуре.

Горное городище Далицзы. Расположено в 1,5 км севернее деревни Далицзы-цунь поселка Минъюэ-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане городище трапецевидной формы, построено в соответствии с рельефом. Периметр валов составляет 340 м. В восточной части городища отдельно возведена маленькая стена. Структура стен каменно-земляная. Верхняя часть чаще выложена из камня, ширина фундамента — 6 м, высота стены — 2 м. На поверхности земли рассеяны фрагменты керамики из серой отмученной глины (категории II, III). Из земли извлечены железные наконечники стрел и железный котел. Хорошую сохранность имеет только южная стена.

Вывод. Горное городище Далицзы соответствуют бохайской культуре.

Руины строения в Чунши. Расположены в 500 м северо-западнее деревни Чунши-цунь поселка Шимэнь-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Представляет собой искусственную ровную платформу, длина которой с запада на восток составляет 30 м, с севера на юг — 3–4 м. На поверхности

рассеяна желобчатая черепица, черепица с пальцевыми вдавлениями и оттиском веревки.

Вывод. Руины строения в Чунши по архитектурным деталям соответствуют бохайской культуре.

Поселение Даосин. Расположено на горе Бэйшань в деревне Даосин волости Фусин. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Площадь поселения составляет 120 000 кв.м. На поверхности земли обнаружено большое количество кирпича и черепицы периодов Бохай, Ляо и Цзинь, фрагменты керамики из серой отмученной глины, каменные базы. К бохайским находкам отнесены квадратный кирпич, концевой диск черепицы с изображением цветка лотоса, капельник с узором в виде бус, концевой диск черепицы с зооморфными ликами, украшения с изображением животных из желто-бурой глины.

Вывод. Поселение Даосин по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Фушоутунь. Расположено в 1 км южнее района Фушоу-тунь деревни Тайян-цунь волости Фусин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Границы поселения с запада на восток составляют 100 м, с севера на юг — 50 м. На поверхности земли рассеяны фрагменты красно-бурой и серой желобчатой черепицы с оттиском ткани.

Вывод. Поселение Фушоутунь по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Фуцзягоу. Расположено в 2,5 км юго-западнее деревни Чатяогоу-цунь поселка Шимэнь-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Протяженность поселения с запада на восток составляет 100 м, с севера на юг — около 50 м. Собрана черепица с пальцевыми вдавлениями, желобчатая черепица, капельник и фрагменты керамики из серой отмученной глины.

Вывод. Поселение Фуцзягоу по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Синьсинтунь. Расположено севернее района Синьсин-тунь деревни Юйшучуань поселка Шимэнь-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Протяженность поселения с запада на восток равна 200 м, с севера на юг — 140 м. На поверхности земли рассеяны фрагменты керамики бурого цвета с примесью песка (категория I, тип 1), фрагменты круговой керамики из серой отмученной глины (категория III), черепица с оттиском ткани и фрагменты фарфора с глазурью цвета слоновой кости, темно-зеленого цвета и цвета соевого соуса. Прослеживаются следы городища.

Вывод. Поселение Синьсинтунь соответствует бохайской культуре.

Могильник Чанжэнь. Расположен к западу от деревни Чанжэнь-цунь, волости Лунмэнь-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1960 г., в 1984 г. повторно осмотрен областным учреждением по охране памятников (произведена съемка и составлена карта местности). Площадь

могильника составляет 7000 кв.м. Выявлены 23 древние могилы, 18 из которых не повреждены. Могилы с каменной камерой и земляной насыпью, длина стороны самой большой земляной насыпи — 8 м, высота — 3,5 м, могильная камера имеет сводчатый купол и скругленные углы, имеется дромос и обвалованная дорога.

Вывод. Могильник Чанжэнь соответствует погребальным традициям бохайской культуры.

Городище Сигучэн. Расположено в 250 м юго-восточнее деревни Бэйчан-цунь поселка Сичэн-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Исследовано Провинциальным учреждением по охране памятников. В плане прямоугольной формы. Внутренние и внешние стены возведены из утрамбованной земли (способ ханту). Периметр внешней стены — 2700 м. Длина с севера на юг — 720 м, с запада на восток — 630 м. Ширина фундамента — 13–17 м, высота — 1,5–2,5 м. Южная и северная стороны оснащены воротами; периметр внутренней стены — 1000 м, длина с севера на юг — 370 м, ширина с запада на восток — 190 м, большая часть стены разрушена. Внутри городища прослежены руины 5 дворцов и фундаменты двух платформ. Среди находок имеется глазурованная черепица зеленого цвета, кирпич с изображением цветка, черепица с надписями, концевой диск с изображением цветов лотоса и жимолости. Предполагается, что городище Сигучэн — бохайская средняя столица области Сяньдэ-фу, когда-то являвшаяся столицей государства. В настоящий момент городище сильно разрушено [Отчет об обследовании древних памятников в провинции Цзяньдао, 1984, № 1].

Вывод. Городище Сигучэн соответствует фортификационным особенностям бохайской культуры. Чрезвычайно важен факт определения городища как бохайской средней столицы области Сяньдэ-фу, когда-то являвшейся столицей государства.

Могильник Лунтоушань. Расположен в деревне Лунхай-цунь волости Луншуй-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Исследован Центральным государственным учреждением по охране памятников. Занимает территорию в 6000 кв.м. Выявлено более 10 захоронений, среди которых — знаменитая «могила принцессы Чжэнь-сяо». Большинство погребений представлены каменными ямами с земляной насыпью площадью 20 кв.м. В отдельных могилах обнаружены фрески, на некоторых могилах находилось большое количество обломков черепицы. Зафиксированы постройки, похожие на храмы для служб и жертвоприношений. Большая часть могильника имеет хорошую сохранность [Боугуань яньцзю, 1983, № 3, с. 2–3].

Вывод. Могильник Лунтоушань является одним из важнейших некрополей Бохая, где находится знаменитая «могила принцессы Чжэнь-сяо».

Горное городище Бацзяцзы. Расположено на вершине горы в 500 м южнее поселка Бацзяцзы-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Горное городище в плане образует неправильную форму иероглифа «Ао» 凹. Обнаружено в 1979 г. Большинство стен земляные, некоторые — каменно-земляные. Периметр городища достигает 1500 м. В восточной стене расположены ворота, имеется наблюдательная башня, водоем. Памятник серьезно поврежден.

Вывод. Горное городище Бацзяцзы — важный памятник Бохая, свидетельствующий о том, что бохайцы на своих городищах сооружали наблюдательные башни.

Могильник Фудун. Расположен к западу от начальной школы деревни Фудун-цунь поселка Фудун-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. В настоящее время территория могильника в большом беспорядке. Удалось обнаружить 3 древних могилы. Одна могила имеет земляную насыпь длиной 8 м, высотой 5 м. На могиле зафиксировано скопление черепицы с оттиском ткани, плоской черепицы с пальцевыми вдавлениями. Предполагается, что это остатки могильного купола. Кроме того, на поверхности земли сохранилось много камней, из которых построена могила. Памятник серьезно поврежден.

Вывод. Могильник Фудун по погребальным традициям соответствует бохайской культуре.

Могильник Хуйчжан. Расположен в 100 м западнее района Сань-тунь деревни Хуйчжан-цунь волости Юнхуа-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Исследовался Уездным учреждением по охране памятников в 1983 г. Площадь могильника равна 1500 кв.м. Во время работ обнаружено, что под землей на глубине 1–3 м расположены 2 могилы, а на поверхности земли — хорошо сохранившаяся могила с каменной камерой и земляной насыпью. При раскопках найдены: кольцо из яшмы, агатовые бусы, бронзовое пластинчатое украшение, поясное украшение, украшение в виде 2 звеньев цепочки, железный топор, железные наконечники стрел, железный нож, железный котел с 2 ручками-ушками. Памятник имеет серьезные разрушения.

Вывод. Могильник Хуйчжан по погребальным традициям соответствует бохайской культуре.

Поселение Хуйчжан. Расположено в 520 м северо-западнее района Сань-тунь деревни Хуйчжан-цунь волости Юнхуа-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Его площадь равна 1000 кв.м. На поверхности земли найдено большое количество железного шлака. При раскопках обнаружены концевой диск черепицы с изображением цветка лотоса, фрагменты черепицы. В настоящее время на территории памятника расположена пашня.

Вывод. Поселение Хуйчжан по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Горное городище Суньюэшань. Расположено в 1 км юго-западнее деревни Суньюэ-цунь волости Фусин-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Горное городище построено в соответствие с рельефом горы, в плане образует форму неправильного круга. Периметр земляных стен равен 2480 м. Минимальная ширина — 10 м, высота — 2–4 м. В восточной стене устроены ворота, 4 угловые башни. Внутри городища зафиксированы остатки каменной постройки. При раскопках обнаружены железные наконечники стрел, фрагменты керамики из серой отмученной глины (категория III). Сохранность городища хорошая.

Вывод. Горное городище Суньюэшань по фортификационным особенностям более соответствует когуреским традициям, активно использовавшимся в Бохае.

Поселение Гаочаньцунь. Расположено в 500 м юго-западнее деревни Гаочан-цунь поселка Дэхуа-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь не установлена. Обследовано и раскопано в 1989 г. Внутри поселения обнаружен фундамент постройки 8-угольной формы. Наружный диаметр равен 12 м, внутренний — 7 м, на данный момент сохранилось 16 цокольных камней. При раскопках найдены глиняная и бронзовая статуэтки Будды, железный колокольчик, черепица, концевой диск черепицы. Поселение сильно разрушено.

Вывод. Поселение Гаочаньцунь соответствует бохайской культуре и содержит государственные атрибуты в виде культовых предметов.

Поселение Лунъюань. Расположено в 250 м северо-восточнее деревни Лунъюань-цунь поселка Дэхуа-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государства Бохай. Обнаружен в 1979 г. Площадь поселения равна 5000 кв.м. Найдены ручки-ушки в форме цилиндров из бурой керамики с примесью песка (кроуновская культура), днище пароварки (категория II), а также плоская черепица, желобчатая черепица, концевой диск. На месте памятника расположен фруктовый сад.

Вывод. Поселение Лунъюань содержит слой бохайской культуры.

Поселение Луго. Расположено к юго-востоку от деревни Луго-цунь, волости Луго-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государства Бохай. Обнаружен в 1979 г. Протяженность с запада на восток составляет 500 м, с севера на юг — 200 м. Среди собранного материала каменный топор, изделия из обсидиана, фрагменты керамики красно-бурого цвета с примесью песка, плоская и желобчатая черепица. Сохранность поселения хорошая.

Вывод. Поселение Луго содержит слой бохайской культуры.

Городище Гучэнли. Расположено в 500 м западнее волости Чуншань-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане образует неправильный прямоугольник, длина с запада на восток — 250 м, ширина с севера на юг — 180 м. Некоторые стены городища сложены из камней, а другие защищены скалой, минимальная ширина стен — 5–6 м, высота около 1 м. В восточной стене расположены ворота. Среди находок отмечены кирпичи, черепица, железные наконечники стрел. Памятник имеет хорошую сохранность. В настоящее время внутри городища заливное поле.

Вывод. Городище Гучэнли содержит слой бохайской культуры.

Поселение Дадун. Расположено приблизительно в 100 м южнее деревни Дадун-цунь уезда Чуншань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1984 г. Площадь поселения 40 000 кв.м. Среди находок собраны карнизная нижняя черепица, украшенная резным орнаментом, венчики керамики из бурой и серой отмученной глины (категории I, III). Сохранность поселения хорошая.

Вывод. Городище Дадун соответствует атрибутам бохайской культуры.

Могильник Цаопин. Расположен юго-западнее деревни Хэси-цунь поселка Саньхэ-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен

и обследован в 1979 г. Зафиксировано 8 захоронений в каменных ямах. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Могильник Цаопин соответствует погребальным традициям бохайской культуры.

Могильник Саньхэ. Расположен в северной части сельскохозяйственного управления поселка Саньхэ-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1979 г. Площадь могильника не превышает 1000 кв.м. Найдено 6 могил с земляной насыпью, собрана плоская черепица с пальцевыми вдавлениями. В южной части могильника расположен фундамент строения бохайского периода.

Вывод. Могильник Саньхэ соответствует погребальным традициям бохайской культуры.

Могильник Таньцзянь. Расположен южнее района Таньцзянь-тунь поселка Кайшаньтунь-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1984 г. Выявлено 10 могил в каменных ямах с земляной насыпью. Из находок обнаружены керамические горшки. Могильник серьезно разрушен.

Вывод. Могильник Таньцзянь соответствует погребальным традициям бохайской культуры.

Горное городище Чуанькоу. Расположено в 300 м северо-западнее района У-тунь деревни Чуанькоу-цунь поселка Кайшаньтунь-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь. Начиная с 1960 г. многократно исследовался областным учреждением по охране памятников. В плане образует овал неправильной формы. Во внутренней части городища построен земляной вал, делящий город на 2 части. Периметр вала юго-восточной части городища равен 1960 м, высота достигает 4 м. Внутри юго-восточной части городища расположены остатки крупного строения, собраны плоская черепица с пальцевыми вдавлениями, концевой диск с зооморфными ликами и фрагменты круговой керамики из серой отмученной глины. Периметр вала северо-западной части городища составляет 1814 м. Внутри этой части городища обнаружено мало находок. На западе городища, на вершине горы, приблизительно в 500 м установлена сигнальная башня.

Вывод. Горное городище Чуанькоу по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре. В фортификационных атрибутах прослеживаются более поздние приемы.

Могильник Луньцзинь. Расположен в районе Луцзи-тунь деревни Синьфу-цунь волости Чанбай-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1985 г. во время ремонта оросительных каналов. Под землей на глубине 1,5 м в один ряд расположены могилы в каменных ямах. Граница памятника не установлена. Обнаружены человеческие кости, керамические горшки из серой отмученной глины, железные кольца от гроба, перстень. Рядом с оросительной канавой рассеяно довольно много каменных плиток и кусков камней. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Могильник Луныцзинь соответствует погребальным традициям бохайской культуры.

Городище Синъань. Расположен в 500 м севернее волости Синъань-сян. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Когурё, Бохай. Обследован в 1981 г. В плане городище образует прямоугольник. Фундамент стен каменный, сами стены земляные. Длина с запада на восток достигает 500 м, с севера на юг — 380 м. Западная стена не сохранилась, по северному и восточному углам есть угловые башни. Внутри городища обнаружены фрагменты плоской черепицы с сетчатым узором, черепицы с узором из прочерченных линий, черепицы с оттиском веревки, желобчатой черепицы с оттиском ткани, керамики с узором в виде волны из серой отмученной глины, ручки-ушки сосудов, венчики с круглыми и острыми краями (категория I, тип 1, категория II). Городище значительно разрушено.

Вывод. Городище Синъань по материалу соответствует бохайской культуре и является важным доказательством использования башен бохайцами.

Поселение Хэбэй. Расположено в 200 м восточнее района Хэбэй-тунь поселка Шисянь-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1985 г. Протяженность поселения с запада на восток составляет 40 м, с севера на юг — 60 м. Среди находок зафиксирован венчик керамического сосуда бурого цвета с примесью песка, цилиндрические ручки-ушки, доньшко сосуда. В западной части поселения располагалась постройка, от которой сохранились цокольный камень, черепица с оттиском веревки, черепица с оттиском ткани, архитектурные украшения, капельник, кирпич, фрагменты керамики из серой отмученной глины. Поселение серьезно повреждено.

Вывод. Поселение Хэбэй по архитектурным деталям относится к бохайской культуре.

Поселение Саньдаогоу. Расположено в деревне Саньдаогоу-цунь волости Синьсин-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государства Бохай. Обнаружен в 1979 г. Площадь поселения не установлена. Собраны фрагменты керамики бурого цвета с примесью песка (категория I, тип 1), каменные изделия, серая черепица с оттиском ткани, концевой диск, фрагменты керамики из серой отмученной глины. Поселение серьезно разрушено.

Вывод. Поселение Саньдаогоу относится к бохайской культуре.

Руины строения в Синьтянь. Расположены в 500 м юго-восточнее деревни Синьтянь-цунь поселка Байцайгоу-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и обследован в 1983 г. Представлен искусственной плоской платформой площадью 1155 кв.м. Вблизи рассеяны архитектурные детали, типичные для бохайского периода: плоская черепица, желобчатая черепица, кирпич, концевой диск черепицы, два фрагмента желобчатой черепицы с зеленой глазурью.

Вывод. Строения в Синьтянь по архитектурным деталям соответствуют бохайской культуре.

Городище Лунцюань. Расположено в 400 м восточнее начальной школы в деревне Лунцюань-цунь волости Синьсин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане образует близкую к квадрату форму, периметр равен 265 м, длина с севера на юг — 70 м, с запада на восток — 62 м. Стены городища построены из смеси земли и камня. Ширина фундамента стены — 3–5 м, высота — 1 м. Внутри городища прослежены остатки фундамента, собрана черепица серого цвета с оттиском ткани и концевой диск. Городище серьезно разрушено.

Вывод. Городище Лунцюань по фортификационным и архитектурным деталям соответствуют бохайской культуре.

Поселение Синьтянь. Расположено в 100 м восточнее деревни Синьтянь-цунь поселка Байцаогоу-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государства Бохай. Площадь памятника составляет 10 000 кв.м. Среди находок отмечены каменный тесак, каменный топор, фрагменты керамики бурого цвета с примесью песка, а также плоская черепица с пальцевыми вдавлениями и венчики керамики из серой отмученной глины.

Вывод. Поселение Синьтянь по обнаруженным в бохайском слое керамическим и архитектурным материалам соответствует бохайской культуре.

Городище Гаочэн. Расположено в юго-западной части деревни Гаочэн-цунь волости Чжунпин-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане городище образует неправильный прямоугольник, защищенный с трех сторон стенами, с севера — горой. Длина городища с запада на восток — 330 м, с севера на юг — 268 м. Стены возведены из каменно-земляной смеси. Ширина фундамента — 5–7 м, высота — 0,5 м. Лучшую сохранность в настоящее время имеет южная стена. Среди находок значатся концевой диск черепицы, черепица серого цвета с оттиском ткани, фрагменты керамики из серой отмученной глины. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Городище Гаочэн по фортификационным и архитектурным деталям соответствуют бохайской культуре.

Городище Аньтяньчэнбао. Расположено в 500 м к западу от деревни Аньтянь-цунь поселка Байцайгоу-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Защитная стена возведена на вершине горы. В плане имеет форму овала. Стены сложены из камней. Периметр стен равен 64 м, высота достигает 1,4 м. Среди находок зафиксированы фрагменты керамики из серой отмученной глины. Вблизи этого горной каменной крепости обнаружено разрушенное бохайское городище.

Вывод. Городище Аньтяньчэнбао по фортификации относится к типу горных каменных крепостей, возведенных в соответствии с когурёскими традициями. Такие крепости, как правило, сопровождают долинны бохайские городища и поселения, а также осуществляют охранно-сторожевую функцию относительно транспортных магистралей, в данном случае, видимо, проходящей здесь сухопутной дороги. Городище имело важное стратегическое значение.

Могильник Фусин. Расположен в деревне Фусин-цунь поселка Байцайгоу-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован в 1953 г. уездным учреждением по охране памятников. Выявлено 6 могил в каменных

склепах. Встречены захоронения одного человека, парные и коллективные. Кроме того, зафиксированы вторичные захоронения. Погребальный инвентарь в могилах отсутствовал. Среди подъемного материала отмечено одно сильно заржавевшее железное изделие неизвестного назначения. В настоящее время сохранилось 4 могилы [Каогу, 1961, № 8, с. 18].

Вывод. Могильник Фусин по погребальным традициям соответствует бохайской культуре.

Городище Синлун. Расположено в 1,5 км юго-восточнее деревни Синлун-цунь волости Чжуань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Городище возведено на вершине горы. В плане имеет форму овала. Периметр равен 352 м. Стены сооружены из земли и камней. Высота — 0,5–1 м. Внутри городища зафиксированы остатки строений. Собрано множество фрагментов керамики из серой отмученной глины. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Городище Синлун по фортификации относится к типу горных крепостей, как правило, сопровождающих долинские бохайские городища и поселения и осуществляющих охранно-сторожевые функции проходящих дорог. Городище имело важное стратегическое значение.

Городище Муданьчуань. Расположено в 700 м восточнее деревни Муданьчуань-цунь волости Чжунань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане городище имеет форму квадрата. Периметр стен равен 400 м. Структура стен каменно-почвенная. Среди материала отмечена желобчатая черепица серого цвета с оттиском ткани, плоская черепица и концевой диск. В настоящее время от памятника осталось несколько каменных холмов.

Вывод. Городище Муданьчуань по фортификационным традициям (долинному типу, квадратной форме, каменно-почвенной структуре валов) и архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Городище Цзянбэй. Расположено на территории кирпичного завода севернее реки в 1,5 км северо-восточнее поселка Вансин-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследование проведено в 1979 г. Стены городища полностью разрушены. Границы памятника не установлены. Внутри городища сохранились руины фундамента и строений, видимо, внутреннего города. Разрез памятника выявил 130-метровое нагромождение кирпича и черепицы мощностью 0,2 м. Среди находок отмечена желобчатая черепица, плоская черепица, концевые диски, квадратный кирпич с изображением цветка.

Вывод. Городище Цзянбэй по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Могильник Инби. Расположен в деревне Инби-цунь волости Цигуань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован в 1983 г. Занимает площадь в 4000 кв.м. Раскопано 12 могил, представленных каменными ямами с земляной насыпью. Среди находок встречены венчики лепных сосудов с двойной губкой из мелкозернистой глины бурого цвета (мохэский тип, категория I, тип 1), боковые стенки сосудов с прочерченным волнообразным декором (найфельдская группа мохэской культуры, категория I, тип 1). Памятник значительно разрушен.

Вывод. Могильник Инби по погребальному обряду и инвентарю соответствует бохайской культуре, базирующейся в данном случае на найфельдской группе мохэ, т.е. сумо-мохэ.

Поселение Инби. Расположено в 1,5 км юго-восточнее деревни Инби-цунь волости Цигуань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен в 1979 г. Площадь поселения равна 5000 кв.м. На поселении зафиксирована платформа размером с севера на юг 46 м и с запада на восток — 36 м при высоте в 0,30 м. На ней расположены четыре фундамента. Среди находок — желобчатая черепица серого цвета с оттиском ткани, плоская черепица и концевой диск.

Вывод. Поселение Инби по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре и связано с могильником Инби.

Городище Цигуань. Расположено в 300 м северо-восточнее волости Цигуань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане образует прямоугольник, длина с запада на восток — 510 м, ширина с севера на юг — 337 м. Стены городища сложены из смеси речной гальки и земли, ширина фундамента — 9–11 м, высота — 1,5 м. Северные ворота, восточная и южная стены разрушены. Снаружи западной стены городища прослежено основание высокой платформы. Внутри городища рассеяна черепица серого цвета с оттиском ткани, концевой диск с изображением лотоса, фрагменты горшка с двойной губкой из серой отмученной глины (мохэский тип, категория I, тип 1). В настоящее время городище серьезно разрушено.

Вывод. Городище Цигуань по фортификационным и архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Цигуань. Расположено в 200 м восточнее городища Цигуань волости Цигуань-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Сохранились руины строений и земляная стена периметром 52 м, в пределах которой рассеяны архитектурные детали в виде концевых дисков, карнизов, плоской и желобчатой черепицы. В настоящее время поселение серьезно повреждено.

Вывод. Поселение Цигуань по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Тяньцяолин. Расположено около трансформаторной подстанции южнее поселка Тяньцяолин-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государства Бохай. Обнаружен в 1979 г. Площадь не установлена. Собранный материал включает горшки красно-бурого цвета с примесью песка, фрагменты сосуда типа Доу, грузила для сетей, каменный топор, каменный нож, каменный жернов, плоскую черепицу, желобчатую черепицу, концевой диск и карниз нижней черепицы. Поселение сильно разрушено.

Вывод. Поселение Тяньцяолин по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Чжундадучуань. Расположено в северо-западной части деревни Чжундадучуань-цунь поселка Чуньян-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Является остатком деревни. Сохранилась стена из цокольных

каменей, образующая в плане прямоугольник, длина которого с запада на восток — 58 м, с севера на юг — 63 м, ширина фундамента — 3–5 м, высота — 0,3 м. Площадь равна 3654 кв.м. В пределах стены собраны находки: плоская черепица с пальцевыми вдавлениями, желобчатая черепица и концевые диски с изображением цветка лотоса. Предполагается, что данный памятник являлся одной из почтовых станций на сухопутном участке пути из Бохая в Японию. Поселение значительно разрушено.

Вывод. Поселение Чжундадучуань является важным археологическим объектом, поскольку предположительно это почтовая станция по дороге «из Бохая в Японию». По архитектурным деталям соответствует бохайской культуре. Из приведенной характеристики объекта следует определение типа почтовой станции, т.е. это прямоугольное здание размером 58×63 м с черепичной крышей.

Остатки строения в Лотошань. Расположены в 1 км севернее района Лотошань-тунь поселка Чуньян-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Длина строения приблизительно 50 м, ширина 20 м. Сохранилось 7 цокольных камней. С поверхности земли собраны плоская черепица, желобчатая черепица, концевые диски.

Вывод. Строение в Лотошань по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Хунъюнь. Расположено в 500 м севернее деревни Хунъюнь-цунь поселка Чуньян-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. От него сохранилась платформа площадью 874 кв.м, высотой 0,5 м. На ней рассеяны архитектурные детали в виде черепицы серого цвета с оттиском ткани, концевого диска с изображением цветка лотоса, цокольных камней. В окрестности в пределах 150 м с запада на восток и 90 м с севера на юг рассеяны многочисленные фрагменты керамики из серой отмученной глины. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Поселение Хунъюнь по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение в Синфу. Расположено западнее деревни Синфу-цунь поселка Чуньян-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Площадь достигает 10 000 кв.м, мощность культурного слоя — 0,2 м. Среди собранных находок встречаются плоская черепица, желобчатая черепица, концевой диск, карнизы, черепица с зеленой глазурью. Поселение значительно разрушено.

Вывод. Поселение Синфу по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Городище Шичэн. Расположено в 500 м северо-западнее деревни Шичэн-цунь поселка Чуньян-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане городище образует прямоугольник. Длина с севера на юг — 180 м, с запада на восток — 134 м. Стены городища сложены из камней. Внутри городища собрана серая черепица с оттиском ткани, концевой диск, фрагменты керамики из серой отмученной глины. Местами встречаются руины строений. Городище значительно разрушено.

Вывод. Городище Шичэн по фортификационным и архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Поселение Чжуаньцзялоуцунь. Расположено в северо-восточной части деревни Чжуаньцзялоу-цунь волости Дунсинь-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Сохранилась сложенная из камней стена квадратной формы, периметр которой равен 260 м, ширина фундамента — 6 м, высота — 0,5 м. Среди собранных предметов встречается плоская черепица с пальцевыми вдавлениями, желобчатая черепица, концевой диск с изображением цветка лотоса, цокольный камень.

Вывод. Поселение Чжуаньцзялоуцунь по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Погребение в Бэйчэнцзы. Расположено в районе Бэйчэнцзы-тунь деревни Синьхуа-цунь волости Дунсинь-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Внешние контуры могилы сохранились до сих пор за счет 15-метровой земляной насыпи, ориентированной запад–восток. Вокруг рассеян кирпич серого цвета и черепица с оттиском ткани.

Вывод. Погребение в Бэйчэнцзы по классификационной характеристике соответствует традициям бохайской культуры.

Гончарная печь в Синьсиндун. Расположена в 600 м южнее пещеры Синьсин-дун в поселке Ляншуй-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Раскопан в 1985 г. Стены печи сложены из камней. С восточной стороны печи находится скопление черепицы. В самой печи обнаружена глиняная пароварка.

Вывод. Гончарная печь в Синьсиндун соответствует производственным объектам бохайской культуры.

Поселение Дунъюньдун. Расположено на склоне горы в 1,5 км юго-восточнее волости Ниницзян-сян. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Протяженность поселения с запада на восток и с севера на юг 50 м. На поверхности земли рассеяна плоская черепица серого цвета, желобчатая черепица. Ранее здесь найдена печать начальника пограничной области эпохи Цзинь.

Вывод. Поселение Дунъюньдун по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Городище Мицзян. Расположено в 500 м юго-западнее деревни Мицзян-цунь волости Мицзян-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане образует квадрат. Стены городища построены из земли. Периметр равен 400 м. Восточная и южная стены размыты водой.

Вывод. Поселение Дунъюньдун по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Городище Инъичэн. Расположено в деревне Инъань-цунь поселка Инъань-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай, Ляо, Цзинь, Мин. Исследован областным учреждением по охране памятников. В пла-

не образует прямоугольник, длина стен с севера на юг — 331 м, ширина с запада на восток — 258 м. Стены городища земляные, ширина фундамента — 8 м, высота — 3 м. С восточной, южной и северной сторон есть ворота. Среди находок отмечен нож от соломорезки, монета «Кай-юань тун-бао», концевой диск с маской животного. На поверхности земли разбросана черепица с оттиском ткани, фрагменты керамики из серой отмученной глины. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Городище Инъичэн по фортификационным традициям соответствует бохайской культуры.

Городище Баляньчэн. Расположено в государственном земельном хозяйстве по выведению элитных сортов зерна в городе Хуйчунь-ши. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен и раскопан японцами в 1937 г. После 1949 г. неоднократно обследовался провинциальным учреждением по охране памятников. В плане городище образует прямоугольник. Имеет внешний и внутренний город. Стены возведены из утрамбованной земли (способ хан-ту), периметр внешней стены равен 2894 м, длина с севера на юг 746 м, ширина с запада на восток — 712 м, высота — от 0,2 до 1 м. Имеется защитный ров. Внутренняя стена делится на южную, центральную и северную части. Ворота расположены на южной стороне, периметр северной части — 1072 м, длина с севера на юг — 318 м, ширина с запада на восток — 218 м. В центре внутреннего города расположено строение из земли и камня на высокой платформе площадью 1500 кв.м. При раскопах обнаружено большое количество кирпичей, черепицы, концевых дисков, черепицы с зеленой глазурью, черепицы с надписью, железный нож, украшение из нефрита, бронзовое украшение, фрагменты керамики бурого цвета с примесью песка. Это городище считается остатками Бохайской восточной столицы области Лунъюань-фу, какое-то время являвшейся столицей Бохая. К настоящему моменту достаточно сильно разрушено.

Вывод. Городище Баляньчэн является важным бохайским памятником, так как предполагается, что это восточная столица области Лунъюань-фу государства Бохай.

Городище Вэньтэхэбу. Расположено в деревне Гучэн-цунь волости Саньцзяцзы-сян. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане образует прямоугольник, стены построены из земли, периметр достигает 2269 м, длина с севера на юг — 710 м, ширина с запада на восток — 468 м. Основание ворот не обнаружено, культурный слой находится на глубине 0,4–1 м. Ранее выкопаны: глиняный и железный котлы, черепица с орнаментом циновки, вписанными квадратами, ложнотекстильными и веревочными оттисками, концевой диск с маской животного, концевой диск с узором лотоса, керамический сосуд с многочисленными отверстиями из серой отмученной глины, ручки-ушки в форме мостика (категория II, ленточные), ручки с сосочками, корчага, фрагменты горшка. Некоторые ученые полагают, что это городище — город племени «Вэньдихэнь» эпохи Цзинь. К настоящему моменту городище серьезно разрушено.

Вывод. Городище Вэньтэхэбу содержит отдельные элементы бохайской культуры.

Поселение Хэкоутунь. Расположено на склоне в районе Хэкоу-тунь деревни Мэнлин-цунь волости Баньши-сян. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Площадь поселения равна 400 000 кв.м. Мощностъ культурного слоя — 0,4 м. На поверхности земли рассеяны глазурированные фрагменты корчажного фарфора, фрагменты керамики из отмученной глины, фрагменты керамики с ушками-ручками в форме мостика (категория II), ручки-ушки в форме языка, фрагменты фарфоровых изделий с узором из прочерченной линии и с узором в виде волны.

Вывод. Поселение Хэкоутунь содержит отдельные элементы бохайской культуры.

Городище Хэкоу. Расположено в районе Хэкоу-тунь деревни Мэнлин-цунь волости Баньши-сян. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане городище образует прямоугольник. Периметр равен 196 м. Стены построены из земли и камня, ширина фундамента составляет 10 м, высота — 2 м, часть участка серьезно повреждена, местоположение ворот неизвестно. Собраны фрагменты корчажного фарфора с зеленой глазурью, сероглиняной керамики, черепицы с оттиском ткани. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Городище Хэкоу содержит отдельные элементы бохайской культуры.

Могильник Хэкоу. Расположен в районе Хэкоу-тунь деревни Мэнлин-цунь волости Баньши-сян. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Большинство погребений разрушено, сохранилась только одна могила, известная как могила в каменной яме.

Вывод. Могила Хэкоу соответствует погребениям бохайской культуры.

Поселение Людаопао. Расположено на 1,5 км северо-восточнее деревни Людаопао-цунь волости Цзинсинь-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Впервые поселение было подвергнуто разведочным изысканиям японцами в период оккупации Китая. Указывается, что памятник был расхищен. В 1979 г. поселение заново обследовано городским учреждением по охране памятников и проведены пробные раскопки. Площадь поселения равна 14 000 кв.м. На поселении располагалась печь для обжига керамики, которая в настоящее время полностью разрушена. На памятнике найдены каменное копьё, каменный тесак, каменный нож, каменные наконечники стрел, сосуд из обсидиана, грузило бирюзового цвета, керамический горшок бурого цвета с примесью песка, чарка, пряслице и фрагменты сероглиняной керамики, черепица с оттиском ткани.

Вывод. Поселение Людаопао диагностирующих артефактов не содержит и относится условно к бохайской культуре.

Поселение Хэйдунцзы. Расположено в 300 м юго-западнее района Хэйдунцзы-тунь деревни Цзинтан-цунь, волости Цзинсинь-сян. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Площадь поселения достигает 12 000 кв.м. Используется в качестве пашни. На поверхности земли рассеяны фрагменты сероглиняной керамики, фарфора, черепицы с оттиском ткани, концевой диск с маской животного, капельник и цокольный камень.

Вывод. Поселение Хэйдунцзы диагностирующих артефактов не содержит и относится условно к бохайской культуре.

Городище Шитоухэцзы. Расположено в 1,5 км юго-западнее района Паньцзягу-тунь деревни Тайян-цунь волости Баньши-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован Областным учреждением по охране памятников. В плане городище образует прямоугольник. Длина с запада на восток — 288 м, ширина с севера на юг — 134 м. Стены возведены из камней. Ширина фундамента стены составляет 8–10 м, высота — 2–2,5 м. С каждой стороны установлены ворота, есть угловые башни. На поверхности земли рассеяно небольшое количество фрагментов черепицы с оттиском веревки, цинковки, ложно-текстильным узором, а также фрагменты сероглиняной керамики. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Городище Шитоухэцзы по фортификационной характеристике соответствует бохайской культуре.

Городище Сацичэн. Расположено в 1,5 км южнее деревни Чанмулиньцзы-цунь волости Чанпао-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован Провинциальным учреждением по охране памятников. В плане городище неправильной формы, так как следует естественному рельефу горы. Стены сложены из камня, Периметр равен 7000 м, высота достигает 2–3 м. С наружной стороны стены находится ров шириной 2–5 м, имеются фундаменты 5 ворот, 3 наблюдательные башни. Внутри городища обнаружено 2 фундамента строений. На поверхности земли разбросано большое количество фрагментов черепицы и фрагментов керамики, черепица с оттиском иероглифа «Ван» 王, железный наконечник стрелы. Городище имеет хорошую сохранность.

Вывод. Городище Сацичэн относится к типу горных крепостей когурёского происхождения, осуществляющих охранно-сторожевые функции проходящих дорог и имеющих важное стратегическое значение. Особенностью данного укрепления является наличие наблюдательных башен.

Поселение Янмулиньцзы. Расположено в восточной части деревни Янмулиньцзы-цунь волости Янпао-сян. Памятник многослойный. Представлен эпохой Хань и периодом государств Бохай. Площадь достигает 60 000 кв.м. Собраны фрагменты керамики бурого цвета с примесью песка, каменное тесло, каменный нож, каменная мотыга и фрагменты сероглиняной керамики, концевой диск черепицы с узором лепестков лотоса, плоская и желобчатая черепица. Внутри поселения расположена платформа площадью 300 кв.м с остатками цокольных камней. Среди находок значится каменная статуэтка Будды, черепица с оттиском веревки, рельефная каменная статуэтка, кирпич с узором из цветов и большое количество обломков черепицы. Поселение достаточно сильно повреждено.

Вывод. Поселение Янмулиньцзы по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Руины буддийского храма Сыфантоцзы. Расположены южнее деревни Сыйлянчэн-цунь волости Саньцзяцзы-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован в 1958 г. городским учреждением по охране памятников. Длина храма с запада на восток — 37 м, ширина с севера на юг — 25 м.

Сохранились два ряда цокольных камней, насчитывающих 15 штук. Раскопками выявлены куски каменной статуэтки орла и различные архитектурные детали. Храм значительно поврежден.

Вывод. Буддийский храм Сыфантоцзы по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Городище Сяочэнцзы. Расположено в северной части деревни Хунсин-цунь волости Мачуаньцзы-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован Городским учреждением по охране памятников. В плане городище образует прямоугольник, периметр равен 566 м, длина с запада на восток — 170 м, ширина с севера на юг — 113 м. Фундамент стен построен из камней, большинство стен городища гладкие. На поверхности земли рассеяны фрагменты керамики, концевой диск с узором лотоса, черепица с пальцевыми вдавлениями. Памятник серьезно разрушен.

Вывод. Городище Сяочэнцзы по зодческим традициям и архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Руины буддийского храма Дахуангоу. Расположены в 1 км севернее деревни Дахуангоу-цунь поселка Инъань-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обследован в 1983 г. городским учреждением по охране памятников. Сохранилась платформа площадью 90 кв.м, вокруг которой рассеяны концевые диски с узором из перевернутых цветов лотоса, пальцевыми вдавлениями, черепица с орнаментированным краем, желобчатая черепица. В раскопе обнаружены фрагменты статуэтки Будды с желто-зеленой глазурью. Памятник серьезно разрушен.

Вывод. Буддийский храм Дахуангоу по архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Горное городище Таюаньдуннаньшаньчэн. Расположено в 1 км юго-восточнее Таюаньдун-цунь волости Мадида-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане городище имеет неправильную форму. Южная и северная стены сложены из камней, восточная и западная стены защищены обрывами. Периметр стен равен 430 м. Северная сторона оснащена воротами, с двух концов сохранились фундаменты угловых башен. Южная сторона оснащена двумя воротами и угловой башней. Толщина южной стены — 4–5 м, высота с наружной стороны 4–5 м. Сохранность памятника хорошая.

Вывод. Городище Таюаньдуннаньшаньчэн относится к типу горных крепостей когурёского происхождения, осуществляющих охранно-сторожевые функции проходящих дорог. Такие крепости имеют важное стратегическое значение. Особенностью данного укрепления является наличие наблюдательных башен.

Горное городище Нунпиншаньчэн. Расположено в 200 м северо-западнее района Нунпин-тунь волости Мадида-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. В плане образует овал, периметр равен 400 м, большая часть стены построена из камня, высота достигает 1 м, с западной и северной сторон городище оснащено двумя воротами. Внутри городища обнаружены фрагменты керамики черного и серого цветов. Памятник значительно поврежден.

Вывод. Городище Нунпиншаньчэн относится к типу горных крепостей когурёского происхождения, осуществляющих охранно-сторожевые функции проходящих дорог. Такие крепости имеют важное стратегическое значение.

Остатки строения в Мадида. Расположены в 50 м севернее деревни Мадида-цунь волости Мадида-сян. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружен утрамбованный фундамент платформы площадью 700 кв.м. На платформе сохранились 16 цокольных камней, образующих 2 ряда. Здесь же найден концевой диск с узором из лепестков лотоса, плоская черепица с пальцевыми вдавлениями, желобчатая черепица, черепица с краем, оформленным в виде цветка. Памятник серьезно поврежден.

Вывод. Строение в Мадида по зодческим традициям и архитектурным деталям соответствует бохайской культуре.

Городище Далюдаогоу. Расположено в 1 км юго-восточнее деревни Далюдаогоу-цунь поселка Чуньхуа-чжень. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. В 1972, 1979 и 1983 г. на нем многократно проводили обследования. Городище называют маленьким древним бастионом в Пиндиншане. В плане оно образует овал, его периметр равен 200 м. Среди находок зафиксированы фрагменты сероглиняной керамики с сетчатым орнаментом.

Вывод. Городище Далюдаогоу не содержит диагностирующих артефактов и к бохайской культуре относится условно.

Погребение в Хулутуогоу. Расположено в деревне Хулутуогоу-цунь поселка Чуньхуа-чжень. Памятник однослойный периода государства Бохай. Во время проведения работ обнаружено много могил в земляных и каменных ямах. Найдены железный нож, железные наконечники стрел, котел с двумя ручками-ушками, сероглиняный кувшин и горшок. Погребение серьезно повреждено.

Вывод. Погребение в Хулутуогоу соответствует типовому составу бохайской культуры.

Городище Инчэнцзы. Расположено в 1,5 км южнее деревни Цаопин-цунь поселка Чуньхуа-чжень. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Раскопки проводились в 1942 г. На городище зафиксирован фундамент одного строения, выявлен цокольный камень, архитектурные украшения, железный меч, фрагменты керамики. Современные исследования выполнены учреждением по охране памятников. В плане городище образует неправильный прямоугольник с периметром в 930 м. Стены возведены из земли и камней. Восточная стена размыта водой. Толщина фундамента стены достигает 13 м, высота — 3–4 м. С южной и западной сторон расположены ворота. Перед двумя воротами имеется защитный вал, на стенах размещены 12 фронтальных и одна угловая башня. Внутри городища во время раскопок обнаружены концевые черепичные диски с узором из лепестков лотоса и маской животного. Городище серьезно повреждено.

Вывод. Городище Инчэнцзы по зодческим и архитектурным традициям соответствует бохайской культуре.

Поселение Цаопинцунь. Расположено на восточном берегу реки Хуанхэ в 1 км восточнее деревни Цаопин-цунь поселка Чуньхуа-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Протяженность поселения с запада на восток и с севера на юг составляет 50 м. По поверхности земли рассеяны серый концевой диск с узором в виде лепестков лотоса, черепица с пальцевыми вдавлениями, желобчатая черепица, глиняные украшения, разные архитектурные детали и фрагменты сероглиняных трубчатых венчиков сосудов, керамические грузила для сетей, дно фарфоровой вазы с серо-зеленой глазурью. Поселение имеет хорошую сохранность.

Вывод. Поселение Цаопинцунь по архитектурным традициям соответствует бохайской культуре.

Горное городище Чэнцянлицзы. Расположено на пересеченной местности в полутора километрах восточнее деревни Цаопинцунь-цунь поселка Чуньхуа-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. В плане городище образует неправильную форму, так как следует рельефу местности. Периметр стен достигает 10 км. Стены сложены из камня и представляют собой пунктирную линию, т.е. местами прерываются (в защищенных рельефом местах). В восточной части стены расположены одни ворота, в западной — двое. Северная сторона городища защищена двойной стеной. Здесь при раскопках обнаружена «печать военного правителя области Дэхулу-фу» государства Дунся.

Вывод. Горное городище Чэнцянлицзы по фортификационным особенностям соответствует бохайской культуре и содержит когурёские традиции военного зодчества.

Поселение Цаомаодинцзы. Расположено в деревне Цаомаодинцзы-цунь поселка Чуньхуа-чжэнь. Памятник многослойный. Представлен периодом государств Бохай, Ляо, Цзинь. Обследован в 1979 г. С запада на восток территория поселения простирается на 80 м, с севера на юг — на 200 м. При раскопках обнаружены венчики сосудов с двойной губкой (мохэский тип, категория I, тип 1), фрагменты керамики с волнообразным узором (найфельдская группа мохэской культуры, категория I, тип 1), маленькие фигурки бронзовых человечков, бронзовых зайчиков.

Вывод. Поселение Цаомаодинцзы по материалу соответствует бохайской культуре.

Погребение в Цаопин. Расположено в деревне Цаопин-цунь поселка Чуньхуа-чжэнь. Памятник однослойный периода государства Бохай. Обнаружены могилы в каменных ямах, количество неизвестно. Памятник значительно разрушен.

Вывод. Погребение в Цаопин соответствует типовому составу некрополей бохайской культуры.

Бохайские памятники провинции Хэйлунцзян (рис. 4)

Рис.4.

Карта-схема бохайских памятников провинции Хэйлунцзян КНР.

1. Погребения Шаньцзуйцзы в Хайлине; 2. Погребение на станции Бэйчжань в Хайлине;
3. Погребение Эрдаохэцзы в Хайлине; 4. Могильник Янцаогоу в Хайлине; 5. Памятник Силиньхэ в Хайлине; 6. Памятник Чжэньсин в Хайлине; 7. Памятник Дукоу в Хайлине;
8. Могильник Шицангоу в Хуалинь Муданьцзяна; 9. Могильник Хунцзуньюйчан в Нинъани;
10. Остатки печи обжига кирпича и черепицы в Синшань Нинъани; 11. Остатки Верхней столицы Лунцюаньфу в Нинъани; 12. Найденная в Нинъани шкатулка для мощей Будды;
13. Бохайские погребения в Дачэнцзы Дуннина; 14. Памятник Туаньцзе в Дуннине

Пограничная стена северного пригорода Муданьцзяна (170° 30' — 134° 51' в.д., 45° с.ш.) (рис. 5). Расположена на отроге восточного подножия хребта Чжангуанцайлин в 25 км юго-восточнее центра города в муданьцзянском пригороде Шаньцзюй. Среди местного населения известна как «пограничная стена-хребет». Является оборонительным фортификационным сооружением, возведённым во времена государства Бохай. Общая длина стены 58 км. Она начинается с основной вершины горы Гоубэйшань западнее деревни Цзянсицунь и далее, извиваясь, тянется с запада на север, проходя по основным вершинам хребтов Синьфэннаньлин, Хаматанлицзы, Саньдаогуань, Дайванлицзы, Эржэньшинаньлин и др. и завершается на северном склоне Сидалицзы.

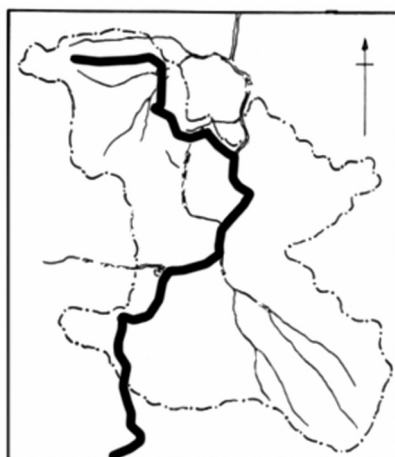

Рис. 5.

Схема-расположение муданьцзянской пограничной стены

Пограничная стена строилась из подручного материала — глины и камней. Восточный и западный фланги возводились преимущественно из глины, каменные участки встречаются редко. Центральная часть стены в основном каменная со слоями глины, но без следов утрамбовки. На горных гребнях стена шла по внешнему краю, создавая единое целое. С внутренней стороны высота стены достигала 3–7 м. Горный склон с внешней стороны стены являлся естественным препятствием, затруднявшим нападение. Внутренняя сторона склона была пологой и удобной для подъема и спуска. Глиняная стена, проходившая по ущельям, возводилась, как правило, в самом узком месте между двумя горами. В настоящее время ее высота не превышает 1,8–2 м при ширине основания 5–7 м. Стены в ущельях были дугообразной формы («в виде перевернутого лука»), благодаря чему оба фланга стены формировали угол, подобный сторожевым башням. Такая позиция позволяла контролировать ситуацию внизу ущелья с обоих флангов. Стены, строившиеся на горных склонах, возводились в самом пологом месте и замыкали овраг и склон. С внутренней стороны стены на опасных стратегических направлениях рельефа местности обнаружено 46 круглых ям, отстоящих друг от друга на 4–5 м. Диаметр ям 3–5 м, глубина 1 м. Предполагается, что эти земляные ямы служили боевыми позициями для расквартированного здесь гарнизона, а каменная яма была «резервуаром для воды».

В стене обнаружены бойницы для стрельбы. У горных подножий располагались 17 сторожевых вышек высотой до 8 м, отстоявших друг от друга на расстоянии 50–100 м. Внутренняя сторона вышек была полукруглой формы или оформлялась как лестница со скругленными углами. Выходом служила яма, вырытая ниже уровня стены. Вход в сторожевую вышку достигал 12 м в ширину и 5–6 м в глубину. Шесть круглых (холмовидных) сторожевых башен возведены ниже вершины горы, но выше стены, в местах, где стена делает поворот. На вершине сторожевой башни было углубление, изнутри имелся выход, обе его стороны соединялись со стеной. Башни возвышались над стеной на 1 м, а вместе со стеной достигали с внешней стороны 3–4-метровой высоты. Ширина входа в башню достигала 5 м, глубина — 3 м. Каменные сторожевые башни (3 шт.) возводились в высокогорье на каменной стене.

Пограничная стена северного пригорода г. Муданьцзян во времена государства Бохай была построена в качестве северного оборонительного рубежа против хэйшуйских мохэ [Чжао Хунгуан и др., 199, с. 139].

Вывод. Следует согласиться с мнением китайских исследователей о том, что пограничная стена северного пригорода г. Муданьцзян была построена во времена государства Бохай и служила северным оборонительным рубежом против хэйшуйских мохэ.

Городище Дачэнцзы. Расположено в центре аллювиальной котловины на южном берегу р. Суйфэнхэ у деревни Дачэнцзы в 4 км восточнее уездного города Дуннин. Памятник многослойный. Представлен периодами государств Бохай и Цзинь. Южная сторона городища вплотную подходит к шоссе Дуннин–Саньчаоу и постепенно уходит в горные отроги, возвышаясь над местностью. От северной части городища до р. Суйфэнхэ расстояние около 2 км, протекая с запада на восток, река огибает городище, через 5 км достигает горного комплекса Саньчаоу, проходя вблизи знаменитой «Стелы с маленькими иероглифами». Затем река опять берет направление на восток и катит свои воды по территории России. Кроме того, с севера городище защищают высокие горы. В 1972 г. памятник дважды исследовался сотрудником провинциального музея.

Городище прямоугольной формы с азимутом юг–юго-восток 30°. Периметр стен составляет 3575 м, длина южной стены — 1290 м, северной 1 365 м, восточной и западной — по 460 м каждая. Высота стен 2–5 м. Стены возводились способом ханту, т.е. утрамбовкой в опалубке. Толщина трамбовочного слоя 3–7 см. Северо-восточный угол восточной стены разрушен, южная и западная стены сохранились довольно хорошо, центральный участок северной стены выступает наружу. По всем сторонам городских стен сохранились угловые башни. На северном участке западной стены зафиксированы остатки ворот и полукруглая защитная стена. С внешней стороны городища есть ров глубиной 2–3 м, превратившийся в настоящее время в небольшую речушку.

На территории городища и за его пределами собраны бохайские артефакты: две скульптуры бронзовых Будд, аналогичные скульптурам из Шанцзинлунцюаньфу. У одной скульптуры сохранилась только голова (3,7×2,6 см) с высокой завитушкой, пучком седых волос между бровей, упитанным лицом с выражением безмерного счастья. Позднее коллекцию вещей дополнили: медные заготовки, плоская черепица, концевая черепица с изображением лотоса, железные дверные

петли; медно-золотая дверная скоба в форме головы животного с кольцом в пасти, шарниры, дверной засов, дверное кольцо, замок, крышка от бронзовой посуды, бронзовый пояс чиновника, бронзовое зеркало, медно-золотая шкатулка с прахом добродетельного бонзы, футляр с ожерельем из красного агата и жемчуга, проложенного серебряными пластинками, поясные украшения в виде полумесяца, серебряные пластинки и др. Одновременно с этим собрали медный детский пояс с амулетами-оберегами — классические вещи эпохи Цзинь.

По мнению китайских археологов по форме и находкам городище Дачэнцзы соответствует бохайскому городищу Шанцзин, поселению Шанцзинлунцюаньфу и материалам могильника Хайлиньшань. Ими сказано следующее: «Известно, что государство Бохай возвело 5 столиц, 15 резиденций, 62 области. Резиденция Шуайбинь должна находиться в бассейне нынешней реки Суйфэнхэ, называвшейся при династии Тан и империи Ляо Шуайбиньшуй, при династии Цзинь — Сюйпиньшуй, Сюйпиньхэ, Субиньшуй; при династии Мин — Шуайбиньцзян; при Цин — Суйфэнхэ. Исследователи полагают, что слоги «шуайбинь», «сюйпинь», «субинь», «суйфэнхэ» — все одного созвучия и являются вариациями маньчжурского слова (锥子) «шило». Ранее ученые склонялись к тому, что администрация резиденции Шуайбиньфу находится на территории России, в Приморском крае в г. Уссурийске (кит. название г. Шуанчэнцзы). Однако высказано мнение, что древний город Дачэнцзы — древнее местонахождение бохайской резиденции Шуайбиньфу».

Вывод. Следует согласиться с мнением китайских исследователей, что город Дачэнцзы — это важный бохайский памятник, и он мог быть административной резиденцией Шуайбиньфу, но не менее аргументирована та точка зрения, что администрация резиденции Шуайбиньфу могла находиться на территории России (в г. Уссурийск Приморского края).

Городище Наньчэнцзы. Расположено на юге деревни Наньчэнцзы в южной части волостного города Хуалинь в пригороде Муданьцзяна. Городище занимает небольшую котловину, тянущуюся вдоль реки Баньюаньхэ (западного притока реки Муданьцзян). Кроме этой реки на городище протекает река Лелехэ (приток Баньюаньхэ) и ручей. С востока, юга и севера городище защищают отроги хребта Лаоелин, создавая естественную преграду. Данное укрепление чрезвычайно привлекательно для проживания не только из-за плодородной почвы, долинного рельефа, но и доступности водно-сухопутных путей сообщения. Городище Наньчэнцзы возведено в период государства Бохай. В плане городище прямоугольной формы с азимутом 10° юг-юго-восток. В настоящее время сохранилась западная стена длиной 580 м и часть южной стены длиной 450 м. Углы городища не прямые: юго-западный 80°, северо-восточный 100°. Периметр городища 2 060 м. Высота стен 1,8–2,2 м. Фундамент стен 8–10–12 м. Стена возводилась трамбовкой (способ ханту), из камня с глиной вперемешку. За стенами с южной, северной, западной сторон прослеживается ров. На севере и юге имеются ворота.

На территории городища, используемой под пашню, фиксируются глиняные возвышения — руины построек. Среди собранного материала встречена серая и красная цилиндрическая черепица, плоская черепица, концевая черепица с узором лотоса, четырехгранные гвозди, круговая серо-чёрная керамика, черепки

лепной керамики с примесью песка. Артефакты этого городища находят полные аналогии с находками памятника Шанцзинлунфуцюань. Городище Наньчэнцзы является крупным равнинным поселением периода государства Бохай. Высказано мнение, что это центр области Бо, управлявшейся бохайской резиденцией Шанцзинлунцюаньфу [Научные записки о пригородном Наньчэнцзы, 1980].

Вывод. Следует согласиться с мнением китайских исследователей, что городище Наньчэнцзы по типу долинное и оно могло быть центром области Бо, управлявшейся бохайской резиденцией Шанцзинлунцюаньфу.

Городище Нючанское. Расположено в 2 км к северу от Верхней столицы Шандин вблизи г. Дунцзинчэн. В плане городище прямоугольное (160×100 м). Высота стен до 2 м. В северной стене прорезаны ворота. Обнаруженный подъемный материал представлен бохайской орнаментированной черепицей [Чжи Би-чжэ, *Дань Хуаша, Сунь Сюжэнь*, Каогу, № 4, 1960, с. 26-28; Шавкунов, 1968, с. 107.]

Вывод. Городище Нючанское относится к долинному типу и соответствует материалам бохайской культуры.

Могильник Наньчэнцзы. Расположен в нескольких сотнях метров от городища Наньчэнцзы. На могильнике обнаружены глиняно-каменные склепы.

Вывод. Могильник Наньчэнцзы соответствует бохайским типам погребений.

Городище Аолими (др. названия — Аолайми, Аолими, Сигучэн). Расположено в 1 км к югу от Сунгари и 9 км к западу от уездного города Суйбинь. Городище с южной стороны огибает река Аолихэ, протекающая с северо-запада на юго-восток и впадающая в Сунгари. Памятник многослойный, использовался в бохайский и лясский периоды. В плане городище квадратное, длина периметра 3224 м. В центре восточной стены прорезаны ворота, защищенные с внешней стороны полукруглой стенкой. Зафиксированы 43 сторожевых башни. За пределами городской стены есть защитный ров глубиной 1–2 м, шириной 3–4 м. В 1 км северо-западнее городища находится кладбище династии Цзинь [Чжао Хунгуан, *Гань Чжигэн...* 2001, с. 126].

Вывод. Городище Аолими соответствует фортификационным традициям Бохая, но, видимо, дополнялось в последующее время башнями.

Верхняя столица Бохая городище Шанцзин (известно также под названиями Дунцзинчэн, Лунцюаньфу, Сангён — кор. яз.) (рис. 6–23; илл. 1–11). Расположено на р. Муданьцзян в районе современного города 寧安 Нинань (Дунцзинчэн) провинции Хэйлунцзян. В письменных источниках о нем сказано следующее: «Гудачен, находящийся рядом с Нингута, является древним бохайским городищем «Шанцзин Лунцюаньфу», изначально — это древнее городище государства Фунэ, теперешнее название Дунцзинчэн, также имел название Фонэхэчэн... Во времена Тан — это местонахождение родовитых бохайских кланов». Памятник исследовался многократно. Впервые — в 1926 г. русским ученым В.В. Поносовым и японцем Торияма Нобу, определившими, что это местонахождение древнего города Бохай с двором Лунцюаньфу. В 1931, 1933–1934 гг. раскопки на городище проводились японцами, выявившими 6 дворцов, 6 буддийских храмов, сад с прудом, 2 острова с каменными беседками. В конце 30-х годов

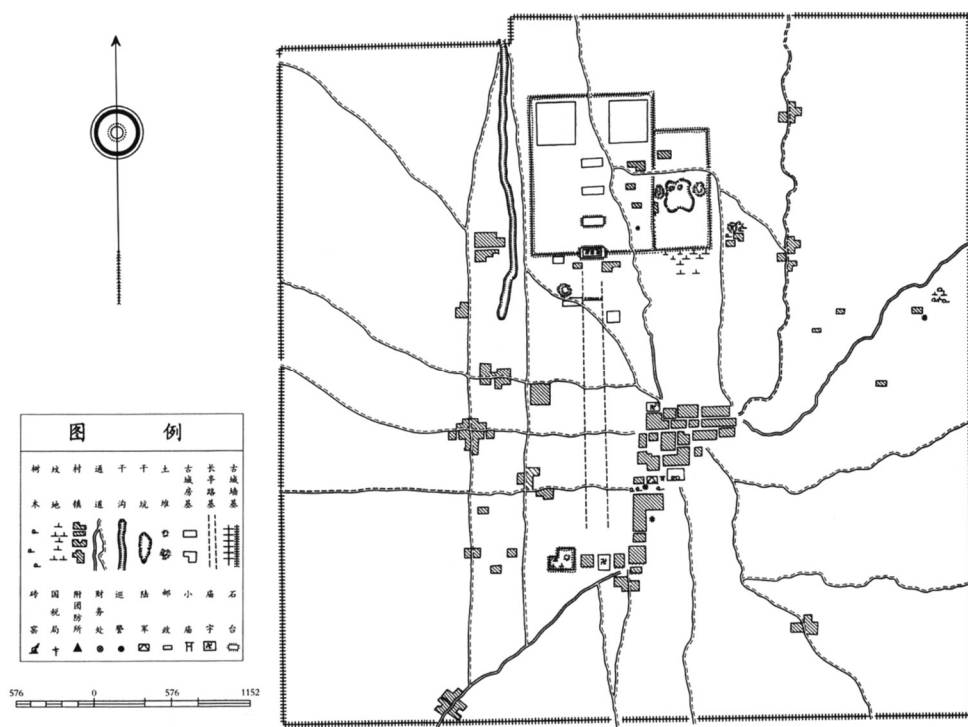

Рис. 6.
План Верхней столицы Бохая Шанцзин (Дунцзицэн)

прошлого столетия подробные описания городища опубликовал В.В. Поносов. В плане городище Шанцзин почти квадратной планировки. Стены ориентированы по сторонам света и прорезаны десятью воротами. Городище состоит из внешнего (большого) и внутреннего (малого) города. Последний занимает центральную часть его северного участка. Периметр стен внешнего города равен 15 501 м (восточная — 3211, западная — 3333, южная — 4455, северная — 4502 м), высота вала с внешней стороны от уровня рва 3,6–5,5 м, с внутренней стороны — 1,5–2 м. Площадь достигает 16 кв.км. Конструкция стен (валов) глинобитная с внешней базальтовой облицовкой. С наружной стороны городища сооружен оборонительный ров. «Пересечения прямых улиц образовывали свыше 80 кварталов. Главная улица (ширина 87 м) шла от южных центральных ворот на север к обнесённой стеной резиденции правителя. Уцелел резной фонарь-курильница из базальта в виде восьмиугольной беседки на столбе с капителью и основанием в виде лотосов. Стены зданий каркасного типа из гладкого и орнаментированного кирпича украшались белой и крашеной штукатуркой, фресками, крыши крылись черепицей с серой и зеленой глазурью. Обложенные камнем земляные стилобаты украшали гранитные головы львов. Найдены жернова, ступы крупорушек, железные шлемы, наконечники стрел, литейная форма, пряслица, скульптуры будд из терракоты и всадников из меди, глиняная и фарфоровая посуда и др.» [Поносов, 1939]. В 1957 г. характеристику Верхней столицы Бохая с анализом всех предшествующих раскопок опубликовал А.П. Окладников

Материалы Верхней столицы Бохая Шанцзин (рис. 7–23)

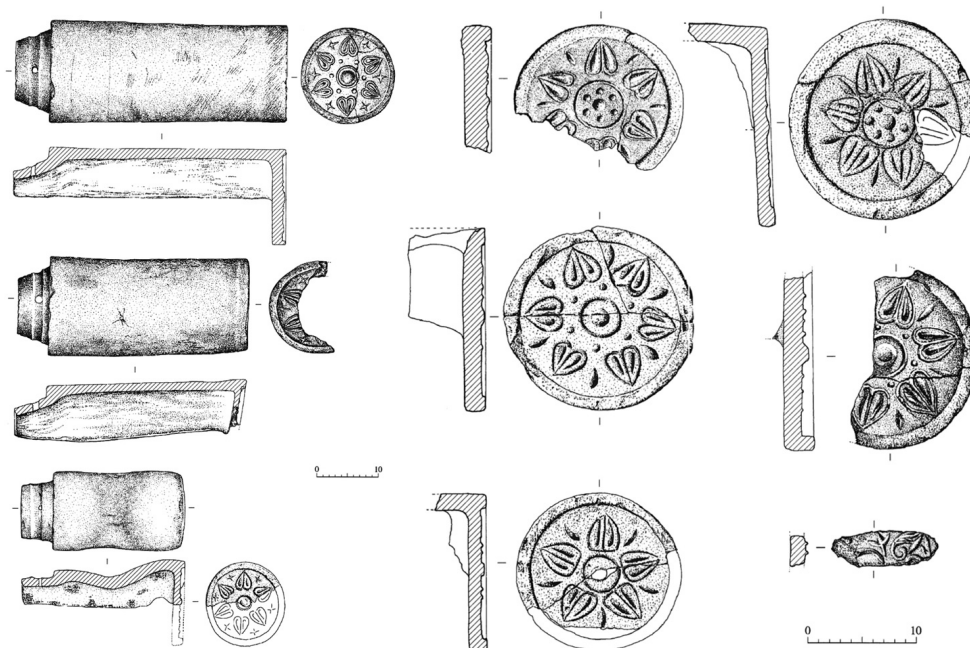

Рис. 7

Рис. 8

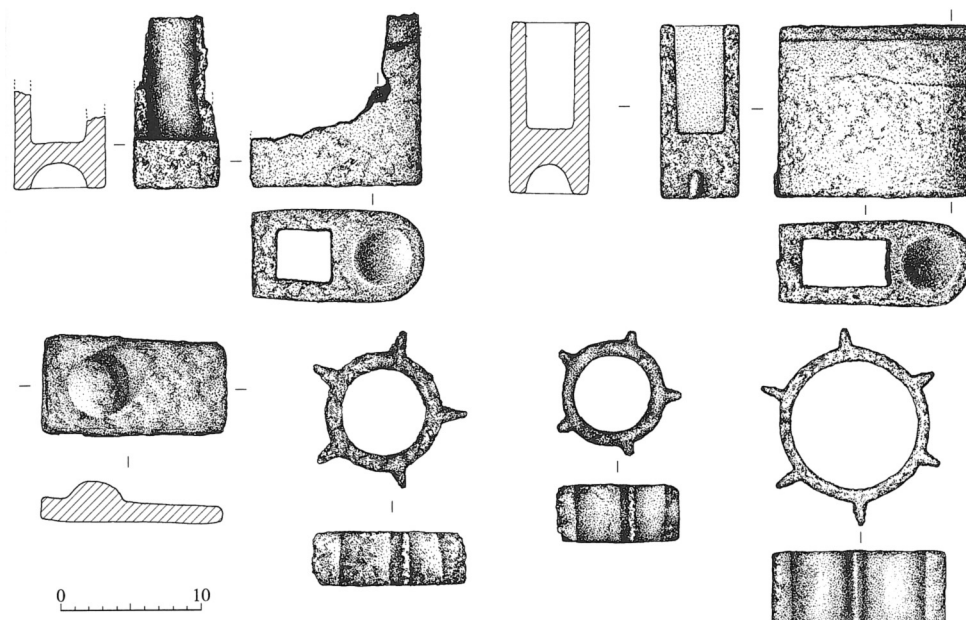

Рис. 9

Рис. 10

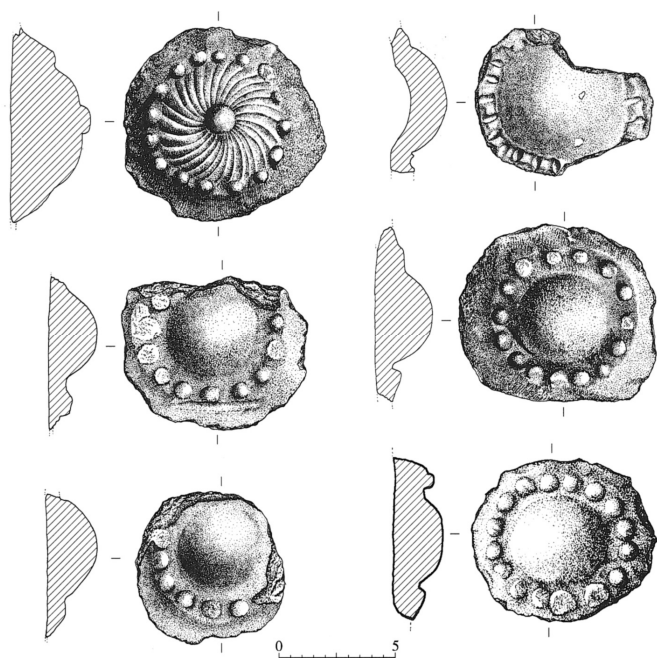
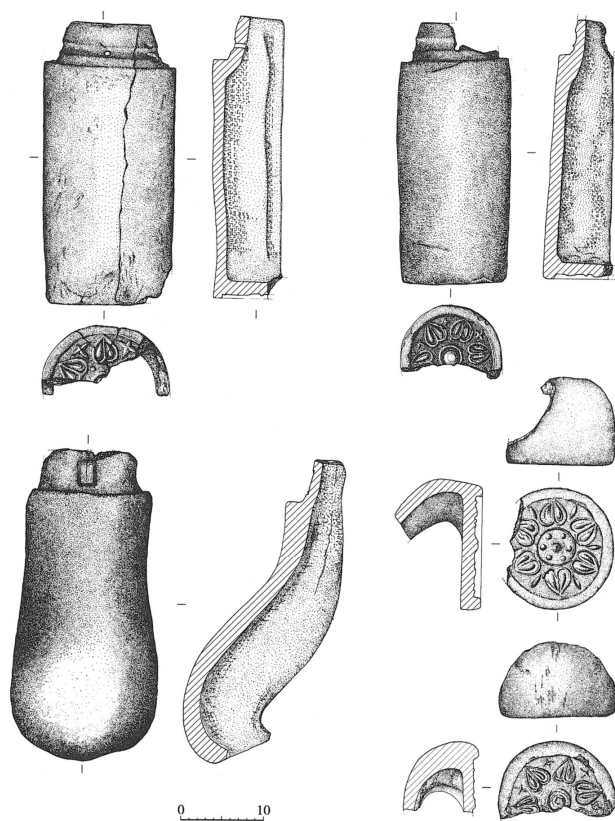
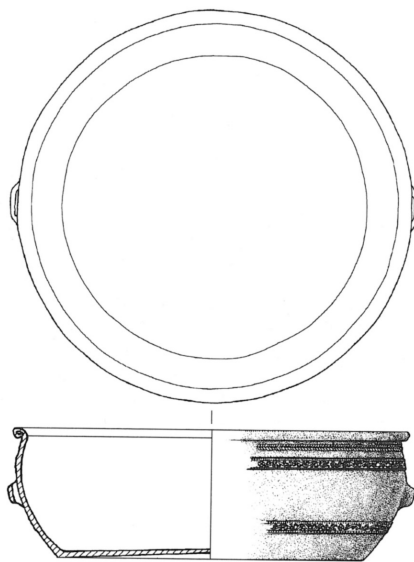
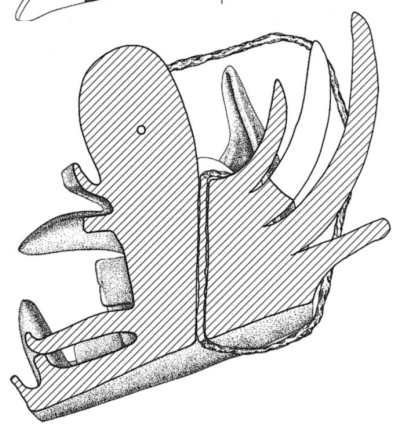
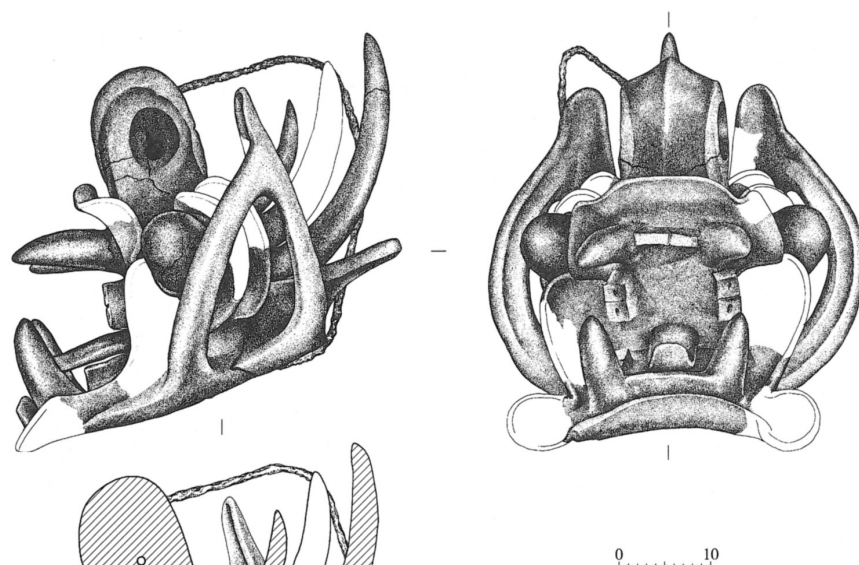

Рис. 11

Puc. 12

Puc. 13

Рис. 14

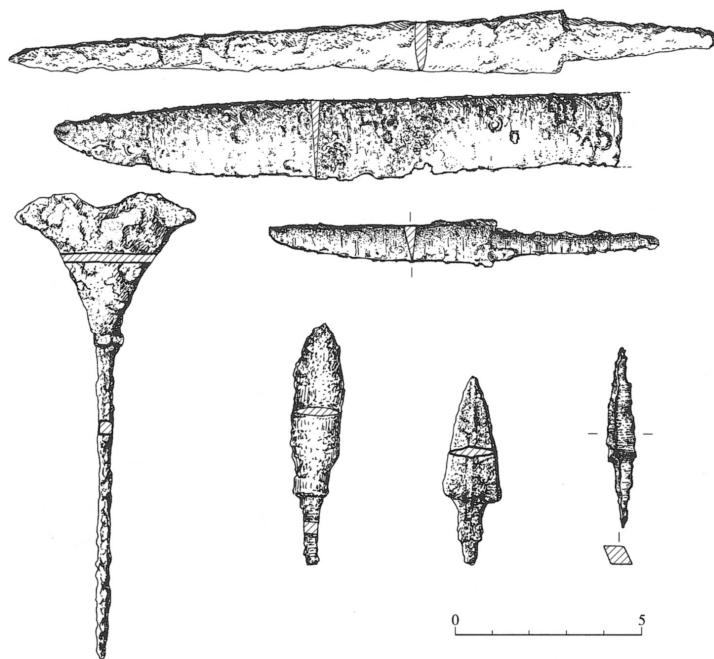
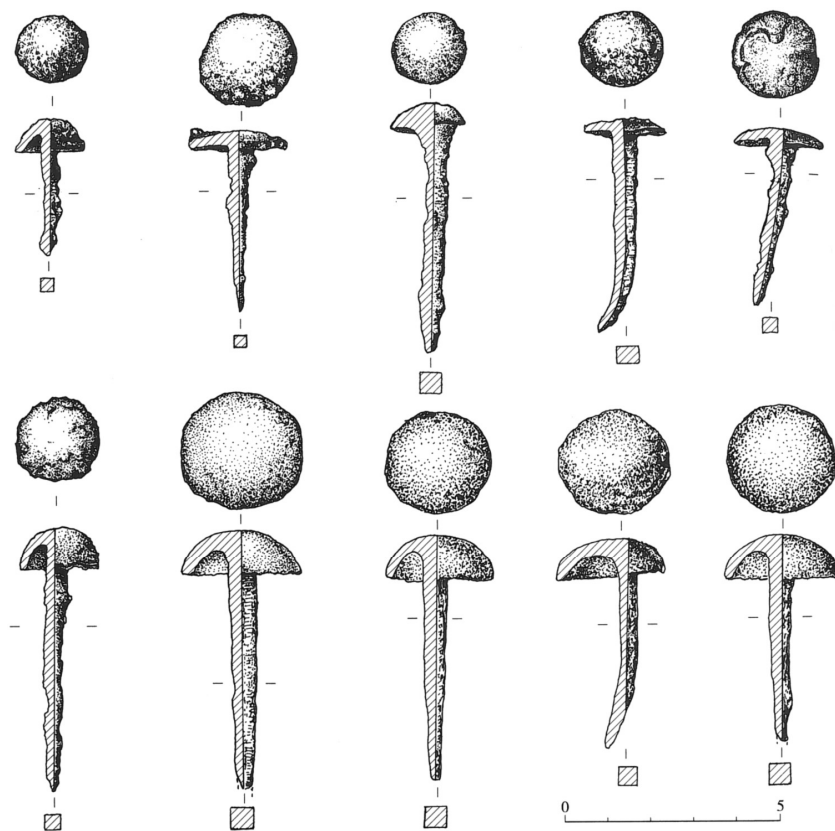
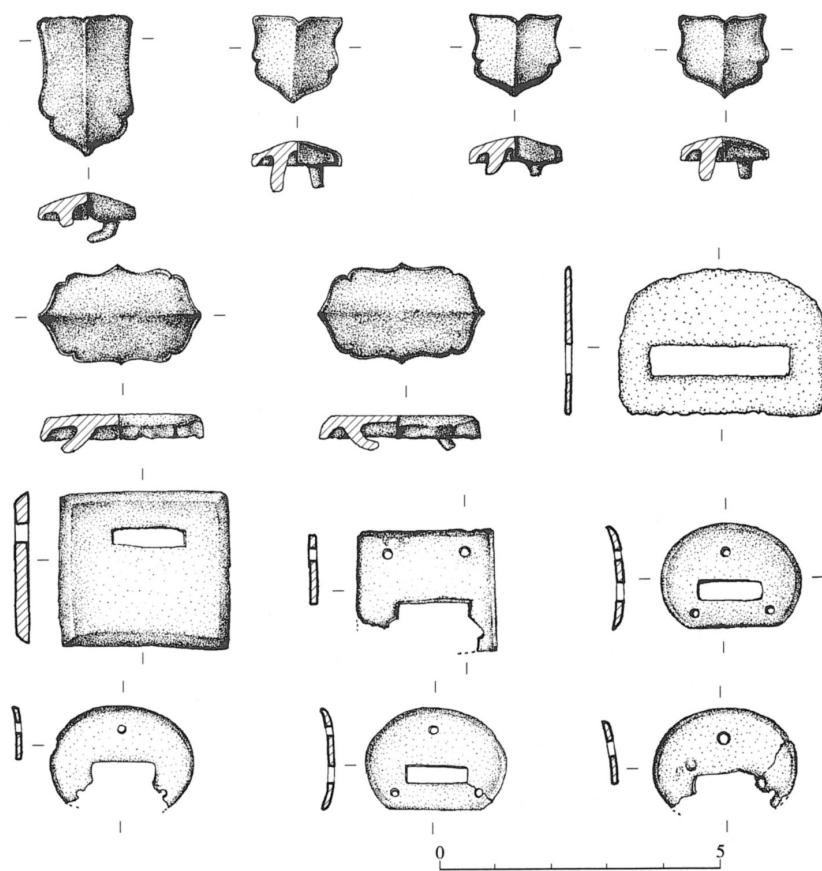
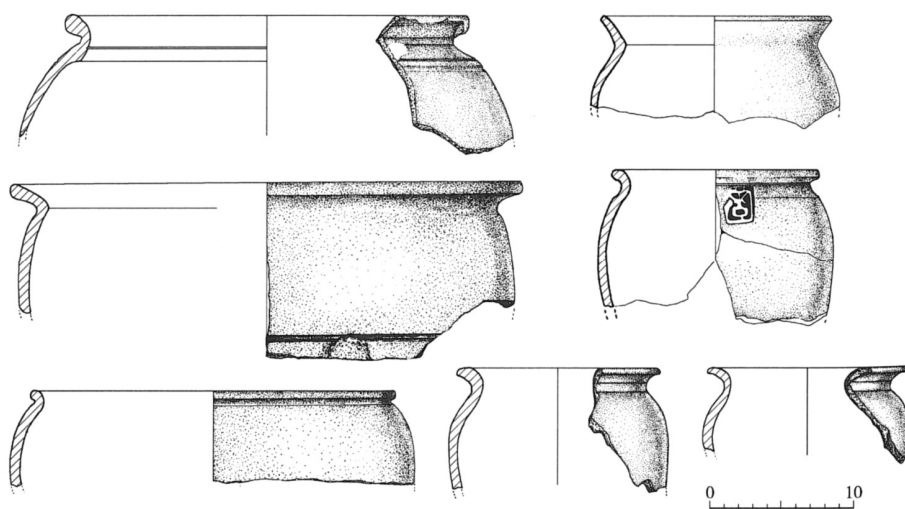

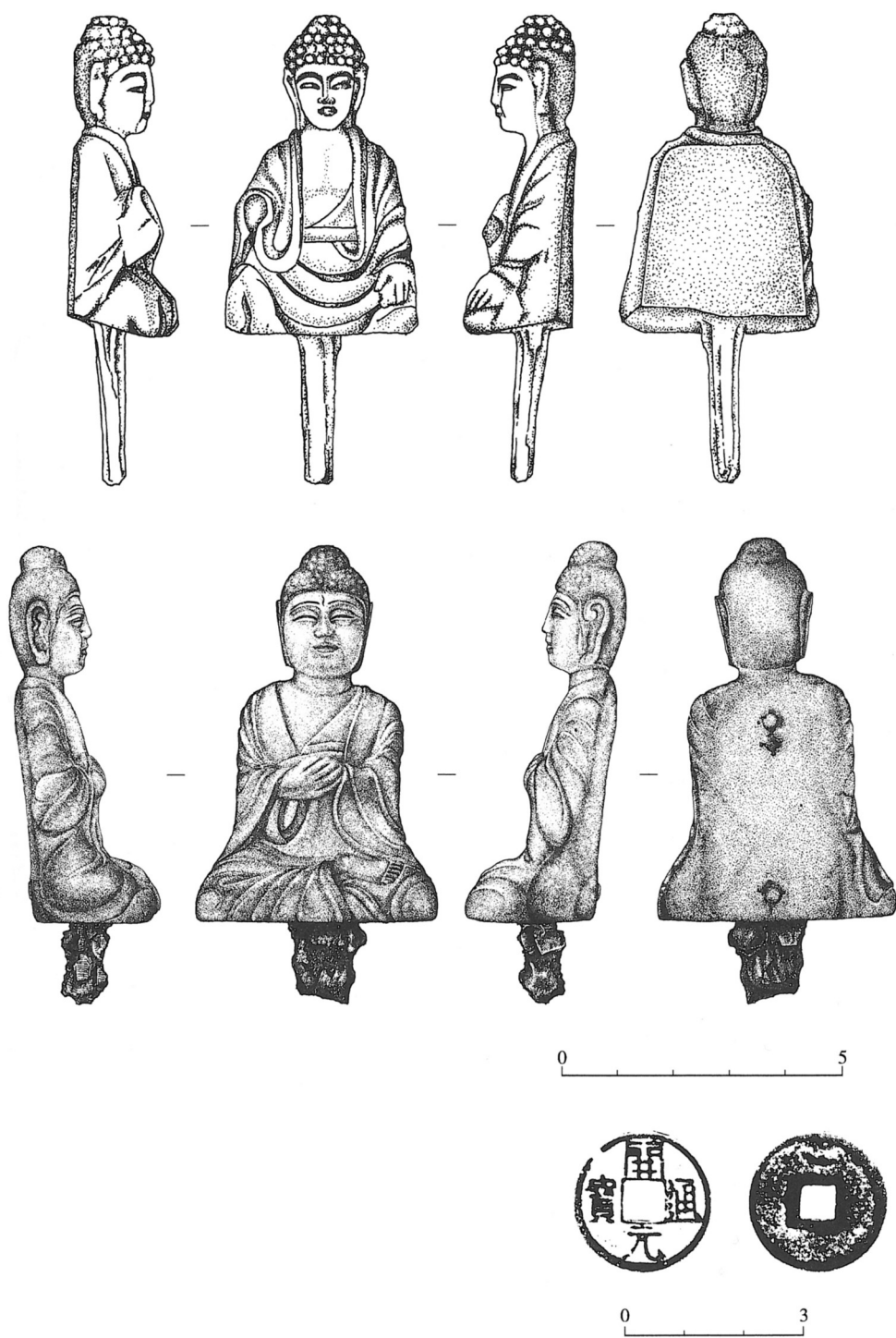
Рис. 15

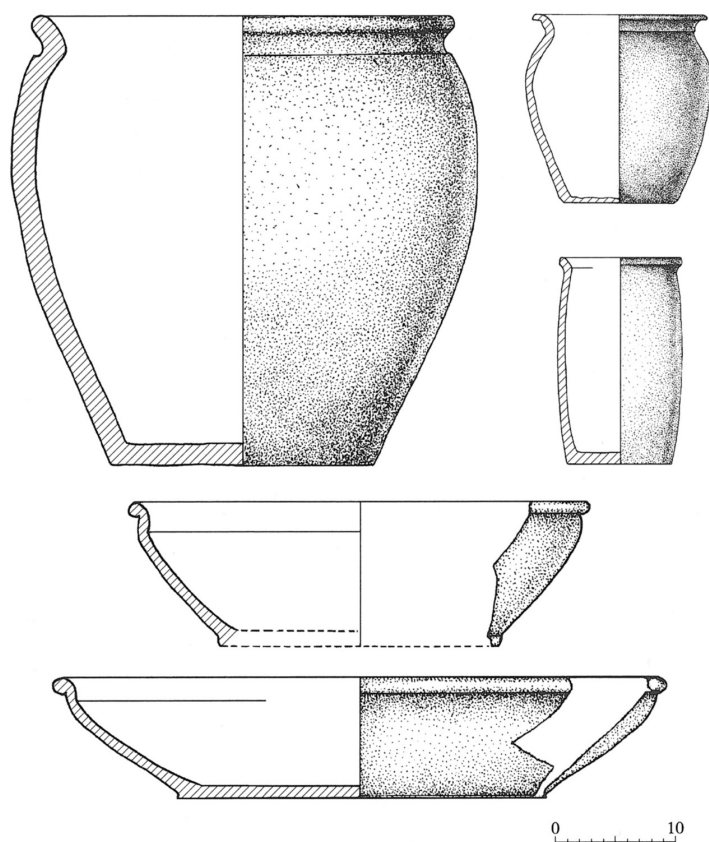
Puc. 16

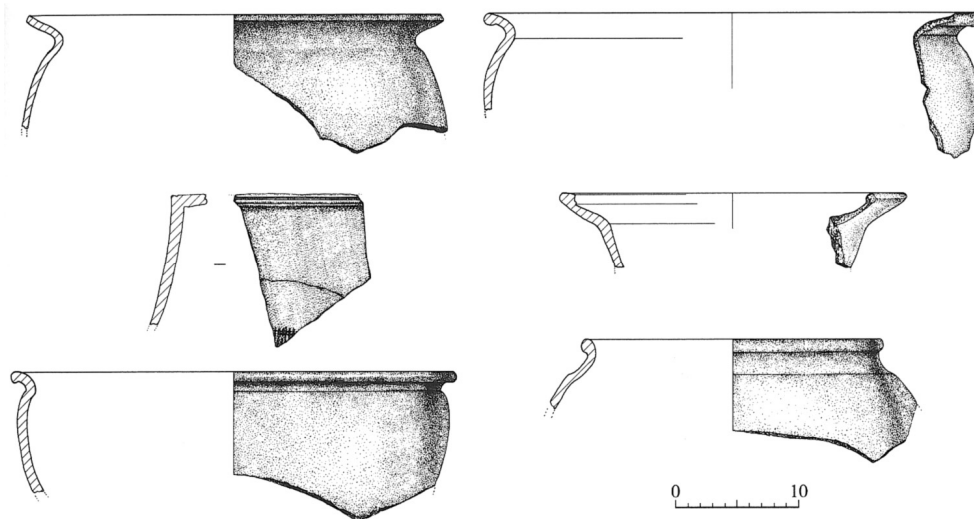
Puc. 17

Puc. 18

Puc. 19

Puc. 20

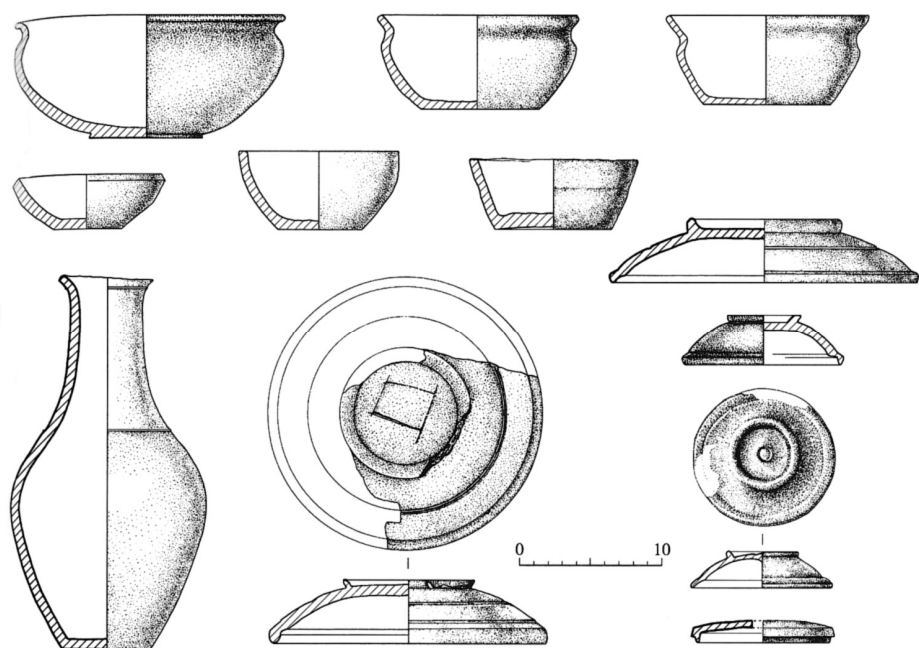

Рис. 21

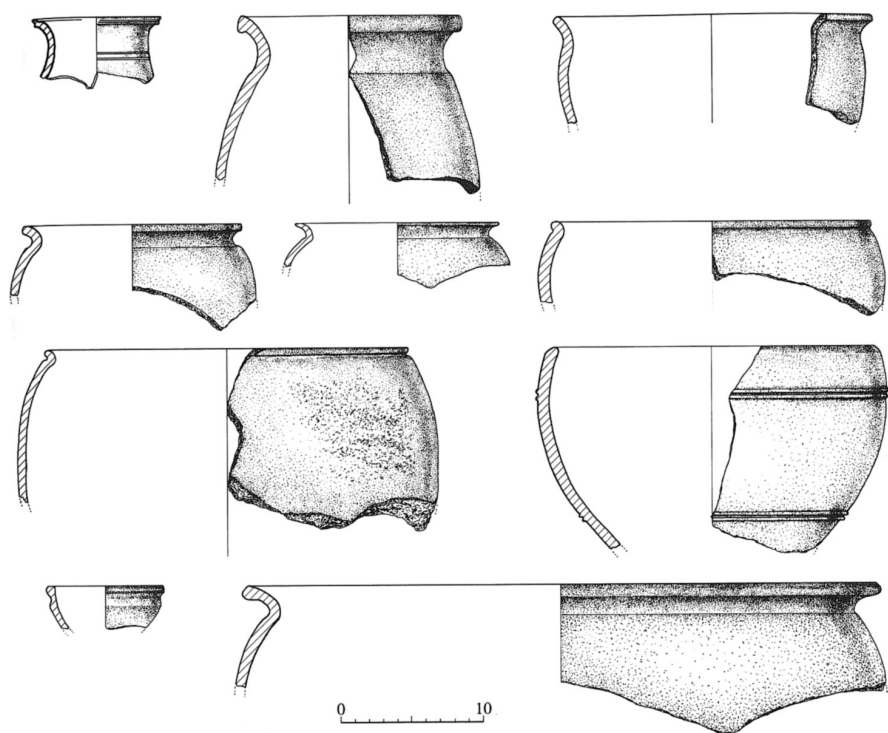

Рис. 22

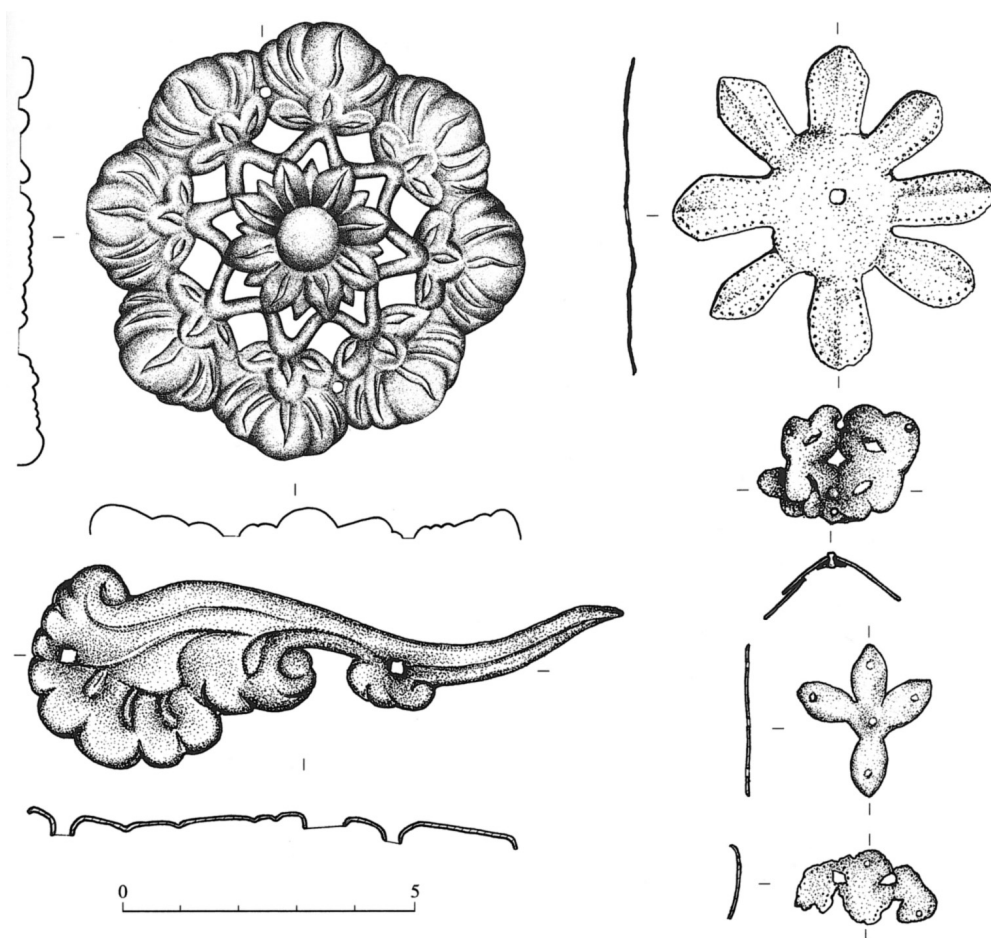

Рис. 23

[Окладников, 1957, № 3, с. 198–214]. В 60-х годах прошлого века совместные широкомасштабные раскопки на памятнике провели Археологический институт АН КНР и Корейская Академия общественных наук, получив богатый и разнообразный материал. Результаты этих исследований изложены в полевом отчете, подготовленном для публикации в Китае и Корее. Но, как пишут китайские ученые, «...достойно сожаления то, что в 1966 г. началась „культурная революция“, длившаяся 10 лет, и зарождавшаяся волна изучения Бохая была приостановлена. Все это явилось периодом скорби и сожаления. В 1966 г. корейский участник экспедиции в одностороннем порядке опубликовал материалы раскопок [Отчет по раскопкам памятников на северо-востоке Китая, 1966]. Затем корейский руководитель археологической экспедиции Чжу Жунсянь в 1971 г. опубликовал книгу „Культура Бохая“ [Чжу Жунсянь, 1971, с. 327]. В Китае же эти материалы были изданы Археологическим институтом АН КНР только в 1997 г. в книге „Лудиншань и Бохайский город“» [Лю Сяодун, 2006, с. 11; Верхняя столица Бохая, 2009, с. 1–666]. С 1997 г. и по настоящее время крупномасштабные археологические

раскопки бохайского города Шанцзин осуществляет Хэйлунцзянский Институт археологии (г. Харбин). Сотрудниками этого учреждения в 2009 г. опубликована трехтомная монография «Верхняя столица Бохая» с уникальными материалами исследований 1998–2008 гг., включающими историю исследования памятника, реконструкции различных архитектурных сооружений (дворцовые комплексы 2, 3, 4, 5, 50, жилища, храмы), рисунки и фотографии многочисленных артефактов, воссоздающих историческую характеристику культуры Бохая [Верхняя столица Бохая, 2009, рис. 2–40; Чжао Хунгуан, Гань Чжигэн, Тань Инцзе, Сунь Сюжэнь, 1991, с. 64–118]. Установлено, что город Шанцзин основан в 755 г., а разрушен киданями в 926 г.

Вывод. Верхняя столица Бохая городище Шанцзин является опорным археологическим памятником Бохая, позволяющим раскрыть все многообразие этого государства.

Городище Удаохэцзы. Расположено на левом берегу р. Муданьцзян в нескольких километрах к юго-востоку от пос. Удаохэцзы. «Городище состоит из двух частей: большого и малого города, имеющих в плане вид взаимосоединяющихся квадратов. Длина стены по окружности всего городища равна 397 м. Крепостные стены, или валы, состоят из плотно утрамбованной земли. Их высота равна 1,5 м при ширине у основания 3 м. Внутри большого города в северном его углу имеются две прямоугольные чуть возвышающиеся над поверхностью земли платформочки из насыпной земли с примесью гальки и каменных плит. В южном углу городища находится заброшенный... колодец» [Чжи Бичже, Дань Хуаша, Сунь Сюжэнь. Каогу, 1960, № 4, с. 26–28; Шавкунов Э.В., 1968, с. 106–107].

Вывод. Городище Удаохэцзы по фортификационной характеристике соответствует бохайскому зодчеству.

Городище Дамудань. В плане представляет собой неправильный прямоугольник. «Длина северной стены городища около 240 м, восточной около 220 м и западной около 200 м. Южная стена городища довольно-таки извилистая и имеет длину около 280 м. В юго-восточном углу городища прослеживается небольшая прямоугольная площадка, окруженная со всех четырех сторон тремя линиями валов. Площадка имеет слегка возвышенное положение, но внешних признаков остатков каких-либо сооружений на ней не видно. Ширина первой линии валов этого внутреннего укрепления, или возможно цитадели, а следовательно, и ширина самой площадки равна 16,1 м, а длина 26,6 м. Здесь, очевидно, как и во внутреннем городе Верхней столицы, находилась резиденция какого-то чиновника, т.е. в целом это городище было каким-то небольшим административным, возможно уездным, центром Бохайского государства. За внешней линией северной части вала городища ещё и поныне сохранились остатки оборонительного рва. С восточной стороны городище опоясывают три параллельные дополнительные линии оборонительных валов, самая крайняя из которых в южной своей части поворачивает на запад и сливается с основной городской стеной сразу же к западу от городских ворот, расположенных в южной части городища непосредственно вблизи цитадели» [Шавкунов Э.В., 1969, с. 106–107].

Вывод. Городище Дамудань по фортификационной характеристике соответствует бохайскому зодчеству.

Могильник Саньлунтун. «Расположен на правом берегу р. Муданьцзян в 4 км к северо-западу от Верхней столицы городища Шан-цзин. В 1933 г. вскрыто одно погребение, захороненное в подземном склепе, состоявшем из двух прямоугольных камер (передней и погребальной), соединенных коротким проходом в 1,8 м. Вход в переднюю камеру находился с южной стороны. Высота передней камеры 2,4 м, длина с севера на юг 1,65 м, с востока на запад 1,8 м. Погребальная камера с севера на юг достигает 3,9 м, с востока на запад 2,1 м. Потолки камер имеют форму купола. Склеп сложен из плит тесаного базальта. Из находок обнаружены костяная крошка и фрагменты керамики» [Чжи Бичжэ, Дань Хуаша, Сунь Сюэжэнь. Каогу, 1960, № 4, с. 26–28; Шавкунов Э.В., 1968, с. 103–104].

Вывод. Могильник Саньлунтун соответствует бохайским погребальным традициям.

Мохэ-Бохайское кладбище Хунцзюньюйчан (рыбозавод). Расположено в 10 км северо-западнее бохайской верхней столицы. Является самым крупным захоронением мохэ-бохайского периода. В 1984 г. проведены исследования и тестовые раскопки. По топографической и стратиграфической характеристикам определено, что в данном месте сосредоточены погребения разных типов: земляные могилы, гробы в саркофагах (деревянные, каменные), могильные склепы (каменные, кирпичные). В 1992–1995 гг. Институт археологии провинции Хэйлунцзян вскрыл большую площадь и раскопал 320 захоронений (могилы с каменными саркофагами, каменными могильными комнатами и частично кирпичные могильные комнаты).

Вывод. Могильник Хунцзюньюйчан (рыбозавод) является уникальным археологическим объектом государства Бохай, содержащим все типы захоронений. Памятник признан достопримечательностью Китая.

Кроме охарактеризованных выше археологических бохайских памятников северо-восточного Китая удалось собрать краткую информацию о следующих объектах:

Бохайский некрополь в нижнем течении р. Муданьцзян (провинция Хэйлунцзян). Открыт в 1958 г. музеем провинции Хэйлунцзян во время археологических изысканий. Обнаружено более 130 захоронений.

Бохайские могилы в среднем течении р. Муданьцзян (провинция Хэйлунцзян). В 1959 г. музеем провинции Хэйлунцзян во время археологических изысканий обнаружено 2 места с бохайскими погребениями (рядом с большой Мудань и Вэйцзы р. Сифэншуй городка Саньлин).

Бохайское кладбище в городке Дачжу в Нинъань (провинция Хэйлунцзян). В 1960 г. сотрудники музея провинции Хэйлунцзян во время проведения археологических работ в районе Цзинбоху обнаружили более 70 захоронений.

Бохайское кладбище в Тоудаохэцзы уезда Линькоу (провинция Хэйлунцзян). В 1960 г. сотрудники музея провинции Хэйлунцзян во время проведения археологических работ в районе Цзинбоху обнаружили более 170 захоронений.

Бохайский могильник в уезде Хайлинь Шаньцзюйцзы (провинция Хэйлунцзян). В 1966–1967 гг. сотрудники музея провинции Хэйлунцзян обнаружили более 130 захоронений, раскопали 29 захоронений.

Древние могилы городка Хэнань уезда Хэлун (провинция Цзилинь). В 1971 г. выставочный павильон корейского яньбянского автономного района музея провинции Цзилинь зафиксировал два бохайских каменных склепа.

Бохайские могилы на севере Хэлун (провинция Цзилинь). В 1973 г. музей корейского Яньбянского автономного округа и Дом культуры уезда Хэлун раскопали 54 захоронения, в 1988 г. — еще 11 захоронений.

Бохайское кладбище Дачэнцзы в Ниньянь (провинция Хэйлунцзян). В 1977 г. археологический отряд провинции Хэйлунцзян и археологи Цзилиньского университета раскопали 4 захоронения.

Бохайские захоронения в Цяньсюньцзы уезда Фусун (провинция Цзилинь). В 1977 г. музей г. Цзилинь обнаружил 3 захоронения.

Мохэ-Бохайские могилы в городке Янтунь уезда Юнцзи (провинция Цзилинь). В 1979–1981 гг. археологический отряд музея г. Цзилинь провинции Цзилинь раскопал 92 захоронения.

Мохэ-Бохайские захоронения в деревне Лаохэшэнь коммуны Дапо уезда Юйшу (провинция Цзилинь). В 1980–1981 гг. археологический отряд провинции Цзилинь раскопал 37 захоронений.

Бохайский некрополь в Лунтоушань большой производственной бригады Лунхай коммуны Луншуй в уезде Хэлун (провинция Цзилинь). В 1982 г. Янбанский музей раскопал 7 захоронений.

Бохайские захоронения на северном речном вокзале на р. Чайхэ (провинция Хэйлунцзян). В 1983 г. археологический отряд провинции Хэйлунцзян раскопал 3 погребения.

Бохайские захоронения в деревне Эрдаохэцзы Хайлинь (провинция Хэйлунцзян). В 1983 г. средняя школа провела тестовые раскопки 4 бохайских захоронений.

Бохайские захоронения в деревне Дунша (провинция Хэйлунцзян). В 1983 г. средняя школа провела тестовые раскопки 3 бохайских захоронений.

Бохайское кладбище во впадине Шичангоу Хуалинь (Березовый лес) на р. Муданьцзян (провинция Хэйлунцзян). В 1982 и 1984 гг. археологический отряд провинции Хэйлунцзян раскопал 18 захоронений.

а) **Бохайское кладбище в излучине Хадавань уезда Хайлинь** (провинция Хэйлунцзян). В 1984 г. археологический отряд провинции Хэйлунцзян раскопал 30 погребений.

б) **Бохайские захоронения в колхозе Ванцин Чжуньянь Янбанский Лэншуй Гоюань и во Фруктовом саду Лэншуй** (провинция Цзилинь). В 1989 и 1990 гг. археологи провинции Цзилинь раскопали 17 захоронений.

в) **Бохайское кладбище в Саньдаохэцзы г. Хайлинь** (провинция Хэйлунцзян). В 1993 г. НИИ археологии по артефактам провинции Хэйлунцзян и археологический факультет Цзилиньского университета совместно провели раскопки памятника.

г) **Бохайская могила в деревне Ляньхуа волостного уезда Ниньян** (провинция Хэйлунцзян). В 1993 г. НИИ археологии по артефактам провинции Хэйлунцзян и археологический факультет Цзилиньского университета совместно провели раскопки одной могилы.

д) **Кладбище в Янцаогоу дер. Тоудаохэцзы пос. Чайхэ г. Хайлинь** (провинция Хэйлунцзян). В 1996 г. Институт археологии провинции Хэйлунцзян раскопал 26 бохайских захоронений.

Кроме названных бохайских памятников китайскими археологами опубликована карта со списком бохайских местонахождений Хэйлунцзяна.

* * *

Приведенная выше сводка объектов бохайской археологической культуры показывает, что на территории Северо-Восточного Китая выявлено более 200 памятников, представленных *тремя типами городищ* — долинные (37), мысовые (1), горные (17), *равнинными поселениями* (83), *некрополями трех типов* (25) — грунтовые, саркофаги (каменные и деревянные), склепы (каменные, кирпичные, кирпично-каменные), *портом* (1), *почтовой станцией* (3), *храмами* (7). По результатам раскопок китайские исследователи разработали периодизационную схему (табл. 1).

Таблица 1

Периодизация бохайских некрополей (по Лю Сяодун)

Некрополи	Грунто- вые могилы	Саркофаги		Склепы		Дата/ Период
		дере- вянные	камен- ные	камен- ные	кирпич- ные	
Верхний слой Дапо (Дапо Шанцэн)	+	+	+			
Янтунь	+	+	+			
Чалиба	+	+	+	+		Мохэ, ранний период Бохай
Хунцзюнь Юйчан	+	+	+	+	+	Мохэ, ранний и средний период Бохай
Людиншань	?	+	+	+		
Шаньцзюйцзы			+	+		Средний и поздний периоды Бохай
Бэйдади				+		Средний и позд- ний периоды Бохай
Хэнаньтунь					+	Поздний период Бохай

Согласно записям в «Новая Таншу. Повествование о Бохэе», в Бохэе было пять столиц: Шанцзин Лунцюаньфу (верхняя столица с двором Лунцюаньфу), Чжунцзин Сяньдэфу (средняя столица с двором Сяньдэ), Дунцзин Лунъюаньфу (восточная столица с двором Лунъюань), Наньцзин Наньхайфу (южная столица с двором Наньхай), Сицзин Ялуфу (западная столица с двором Ялу). Бохайское градостроительство, поскольку оно развивалось в регионе с устоявшимися зодче-

скими традициями, базировалось на принципах танских городов. В большей степени это относится к столичным городам, хотя приемы танского градостроительства прослеживаются на всех долинных городищах.

2.3. Памятники Северной Кореи

Городище Чхонхэ (другие названия — «городище Пукчхон», городище «Синчхан»). Расположено на открытой местности на левом берегу реки Намдэчхон близ деревни Хахо, в 14 км к юго-востоку от уезда Пукчхон. С севера и востока городище защищено грядой невысоких сопок; с запада омывается рекой Намдэчхон, впадающей в Японское море; южная сторона городища обращена к Японскому морю. Обследовалось учеными Института археологии Академии общественных наук КНДР в 1967 и 1980 гг. По типу городище равнинное (долинное). Длина южной стены городища 506 м, западной — 343 м, периметр равен 2132 м.

Стены городища земляные с небольшими каменными участками у основания. Высота уцелевшей части стены 2–3 м, ширина фундамента — 8 м при высоте 1 м.

В центре стены располагались ворота, в юго-восточном и юго-западном углах сохранились остатки наблюдательной башни. Стена оснащена несколькими зубцами длиной 6 и 3 м, высотой 2 м.

Внутри городища проложены дороги, соединявшие ворота. Планиграфия городища напоминала иероглиф 田. Каждый из участков большого квадрата разделялся на подквадраты. На городище раскопано ведомственное здание, где обнаружена яшмовая печать, военные плацы, кумирня, три колодца и жилища с отопительной системой ондоль с двумя дымоходными каналами.

Среди материала обнаружены концевые диски черепицы, фрагменты декоративных наверший, лопаты, резак для соломы, серпы, детали телег; наконечники стрел, ножи, копья с четырьмя зубьями, детали конской упряжи, фарфор, украшения, печати и др.

Археологические находки городища Чхонхэ, по мнению северокорейских исследователей, аналогичны находкам Верхней столицы Бохая в уезде Нинъань провинции Хэйлунцзян (отопительная система с двумя дымоходными каналами, устройство колодца, концевые диски черепицы, наконечники стрел, керамика, бронзовые украшения для волос), что позволило определить данное городище как административный центр бохайского периода.

Вывод. Памятник соответствует бохайской культуре.

Могильник Пённи. Расположен на равнине Пённи в 8 км к северо-востоку от городища Чхонхэ уезда Пукчхон. Площадь могильника составляет 1 кв.км и содержит 600 захоронений, в том числе когурёские и бохайские. Бохайские захоронения это каменные склепы с земляной насыпью, расположенные в основном в западной части могильника. В конце 1980-х годов раскопано 50 захоронений, представляющих две группы: могильники с входом и без входа. Форма потолка в больших погребениях с входом пирамидальная, в маленьких погребениях с узким помещением для гроба форма потолка простая.

По конструкции могильник Пённи во многом аналогичен бохайскому некрополю на горе Людиньшан, провинции Дунхуа (КНР). Глиняная посуда, фарфор

и другие артефакты, обнаруженные в могильнике, аналогичны артефактам городища Чхонхэ. На этом основании данный погребальный комплекс отнесен к бохайской культуре и считается принадлежавшем жителям городища Чхонхэ.

Вывод. Памятник соответствует бохайской культуре.

Памятники ущелья Чольголь, Омэри. Расположены в деревне Омэри близ города Синпхо (провинция Южная Хамгён), в 10 км к юго-западу от городища Чхонхэ. Памятники многослойные, представлены когурёским и бохайским периодами.

Буддийская кумирня ущелья Чольголь представлена четырехугольной башней, возведённой на горе Кымсан. С западной стороны кумирни находится гора Апхэсан, с юга — равнина Омэри и море. В 6 км к востоку от нее найден могильник Чунхынни, в 6 км к северу — горная крепость Ёнджонни, в 10 км к северо-востоку — городище Чхонхэ.

Кумирня возведена на уплощенной части гребня горы. Ее длина с запада на восток — 20,15 м, с севера на юг — 5 м.

Среди находок встречены: вогнутая черепица с пальцевыми вдавлениями, керамика, изделия из железа и бронзы, среди которых ножи, шлемы, детали телег и другие артефакты (всего около 200).

Буддийская квадратная башня комплекса Чольголь. В центральной части кумирни раскопана деревянная башня квадратной формы (12,3×12 м). Высота уцелевшего основания 0,74 м. Памятник двухслойный. Мощность бохайского культурного слоя 70–80 см, его подстилал когурёский слой. В храмовый комплекс входила башня и три буддийских алтаря (левый, правый и центральный). Храм отнесен к бохайской культуре, но располагался он на месте более раннего когурёского строения.

Строение № 1 комплекса Чольголь. Расположено в северной части храма, ориентировано запад–восток. Длина фронтальной стороны строения — 18,35 м, торцевой — 3,5 м. Вскрыто 12 каменных баз, ондоль с двумя дымоотводными трубами. Обнаруженные при раскопках предметы быта позволили предположить, что здесь располагался буддийский женский монастырь.

В культурном слое бохайского периода вблизи башни найдены позолоченные бронзовые плита, украшение в виде цветка лотоса, фрагменты статуи Будды, обломки жаровни, бронзовое изваяние Будды, каменное изваяние Будды, фрагмент керамики с высеченным иероглифом 寺 (храм), глиняные кувшины, глазурованная керамика, концевые диски черепицы, камни от кладки стен и другие строительные материалы.

Уникальной находкой являлась позолоченная бронзовая плита размером 41,5×18,5 см. На ней высечено 139 знаков, гласивших, что башня была пятиэтажной, шпиль имел украшение, и указана дата «Тхэхва, 3 год, год Пёнин, 26 февраля год Капсуль». В переводе на современное летосчисление это означает 26 февраля 546 г. (правление короля Янвона). Поскольку период Тхэхва приходится на когурёское время, то предметы, извлеченные из культурного слоя, признаны принадлежащими когурёскому периоду, но впоследствии использовавшимися бохайцами.

По мнению северокаорейских археологов артефакты из Омэри сходны с находками из Верхней столицы и городища Чхонхэ, что позволяет признать кумирню

бохайской, а также то, что данной кумирней пользовались люди, населявшие городище Чхонхэ.

Вывод. Памятники соответствуют бохайской культуре.

Горные городища Ко(сан), Ёнджонни, Ангок. Горные городища Косан, Ёнджонни, Ангок тесно связаны с городищем Чхонни и признаны его спутником.

Городище Косан. Расположено в 8 км северо-западнее городища Чхонхэ, на вершине горы Косан равнины Пённи уезда Пукчхон. С северо-западной крутой стороны крепость соединяется с горным хребтом Пэкхак, с юго-восточной пологой стороны расположена равнина Пённи, где были найдены захоронения бохайского периода. Периметр стен — 600 м, высота — 4 м.

С восточной стороны крепость омывает река Сосанчхон, с запада — река Содэчхон. В 2 км от крепости реки сливаются в одно русло и впадают в Японское море. Крепость расположена в стратегически выигрышном месте. К крепости подходили две дороги: одна (южная) соединяла уезд Пукчхон и Ривон, другая вела к морю.

В крепости есть южные, северные и юго-восточные ворота; с северо-западной стороны построена площадка. При раскопках обнаружено, что памятник двухслойный. Впервые крепость была возведена в когурёский период, о чем свидетельствуют многочисленные осколки красной и серой черепицы с веревочным узором, но продолжала использоваться в бохайский период.

Горная крепость Ёнджонни. Расположена в 9,5 км северо-западнее городища Чхонхэ, на западном берегу реки Намдэчхон. На противоположном берегу, в 4,5 км на восток, расположена крепость Ангок. В 11 км от крепости Ангок расположена крепость Косан. Эти три горные крепости образуют ряд. К ним проходила дорога, соединяющая Ривон через уезд Пукчхон с провинцией Янгандо, уездом Капсан и городом Хесан, и дорога, ведущая на юго-запад в район Хапхын. Следовательно, эти три горных городища охраняли важнейшие транспортные узлы района и одновременно защищали городище Чхонхэ.

Периметр крепости Ёнджонни составлял 730 м, из них 120 м — природная каменная часть горы. Высота стены 3 м. Часть камней имеют четырехугольную пирамидальную форму, характерную для когурёского периода. При раскопках на городище обнаружена черепица красного и серого цвета с веревочным узором и узором в сетку и концевые диски серого цвета бохайского типа. Это означает, что крепость построена в период государства Когурё, но продолжала использоваться в бохайский период.

Вывод. Обнаруженные в районе городища Чхонхэ археологические объекты представлены несколькими типами памятников: равнинными городищами, горными крепостями, культовыми сооружениями, некрополями. По мнению археологов Института археологии Академии общественных наук КНДР были найдены археологические доказательства того, что городище Чхонхэ — южная столица Бохая. В качестве аргументов указано, что равнинное городище Чхонхэ являлось административным центром бохайского периода, вблизи которого находился некрополь Пённи, где хоронили людей данного городища уезда Пукчхон и людей кумирни Омэри. Равнинное городище защищали три горных городища. И наконец, при раскопках обнаружены арте-

факты, аналогичные предметам из Центральной и Верхней столиц Бохая. Обнаружение южной столицы в уезде Пукчхон расценено северокорейскими археологами как самый крупный успех в изучении Бохая в КНДР в последние годы. Проблема поставлена верно и требует дальнейших исследований.

Памятники бохайской культуры и археологические находки в районе городища Пуго

Каменная крепость Пуго. Расположена в деревне Пуго района Чхонам города Чхонджин провинции Северная Хамгён (КНДР). Памятник сильно разрушен. Уцелевшая каменная стена имеет протяженность 1236 м, высоту 2 м, ширину основания 4 м. Прослеживаются как минимум четверо ворот.

В основании стены размещены камни большого размера, следующие 2–3 ряда кладки углубляются внутрь. Далее кладка стены выполнена ровно. Такой способ укладки каменных стен крепости известен как «тхвемуллим» (особый тип кладки, распространенный в Когурё, когда каждый последующий ряд камней укладывался со сдвигом назад, как бы образуя лестницу).

Внутри городища дороги соединяли ворота. Обнаружены жилища с обогревательной системой «ондоль» и двумя дымоотводными трубами.

При раскопках крепости из культурного слоя извлечены фрагменты черепицы, чаны, небольшие глиняные кувшины, керамические тарелки (помещаемые в чаны), глубокие глиняные миски, деревянные корыта для риса, бутылки и другие виды посуды, инструменты, а также металлические наконечники для стрел в форме веера.

По заключению северокорейских археологов, обнаруженные на городище фрагменты черепицы аналогичны черепице бохайского городища Сонсанни, расположенного на восточном побережье. Наконечники стрел, найденные в Пуго, аналогичны обнаруженным в городище Чхонхэ.

Техника возведения каменной крепости Пуго и находки позволили северокорейским исследователям заключить, что городище было возведено государством Когурё и продолжало существовать вплоть до бохайского периода.

Вывод. Памятник соответствует когурёской и бохайской культурам.

Могильник Пуго. Расположен в 1,5 км к юго-западу от крепости Пуго на горном склоне. Рядом с могильником обнаружены земляные валы и места сигнальных костров периода Бохай. Из 500 захоронений в ходе раскопок исследовано 50 могил.

Могильник Пуго представлен тремя типами захоронений: земляные могилы, каменные гробницы, каменные саркофаги.

Вывод. Пристальное внимание северокорейских археологов к памятникам района Пуго обусловлено предположением, что в этом районе располагалась Восточная столица Бохая. Исследователи КНДР считают, что местонахождение Восточной столицы Бохая остается дискуссионным. Ранее историки придерживались традиционной версии, что Восточная столица Бохая располагалась в Хуньчуне и это было городище Баляньчэн. Но с начала 1990-х годов

северокорейские археологи стали связывать Восточную столицу с районом Пуго и предложили следующие аргументы.

Во-первых, согласно «Ёса» («История Ляо»), Восточная столица была каменной крепостью, окружность которой достигала 20 ли, тогда как городище Балянчэн было не только земляным, но и окружность его не превышала 7 ли.

Во-вторых, согласно «Синдансо» («Новая книга Тан»), Восточная крепость на юго-востоке выходит к морю, однако городище Балянчэн находится более чем в 200 ли от моря.

В-третьих, согласно «Самгук саги» («Исторические записи о трех государствах»), между бохайским Чхексон и силланским Чхончоном располагались 39 почтовых станций. Не исключается возможность того, что пункт отправлений Силла располагался не в Тогвоне, на котором настаивали ранее исследователи, а в Каннине.

В-четвертых, согласно записям бохайско-японских переговоров, посланники посещали эту крепость и в зимний период; порт Восточного района Могуви (нынешний российский Посыет) замерзает зимой, делая невозможной отправку и прием посланников.

Район Пуго, расположенный недалеко от Чхонджина, обладает одновременно всеми вышеназванными признаками. Во-первых, подтверждено, что каменная крепость Пуго является бохайской. Во-вторых, с юго-востока она выходит к морю. В-третьих, в нем расположены незамерзающие порты Ёндже и Ёджин. В-четвертых, если судить по системе почтовых станций периода Чосон, этот район расположен на расстоянии 39 станций от Каннина.

Если оценить расположение каменной крепости Пуго, горной крепости, а также системы сигнальных огней и комплекса захоронений бохайского периода, то определенные основания у северокорейских археологов объявлять Пуго Восточной столицей Бохая имеются.

Земляное городище Сонсанни. Расположено в провинции Северная Хамгён, в 26 км к востоку от города Кимчхэка, на берегу реки Намдэчхон в 600 м к востоку от местечка Сонсанни. Район, в котором находится городище Сонсанни, является транспортным узлом, связывающим уезды Хвадэ и Мёнчхон и ведущим вглубь страны. Недалеко от городища обнаружены захоронения бохайского периода Кымсонни (уезд Хвадэ), а также памятник «24 колонны» Тонхынни.

Земляное городище Сонсанни прямоугольной формы. Длина южной и северной стен по 460 м, западной и восточной — по 360 м. Периметр составляет 1640 м. Высота стен 2 м, ширина в основании 11 м, по гребню — 3 м. В стенах прорезаны ворота, на стенах зафиксированы зубцы и башенные выступы. Внешняя сторона городища защищена рвом. Внутри крепости прослежены две перекрещивающиеся дороги: одна, ведущая с востока на запад, шириной 6 м, вторая, ведущая с юга на север, шириной 4,5 м. При раскопках обнаружены каменные базы колонн, отопительная система типа «ондоль» с двумя дымоотводными трубами, кузницы.

Среди находок зафиксированы черепица, стеной камень, фрагменты маски дьявола, железные наконечники стрел, детали телег, конская сбруя, ножницы, фарфор, керамика и другие предметы.

Сделано заключение, что городище Сонсанни относится к уезду Хэянхён округа Ёмджу, находившегося под управлением Восточной столицы Бохая.

Вывод. Памятник соответствует когурёской и бохайской культурам.

Памятники «24 колонны (камня)»

Известно три памятника с 24 колоннами: в районе Сонпхён города Чхонджин; близ деревни Хвемунни уезда Оран провинции Северная Хамгён; близ деревни Тонхынни, города Кимчхэк.

Памятник «24 колонны (камня)» в районе Сонпхен города Чхонджин разрушен во время японской аннексии.

Памятник «24 колонны (камня)» расположен вблизи деревни Хвемунни уезда Оран в 300 м западнее деревни и в 50 м от дороги, соединяющей Кимчхэк и Чхонджин.

Базы колонн обнаружены в июне 1983 г. Расположены на 1-метровой платформе (подушке) прямоугольной формы, длина которой с севера на юг 19,2 м, с запада на восток — 13,5 м. Колонны образуют три ряда, длина которых с севера на юг — 10 м, с запада на восток — 7 м, расстояние между рядами 3,9 м. Размеры баз колонн в пределах 70–90 см.

Среди находок отмечены традиционные бохайские предметы: керамика, концевые диски, фрагменты фарфоровых изделий, аналогичные вещам городища Чхонхэ и кумирни Омэри.

Памятник «24 колонны (камня)» близ деревни Тонхынни, города Кимчхэк. Расположен в 400 м к юго-западу от деревни Тонхынни. Обнаружен в 1991 г. С северо-восточной стороны памятника протекает река Намдэчхон, с юго-западной стороны расположено побережье Японского моря. Памятник находится вблизи бохайского городища Сонсанни.

24 колонны расположены на метровой платформе (подушке) прямоугольной формы размером 13×9 м и образуют три ряда. Расстояние между рядами 1,4 м, расстояние между базами колонн 1,4 м.

Среди находок обнаружены бохайская черепица, керамика (кувшины, корыта для риса) и фарфор.

Четыре аналогичных памятника зафиксированы в Северо-Восточном Китае. Предполагается, что памятники «24 колонны» возводились вдоль транспортных путей в узловых точках и являлись почтовыми станциями.

Вывод. Памятники вполне могут являться придорожными почтовыми станциями, действовавшими в бохайское время.

Могильник Кунсим. Расположен на вершине горы «Хванджесхон», в 3 км севернее района Кунсим уезда Хверён. Общее количество погребений 300 единиц. Большинство из них относится к типу земляных могил (каменные склепы с земляной насыпью). Насыпь на могилах имеет форму усеченной пирамиды. Форма могил прямоугольная либо овальная. Стены выложены булыжниками, по мере возвышения сужаются внутрь и сверху заложены одним или несколькими плоскими камнями. Пол выложен камнями, помост для тела отсутствует.

Среди находок отмечены железный нож, бронзовые кольца, бронзовые украшения, фарфоровая и керамическая посуда и др. Находки аналогичны вещам из бохайских памятников Северо-Восточного Китая и восточного побережья.

Вывод. Памятник отвечает когурёским и бохайским критериям.

* * *

Приведенная выше сводка объектов бохайской археологической культуры Северной Кореи показывает, что на ее территории обнаружено более 40 памятников. Из них стационарно обследовано четыре равнинных городища (Чхонхэ, Сонсанни, Пугок, Ингери), 15 горных крепостей (Унду, Чансындэ, Намджын, Чибанни, Тасин, Каын, Юльджи, Косан, Ангок, Ёнджонни, Ёнидон, Масан, Ниманджи, Токсан, Пэун), восемь прибрежных фортов (Канмибон, Чансынмок, Норумок, Согяндэ, Квиамдэ, Пхальгёндэ, Ангёдон, Ханчхонсан), две заградительные крепости (Сэдок, Чибанни), семь некрополей (могильники в провинции Северная Хамгён: могильник Кунсим, могильник Пуго, могильники в уезде Кильджу и Хвадэ; могильники в провинции Южная Хамгён: могильники в уездах Ривон, Пукчхон, Хынвон и городе Синпхо), три почтовые станции, культовые объекты в виде буддийских храмов и кумирен. Материалы памятников часто трудноразделимы по эпохам, что признают сами северокорейские археологи, так как после падения государства Когурё на этой территории сохранилось прежнее население, впоследствии перешедшее в государство Бохай.

2.4. Памятники российского Приморья (рис. 24)

Памятники бохайской культуры зафиксированы практически на всей территории Приморья, хотя с этим соглашаются далеко не все бохаетеды. В литературе приводится разное количество памятников. Одни исследователи указывают 200 бохайских объектов, другие ограничиваются 20. Такое положение обусловлено неразработанностью критериев бохайской культуры, что затрудняет диагностику памятников. Поэтому в научный оборот до сих пор не введен даже полный каталог (свод) памятников данной культуры. Проведенная мной проверка данных по архивным материалам, в первую очередь экспедиционным отчетам, хранящимся в Институте археологии РАН (г. Москва), показала, что в настоящее время в Приморском крае открыто 133 бохайских объекта. Причем если до начала 60-х годов прошлого века исследователи считали, что география бохайских памятников охватывала все Приморье (А.П. Окладников и Э.В. Шавкунов), то в 90-е годы территория бохайской культуры была резко сужена до южных и центральных районов края.

Ниже предлагается перечисление выявленных мною бохайских объектов на российской территории (нумерация продолжает китайские памятники).

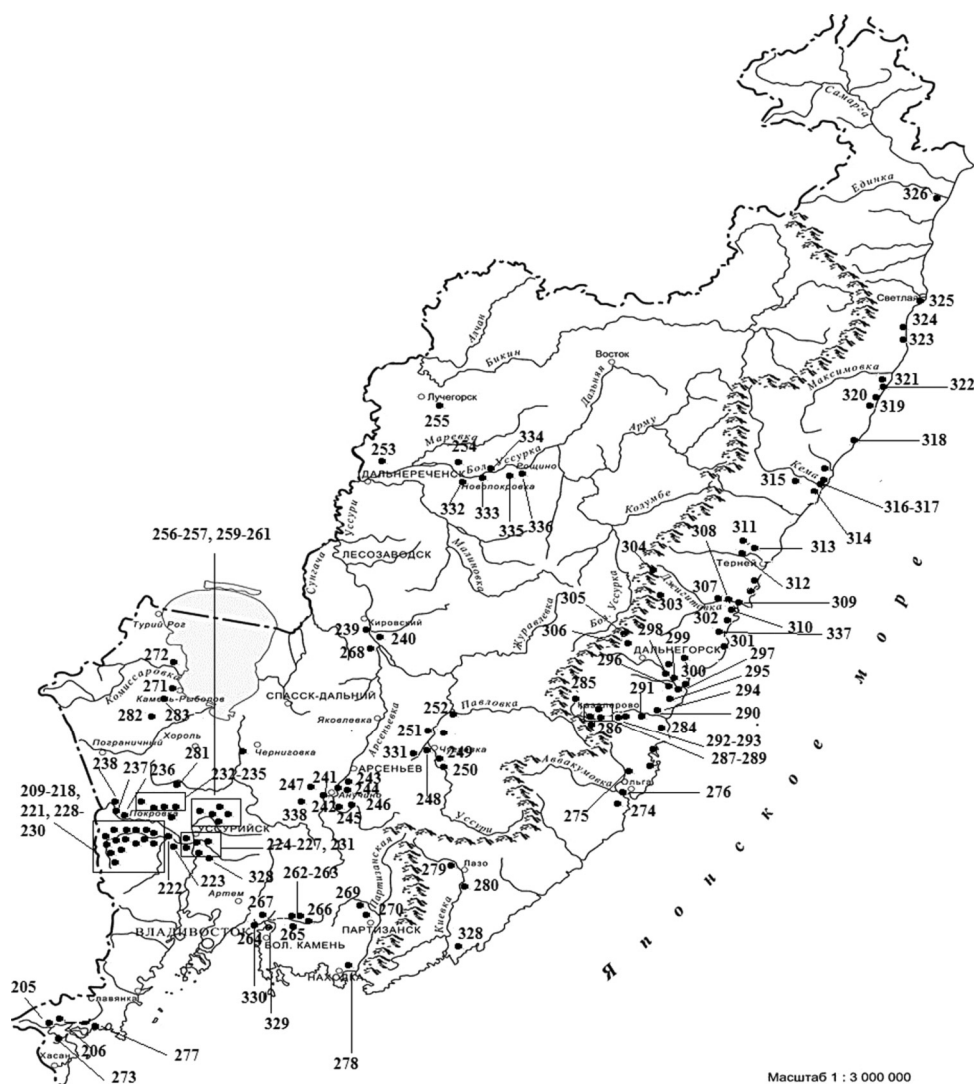

Рис. 24.

Карта-схема бохайских памятников Приморья

205. Краскинское городище (Хасанский район); 206. Краскинская кумирня (Хасанский район); 207. Старореченское городище (Уссурийский район); 208. Южно-Уссурийское городище (старое название Фударчэн) (г. Уссурийск); 209. Курган Сопка Амфитеатр (Уссурийский район); 210. Сопка Абрикосовая (Уссурийский район); 211. Сопка Мечта (Уссурийский район); 212. Сопка Копыто (Уссурийский район); 213. Копытинская кумирня (Уссурийский район); 214. Абрикосовская кумирня (Уссурийский район); 215. Поселение Корсаковское 1 (Корсаковка-1) (Уссурийский район); 216. Поселение Корсаковское-2 (Корсаковка-1) (Уссурийский район); 217. Поселение Корсаковка-7 (Уссурийский район); 218. Поселение Корсаковка-19 (Уссурийский район); 219. Поселение Утесное (Уссурийский район); 220. Селище Утесное-4 (Уссурийский район); 221. Абрикосовское поселение (Уссурийский район); 222. Борисовский храм (Уссурийский район); 223. Поселение Борисовка-26. (Уссурийский район); 224. Селище Загородное-14 (Уссурийский район); 225. Селище Золотой колос-2 (Уссурийский район); 226. Селище Каймановка-2 (Уссурийский район); 227. Селище Доброполье 15 (Уссурийский район); 228. Селище Кроуновка-4 (Уссурийский район); 229. Селище Кроуновка-15 (Уссурийский район); 230. Селище Кроуновка-27 (Уссурийский район); 231. Селище При-

городный-3 (Уссурийский район); 232. Поселение Константиновское-1 (Октябрьский район); 233. Константиновское-1 селище (Октябрьский район); 234. Константиновское-2 селище (Октябрьский район); 235. Новогеоргиевка-2 (Таловское укрепление) (Октябрьский район); 236. Городище Синельниково-1 (Октябрьский район); 237. Поселение Чернятино-2 (Октябрьский район); 238. Могильник Чернятино-5 (Октябрьского района); 239. Марьяновское городище (Кировский район); 240. Иннокентьевское городище (Кировский район); 241. Новогордеевское городище (Круглая Сопка) (Анучинский район); 242. Селище Егорово поле (Анучинский район); 243. Поселение Круглая Долина (Анучинский район); 244. Новогордеевское селище (Анучинский район); 245. Поселение Рудановка-1 (Анучинский район); 246. Поселение Рудановка-2 (Анучинский район); 247. Виноградовка-1 (Анучинский район); 248. Чугуевское городище (Чугуевский район); 249. Городище Кокшаровка-1 (Чугуевский района); 250. Городище Кокшаровка-2 (Чугуевский район); 251. Саратовское городище (Солдатская Сопка) (Чугуевский район); 252. Городище Уборка-Долинное (Усть-Павловка) (Чугуевский район); 253. Новопокровский могильник (Дальнереческий район); 254. Поселение Дубовское-3 (Красноармейский район); 255. Городище Канчуга (Пожарский район); 256. Николаевское II городище (Михайловский район); 257. Николаевское I городище (Михайловский район); 258. Городище Высокое (Черниговский район); 259. Городище Горбатка (Михайловский район); 260. Городище Отраденское (долинное) (Михайловский район); 261. Городище Отрадинское (горное) (Михайловский район); 262. Городище Стеклануха-1 (Саинбарское) (Шкотовский район); 263. Городище Стеклануха-4 (Шкотовский район); 264. Поселение Новороссия-1 (Шкотовский район); 265. Городище Новороссия-2 (Шкотовский район); 266. Поселение Новороссия-3 (Шкотовский район); 267. Памятник Мыс Обрывистый (Шкотовский район); 268. Памятник Красная Сопка (Кировский район); 269. Поселение Малаза-1 (Партизанский район); 270. Поселение Малаза-2 (Партизанский район); 271. Новокачалинское поселение (Ханкайский район); 272. Поселение Ильинка (Ханкайский район); 273. Поселение в бухте Спасения. Расположено на восточном побережье бухты; 274. Михайловское городище (Ольгинский район); 275. Васильковское городище (Ольгинский район); 276. Поселение Синие Скалы. Расположено на левом берегу р. Аввакумовки в ложбине скальной гряды в км от с. Пермское Ольгинского района; 277. Пещера Посьетская. Расположена на берегу бухты Экспедиций вблизи п. Посьет Хасанского района; 278. Поселение в бухте Береговой. На территории Находкинского горсовета; 279. Поселение Добровольное (Лазовский район); 280. Поселение Набережное (Лазовский район); 281. Городище Новогеоргиевское (Октябрьский район); 282. Поселение Малый Усач (Ханкайский район); 283. Поселение Новоселище-2 (Ханкайский район); 284. Городище Брусиловское (Ольгинский район); 285. Городище Венюковское (Кавалеровский район); 286. Естественное укрепление Скала Дерсу (Кавалеровский район); 287. Городище Горнореченское-1 (Кавалеровский район); 288. Городище Горнореченское-2 (Кавалеровский район); 289. Городище Горнореченское-3 (Кавалеровский район); 290. Городище Богополь (Кавалеровский район); 291. Городище Садовый Ключ (Кавалеровский район); 292. Поселение Синегорье-1 (Кавалеровский район); 293. Поселение Синегорье-2 (Кавалеровский район); 294. Поселение Устиновские поля (Кавалеровский район); 295. Пещера Сверчков (Кавалеровский район); 296. Долинное городище Эстонка (Дальнегорский район); 297. Городище Васьковское (Дальнегорский район); 298. Городище Мономаховское (Руднинское) (Дальнегорский район); 299. Могильник Монастырка-3 (Дальнегорский район); 300. Городище Пристанское (Дальнегорский район); 301. Укрепление Круглое (Дальнегорский район); 302. Поселение Пасечная (Дальнегорский район); 303. Стоянка Водораздельная (Дальнегорский район); 304. Городище Поднебесное (Тернейский район); 305. Укрепление Горбуша (Дальнегорский район); 306. Городище Черемшаны (Дальнегорский район); 307. Городище Джигитовское (Тернейский район); 308. Городище Куналейское (Тернейский район); 309. Городище Красное Озеро (Тернейский район); 310. Крепость Ключи (Тернейский район); 311. Крепость Заболоченная («Алтарь») (Тернейский район); 312. Вал в устье р. Заболоченной (Тернейский район); 313. Крепость Шмырков Ключ (Тернейский район); 314. Городище Малая Кема (Тернейский район); 315. Городище Усть-Ильмо (Тернейский район); 316. Городище Кемское-Долинное (Тернейский район); 317. Городище Кемское-Морское (Тернейский район); 318. Укрепление Яшу (Тернейский район); 319. Укрепление Малая Карыма (Тернейский район); 320. Укрепление Караминский Хребет (Тернейский район); 321. Укрепление Сеселевское (Тернейский район); 322. Городище Соёньское (Тернейский район); 323. Городище Кузнецовское (Тернейский район); 324. Городище Оазис (Тернейский район); 325. Укрепление Усть-Пея (Тернейский район); 326. Городище Единкинское (Тернейский район); 327. Рудниковские курганы (Уссурийский район); 328. Соколовские курганы (Лазовский район); 329. Селище Петровское (Шкотовский район); 330. Городище Известковая сопка (Шкотовский район); 331. Городище Окраинка (Чугуевский район); 332. Вострцовское городище (Красноармейский район, бассейн Большой Уссурки); 333. Городище Лобановка-1 (Красноармейский район, бассейн Большой Уссурки); 334. Городище Лобановка-2 (Красноармейский район, бассейн Большой Уссурки); 335. Городище Дубровское (Красноармейский район, бассейн Большой Уссурки); 336. Городище Таборовское (Красноармейский район, бассейн Большой Уссурки); 337. Поселение Смычка (Дальнегорский район); 338. Ауровское городище (Анучинский район)

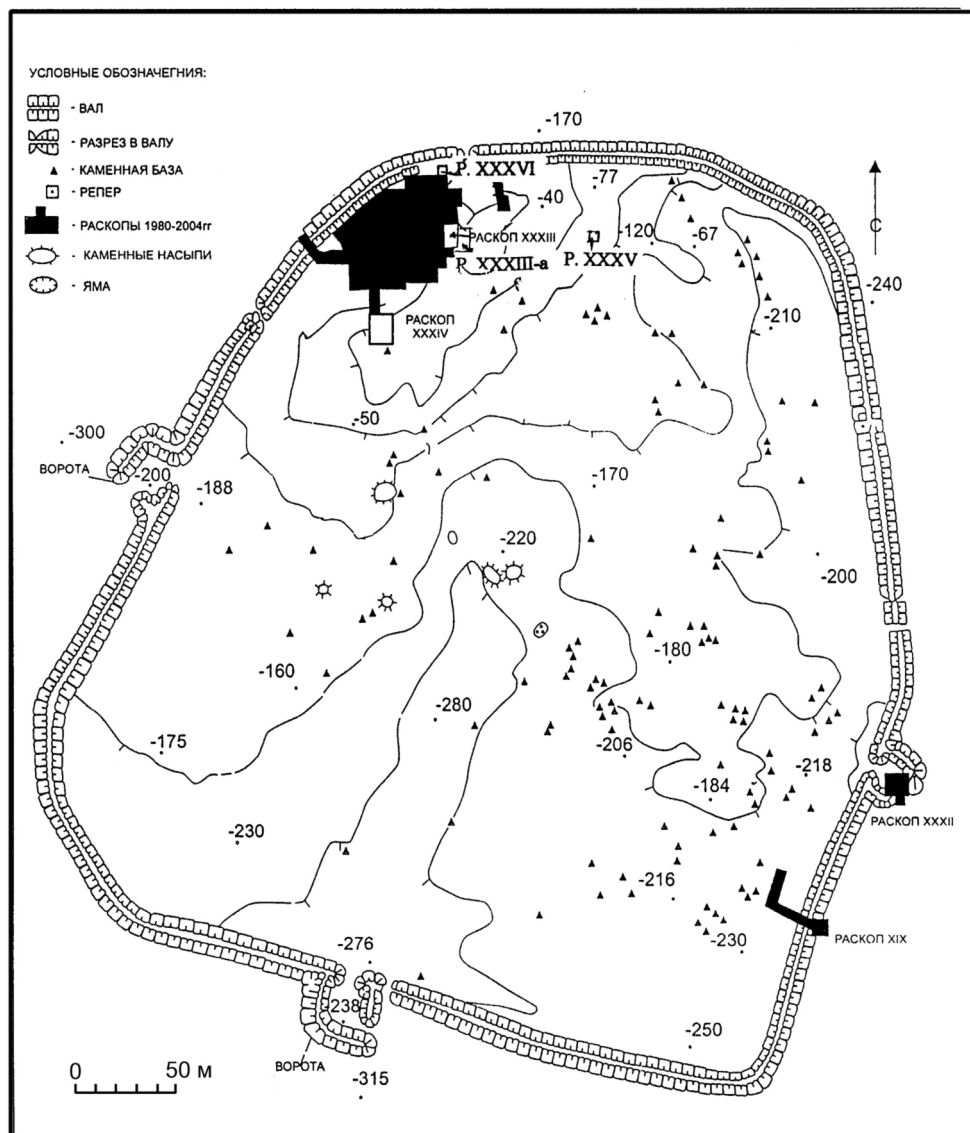

Рис. 25.

План Краскинского городища
(по Археологическим исследованиям Краскинского городища, 2012)

Краскинское городище (Хасанский район Приморского края) (рис. 25). Расположено на юге Приморского края в 2 км к юго-западу от пос. Краскино и в 0,4 км от бухты Экспедиций. Занимает приустьевую часть правого берега р. Цукановка. Площадь памятника 13 га. Согласно китайским письменным источникам здесь располагался древний порт, поисками которого в 1871 г. занимался русский синолог архимандрит Палладий (Кафаров). Обнаруженные им развалины городища были определены как склад для соли. В 1958 г. городище обследо-

вал московский археолог Г.И. Андреев, отнесший его к эпохе средневековья [Андреев, 1958, № 1777]. В 1960 и 1963 г. Э.В. Шавкунов произвел съемку городища, обмеры крепостных валов (общая длина вала — 1200 м, ширина вала по верху 1 м, в основании — 10–12 м, высота вала с внутренней стороны 1–1,5 м, с внешней — 2,5 м), выявил тип городских ворот (восточные, западные, южные), защищенных снаружи дополнительным валом (захабом), по подъёмному материалу датировал городище VIII–X вв. и соотнес с центром бохайского округа Янь, откуда из Бохая отправлялись дипломатические и торговые миссии в Японию [Шавкунов Э.В., 1968, с. 94]. Систематические стационарные исследования городища, начатые в 1980 г. сотрудником Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.И. Болдиным [Болдин, 1983, № 9822, с. 47], продолжают до настоящего времени. Материалы раскопок подробно опубликованы участниками международных экспедиций (российско-корейской, российско-японской, российско-китайской) [Исследования археологических памятников эпохи Бохая в Приморье в 1997 г., 2001, с. 255–258; *Мун Мён Дэ, И Нам Сок*, Болдин, 2004, с. 332; Болдин, Гельман, 2005, 453 с.].

Ниже предлагается квинтэссенция полученных результатов в изложении держателя Открытого листа В.И. Болдина: «В... 1980–81, 1983 и 1990 гг. раскопки... были сосредоточены в северо-западной, наиболее возвышенной части городища. В 1980 г. вскрыта печь по обжигу черепицы. В 1981 г. вскрыты руины буддийского храма. Он был сооружен на искусственной земляной платформе, высота которой достигала 1 м, длина — 11,8 м, ширина — 10,4 м. Платформа укреплена стенкой, сложенной из двух рядов каменных плит. На платформе сохранилось 30 каменных баз, служивших основаниями для колонн храма. Из предметов ритуала на руинах обнаружены две статуэтки Будды, выполненные из позолоченной бронзы и мелкозернистого песчаника, керамическая и чугунная ритуальная посуда. В 1983 и 1990 гг. вскрыты участки прихрамовой территории на востоке и юге от храма... В 1994–1996 гг. продолжены исследования территории храмового комплекса. В 1994 г. на памятнике была организована первая международная российско-корейская экспедиция. Корейских исследователей возглавил Ким Чжон Бэ. Совместными работами были вскрыты руины, возможно, колокольной или барабанной башни и отрезок каменной стены, отделявшей храм от остальной территории города. От башни сохранился каменный фундамент в виде квадратной каменной стенки шириной 0,8 м и площадью 19,3 кв.м. По сторонам фундамента отмечался развал черепичной крыши. Постройка ориентирована так же, как и храм. В 22 м на юго-запад от храма вскрыт участок фундамента ограды протяженностью 36 м. Он располагался параллельно платформе храма и представлял собой невысокую стенку, сложенную в несколько ярусов из плотно уложенных камней. Вокруг ограды собраны предметы, связанные с буддийским ритуалом. Это позолоченная бронзовая кисть правой руки Майтреи, фигурка Авалокитешвары (Гуаньинь), обломки терракотовых чивэй, голова дракона и фрагменты чугунных колоколов. Под черепичным развалом крыши барабанной башни вскрыта печь по обжигу черепицы. В последующие годы в западной половине храмового комплекса, вблизи городской стены была вскрыта печь для обжига черепицы размером 4,5×2,5 м. Она имела предпочажную яму, топку, камеру обжига и две трубы. К юго-западу от храма раскопан участок крепостного вала. Он

строился в несколько этапов и представлял довольно сложную конструкцию, сочетавшую в себе кладки из каменных блоков, насыпи гальки и утрамбованной земли. Впервые на городище обнаружена танская монета VIII века „Кай-юань тунбао“. В 1995 г. была проведена детальная инструментальная съемка крепостных укреплений и внутреннего устройства городища. Обозначилась широкая улица, идущая от южных ворот и делящая городище на две части, восточную и западную. На возвышенных участках отмечены большие каменные базы, очевидно, фундаменты дворцовых построек <...>

...В 1997–2001 гг. раскопки производились не только на территории храмового комплекса, но и за его пределами. С японскими археологами начаты раскопки восточных ворот городища и прилегающего с юга отрезка крепостной стены. В западной, производственной, части территории храма вскрыт колодец и остатки черепичных печей. Северо-восточнее колодца размещалась мастерская по обжигу черепицы. Вскрыто 6 печей, которые разделяются на два вида.

Раскопками в северной части храмового комплекса вскрыты остатки культовой постройки на земляной платформе. С северо-западной и частично с северо-восточной сторон она была околонушена опорной стенкой, сложенной из каменных блоков. В 2001 г. в северо-восточной части храмового комплекса совместно с корейскими археологами из Института изучения Когурё, который возглавлял профессор Со Гильсу, в нижнем строительном горизонте были откопаны две сильно разрушенные печи по обжигу черепицы. В одной из ям обнаружен ветровой чугунный колокол, в другой — бронзовая позолоченная кисть левой руки Будды.

Раскопки, проведенные за пределами храмового комплекса, на нижнем культурном горизонте, выявили следы активной хозяйственной деятельности населения <...>

В 2002 г. в северо-восточной части храмовой территории, в верхнем строительном горизонте вскрыты три больших керамических сосуда, вкопанных в землю у каменной ступы. Эти объекты представляли собой хозяйственный двор храма, где в керамических емкостях сохраняли продукты. У восточных ворот раскопана крепостная стена высотой 1,8 м. Ее наружная поверхность выложена 9–10 ярусами каменных блоков. Нижний ярус кладки состоит из крупных блоков. Недалеко от восточных ворот раскопками обнаружена фронтальная башня шириной 2,8 м. Она выступала из стены на 2,8 м. Вершина вала возвышалась на 0,6 м над поверхностью башни. Башня сложена из каменных блоков в 4–5 ярусов. Каменная кладка охватывала башню с трёх сторон, а внутреннее пространство было заполнено землей. В восточной части территории храма вскрыта квадратная подземная камера, стены которой сложены из черепицы. Она располагалась ниже верхнего строительного горизонта. Можно предположить, что камера имела ритуальное назначение. Либо это были остатки реликвария, устраиваемого под буддийскими пагодами, либо — могила захороненного здесь монаха. В 2005 г. за пределами территории храма вскрыты остатки двух жилищ. Оба относятся к верхнему строительному горизонту. Верхний строительный горизонт на городище относится к постбохайскому времени. В 2006 г. за пределами храмового комплекса установлено наличие третьего и четвертого строительных горизонтов. Нижние горизонты представлены остатками разновременных жилищ с кановой отопительной системой.

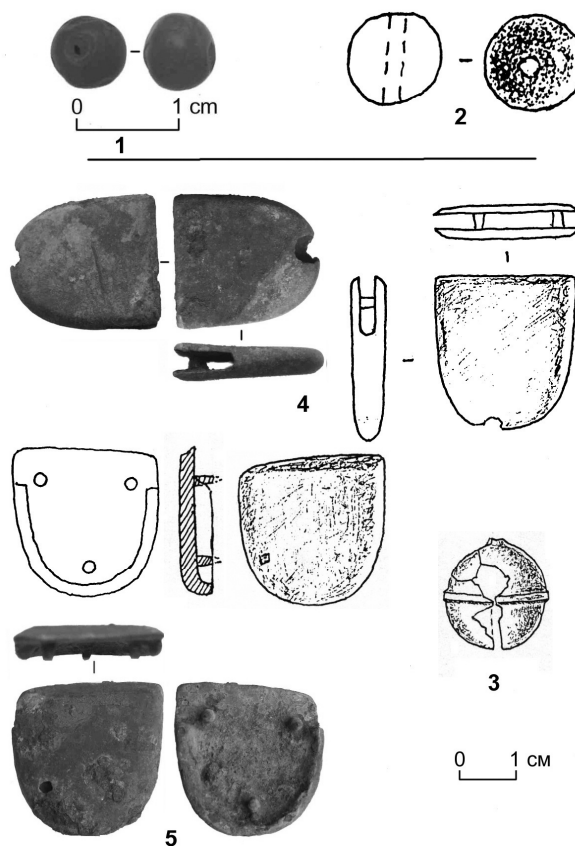

Рис. 26.

Краскинское городище: 1–2 — сердоликовые бусины, 3 — бронзовый бубенчик, 4–5 — бронзовые наконечники ремня (по Археологическим исследованиям Краскинского городища, 2012)

За период 2007–2008 гг. выявлен пятый строительный горизонт и получены данные о размерах жилищ этого горизонта. Они были несколько меньше лежавших выше. Были получены материалы о ранней хозяйственной деятельности населения. Проведено обследование геофизическими методами. Это позволило выявить планировку городища и обнаружить следы построек внутри кварталов. Впервые для Краскинского городища получены наиболее ранние даты по радиоуглероду, свидетельствующие о заселении памятника в конце VII — начале VIII в. Сравнивая материалы, полученные из раскопок на других бохайских городищах в Приморье, следует отметить, что Краскинское городище было не рядовым городом, а административным центром. Все материалы из городища совпадают с артефактами из городищ Верхней и Восточной столиц Бохая. Другой не менее важный результат — довольно определенная дата (по материалам из колодца) финального этапа существования города, приходящаяся на первую треть X в. Необходимо указать на длительное время существования города. Об этом свидетельствует толщина культурных отложений, достигающая 2,3 м» [Болдин, 2001, с. 72].

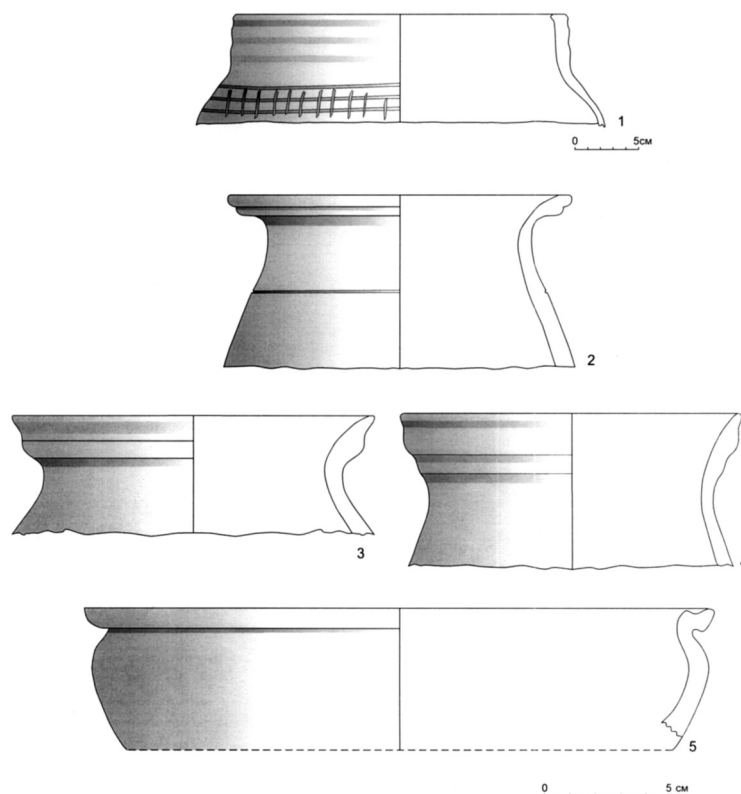

Рис. 27.
Краскинское городище: 1–5 — керамические сосуды
(по Археологическим исследованиям Краскинского городища, 2012)

Вывод. Длительность полевых исследований Краскинского городища, большой объем полученных материалов, выделение разновременных строительных горизонтов позволяют объективно оценить, по каким критериям данный объект соответствует бохайской культуре. Из аборигенных признаков это наличие в ранних строительных горизонтах лепной керамики мохэского типа (категория I, тип 1), свидетельствующей о присутствии тунгусо-маньчжурского пласта населения (рис. 26; рис. 27, 2; рис. 28); из государственных признаков это бохайские круговые сосуды когурёского происхождения, хотя и в незначительном количестве (II категория керамики); долинный тип городища подтрапециевидной формы с северной ориентацией; почвенные валы с каменной облицовкой и воротами с захабом; культовые атрибуты в виде храмов, кумирен и скульптурных изображений Будд. Таким образом, безусловно, Краскинское городище это один из портовых городов государства Бохай. Являлся ли он центром бохайского округа Янь? На этот вопрос однозначного ответа нет. Российские исследователи Э.В. Шавкунов, А.Л. Ивлиев, опираясь на китайские письменные источники, приводят достаточно убедительные аргументы в пользу этой версии, но не менее весомые доводы и у китайских исто-

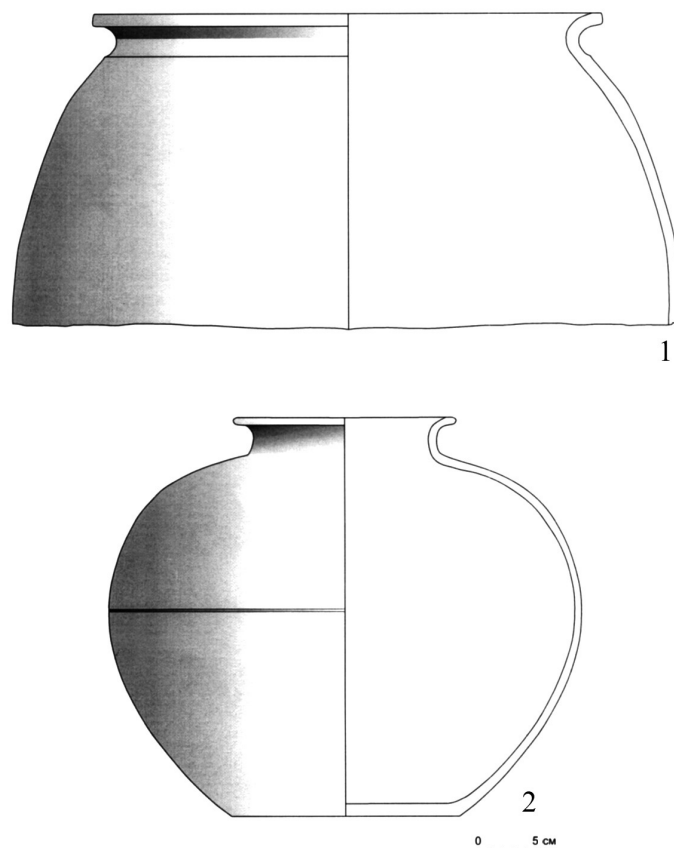

Рис. 28.

Краскинское городище: 1–2 — керамические сосуды
(по Археологическим исследованиям Краскинского городища, 2012)

риков, помещающих центр бохайского округа Янь в другом месте. Ни у кого из исследователей не возникает сомнений по поводу общей датировки Краскинского городища VIII–X вв. Это подтверждает найденная монета «Кай-юань-тунбао» с полумесяцем на реверсе, имевшая хождение в VIII–X вв.; посуда из нескольких танских печей; концевые диски черепицы танского периода и др. Правда, диссонансом этому являются абсолютные датировки, далеко не всегда подтверждающие относительные даты памятника. Здесь предстоит еще много работы по выяснению, когда на этом месте появилось первое поселение, когда оно превратилось в город, как развивался город (для этого необходима сплошная планиграфия пяти строительных горизонтов), в какой момент город прекратил существование и прекратил ли. Ведь на городище, как отмечают сами исследователи, обнаружены киданьские вещи (сосуды в колоде, отдельные поясные детали). Ну и, конечно, необходим анализ этнической и социальной стратификации населения Краскинского городища, т.е. той проблемы, по которой возникают серьезные дискуссии между китайскими, корейскими и японскими учеными.

Краскинская кумирня (Хасанский район Приморского края). Расположена в 2 км к юго-западу от пос. Краскино в северо-западной части Краскинского городища. Исследована в 1986 г. В.И. Болдиным [Болдин, 1987, с. 189–190, 215–216].

Конструкция кумирни традиционна для буддийских сооружений. В плане представляла собой прямоугольное здание колоннадного типа с четырехскатной крышей и юго-западным входом, возведенное на искусственной супесчаной платформе, облицованной камнем. Площадь платформы 132 кв.м. Кумирня базировалась на 30 колоннах, выстроенных в 5 рядов (6 колонн в каждом ряду). Колонны отстояли на 1 м друг от друга. Напротив входа было выявлено возвышение площадью около 1,5 кв.м, на котором найдена бронзовая статуэтка Будды. Возможно, именно здесь находился алтарь. Обнаружены 4 вида черепицы: нижняя, верхняя, угловая, козырьковая, 16 гвоздей, статуэтка Будды из позолоченной бронзы, горельефное изображение сидящего Будды на фоне светло-желтого песчаника, 3 литых шестигранных пирамидальных колокольца, фрагменты культовой посуды [Государство Бохай, 1994, с. 86–89].

Памятник датирован VIII–X вв. [Шавкунов Э.В., 1968, с. 94].

Вывод. Краскинская кумирня является культовым объектом и по всем параметрам соответствует бохайской культуре.

Старореченское городище (Уссурийский район Приморского края). Расположено на правом берегу р. Раздольная в 1,5 км к югу от с. Старореченское. Большая часть памятника уничтожена рекой. Сохранилось 250 кв.м. В 1915 г. городище впервые было обследовано А.З. Федоровым, в 1975 г. археологическим отрядом ИИАЭ ДВО РАН, сделавшим подробное описание памятника и материала [Хорев, 1975, № 5738]. В 1982 г. памятник стационарно исследовалось Л.Е. Семениченко [Семениченко, 1982]. По типу городище долинное. Фортификация представлена земляным валом 2-метровой высоты. Северо-восточные и южные ворота с внешней и внутренней сторон защищены дополнительными земляными валами (захаб). Раскопы заложены возле южной части вала, вблизи северо-восточных ворот и в западной стороне у реки. Зафиксировано два строительных горизонта. Верхний горизонт содержал остатки наземного жилища с односекционным двухканальным каном, круговую сероглиняную посуду (корчажки и горшки), рыболовные грузила, каменные ступы, несколько мелких фрагментов лепного сосуда мохэского типа. Нижний горизонт — ямы с костями животных и круговой сероглиняной керамикой. Находки представлены круговой сероглиняной посудой, ленточными ручками, бохайскими горшками когурёского типа. Памятник отнесен к бохайской культуре и датирован IX–X вв.

Вывод. Материал Старореченского городища содержит аборигенные (мохэский тип сосудов — категория I, тип 1) и государственные признаки бохайской культуры (круговые сосуды когурёского происхождения, категория II, тип 2). Вероятнее всего, памятник функционировал в позднебохайское (постбохайское время), когда ремесленные изделия практически полностью вытеснили аборигенные вещи.

Южно-Уссурийское городище (старое название Фурдан Чэн; г. Уссурийск Приморского края). Расположено на левом берегу р. Раздольная в южной части

города. Впервые упомянуто в 1864 г. А. Усольцевым [Усольцев, 1864, с. 199], тогда же памятник осмотрел И. Лопатин [Лопатин, 1864; 1869]. В 1868 г. П. Кафаров выделил на городище два комплекса — бохайский и чжурчжэньский [Кафаров, 1871]. Первые разведочные работы на памятнике провел Ф.Ф. Буссе. [Буссе, 1888]. В 1916 г. А.З. Федоров составил подробную карту памятника и повел разведочные раскопки [Федоров, 1916]. В 1954–1960 гг. городище стационарно исследовалось Дальневосточной археологической экспедицией (ДВАЭ) под руководством А.П. Окладникова при участии М.В. Воробьева, Н.Н. Забелиной, Э.В. Шавкунова [Окладников, 1957, № 1614]. Н.Н. Забелиной разработана историческая топография г. Уссурийск [Забелина, 1960, с. 374–390]. Городище датировано VIII–XII вв. В 1990-е годы на этом городище производил раскопки Э.В. Шавкунов [Шавкунов Э.В., 1993, № 338]. Э.В. Шавкунов на основании обнаруженного негатива тюркской рунической надписи идентифицировал Южно-Уссурийское городище с бохайским окружным центром Суйбинг или Шуайбинь, получившим название от древней р. Суйфун (совр. р. Раздольная) [Шавкунов Э.В., 1968, с. 97]. По типу городище долинное неправильной формы. Площадь 700 кв.м. С четырех сторон обнесено земляным валом. Длина северо-восточного вала 900 м, северо-западного — 1100 м, высота вала — 6 м. Обнаружено двое ворот с привратными валами (захабами), рондели, барбетты (площадки для метательных орудий). На самом городище раскопаны наземные жилища с канами. Н.Г. Артемьева, осуществлявшая на городище раскопки после Э.В. Шавкунова, не выявила бохайского слоя и датировала его чжурчжэньским временем [Артемьева, 1994, № 24028]. Следует заметить, что исследователи обращали внимание исключительно на центральную часть городища, которая относительно уцелела благодаря использованию в качестве парка с минимальным количеством построек. Периферийные же участки городища и территория за его пределами интереса у исследователей не вызывали и активно застраивались городом. В 1997 и 2001 г. В.И. Дьяковым, проводившим археологическое обследование участка на ул. Агеева, предназначавшегося для строительства жилого дома, выявлен угол Южно-Уссурийского городища, ранее считавшийся разрушенным, и культурный слой (светло-коричневый суглинок) «имеющий вполне удовлетворительную сохранность» [Дьяков, 1997, № 16539]. В этом слое «...при его расчистке обнаружены... венчик лепного сосуда, характерного для мохэской культуры; фрагмент тулова станкового сосуда серого цвета; невыразительный обломок кровельной черепицы; позвонок свиньи». А это означает, что оказался прав П. Кафаров, выделивший на городище бохайский слой.

Вывод. В настоящее время Южно-Уссурийское городище практически разрушено. Однако выявленные на нем периферийные участки культурного слоя с фрагментом мохэского сосуда, круговой керамикой и черепицей, подтвердили правоту П. Кафарова, А.П. Окладникова, Э.В. Шавкунова в том, что городище было возведено в VIII в. бохайцами и вполне могло быть окружным центром Суйбинг (Шуайбинь). Позднее городище реутилизировали чжурчжэни, построив вал и значительно усилив фортификацию, что и установил А.З. Федоров, отнесший верхний слой к Золотой империи.

Кроуновский курганный комплекс (рис. 24). Располагался в долине р. Кроуновка (старое название — Чапигоу) в 3–4 км к югу от с. Кроуновка Уссурийско-

го района Приморского края. Впервые обнаружен в 1956 г. ДВАЭ, руководимой академиком А.П. Окладниковым. Повторно разведочно обследовался в 1957 г., а в 1958 и 1959 г. Э.В. Шавкуновым были проведены стационарные исследования двух буддийских храмов и пяти курганов, обнаруженных на четырех сопках: Копыто — 1 курган, Абрикосовская — 2 кургана, Амфитеатр — 1 курган, Мечта — 1 курган.

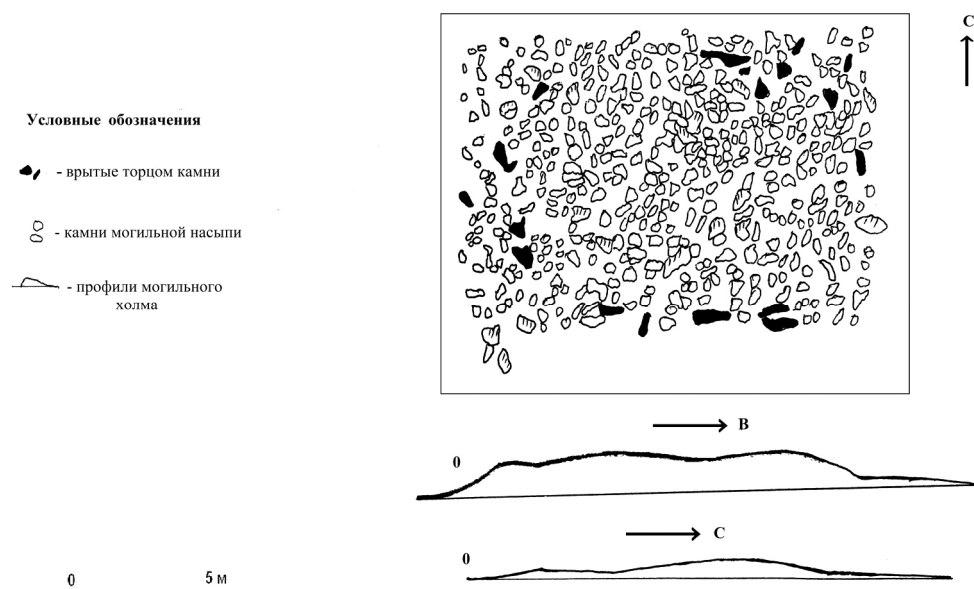

Рис. 29.

План кургана сопки Амфитеатр (по Э.В. Шавкунову)

Курган Сопка Амфитеатр (курган № 1) (рис. 29) (Уссурийский район Приморского края). Располагался приблизительно в 500 м к северо-западу от Абрикосовской сопки на восточном склоне. Курган сложен из базальтовых камней, иногда имевших для более плотного скрепления специальную обработку. Форма кургана подпрямоугольная. Внешние размеры кургана 17×20 м. Под каменной насыпью на уровне материковой поверхности зафиксирована подпрямоугольная оградка из воткнутых торцом базальтовых плит. Размеры оградки 7×5 м. Внутри оградки отмечено захоронение без могильной ямы, осуществленное способом кремации на стороне с последующим захоронением останков под курганом. Погребальный инвентарь — железный нож — однозначной культурной диагностике не поддается. Курган сопки Амфитеатр, видимо, был связан с абрикосовским или копытинским храмовыми сооружениями (кумирнями). Курган датирован VIII в. н.э. и отнесен к бохайской культуре.

Сопка Абрикосовая (Уссурийский район Приморского края) (курганы 2, 3). Расположена на левом берегу р. Кроуновка в 3–4 км к югу от одноименного села почти напротив сопки Копыто. Курганы обнаружены на гребне западного склона сопки [Шавкунов Э.В., 1959, № 1877].

Курган № 2. Представлял собой каменную (базальтовую) насыпь подпрямоугольной формы длиной 5,8 м, шириной 5,5 м, высотой около 1 м, покрытую дерном и мелким кустарником. В центральной части прослежена небольшая западина и вокруг нее каменные выбросы — следы грабителей. При расчистке дернового слоя обнаружены мелкие кусочки костей, разбросанные по всей площади кургана. Камни насыпи различных размеров — от мелких до крупных. На уровне материковой поверхности зафиксированы шесть врытых торцом базальтовых плит — остатки оградки после грабительских нарушений. Могильной ямы или какого-либо другого погребального сооружения под курганной насыпью не обнаружено. Не обнаружены также следы погребального костра. Среди находок значатся: «...несколько фрагментов лепной керамики, в том числе два венчика и 16 бусин из песчаника (1 шт.), пасты (6 шт.), халцедона (7 шт.), сердолика (1 шт.), яшмы (1 шт.). Бусы цилиндрической и сечкообразной формы различных размеров» [Шавкунов Э.В., 1959, № 1877]. Керамика представлена типично лепными мохэскими сосудами, доработанными на круге бохайскими когуреского происхождения и круговой посудой танского происхождения, что позволяет считать данный курган принадлежащим бохайской культуре [Дьякова, 1993, с. 289]. Датировку памятника VIII в. помимо мохэской керамики подтверждает наличие в комплексе белой бусины из пасты.

Курган № 3. Представлял собой остатки поврежденной с восточной стороны каменной насыпи. Курган, вероятнее всего, имел подпрямоугольную форму. Насыпь состояла из базальтовых камней разных размеров. Следы подтески или другой обработки камней исследователем не отмечены. От материкового скального выхода каменную насыпь отделяла небольшая прослойка грунта, в которой Э.В. Шавкунов отметил два сохранившихся от оградки камня, врытых торцом в почву. Могильных ям, пятен или следов костра не прослежено, но при этом костяная крошка, хоть и в малом количестве (3 кусочка), в кургане присутствовала. Сопровождающий погребение материал не обнаружен.

Вывод. Данный курган имеет ту же характеристику, что и предыдущий, но из-за отсутствия (по причине разграбления) погребального инвентаря не поддается культурной и временной диагностике. Находясь в связке с предыдущим курганом, он может быть диагностирован по нему и отнесен к бохайской культуре. Достаточно очевидна связь абрикосовских курганов с храмовым комплексом, расположенным на этой же сопке. По предположению Э.В. Шавкунова, курганы являлись захоронениями знатных людей.

Сопка Мечта (Уссурийский район Приморского края) (курган 4). Расположена в 300 м к юго-востоку от сопки Абрикосовой. На ее восточном склоне обнаружен и вскрыт каменный курган (№ 4). Курган имел круглую или квадратную форму. Отсыпан из разнокалиберного базальтового камня. Диаметр кургана достигал 15 м, высота — 0,8–1 м. В северной и северо-западных частях кургана обнаружены два врытых торцом камня (остатки оградки). В захоронении № 4 ни костных, ни материальных артефактов не зафиксировано. Исследователь предположил, что погребение было «основательно разграблено». Культурная и временная диагностика кургана невозможна из-за отсутствия материала. Связь с культовыми и поселенческими объектами не установлена.

Рис. 30.
План Копытинского кургана (по Э.В. Шавкунову)

Сопка Копыто (курган 5, рис. 30) (Уссурийский район Приморского края). Расположена посреди долины на правом берегу р. Кроуновка (старое название Чапигоу) почти напротив устья ее левого притока р. Павлиновка (старое название Янцзыгоу). Северо-восточный склон сопки пологий и плавно сливается с долиной. Восточный, южный и западный склоны довольно крутые и трудны для подъема. Вершина сопки Копыто плоская, вблизи ее южного и западного края раскопано храмовое здание (позднее определенное Э.В. Шавкуновым как буддийская кумирня) [Шавкунов Э.В., 1958]. Курган сооружен, в отличие от абрикосовских курганов и кургана сопки Амфитеатр, не на гребне и не на склоне сопки, а у восточного подножья сопки Копыто. Курган представлял собой холм, покрытый дерном и поросший мелким кустарником с отдельно стоящими деревьями. В плане имел круглую форму и был насыпан из рваного базальтового камня разного размера без какой-либо цементной связки. Высота кургана достигала 1,4 м, диаметр — 12 м. Курган поврежден грабителями. Каменная насыпь покоилась на

материковой красно-бурой глине, что позволило автору раскопок предположить, «...что покойника клали непосредственно на поверхность земли, после чего над ним сооружалась каменная насыпь...». В вышедшей в 1968 г. монографии «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье» Э.В. Шавкунов предположил «наличие здесь трупосожжения». Из инвентаря во время зачистки и разбора каменной насыпи в различных ее частях обнаружено несколько фрагментов лепной керамики, в том числе горловина сосуда с отогнутым наружу простым венчиком со скругленной кромкой, половинка прямоугольного втульчатого железного тесла, плоский железный наконечник стрелы с выделенным насадом треугольным пером, железная пряжка трапециевидной формы с язычком, песчаниковый выпрямитель стрел с желобком и большое количество костяной крошки. Расположение кургана у подножия Сопки Копыто, а храмового буддийского комплекса — на самой сопке позволили Э.В. Шавкунову заключить, что «...как размеры могильной насыпи, так и ее непосредственная близость от храма на сопке Копыто и позволяет предполагать, что здесь был погребен какой-то представитель бохайской знати» [Шавкунов Э.В., 1958, с. 93].

Выводы. Из всей диагностирующей бохайскую культуру атрибуции в кроуновском курганном анклав содержится только одна — это керамическая посуда мохэского и бохайского типов, обнаруженная в кургане № 2 сопки Абрикосовая. Остальные объекты либо содержат эпохальный материал, позволяющий датировать памятник и устанавливать военно-экономические связи, либо совсем лишены артефактов (в том числе по причине разграблений). Принадлежность перечисленных курганов к бохайской культуре Э.В. Шавкунову пришлось доказывать косвенным путем — через материалы храмов (кумирн), в которых обнаружен комплекс бохайских диагностирующих артефактов, или, при отсутствии материала, как в курганах сопки Амфитеатр, Абрикосовая (курган № 3), Мечта, опираться только на внутреннее типовое сходство курганных насыпей долины Кроуновки. Следует отметить, что вывод исследователя о принадлежности курганов бохайской культуре вполне выдержал проверку временем, хотя сама доказательная база содержит массу изъянов и умозрительных допусков.

Копытинская кумирня (Уссурийский район Приморского края) (рис. 31, 32). Расположена в 3–4 км от с. Кроуновка на правом берегу р. Кроуновка на вершине сопки Копыто. Впервые обследована Э.В. Шавкуновым в 1958–1959 гг., затем повторно в 1993–1995 гг. Объект раскопан полностью. Материалы подробно опубликованы [Шавкунов Э.В., 1968, 1995, с. 103–107]. По конструкции кумирня представляла собой квадратное в плане здание колоннадного типа с черепичной крышей, каменным фундаментом, двумя входами (северным и южным). Здание возведено на платформе, ориентировано стенами по сторонам света. Площадь кумирни 30 кв.м (6×5 м). Северная и восточная стороны кумирни огорожены стеной (валом), западная и южная стороны имеют естественную защиту в виде крутых склонов сопки. Собранный материал представлен кровельной черепицей трех типов: козырьковой, верхней, нижней голубовато-серого цвета, концевыми дисками, в том числе с изображением лотоса, лепной керамикой, в том числе мохэского типа; бохайской керамикой, доработанной на круге, когурёского происхождения; круговой керамикой танского стиля. Памятник отнесен к бохайской культуре и датирован VIII в. [Шавкунов Э.В., 1968, с. 80, 91].

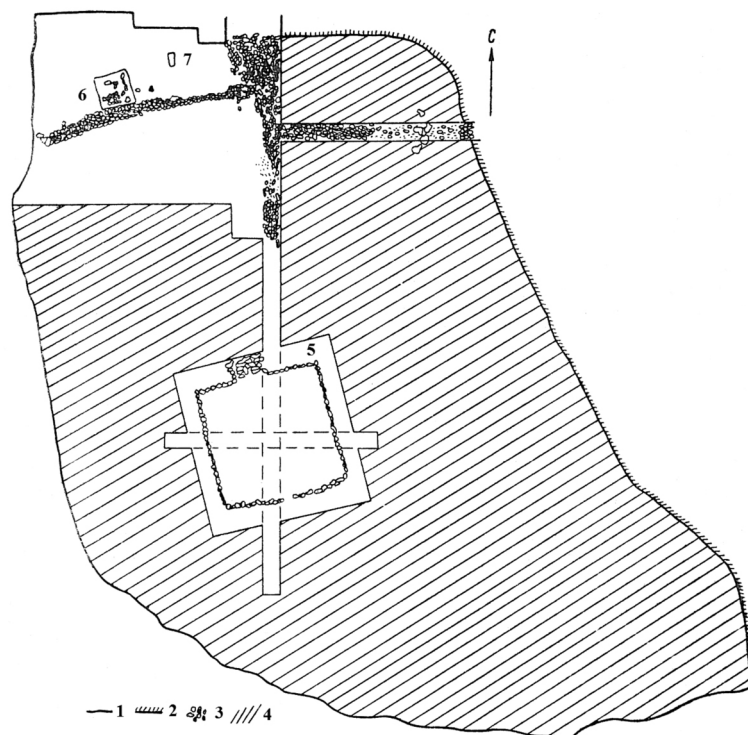

Рис. 31.
План копытинской кумирни (храма) (по Э.В. Шавкунову)

Рис. 32.
Концевые диски черепицы Абрикосовского и Копытинского храмов (по Э.В. Шавкунову)

Вывод. Данный памятник содержит все необходимые диагностирующие атрибуты бохайской культуры.

Абрикосовская кумирня (Уссурийский район Приморского края). Расположена в 3–4 км от с. Кроуновка на левом берегу р. Кроуновка на пологом северном склоне сопки Абрикосовская. Впервые обследована Э.В. Шавкуновым в 1960 г. Материалы подробно описаны [Шавкунов Э.В., 1968]. По конструкции кумирня представляла собой квадратное в плане здание колоннадного типа с черепичной двухъярусной крышей, северо-восточным центральным входом, площадью 49 кв.м (7×7 м). Здание углами ориентировано по сторонам света. Возведено на платформе размером 10×9,5 м из утрамбованного суглинка. По периметру укреплено тесаными базальтовыми плитами. Кумирню сопровождал обнесенный каменной оградкой дворик площадью 0,12 га. Собранный материал представлен объемными изображениями драконов — чивэнь, фрагментами керамических изображений Будды, кровельной черепицей, значительно отличающейся по технологии от копытинской, впервые встреченной в Приморье плоской черепицей, круговой керамикой танского стиля (рис. 33; рис. 34). Специально исследователем отмечено полное отсутствие мохэской керамики. Памятник отнесен к бохайской культуре и датирован IX в. [Шавкунов Э.В., 1968, с. 91].

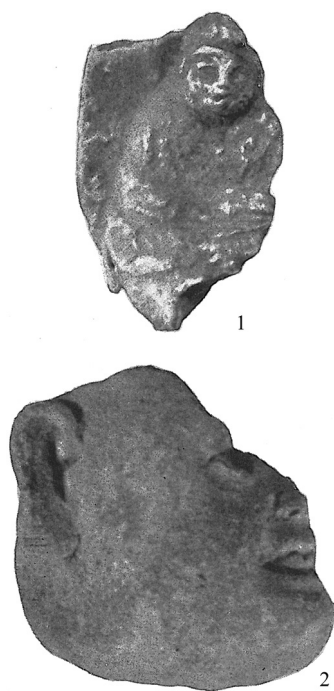

Рис. 33.

Абрикосовский храм:
1 — скульптура бодисатвы,
2 — фрагмент лица Будды
(по Э.В. Шавкунову)

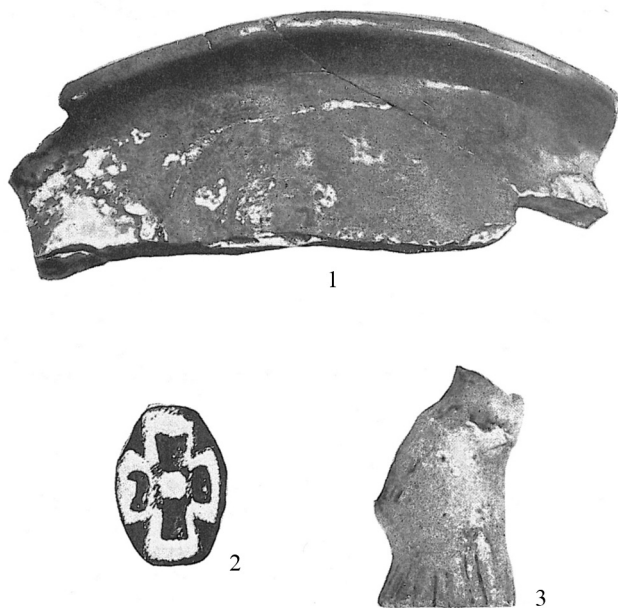

Рис. 34.

Абрикосовский храм: 1 — фрагмент фарфорового сосуда; 2 — керамическая таблетка с изображением несторианского креста; 3 — ножка сосуда в виде козьей головы (по Э.В.Шавкунову)

Вывод. Данный памятник содержит все необходимые диагностирующие атрибуты бохайской культуры.

Поселение Корсаковское 1 (Корсаковка-1) (Уссурийский район Приморского края). Расположено на левобережной надпойменной террасе р. Борисовка (правый приток р. Раздольная) в 1,6 км от с. Корсаковское. Открыто в 1981 г. геологом Б.И. Павлюткиным. В 1981 г. В.И. Болдиным исследовано 126 кв.м [Болдин, 1993, с. 146–147; 1981, № 8560]. Памятник многослойный, представлен кроуновским и позднебохайским комплексами. Площадь поселения 2 га. Мощность культурного слоя 2 м. Поселение неукрепленное, долинного типа. Вскрыто наземное жилище с каном, развалины 3 гончарных печей. Среди материала отмечена лепная керамика мохэского типа и круговая посуда танских традиций. Памятник отнесён к бохайской культуре и датирован IX–X вв.

Вывод. Материал Корсаковского 1 городища содержит аборигенную (мохэский тип сосудов — категория I, тип 1) и круговую посуду танских традиций (категория III). Следует согласиться с исследователями по поводу того, что памятник функционировал в позднебохайское (постбохайское время), когда ремесленные изделия практически полностью вытеснили аборигенные вещи.

Поселение Корсаковское 2 (Корсаковка-1) (Уссурийский район Приморского края). Расположено на надпойменной террасе левого берега р. Кроуновка в 500 м от места ее слияния с р. Борисовка и в 1 км от с. Кроуновка. В 1983 г. обнаружено В.И. Болдиным. В 1984, 1986 г. обследовалось И.С. Жутиховской. Вскрыто 130 кв.м [Жутиховская, 1984; Болдин, 1986]. Поселение двухслойное, неукрепленное, долинного типа. Представлено кроуновской и бохайской культурами. В бохайском слое зафиксирована бохайская керамика когурёского происхождения, круговая сероглиняная керамика, кости животных, фрагменты железных изделий. Памятник отнесён к бохайской культуре и датирован IX–X вв.

Вывод. Материал городища Корсаковское 2 содержит бохайскую керамику когурёского происхождения, лепную мохэскую посуду (категория I, тип 1) и круговую посуду танских традиций. Следует согласиться с исследователями в том, что памятник функционировал в позднебохайское (постбохайское время), когда ремесленные изделия (категория III) практически полностью вытеснили аборигенные вещи.

Поселение Корсаковка-7 (Уссурийский район Приморского края). Располагается на высокой пойме правого берега р. Борисовка в 2,1 км юго-западнее Борисовского городища, в 4,6 км северо-восточнее с. Корсаковка. В 1995 г. обследовано А.Л. Мезенцевым. Памятник значительно поврежден пахотой. Среди подъемного материала встречены венчики бохайских сосудов когурёского происхождения и круговая керамика [Археологические памятники, 2006, с. 286].

Вывод. Памятник Корсаковка-7 содержит государственные признаки (керамика категории II, тип 2) и может быть отнесен к бохайской культуре.

Поселение Корсаковка-19 (Уссурийский район Приморского края). Расположено на мысовидной площадке правого берега р. Борисовка в 4 км северо-восточнее с. Корсаковка. В 2000 г. обследовано А.Л. Мезенцевым [Археологиче-

ские памятники, 2006, с. 286]. Площадь поселения 0,6 га. Мощность культурного слоя не превышает 40 см. Среди находок отмечены черепица, каменные валуны с обработкой, фрагменты лепной керамики мохэского типа. Предположительно памятник датирован бохайским временем.

Вывод. Памятник Корсаковка-19 содержит аборигенные (керамика категории II, вид 1) и государственные признаки (черепица) и может быть отнесен к бохайской культуре.

Поселение Утесное (Уссурийский район Приморского края). Расположено на второй надпойменной террасе правого берега р. Раздольная в 2 км к юго-востоку от с. Утесное. Обнаружено в 1983 г. В.А. Хоревым [Хорев, 1983, № 10005]. Поселение неукрепленное, долинного типа. Материальная культура представлена развалинами гончарной печи. Памятник датирован VIII–X вв.

Вывод. Памятник Утесное из-за отсутствия диагностирующего материала условно относится к бохайской культуре.

Селище Утесное-4 (Уссурийский район Приморского края). Расположено на пойменной террасе правого берега р. Раздольная в 2,8 км от с. Утесное. В 1996, 2006 г. обследован А.Л. Мезенцевым [Археологические памятники, 2006, с. 286]. Площадь памятника 10 га. Мощность культурного слоя до 1 м. Среди собранного материала — фрагмент венчика лепного мохэского сосуда и круговая сероглиняная керамика танской традиции. Памятник отнесен к бохайскому времени.

Вывод. Селище Утесное-4 содержит аборигенные (керамика категории II, вид 1) и государственные признаки (керамика категории III) и может быть отнесено к бохайской культуре.

Абрикосовское поселение (Уссурийский район Приморского края). Расположено на левом берегу надпойменной террасы р. Кроуновка у подножия сопки Абрикосовая в 3 км к югу от с. Кроуновка. В 1959 г. обнаружено Э.В. Шавкуновым, в 1996 г. им же стационарно исследовано [Шавкунов Э.В., 1959, 1996]. Памятник многослойный. В нижнем слое обнаружены артефакты верхнего палеолита, основной слой представлен бохайской культурой, верхний (потревоженный современной пашней) принадлежит чжурчжэньской культуре. Площадь памятника 8,2 га. Мощность культурного слоя до 2 м. Поселение неукрепленное, долинного типа. Материальная культура представлена монетами, фрагментами круговой керамики и лепной посуды, в том числе мохэского типа, изделиями из металла и кости. Верхняя датировка памятника определяется стратиграфией, так как бохайский слой перекрывается чжурчжэньским. Памятник отнесен к бохайской культуре и датирован временем существования государства Бохай.

Вывод. Памятник Абрикосовское поселение содержит аборигенные и государственные признаки и может быть отнесен к бохайской культуре.

Борисовский храм (Уссурийский район Приморского края). Расположен в пойме р. Раздольная у с. Борисовка. В 1969 г. обнаружен А.К. Конопацким, в 1971 г. стационарно исследован В.Е. Медведевым [Окладников, 1975]. Памятник отнесен к бохайской культуре.

Вывод. Памятник Борисовский храм содержит государственные признаки и может быть отнесен к бохайской культуре.

Поселение Борисовка-26 (Уссурийский район Приморского края). Расположено в пойме р. Раздольная в 400 м от Борисовского храма, в 1,1 км юго-восточнее с. Борисовка. Обследовано в 2001, 2006 г. А.Л. Мезенцевым. Площадь памятника 4 га. Мощность культурного слоя 0,6–0,7 м. Материал представлен лепными мохэскими горшками, пиалами и фрагментами круговой сероглиняной посуды. Поселение отнесено к бохайской культуре.

Вывод. Из диагностирующих признаков бохайской культуры на поселении Борисовка–26 присутствуют две категории керамики: лепная мохэская и круговая сероглиняная танских традиций. Формы мохэской посуды позволяют отнести время существования поселения к VIII–IX вв.

Селище Загородное-14 (Уссурийский район Приморского края). Расположено в 0,6 км западнее пос. Загородное на пойменной террасе, используемой для пахоты. Площадь сбора подъемного материала составляет около 7,5 га. В 1995 г. памятник обнаружен А.Л. Мезенцевым [Мезенцев, 1995, № 19370]. Памятник многослойный. В бохайском слое зафиксированы фрагмент венчика лепного мохэского сосуда, ленточные ручки круговой посуды, донышки с там-гами.

Вывод. Селище Загородное–14 содержит слой бохайской культуры.

Селище Золотой колос-2 (Уссурийский район Приморского края). Расположен на высокой пойме р. Раздольная вдоль края ложбины в 1,7 км юго-восточнее фермерского хозяйства «Золотой Колос». Поверхность памятника распахана. Площадь разноса артефактов около 8 га. В 1996 г. памятник обнаружен А.Л. Мезенцевым. Определен как многослойный, представлена кроуновская и бохайская керамика.

Вывод. Селище Золотой колос-2 содержит керамику бохайской культуры.

Селище Каймановка-2 (Уссурийский район). Расположено на пойменной террасе правого берега р. Комаровка в 2 км к юго-западу от центра с. Кондратенковка. В 2004 г. памятник открыт А.Л. Мезенцевым. Среди керамики отмечена посуда бохайского ассортимента.

Вывод. Селище Каймановка-2 содержит керамику бохайской культуры.

Селище Доброполье-15 (Уссурийский район Приморского края). Расположено в 1,6 км юго-западнее перекрестка автотрасс Уссурийск–Пограничный и Уссурийск–Корфовка. В 1995 г. памятник открыт А.Л. Мезенцевым. Среди собранного материала отмечена керамика бохайского ассортимента.

Вывод. Селище Доброполье-15 содержит отдельные фрагменты керамики бохайской культуры.

Селище Кроуновка-4 (Уссурийский район Приморского края). Располагается на 5-метровой пойменной террасе правого берега р. Кроуновка в 0,3 км севернее западной части с. Кроуновка. В 1992 г. памятник открыт А.Л. Мезенцевым. Определен как многослойный объект с кроуновским и бохайским слоями.

Вывод. Селище Кроуновка-4 содержит отдельные фрагменты керамики бохайской культуры.

Селище Кроуновка-15 (Уссурийский район Приморского края). Расположено на пойменной террасе в 10,1 км к юго-западу от центра с. Кроуновка. В 1995 г. памятник открыт А.Л. Мезенцевым. Предварительно памятник датирован бохайским временем.

Вывод. Селище Кроуновка-15 условно относится к бохайской культуре.

Селище Кроуновка-27 (Уссурийский район Приморского края). Расположено в 6,6 км к юго-западу от центра с. Кроуновка. В 1996 г. открыто А.Л. Мезенцевым и Д.В. Бровко. Памятник многослойный. Верхний слой датируется бохайским временем.

Вывод. Селище Кроуновка-27 условно относится к бохайской культуре

Селище Пригородный-3 (Уссурийский район Приморского края). Расположено на пойменной террасе левого берега р. Славянка у западной окраины пос. Пригородный. Площадь селища 6 га. В 1993 г. открыто А.Л. Мезенцевым. Памятник трехслойный. Средний слой отнесен к бохайской культуре [Мезенцев, 1995, № 19370].

Вывод. Селище Пригородный-3 условно относится к бохайской культуре.

Поселение Константиновское 1 (Октябрьский район Приморского края). Расположено в долине р. Раздольная вблизи с. Константиновка. В 1989 г. памятник исследовался В.И. Болдиным. Поселение неукрепленное, долинного типа. Вскрыто жилище-полуземлянка каркасно-столбовой конструкции с одноканальным Г-образным каном с топкой и вытяжной трубой [Болдин, 1989]. Памятник отнесен к бохайской культуре.

Вывод. Памятник Константиновское содержит аборигенные (керамика категории II, вид 1) и государственные признаки (керамика категории III) и может быть отнесен к бохайской культуре.

Константиновское-1 селище (Октябрьский район Приморского края). Расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Раздольная в 1,3 км на юго-восток от с. Константиновка и в 3,5 км на юг от с. Новогеоргиевка. В 1985 г. поселение открыто А.Л. Ивлиевым, в 1986 г. О.С. Галактионовым собран материал, в 1987–1988, 1991–1992 гг. стационарные исследования проводил В.И. Болдин. Площадь памятника 5 га, вскрыто 400 кв.м. Мощность культурного слоя достигает 2 м. Памятник многослойный. Стратиграфически и в переотложенном состоянии прослежен комплекс кроуновской культуры, в переотложенном виде материалы мохэской культуры, бохайский слой является основным, его перекрывает слой XI–XIII вв. и XIX–XX вв. В коллекции мохэ-бохайского периода зафиксированы лепные сосуды мохэского типа, круговая керамика, бохайская черепица. XI–XIII вв. представлены нумизматическим материалом [Болдин, 1987, № 12079; 1989, с. 40–43].

Вывод. Константиновское-1 селище по аборигенным (лепная керамика мохэского типа — категория I, тип 1) и государственным признакам (черепица) содержит слой бохайской культуры. Вероятнее всего, что мохэское население сначала плавно перешло в государство Бохай без каких-либо катаклизмов, продолжая здесь жить как и прежде, а затем, видимо, сохранилось и после

разгрома Бохая, когда территория, вероятнее всего, оказалась подчинена киданьскому марионеточному государству Дундань.

Константиновское-2 селище (Октябрьский район Приморского края). Расположено на высокой пойме правого берега р. Раздольная в 5 км к юго-востоку от с. Константиновка. Площадь памятника 25 га. Мощность культурного слоя 1 м. В 1987 г. селище открыто Ю.Г. Никитиным, в 1994 г. разведочно обследовано Ю.Г. Никитиным, А.Л. Ивлиевым, В.И. Болдиным [Болдин, Ивлиев, Никитин, 1994, № 385]. Среди подъемного материала обнаружены артефакты двух культур — кроуновской и бохайской (фрагменты лепных сосудов мохэского типа и круговых сероглиняных изделий со следами ложнотекстильного орнамента, а также ленточные ручки). Основной слой отнесен к бохайской культуре и датирован VIII–XI вв.

Вывод. Материал основного слоя селища Константиновского-2 содержит аборигенные (мохэские сосуды) и государственные (круговая посуда с ленточными ручками) артефакты бохайской культуры. Памятник относится к постбохайскому времени и, вероятнее всего, существовал в ляоскую эпоху периода государства Дундань.

Новогеоргиевка-2 (Таловское укрепление) (Октябрьский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Раздольная на мысовидной сопке в 500 м от места впадения р. Таловка, в 5 км к югу от с. Новогеоргиевка. Первые сведения о памятнике в 1916 г. приводились А.З. Федоровым, в 1987 г. укрепление обследовал Ю.Г. Никитин. Северная сторона мыса круто обрывается к долине, юго-восточная и западная части отгорожены валом и рвом. Площадь памятника 650 кв.м. Длина вала 45 м, высота 3–3,5 м. Ширина рва — 6–10 м. На памятнике заложен шурф (11 кв.м). Находки представлены фрагментами двух лепных сосудов мохэского типа (категория I, тип 1). Предварительно отнесено к раннему периоду государства Бохай и датировано VIII–IX вв. [Федоров, 1916, с. 24; Никитин, 1987, № 338; Дьякова, 1998, с. 22; Археологические памятники, 2006, с. 219–220].

Вывод. Укрепление по фортификационным традициям (мысовый тип) и наличию в слое лепных мохэских сосудов (категория I, тип 1) более соответствует мохэской культуре, чем бохайской, но нельзя исключать и его принадлежность государству Бохай.

Городище Синельниково-1 (Октябрьский район Приморского края). Расположено на вершине сопки на правом берегу р. Раздольная в 1,2 км к западу от с. Синельниково. В 1983 г. памятник открыт А.М. Кузнецовым. В 1996–1997 гг. стационарно исследовался В.И. Болдиным [Кузнецов, Мерзляков, 1985, с. 65–70; Болдин, 2001, с. 122–131]. По типу городище мысовое площадью 13 га. Валы дугообразные, защищают западную и частично восточную стороны. Северная сторона защищена обрывом и рекой. Высота валов 1–3 м. С западной стороны прорезаны воротами в виде 2–3-метрового разрыва. Структура калов каменно-почвенная. Мощность культурного слоя достигает 1 м. В коллекции преобладает лепная керамика мохэского типа (категория I, тип 1) и круговая сероглиняная посуда с гладкими стенками или горизонтально-прочерченным орнаментом (категория III). В подъемном материале есть неолитические артефакты.

Вывод. Городище Синельниково–1 по мысовидному типу более соответствует мохэским укреплениям. Содержание же в коллекции лепной мохэской керамики (категория I, тип 1) и круговой сероглиняной (категория III) не исключают существование памятника в бохайское время.

Поселение Чернятино-2 (Октябрьский район Приморского края). Расположено на стыке террас левого берега р. Орлиха и правого берега р. Раздольная в 2 км к юго-западу от с. Чернятино. В 1997 г. обнаружен Ю.Г. Никитиным [Никитин, 1997, № 486]. Памятник многослойный. Представлен эпохами неолита, бронзы, железа, мохэ-бохайским средневековьем и материалами XIX в. Площадь памятника 45 га. Стационарно исследован совместной российско-корейской археологической экспедицией в 2008 г. Вскрыто 150 кв.м. Материалы в отчетном варианте опубликованы на русском и корейском языках. По результатам раскопок исследователями сделано следующее заключение: «Самым большим достижением 5-й и 6-й совместных экспедиций, видимо, является исследование на раскопе 3 канов и ондоля. Здесь изучены 2 кана кроуновской культуры раннего железного века, 1 кан Пальхэ (Бохай) и 1 ондоль корейцев XIX в. Эти каны и ондоль не только показывают историю развития канов и ондоля, но и являются свидетельством того, что история корейцев в Приморье очень длительная» [Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 239].

Вывод. Поселение Чернятино-2 содержит строительные горизонты мохэ-бохайского периода, что проявляется в наличии фрагментов лепной керамики мохэского типа и круговой керамики с ленточными ручками от бохайских горшков когурёского происхождения. Данный расклад материала свидетельствует о тунгусо-маньчжурском населении в данном месте в мохэ-бохайский период. Круговые бохайские сосуды когурёского происхождения имеют ремесленный характер и появились здесь только с организацией государства Бохай.

Могильник Чернятино-5 (Октябрьский район Приморского края). Расположен на невысокой террасе Орловского ключа в 3,3 км к юго-западу от с. Чернятино. В 1997 г. обнаружен Ю.Г. Никитиным. В 1998–2006 гг. проводились стационарные исследования совместной российско-корейской археологической экспедицией ИИАЭ ДВО РАН. Результаты раскопок опубликованы на корейском и русском языках [Никитин, Чжун Сук Бэ, Пискарьёва, 2007]. Вскрыто 160 могил на площади 500 кв.м. Памятник двухслойный. Нижний слой представлен мохэским жилищем, верхний — мохэ-бохайским могильником. Зафиксированы могилы нескольких типов: грунтовые, с каменной оградкой, на каменной платформе, в каменном склепе. В коллекции погребальных вещей зафиксированы лепные мохэские сосуды (найфельдской группы), ажурные бляхи пояса амурского типа, детали пояса тюркского типа, наконечники стрел, ножи, бусы.

Вывод. Могильник Чернятино-5 преимущественно содержит археологические материалы мохэской культуры (найфельдская группа) и по структуре соответствует мохэ-бохайскому могильнику Монастырка-3 [Дьякова, 1993, с. 45–172]. Круговые сероглиняные сосуды выполнены в танских традициях, хотя встречаются фрагменты бохайских сосудов когурёского происхождения.

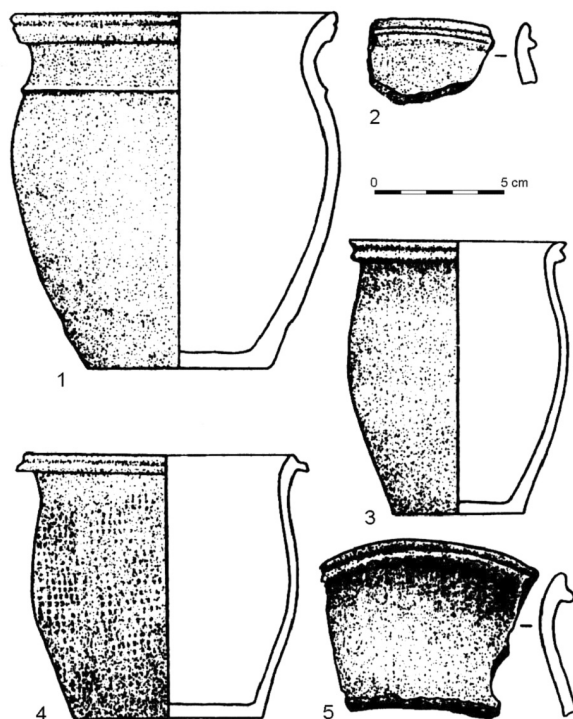

Рис. 35.

Мохэские сосуды (категория 1, тип 1): 1 — Марьяновское городище, 2, 5 — Константиновское селище, 3 — Новопокровское погребение, 4 — Николаевское-1 городище

Марьяновское городище (Кировский район Приморского края). Расположено в 5–7 км южнее с. Марьяновка на правом берегу старицы р. Уссури. Среди местного населения городище известно под названием «батарея». Памятник разведочно и стационарно исследовался Э.В. Шавкуновым в 1968, 1995 гг. Им снят план, установлена стратиграфия, приведены основные характеристики материала. В 1969, 1971, 1972 г. на памятнике работал О.С. Галактионов. Площадь городища 7,5 га. С восточной, северной и западной сторон оно обнесено валом длиной 900 м. Городище многослойное, содержит бохайский и чжурчжэньский слои. Установлено, что в плане укрепление имеет форму вытянутого полуовала, так как «...не обнесено оборонительным валом только с южной стороны, где вторая надпойменная терраса, на которой расположено городище, круто обрывается к первой надпойменной террасе...» [Шавкунов Э.В., 1968, с. 17]. В 1995 г. исследователем предложена следующая характеристика: «...в настоящее время оборонительный вал — от 7 до 10 м, вдоль которого в ряде мест прослеживаются небольшие продольные углубления — остатки оборонительного рва. Городище имеет двое ворот — восточные и северные, причем восточные ворота защищены с наружной стороны Г-образным валом... Северные ворота представляют собой проход, сделанный в оборонительном валу и защищенный лишь выступающей наружу с восточной стороны башней. Всего таких башен на валу городища 13.

Причем первая-третья башни расположены на восточной стороне оборонительного вала городища на значительном удалении друг от друга (75 и 107 м), четвертая-десятая — на северной стороне. Расстояния между башнями здесь последовательно сокращаются в направлении с востока на запад, одиннадцатая-тринадцатая — на западной стороне, и расстояния между ними весьма незначительны, т.е. 40 и 30 м... Западная часть... была наиболее защищена. Башни представляют собой овальные выступы вдоль внешней стороны оборонительного вала, полусферическая макушка которых несколько возвышается над оборонительным валом [Шавкунов Э.В., 1995, с. 18].

Нижний горизонт, относящийся к бохайской культуре, представлен полуземлянками; лепной керамикой мохэского типа (категория I, тип 1) (рис. 35, 1); круговыми бохайскими сосудами когурёского происхождения (категория II, тип 2); круговой сероглиняной посудой танской традиции (категория III) [Дьякова, 1984, с. 99–103 и др.]; широким диапазоном наконечников стрел, характерных для бохайских, мохэских и чжурчжэньских (амурских) памятников. Культовые предметы, поясные наборы, комбинированные серьги в комплексах не обнаружены.

Памятник датирован Э.В. Шавкуновым на основании аналогий с материалами средневековых культур Приамурья и Маньчжурии VIII–X вв. Однако превалирование в комплексах бохайских горшков когурёского происхождения в сочетании с лепными горшками мохэского типа позволяют сузить временной диапазон функционирования бохайского слоя до VIII в. Этому соответствует и стандартный набор круговой сероглиняной посуды танской традиции [Дьякова, 1993, с. 89–139].

Выводы. Из археологических маркеров бохайской культуры на Марьяновском городище встречены лепные горшки мохэского типа, круговые бохайские горшки когурёского происхождения, в том числе сосуды с ленточными ручками. Градостроительные традиции, представлены долинным типом городища. Поскольку памятник многослойный и перестраивался в позднюю эпоху, то изначальная форма городища нам неизвестна. Таким образом, Марьяновское городище по основным культуроопределяющим маркерам справедливо отнесено к бохайской культуре и может быть датировано VIII в. н.э.

Иннокентьевское городище (Кировский район). Расположено в 6 км от с. Иннокентьевка. Разведочно исследовано в 1984 г. В.А. Татарниковым. Обнаружен керамический материал: фрагменты венчиков сосудов мохэского типа, доработанные на круге (категория II, тип 1) и круговая сероглиняная посуда вазовидной формы со штампованным орнаментом и корчаги с трубчатым венчиком (категория III). Памятник отнесен к бохайской культуре.

Вывод. По керамическому материалу городище соответствует позднему периоду бохайской культуры.

Новогордеевское городище (Круглая Сопка) (Анучинский район Приморского края). Расположено в верхнем течении р. Арсеньевка, в 5 км к северо-востоку от с. Новогордеевка, на одиночной сопке, называемой местными жителями Круглая. Впервые обследовано в 1878 г. Ф.Ф. Буссе, в 1965–1966 гг. разведочно и стационарно Э.В. Шавкуновым, в 1970–1973 гг. Л.Е. Семениченко, в 1986–1987 гг. В.И. Болдиным. Общая площадь памятника 3,25 га, вскрытая рас-

копами — 1756 кв.м. Городище с северной и восточной сторон укреплено земляным валом до 2 м высотой с двумя проходами. В плане укрепление пятиугольной формы. Городище террасировано 24 террасами, зафиксирован редут 20×20 м, по периметру городища идет древняя дорога. По крутому западному склону сопки прослежены следы небольшого дерево-земляного вала. В целом фортификация городища соответствует традициям военного зодчества чжурчжэней государства Восточное Ся [Государство Бохай, 1994, с. 105, 107, 109–110].

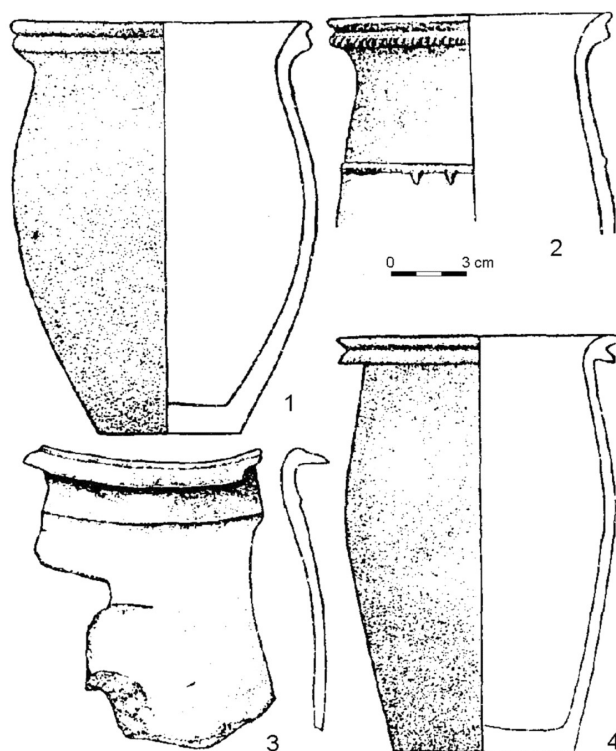

Рис.36.

Бохайская керамика когурёского происхождения (категория II, тип 1):
1, 2 — Новогордеевское городище, 3, 4 — городище Николаевское-II

Памятник многослойный, содержит шесть разнокультурных слоев: зайсановский (эпоха неолита), лидовский (эпоха бронзы), кроуновский и польцевский (эпоха железа), бохайский и чжурчжэньский (эпоха средневековья). Это сложный в стратиграфическом отношении памятник, так как многократные строительные работы населения более поздних культур во многих местах нарушили культурные слои, и часть материала оказалась в переотложенном состоянии. Стратиграфические условия памятника были выявлены в 1986–1987 гг. В.И. Болдиным и А.Л. Ивлиевым в раскопах IX–XIII. Исследователи зафиксировали в бохайском слое три горизонта: ранний, средний и поздний. *Ранний горизонт* представлен светло-серым суглинком, в котором прослежен подпрямоугольный котлован без очага, ориентированный по странам света. Придонная часть котлована содержала

черную почву (культурный слой), в нижней части которой залегало 6 фрагментов лепного горшка мохэского типа, обломок железного кресала, долотовидный наконечник стрелы. В светло-сером суглинке обнаружены четыре глиняных грузила с прямоугольным сечением. *Средний горизонт* маркировался темно-серой супесью, находок не содержал. *Поздний горизонт* представлен тёмно-коричневой супесью и вещевым материалом: мохэской керамикой, доработанной на круге, ленточной ручкой, бохайской керамикой когурёского происхождения, круговой сероглиняной керамикой танских традиций, комбинированной серьгой. Таким образом, ранний горизонт представлен лепной посудой мохэского типа (категория I); средний горизонт — без материала; поздний горизонт содержал лепную керамику мохэского типа (категория 1), мохэскую керамику, доработанную на круге, ленточные ручки, бохайские горшки когурёского происхождения (категория II); круговую сероглиняную посуду танской традиции (категория III). Датирован бохайский слой VIII–X вв.

Вывод. Новогордеевское городище содержит основные маркирующие бохайскую культуру элементы в виде комплекса керамики, включающего мохэский тип лепной посуды, бохайские изделия когурёского происхождения и фрагмент комбинированной серьги (рис. 2, 1, 2; 36, 1, 2).

Селище Егорово поле (Анучинский район Приморского края). Расположено в пойме р. Арсеньевка в 0,7 км к северо-востоку от с. Старогордеевка. Памятник открыт в 1997 г. В.И. Болдиным, повторно обследован в 2006 г. [Болдин, 1997]. Памятник двухслойный: нижний слой отнесен к кроуновской культуре, верхний — к бохайской. На памятнике проведены разведочные работы. В средневековом слое обнаружены дно пароварки, ленточная ручка, фрагменты венчиков от бохайских горшков (с горизонтально-прочерченным орнаментом с внешней стороны и вогнутости для крышки с внутренней) когурёского происхождения [Археологические памятники, 2007, с. 114].

Вывод. Из маркирующих бохайскую культуру признаков на памятнике Егорово поле присутствуют бохайские горшки когурёского происхождения, ленточная ручка и дно от пароварки, что позволяет относить данное поселение к государству Бохай.

Поселение Круглая Долина (Анучинский район Приморского края). Расположено к северу от Новогордеевского городища на правом берегу р. Арсеньевка. В 1974 г. обследовано Л.Е. Семениченко [Семениченко, 1972].

Новогордеевское селище (Анучинский район Приморского края). Расположено в 300–400 м к северо-востоку от Новогордеевского городища в правобережной пойме р. Арсеньевка. Открыто в 1971 г. Э.В. Шавкуновым, в 1972–1974 гг. стационарно исследовалось Л.Е. Семениченко. Памятник двухслойный: нижний относится к эпохе бронзы, верхний — к бохайской культуре. Бохайский слой датирован VIII–X вв. [Семениченко, 1972]. В нем прослежено три строительных горизонта: нижний представлен мелким котлованом прямоугольной формы с очагами и наземным домом с одноканальным каном, средний — двумя наземными постройками производственного назначения, верхний горизонт представлен сильно разрушенными плавильными горнами. По типу это производственный комплекс по отливке бронзовых изделий. Кроме горнов обнаружены литейные

формы для изготовления бронзовых изделий, прямоугольная ажурная бляха от пояса амурского типа, бохайский сосуд когуреского происхождения (категория II). Памятник отнесен к бохайской культуре и датирован VIII–X вв. [Государство Бохай, 1994, с. 96, рис. 12–36; с. 158, рис. 43–46].

Вывод. Материалы Новогордеевского селища содержат детали пояса амурского типа, представляющие мохэские традиции и бохайскую керамику, входящую в государственную атрибутику Бохая. Следовательно, данное поселение соответствует бохайской культуре.

Поселение Рудановка-I (Анучинский район Приморского края). Расположено в 1 км к северо-западу от Рудановского городища на правом берегу р. Арсеньевка. Обнаружено в 1986 г. В.И. Болдиным, А.Л. Ивлиевым [Болдин, 1986, № 111515]. В отчете памятник датирован VIII–X вв. Материалы не опубликованы.

Вывод. Материалы поселения Рудановка-I условно относятся к бохайской культуре.

Поселение Рудановка-II (Анучинский район Приморского края). Расположено в 0,8 км к северо-западу от поселения Рудановка-I на правом берегу р. Арсеньевка. Обнаружено в 1986 г. В.И. Болдиным, А.Л. Ивлиевым. Мощность культурного слоя до 85 см. Прослежен котлован длиной 130 см глубиной до 30 см. Среди материала отмечены керамика, кости животных, рыб, створки речных моллюсков. В отчете памятник датирован VIII–X вв. [Болдин, 1986, № 111515]. В опубликованной монографии поселение отнесено к раннебохайскому периоду [Государство Бохай, 1994, с. 69].

Вывод. Материалы поселения Рудановка-II условно относятся к бохайской культуре.

Виноградовка-I (Анучинский район Приморского края). Расположено по левому борту р. Арсеньевка в 12 км выше с. Виноградовка. В 1991 г. обнаружено В.И. Дьяковым [Дьяков, Дьякова, 1991, № 16539]. Поселение многослойное. Представлено эпохой бронзы и эпохой средневековья бохайского или постбохайского периода. Среди подъемного материала зафиксированы фрагменты лепной керамики мохэского типа и сероглиняной круговой посуды с горизонтально-прочерченным орнаментом по внешнему краю налепного валика.

Вывод. Поселение Виноградовка-I по керамическому материалу, вероятнее всего, относится к постбохайскому периоду.

Чугуевское городище (Чугуевский район Приморского края). Расположено на правом берегу среднего течения р. Уссури в с. Чугуевка. В 1951 г. обследовано Л.Н. Иваньевым, в 1954–1955 гг. — А.П. Окладниковым [Окладников, 1954, 1955]. Городище двухслойное. Нижний слой отнесен к бохайской культуре, верхний — к чжурчжэньской. Площадь достигает 24 га [Памятники, 1991, с. 261]. Тип городища долинный, валы перестраивались дважды. Фортификация представлена 14 башнями, расположенными на расстоянии 40–60–80 м. Ворота защищены земляными брустверами. Бохайский слой представлен полуземлянками, заполненными жженой землей, костями и керамикой с вафельным орнаментом [Шавкунов Э.В., 1955]. Высказано предположение, что Чугуевское городище яв-

лялось административным центром [Государство Бохай, 1994, с. 63]. Памятник датирован VIII–XIII вв.

Вывод. Географическое расположение городища — бассейн Уссури, крупные размеры позволяют отнести его к административным центрам. Однако чжурчжэньская деятельность и активное хозяйственное использование памятника в XX в. практически уничтожили бохайский слой, и нам неизвестны археологические маркеры, по которым городище можно отнести к бохайской культуре и датировать VIII в. Поэтому к бохайским памятникам можно отнести условно.

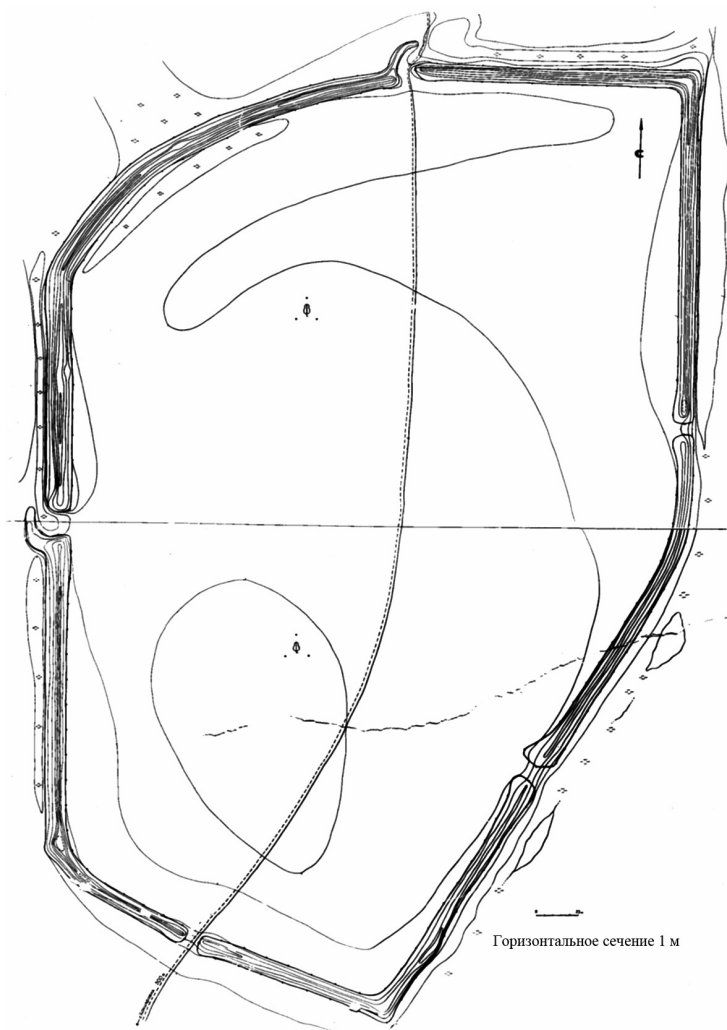

Рис. 37.

План городища Кокшаровка-I (съемка В.И. Дьякова)

Городище Кокшаровка-I (Чугуевский района Приморского края) Расположено на левом берегу р. Кокшаровка, правого притока р. Уссури, в 3 км к северо-

востоку от с. Кокшаровка Чугуевского района Приморского края. Впервые городище обследовано в 1888 г. Ф.Ф. Буссе, в 1953 г. на памятнике работала ДВАЭ под руководством А.П. Окладникова, в 1983 г. — О.С. Галактионов, в 2003 г. съемку укрепления и разведочные исследования провела Амуро-Приморская археологическая экспедиция ИИАЭ ДВО РАН (далее АПАЭ), под руководством О.В. Дьяковой, с 2006 г. по 2013 г. совместные стационарные работы проводила российско-корейская экспедиция ИИАЭ ДВО РАН под руководством Н.А. Ключева. Памятник однослойный со строительными горизонтами. Площадь городища 16 га. С внешней стороны городища прослежено старое русло реки, превращенное в ров глубиной 1–2 м и шириной 5–7 м.

По типу укрепление долинное, башенное, в плане имеет форму неправильной трапеции со скругленными углами. Периметр валов — 1645 м, длина северного вала — 650 м, южного — 250, западного — 340 м высота — 4–6 м, ширина в основании — 10–14 м, ширина по гребню — 0,7–0,5 м. Конструкция вала каменно-почвенная (земляной вал с каменной облицовкой). С северной и западной сторон валы прорезаны воротами с Г-образными брустверами. Западный вал дополнительно оборудован башней. М.В. Воробьевым неподалеку от северных ворот отмечена прямоугольная (50×70 м) приподнятая площадка, окруженная невысоким валом с разрывом в восточной стороне и пятью невысокими поперечными валами (рис. 37) [Воробьев, 1968, с. 60–73]. Стационарные исследования, проведенные российско-корейской экспедицией в 2008–2012 гг., подтвердили данное наблюдение, выявив на городище три большие прямоугольные платформы, ориентированные по сторонам света. На памятнике вскрыто 3351 кв.м площади городища с 7 зданиями, имеющими общий фасад, образующий единую линию [Ключев, Ивлиев, 2013, № 3, с. 115]. Анализ архитектурных конструкций привел исследователей к выводу, что это попытка возведения дворца в условиях периферии «на основе знаний о дворцах бохайских столиц и собственного опыта строительства жилищ с каналами. Такая ситуация могла иметь место после киданьского завоевания Бохая и появления на его территории отдельных государственных образований вроде „государства Динь-ань“ во второй половине X в.» [Ключев, Ивлиев, 2013, с. 115].

Вывод. Городище Кокшаровка-I относится к числу наиболее исследованных памятников позднебохайского и постбохайского времени. Памятник возведен на важном дорожно-транспортном узле, действовавшем здесь в древности и средневековье, что позволяет считать городище региональным административным центром. Археологические материалы свидетельствуют о его функционировании в ляоское время, т.е. это бохайская культура в ляоский период и, вероятнее всего, относившаяся к государству Дундань [Дьякова, 2009; 2012, с. 106–112]. Материал, полученный во время разведок и раскопок, представлен многочисленной преимущественно круговой керамикой, включающей бохайские маркирующие элементы (бохайские горшки когурёского происхождения, пароварки, ленточные ручки), но являющейся более поздним ее звеном, что подтверждают находки керамических изделий ляоских традиций. Ассортимент посуды, технико-технологические приемы производства городища Кокшаровска-I соответствуют посуде из обжигательной печи Синегорье-1, расположенной с восточной (морской) стороны Сихотэ-Алиня, что показывает связь этих двух памятников и одновременность их существования [Дьякова, 2009; 2012, с. 106–112].

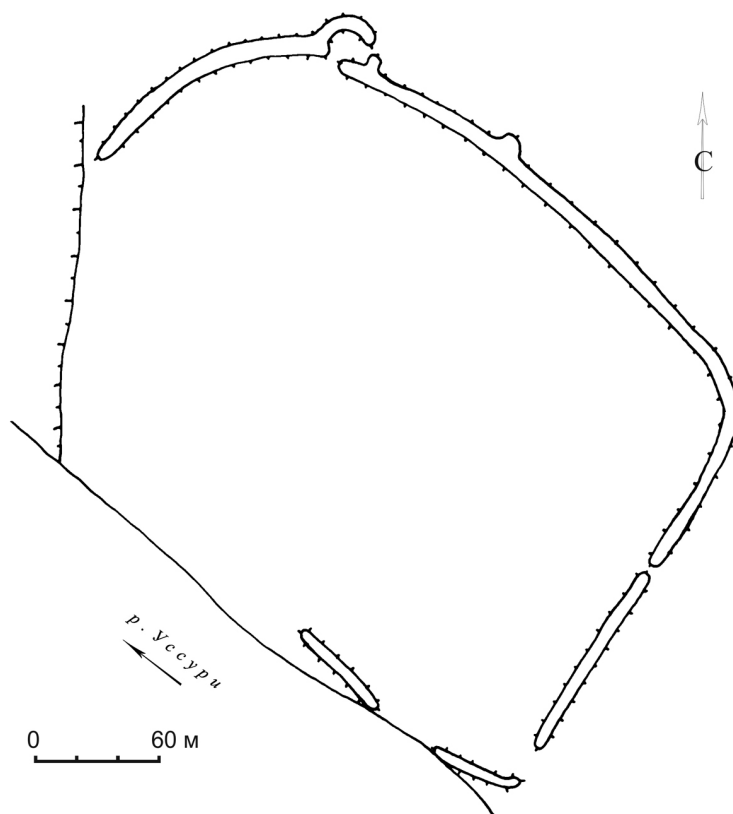

Рис. 38.
План городища Кокшаровка-II (съемка В.И. Дьякова)

Городище Кокшаровка-II (Чугуевский район Приморского края). Расположено на правобережной террасе р. Уссури в 1 км к северу от с. Кокшаровка. Впервые обследовано в 1908 г. Ф.Ф. Буссе и Л.А. Кропоткиным, в 1953 г. на памятнике работала ДВАЭ под руководством А.П. Окладникова, в 1983 г. — О.С. Галактионов, в 2003 г. съемку укрепления и разведочные исследования провела АПАЭ под руководством О.В. Дьяковой (рис. 38).

Городище долинного типа, башенное, юго-западная сторона разрушена рекой, северная и северо-восточная части защищены рвом (старое русло). Сохранившаяся северо-восточная часть валов П-образной формы, длиной 270 м, с тремя фронтальными башнями. Высота валов 4 м, ширина основания 12–12,5 м, ширина гребня — 1–2 м, две башни на СВ стороне вала. Углами городище ориентировано по странам света. Ворота сооружены в северо-западном углу, снаружи имеют дугообразный дополнительный вал (захаб). Валы земляные [Государство Бохай, 1994, с. 60; Археологические памятники, 2006, с. 354].

Стратиграфия памятника не установлена. Не исключено, что он многослойный, но собранный на городище материал — фрагмент лепного мохэского сосуда, круговые бохайские горшки когуреского происхождения, сероглиняная керамика танских традиций — вполне укладываются в один комплекс. Появление в

фортификации башен может свидетельствовать о постбохайском времени его функционирования.

Вывод. Городище Кокшаровка-II по отдельным маркирующим элементам (круговым сосудам, наличию башен) может быть отнесено к позднему этапу бохайской культуры или к постбохайскому времени.

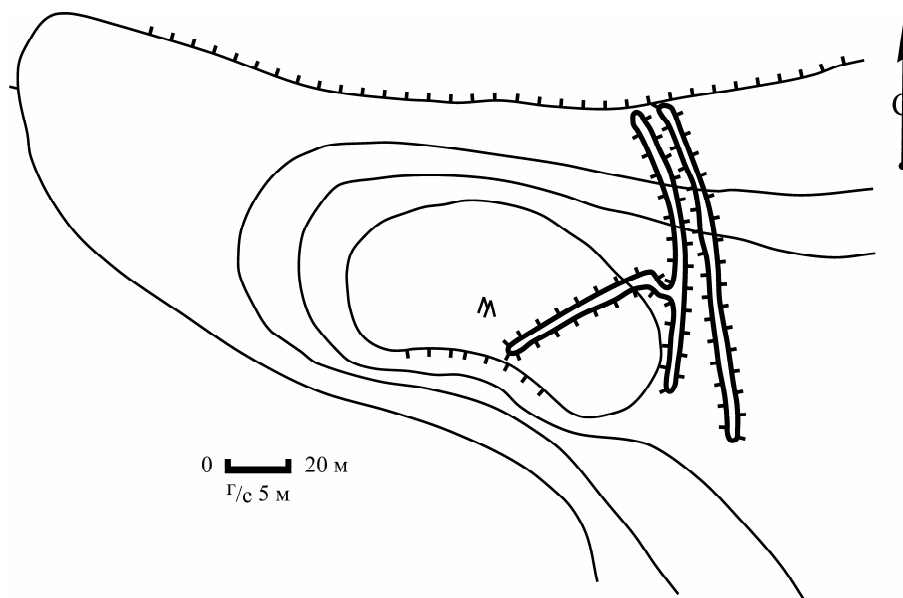

Рис. 39.

План Саратовского городища (съемка Е.Н. Шкрябиной)

Саратовское городище (Солдатская Сопка) (Чугуевский район Приморского края). Расположено на вершине мысовидной сопки в месте слияния рек Журавлевка и Уссури на северо-западной окраине с. Саратовка. Среди местного населения известно под названием Солдатская Сопка. Впервые обследовано в 1986 г. О.С. Галактионовым и датировано VIII–X вв. В 2003 г. городище разведочно изучалось АПАЭ под руководством О.В. Дьяковой (рис. 39) [Дьякова, 2003, № 558]. Два почти параллельных вала отсыпаны от подножия сопки до ее вершины с восточной и северо-восточной сторон. С южной стороны сопка имеет антропогенные повреждения. С юго-западной стороны от поймы до вершины тянется одинарный вал. Северо-восточный вал, длина которого составляет 150 м, высота — 0,5 м, насыпан из камней и почвы. С внешней стороны он сливается с сопкой, с внутренней за ним проходит ров глубиной 0,5 м и шириной 4–6 м. Северо-восточный вал в центральной части имеет одну башенную площадку размером 4×5 м. Восточный (внутренний) вал достигает в длину 130 м. В южной части он повторяет рельеф сопки. За ним выкопан ров глубиной 0,5 м. Юго-западный вал имеет разрушения, от него сохранилось 43 м. По конструкции он идентичен описанным выше валам. Планиграфия городища простая. Поверхность его искусственно террасирована, но отсутствуют редут и внутренний го-

род. В 7 м от восточного вала отмечается подпрямоугольная западина размером 5×7 м, глубиной 0,4 м. Вблизи нее располагается круглая западина размером 2–3 м. Далее к северо-западу в 15 м отмечается еще одна круглая западина размером 2–3 м и глубиной 0,3 м. Материал на памятнике не обнаружен.

Вывод. Наличие в фортификации башни и террасированности свидетельствует в пользу более позднего периода существования городища, чем Бохай. Это признаки характерны для чжурчжэньских городищ государства Восточное Ся. Однако каменно-почвенная структура валов, присущая бохайским городищам, не исключает функционирования его в бохайский период. Поэтому городище условно можно отнести к бохайским.

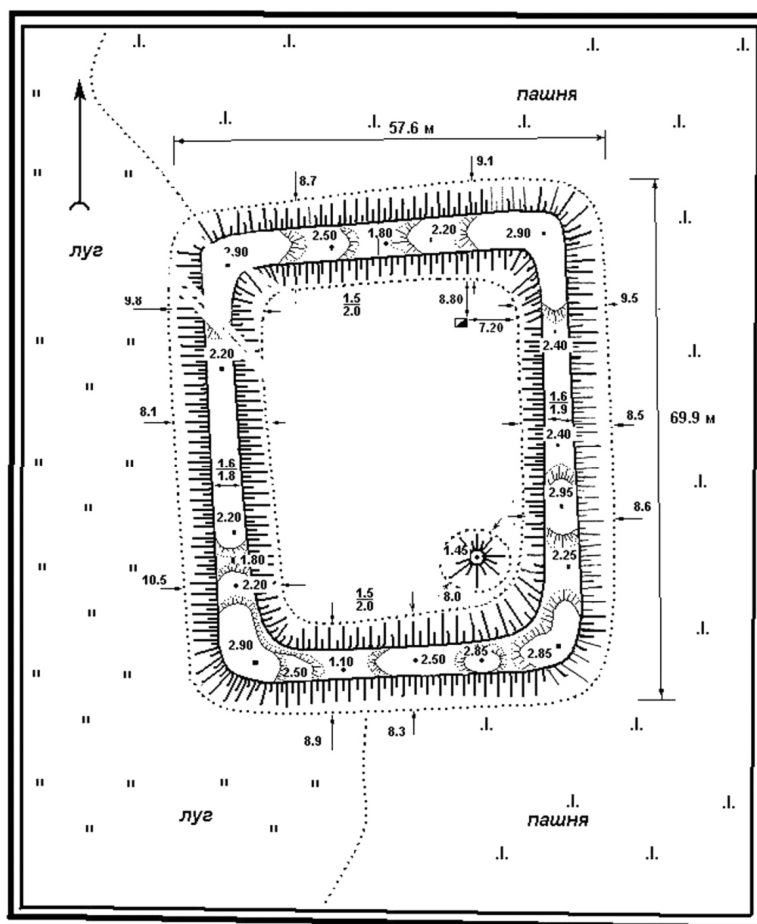

Рис. 40.
План городища Уборка-Долинное (Усть-Павловка) (Съемка О.Ю. Тарасова)

Городище Уборка-Долинное (Усть-Павловка) (Чугуевский район Приморского края). Расположено на правом берегу р. Павловка, с левой стороны трассы Владивосток–Терней, в 2 км к юго-западу от п. Уборка. Впервые упоминается

в 1888 г. Ф.Ф. Буссе [Буссе, 1888]. В 2003 г. обследовано и снято на план АПАЭ под руководством О.В. Дьяковой (рис. 40) [Дьякова, 2003, № 558]. Городище находится в долине реки, возле небольшого лесочка и пашни. Среди местных жителей известно как китайская крепость. В плане городище подпрямоугольной формы, размером 35×40 м. Углами ориентировано по странам света. Внутренняя поверхность укрепления горизонтальная. Валы земляные, высотой до 2 м, без башен. В некоторых местах по гребню вала выступают камни (фрагменты каменной облицовки). Ширина основания вала — до 10 м. В южном валу есть ворота в виде простого трехметрового разрыва. С западной и южной сторон городища прорыт ров глубиной 0,5–1,0 м. На самом городище материал отсутствовал. Рядом с городищем на пашне собраны фрагменты лепной керамики с гребенчатыми оттисками, ложнотекстильным орнаментом и горизонтально-прочерченными бороздами, а также сероглиняная круговая керамика. Культурная принадлежность укрепления и время его функционирования из-за отсутствия материала не диагностируются. Однако долинный тип городища, прямоугольная планировка и каменно-земляная структура вала не исключают принадлежности его к бохайским объектам.

Вывод. По фортификационной характеристике укрепление можно условно отнести к сооружениям бохайской культуры.

Новопокровский могильник (Дальнереческий район Приморского края). Расположен в бассейне р. Большая Уссурка. Памятник разрушен. Среди собранного материала есть ажурные бронзовые прямоугольные бляхи для наборного пояса, железные наконечники стрел, ножи, стеклянные бусы, лепной сосуд мохэского типа (рис. 35, 3) [Дьякова, 1993, с. 148; Государство Бохай, 1994, с. 96, рис. 12].

Вывод. К бохайской культуре памятник можно отнести условно. В наличии оказался только мохэский материал, бохайские государственные признаки отсутствуют.

Поселение Дубовское–3 (Красноармейский район Приморского края). Расположено в 6,7 км юго-восточнее с. Дубовское и в 7,5 км восточнее с. Красный Кут, на правом берегу р. Спасовка, на мысовидном выступе второй надпойменной террасы. Терраса круто обрывается к юго-востоку, югу, юго-западу — пойме реки. К северу и северо-востоку она полого понижается и застроена в настоящее время дачным массивом Заманиха–Шиферная. Юго-восточное подножие террасы разрушено недействующим карьером по добыче щебня. Обнаружено в 1208 г. Ю.В. Кривулей. Памятник расположен на вершине террасы, ее юго-западном и восточном склонам, на высоте 14–25 м относительно р. Спасовка, отмечено 25 округлых западин жилищ с пологими плечиками. Часть западин жилищ расположена в виде скопления, без определенного порядка. Другие образуют ряды, ориентированные по линии юго-запад–северо-восток. Площадь памятника оценивается в 16,6 га.

На памятнике был собран подъемный материал: неорнаментированная круговая керамика темно-серого цвета и лепная мохэского типа с ложнотекстильными оттисками. Поселение отнесено к эпохе раннего средневековья (Бохайское государство, VIII–X вв. н.э.) [Археологические памятники 2010, с. 204–207].

Вывод. Памятник содержит лепную керамику троичкой группы мохэской культуры (племени хэйшуй мохэ) и круговую посуду танских традиций. К бохайской культуре памятник можно отнести условно.

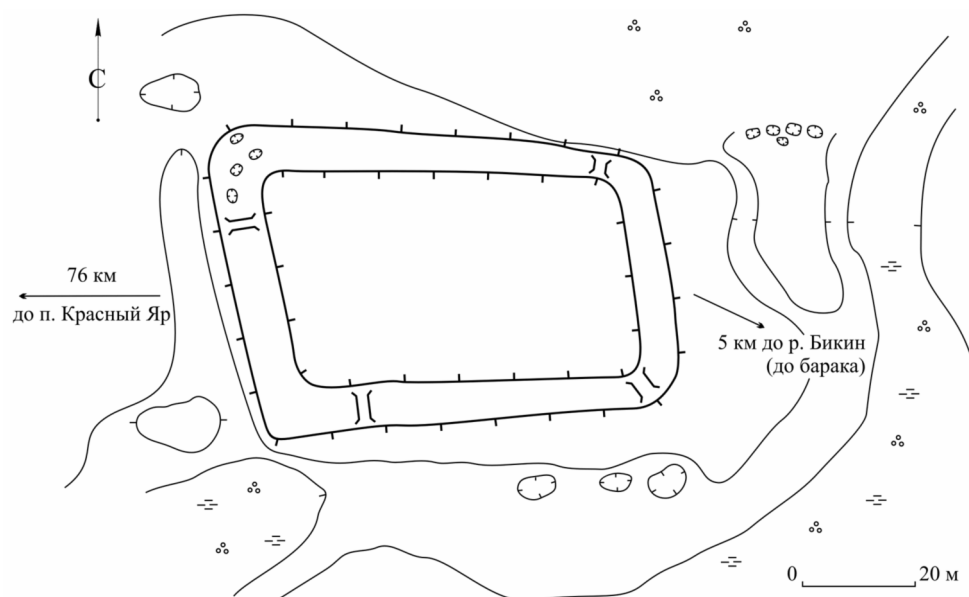

Рис. 41.
План городища Канчуга

Городище Канчуга (Пожарский район Приморского края). Расположено в 76 км от с. Красный Яр вверх по течению р. Бикин, на его правом берегу, в 5 км к северо-востоку от барака, находящегося между реками Амба и Хутхун, в болотистой местности, рядом со старицей. О городище сообщил удэгец Лев Прокопьевич Канчуга, на охотничьем участке которого оно и находится. Памятник назван по его фамилии. Обследовано в 2003 г. О.В. Дьяковой и А.Л. Сергеевым (рис. 41) [Дьякова, 2003, № 558]. В плане городище четырехугольной формы. Углами ориентировано по странам света. Длина южного вала — 150 м, северного — 160 м, западного — 130 м, восточного — 85 м. Городище имеет четверо ворот в виде простых 2–3-метровых разрывов, расположенных в юго-восточном углу, рядом с северо-восточным углом, в 20 м к югу от северо-западного угла, в 15 м в восточную сторону от юго-западного угла. Валы простые, земляные, без башен. Внутренняя поверхность городища ровная, нетеррасированная. На городище обнаружен один неорнаментированный фрагмент боковой стенки лепного сосуда.

Вывод. По фортификационной характеристике (долинный тип, квадратная планировка валов, отсутствие внутреннего города, редута и башен) городище соответствует бохайским укреплениям VIII–X вв. Наличие лепной керамики этому не противоречит.

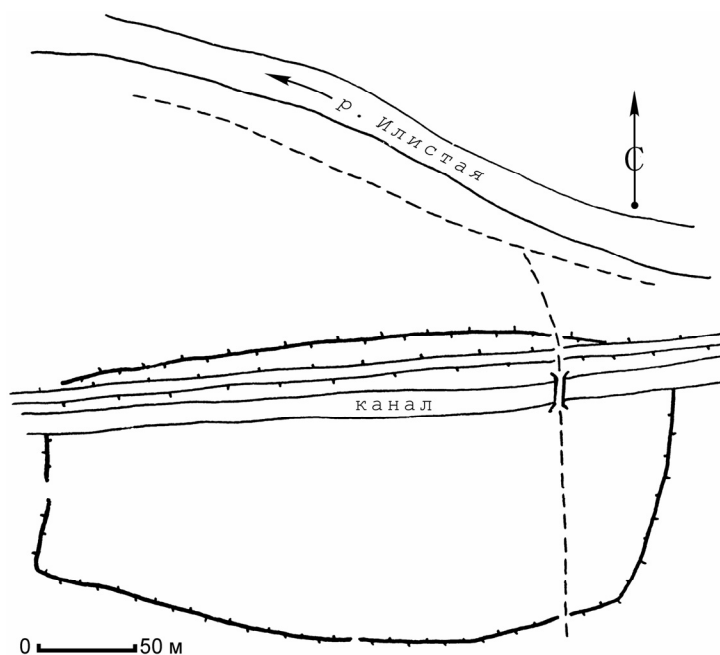

Рис. 42.

План городища Николаевское-2 (съемка В.И. Болдина)

Городище Николаевское-2 (Михайловский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Илистая в 500 м к северо-западу от с. Николаевка. Впервые обследовано в 1888 г. Ф.Ф. Буссе. В 1975–1977 гг. стационарно исследовано В.И. Болдиным [Болдин, 1975, № 5646]. Площадь городища 4 га. Вскрыто 1462 кв.м. Это один из наиболее изученных памятников бохайской культуры. Городище долинного типа, в плане подпрямоугольной формы, размером 140×290 м, ориентировано по странам света (рис. 42). Высота валов 1–2 м. Фортификация простая, ворота прорезаны в южной и западной стенах. Памятник однослойный мощностью до 1 м. В культурном слое прослежено три строительных горизонта, из которых нижний отнесен к началу образования государства Бохай, два верхних — к позднему периоду его существования. «В нижнем строительном горизонте раскопаны жилища-полуземлянки, хозяйственные и горновые ямы, при этом выявилась высокая плотность застройки. В верхнем горизонте наряду с жилищами изучены производственные сооружения... В их число входят остатки гончарной мастерской, железоплавильной печи и горнов» [Государство Бохай, 1994, с. 58; Болдин, Семенченко, 1978, с. 57–63]. Среди лепной керамики нижнего горизонта преобладают мохэские горшки с ложнотекстильным орнаментом и валиками по плечикам, среди керамики, доработанной на круге, — бохайские горшки когурёского происхождения (рис. 2; 35, 4) [Дьякова, 1984, с.190–194]. Верхние строительные горизонты содержат сероглиняную круговую посуду танских традиций [Дьякова, 1984, с. 195–197; Дьякова, Болдин, 1979, с. 114–118].

Анализ археологического материала позволил В.И. Болдину считать, что первоначально жители города в основном занимались земледелием и различными

промыслами, а также животноводством и охотой. В нижнем горизонте отмечены чугунные изделия очень низкого качества, в то время как изделия верхнего горизонта обнаруживают высокий уровень металлообработки, что проявилось в наборе сложных специализированных инструментов: напильник, кричные клещи, а также сложносоставные изделия (наконечник стрелы из стали и железа с характерным сварным швом). По мнению исследователя «город к этому времени стал ремесленным центром, его население помимо прочего стало заниматься гончарством, плавкой и обработкой металлов» [Государство Бохай, 1994, с. 58]. Нижний строительный период датирован VIII — первой половиной IX в., верхний — второй половиной IX — X в.

Вывод. Николаевское-2 городище содержит основной набор диагностирующих бохайскую культуру признаков: лепную керамику мохэского типа (категория I, вид 1), бохайскую керамику когурёского происхождения (категория II, вид 1), ленточные ручки, круговую сероглиняную керамику танских традиций (категория III), долинный тип городища подпрямоугольной формы.

Городище Николаевское-1 (Михайловский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Илистая в 3 км к югу от с. Николаевка. В 1977 г. стационарно исследовано В.И. Болдиным [Болдин, 1977]. Площадь памятника 7,1 га, вскрыто 50 кв.м. Городище двухслойное. Мощность культурного слоя составляла 1–1,5 м. Нижний слой относится к кроуновской культуре, верхний — к бохайской. По типу городище долинное, по форме подпрямоугольное (240×295 м), углами (с некоторым отклонением) ориентировано по сторонам света. Структура валов земляная, высота 0,5–2 м. Северо-восточная сторона городища укреплена 110-метровым валом и рвом глубиной 1 м и шириной 2–3 м. Южный угол городища имеет естественную защиту в виде заболоченной поймы. Высота вала в данном месте не превышает 0,5 м. Каждая сторона городища разрезана воротами в виде простых разрывов. Южные ворота с внешней стороны дополнительно укреплены Г-образным валом (захабом). В бохайском слое вскрыты остатки двух полуземлянок каркасно-столбовой конструкции с очагом и хозяйственные ямы. Лепная керамика представлена баночными и горшковидными сосудами мохэского типа с ложнотекстильным орнаментом (троицкая группа). Керамика, доработанная на круге (II категория), представлена бохайскими горшками когурёского происхождения, в том числе с ленточными ручками. Круговая сероглиняная посуда — корчаги с трубчатым венчиком, горшки с лощеным декором выполнены по танским традициям [Дьякова, 1984, 1993; Государство Бохай, 1994, с. 59]. Городище датировано VIII–X вв.

Вывод. Материалы городища Николаевское-1 содержат основные диагностирующие атрибуты бохайской культуры (этнические и государственные): лепную керамику мохэского типа (категория I, вид 1), доработанные на круге бохайские горшки когурёского происхождения (категория II, вид 1), ленточные ручки, круговую сероглиняную посуду танских традиций, долинный безбашенный тип фортификаций подпрямоугольной формы, ворота с захабом. Городище Николаевское-1 аргументированно отнесено к государству Бохай. Полученный же материал, в частности баночные мохэские сосуды с ложнотекстильным орнаментом, позволяют уточнить датировку памятника. Такие сосуды на мохэских и чжурчжэньских памятниках Приамурья встречаются

преимущественно в IX в. [Дьякова, 1993, с. 202]. Они принадлежат троичской группе, идентифицируемой с племенами хэйшуй мохэ. Последнее свидетельствует в пользу того, что в IX в. в состав Бохая входили отдельные племена (роды) хэйшуйских мохэ.

Городище Высокое (Черниговский район Приморского края). Расположено на берегу оз. Долгое в пойме правого берега р. Илистая в 4 км к северо-западу от с. Высокое. В 1981 г. обследовано В.А. Хоревым, в 2006 г. — международной российско-корейской экспедицией. Площадь памятника 3,6 га. По типу городище долинное, в плане квадратной формы (200×180 м). Стенами ориентировано по странам света. Фортификация простая. Высота валов 1 м. Структура валов почвенно-каменная, т.е. земляной вал облицован камнем. Восточная сторона городища защищена озером, и оборонительного вала здесь нет. Северо-восточный угол с внешней стороны дополнительно прикрыт земляным валом. С северной стороны к основному валу примыкают 25–35-метровые фланговые валы. Ворота прорезаны на южной стороне. Среди материала зафиксирована бохайская керамика (1 фрагмент), сероглиняная круговая керамика, кости животных, рыб, створки раковин, шлак. Памятник отнесен к бохайской культуре и датирован VIII–X вв. [Государство Бохай, 1994, с. 59; Археологические памятники, 2006, с. 339–342].

Вывод. Городище Высокое по фортификационным особенностям и керамическому материалу (категории II, III) соответствует бохайской культуре.

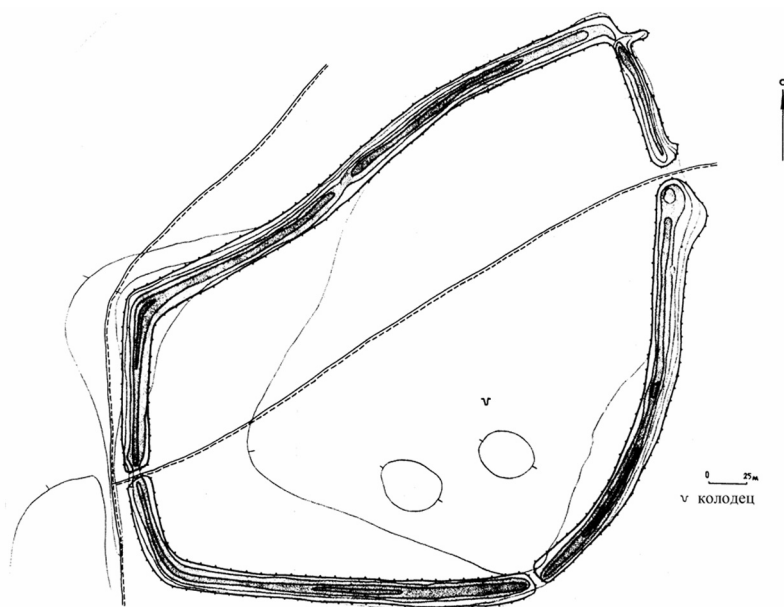

Рис. 43.
План городища Горбатка (съемка В.И. Дьякова)

Городище Горбатка (Михайловский район Приморского края) (рис. 43). Расположено на правом берегу р. Илистая на восточной окраине с. Горбатка.

В 1955 г. впервые обследовано А.П. Окладниковым, датировавшим памятник по монете сунского времени и круговой керамике VIII–XIII вв. [Окладников, 1955, № 1189]. В 1997, 2000, 2001, 2003, 2004 г. стационарные исследования проведены Е.И. Гельман [Гельман, 2005, № 570]. Площадь памятника 5 га. Вскрыто 250 кв.м. Городище трехслойное. Нижний слой представлен кроуновской культурой, средний — бохайской, верхний — остатками корейского поселения конца XIX в. По типу городище долинное, по форме трапециевидное. Периметр валов 1250 м. Среди материала зафиксирована лепная керамика мохэского типа (с ложнотекстильным орнаментом — троицкая группа), бохайские горшки когурёского происхождения, пароварки, круговая сероглиняная керамика танских традиций, железные, бронзовые, чугунные артефакты, каменные базы колонн. По материалу городище Горбатка во многом аналогично городищу Николаевское-2. Бохайский слой памятника датирован поздним периодом государства Бохай (IX–X вв.) [Государство Бохай, 1994, с. 63; Археологические памятники, 2006, с. 188–191].

Вывод. Городище Горбатка содержит аборигенные и государственные диагностирующие маркеры бохайской культуры. Фортификационные особенности (долинное расположение, каменно-земляной вал, трапециевидная форма), лепная керамика мохэского типа (троицкая группа, категория I, вид 1), бохайские горшки, доработанные на круге, когурёского происхождения (категория II, тип 1), сероглиняная круговая керамика танских традиций (категория III) городища Горбатка во многом аналогичны материалам Николаевского-2 городища и может быть датировано IX–X вв.

Городище Отрадненское (долинное) (Михайловский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Илистая в северной части с. Отрадное. Впервые обследовано в 2006 г. российско-корейской археологической экспедицией [Археологические памятники, 2006]. Памятник разрушен. Собрана лепная и круговая керамика. Городище отнесено к бохайской культуре.

Вывод. Отрадненское долинное городище по выявленному материалу соответствует бохайской культуре.

Городище Отрадненское (горное) (Михайловский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Отрадная (приток Илестой) на высоком горном мысу в 500 м к юго-востоку от с. Отрадное. Обнаружено в 1975 г. археологическим отрядом ИИАЭ ДВО РАН [Хорев, 1975, № 5738]. Площадь памятника 5 га. По типу городище горное, террасированное, со сложной фортификацией. Длина внешнего вала 850 м, высота 0,5–2 м. В зависимости от особенностей рельефа выявлено до 3 рядов оборонительных каменно-почвенных валов. Трое ворот; восточные и западные представляют собой разрывы, юго-западные, к которым вела древняя дорога, защищены дополнительными земляными укреплениями [Государство Бохай, 1994, с. 65; Памятники истории..., 1991, с. 238]. Среди собранного материала встречены венчики бохайских круговых горшков и фрагменты круговой посуды с ложнотекстильными оттисками. Городище отнесено к укреплениям бохайской культуры и датировано бохайским временем.

Вывод. Городище Отрадненское (горное) из-за отсутствия диагностирующего материала может быть условно отнесено к бохайской культуре. По типу фортификации оно более соответствует чжурчжэньским горным укреплениям,

а по керамике с ложнотекстильными оттисками — к материалам смольнинской культуры.

Городище Стеклянуха-1 (Саинбарское) (Шкотовский район Приморского края). Расположено в долине р. Шкотовка в северной части с. Стеклянуха. Впервые отмечено в 1908 г. Л.А. Крапоткиным. В 1956 г. обследовано Э.В. Шавкуновым [Шавкунов Э.В., 1956]. В 1985–1988 гг. стационарно исследовалось А.В. Александровым [Александров, 1985, с. 10]. Памятник многослойный. Площадь 60 000 кв.м. Длина валов 1000 м. Высота валов 5–7 м, ширина в основании 10 м, по гребню — 1–1,5 м. Обнесено защитным рвом шириной 5 м. Конструкция вала каменно-почвенная (земляной вал с каменной облицовкой). Мощность культурного слоя более 1 м. По северному валу зафиксирована одна фронтальная башня, южный, восточный и западный валы прорезаны воротами с дугообразным защитным валом (захаб). Отнесен исследователем к раннему и развитому средневековью. Городище по типу долинное, прямоугольной формы, ориентировано углами по странам света.

Материальная культура представлена двумя наземными жилищами с канами, хозяйственными ямами, лепной керамикой мохэского типа с вафельным орнаментом (троицкая группа), коричневой доработанной на круге бохайской посуды когурёского происхождения (категория II), сероглиняной керамикой с трубчатými венчиками (преимущественно подъемная), костями животных, рыб, створками раковин. Город отнесен к разряду ремесленных и административных центров и датирован VIII–X вв. [Государство Бохай, 1994, с. 63].

Вывод. Городище Стеклянуха-1 содержит культурный слой, в котором присутствует лепная посуда мохэского типа троической группы (категория I, вид 1), бохайские круговые горшки (категория II, вид 1), что позволяет считать его бохайским. Долинный тип городища, прямоугольная форма, защита ворот захабом, конструкция валов подтверждают данное заключение. Противоречит этому наличие фронтальной башни, но она могла появиться как в более позднее, так и в бохайское время, поскольку на Дальнем Востоке башенные сооружения появились задолго до создания государства Бохай.

Городище Стеклянуха-4 (Шкотовский район Приморского края). Расположено на правой террасе р. Шкотовка в 300 м от западной окраины с. Вторая Новороссия и в 4 км от восточной окраины с. Стеклянуха. В 1985 г. обследовалось А.В. Александровым [Александров, 1985, с. 10]. Северная часть памятника повреждена мелиоративными работами. Первоначальная форма укрепления предположительно прямоугольная. Длина сохранившегося вала 50 м, высота 1,5–1,7 м. Собран материал: ленточные ручки сосудов, пароварки, боковые стенки с дольчатым и лощеным орнаментом.

Вывод. Долинный тип городища и собранная керамика (ленточные ручки, пароварки) содержат бохайские археологические маркеры, позволяющие относить памятник к бохайской культуре.

Поселение Новороссия-1 (Шкотовский район Приморского края). Расположено на левом берегу нового русла р. Шкотовка на территории усадьбы по ул. Набережная, 21 на западной оконечности с. Новороссия. В 1999 г. обнаружено и обследовано В.И. Дьяковым при проведении хоздоговорных работ по проекту «Регулирование русла реки Шкотовки для защиты от наводнений с. Новороссия

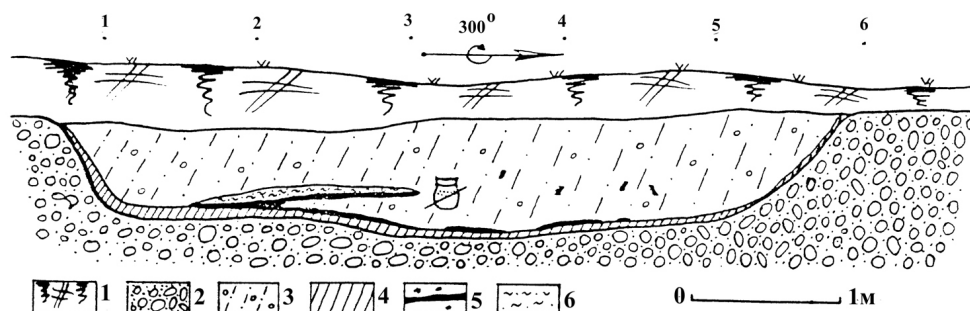

Рис. 44.

Поселение Новороссия-1.

Разрез жилища: 1 — почва; 2 — гравий, галечник; 3 — супесь; 4 — глина; 5 — уголь; 6 — проквал

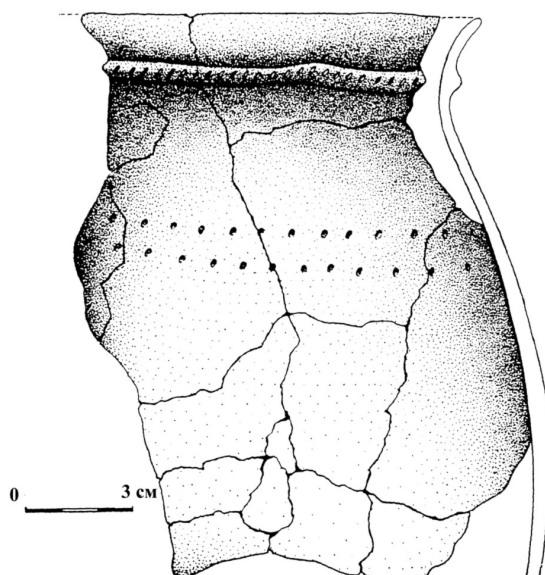

Рис. 45.

Поселение Новороссия-1. Мохэский сосуд

Шкотовского района Приморского края» [Леорова, 1999, № 23166]. Поселение располагается на высокой пойме. В обрыве берега на глубине 0,8 м от дневной поверхности зафиксирован прямоугольный котлован полуподземного жилища. Длина котлована по плечикам 5,2 м, по полу 3,8 м. «В заполнении котлована, представленного светло-коричневой и желто-коричневой супесью с примесью галечника гравия, отмечены многочисленные включения кусочков древесного угля. По дну и уступам котлована прослеживается слой утрамбованной и слегка обожженной глины темно-серого цвета мощностью 1–5 см». В нижней части заполнения жилища найден лепной сосуд мохэского типа (горшок с орнаментикой найфельдской группы) (рис. 44, 45), а в 5 м от жилища выше по реке обнаружены

фрагменты круговой керамики серого и черного цвета. Установлено, что основная часть поселения уничтожена во время наводнения 1994 г. (на карте 1957 г. в этом месте обозначены огороды, в 1994 г. — новое русло реки). Собранный на поселении материал соответствует артефактам бохайской культуры.

Вывод. Поселение Новороссия-1 по керамическим изделиям может быть отнесено к бохайской культуре, где аборигенный пласт представлен найфельдской группой мохэ.

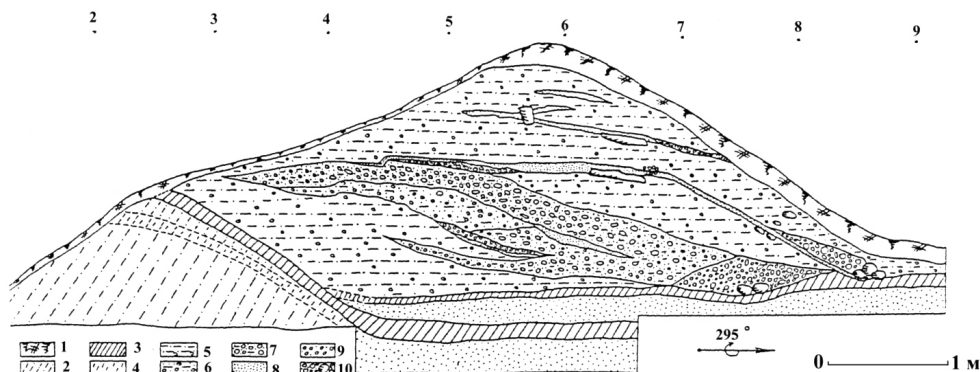

Рис. 46.

Разрез вала городища Новороссия-2: 1 — почва; 2 — супесь легкая, 3 — погребенная почва; 4 — супесь гумусированная; 5, 6, 7 — супеси с разным процентным соотношением окатанного и обломочного материала; 8 — песок; 9 — гравий, галечник; 10 — мелкие валуны

Городище Новороссия-2 (Шкотовский район Приморского края). Расположено на низкой пойме левого берега р. Шкотовка на восточной окраине с. Новороссия. В 1999 г. обнаружено и обследовано В.И. Дьяковым при проведении хозяйственных работ по проекту «Регулирование русла реки Шкотовка для защиты от наводнений с. Новороссия Шкотовского района Приморского края» [Леонова, 1999, № 23166]. Городище долинного типа, структура валов земляная, в плане представляет полуовал. Вход на городище оформлен простыми воротами в виде 5-метрового разрыва. Часть городища разрушена рекой. Длина вала 55 м, ширина в основании 8 м, высота — 2,2–2,3 м. Основным ма-

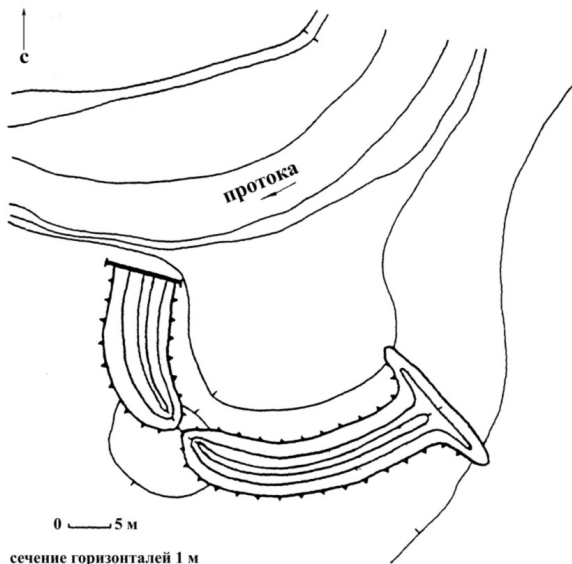

Рис. 47.

План городища Новороссия-2
(съемка В.И.Дьякова)

териалом является лепная керамика мохэского типа (категория I, вид 1) и круговая посуда серого и черного цвета (категория II, III). Собранный на городище материал позволяет отнести памятник к бохайской культуре (рис. 46, 47).

Вывод. Городище Новороссия-2 по керамическим изделиям соответствует артефактам бохайской культуры.

Поселение Новороссия-3 (Шкотовский район Приморского края). Расположено на релке левого берега р. Шкотовка вблизи восточной оконечности с. Новороссия. В 1999 г. обнаружено и обследовано В.И. Дьяковым при проведении хозяйственных работ по проекту «Регулирование русла р. Шкотовка для защиты от наводнений с. Новороссия Шкотовского района Приморского края» [Леонова, 1999, № 23166]. Площадь поселения 1,1 га. Внешних признаков не имеет, использовалось под пашню. Мощность культурного слоя 0,3 м. Собрана лепная керамика мохэского типа (категория I, вид 1) и круговая керамика серого и черного цвета (категория II, III). Обнаруженные артефакты соответствуют бохайской культуре.

Вывод. Поселение Новороссия-3 по керамическому материалу может быть отнесено к бохайской культуре.

Памятник Мыс Обрывистый (Шкотовский район Приморского края). Расположен на побережье бухты Муравьиная на мысе Обрывистый в 2 км к юго-западу от с. Шкотово. В 2001 г. Н.А. Ключевым и А.А. Гладченковым обнаружена платформа с обваловкой и ровиком размером 11×15 м, ориентированная юго-запад–северо-восток. На памятнике собраны фрагменты черепицы с оттисками ткани. Памятник определен как культовый или административный объект и отнесен к раннему средневековью [Археологические памятники..., с. 376].

Вывод. Сооружение на мысе Обрывистый может быть условно отнесено к бохайской культуре по наличию черепицы.

Памятник Красная Сопка (Кировский район Приморского края). Расположен на мысу левого берега Уссури, ниже поселка Кировское. Поселение обнаружил Д.А. Сапфиров. В настоящее время памятник исследуется Д. Кудряшовым. Получен разнообразный материал, позволивший автору отнести его к бохайским объектам.

Вывод. Поселение Красная Сопка по материалу соответствует бохайской культуре.

Поселение Малаза-1 (Партизанский район Приморского края). Расположено на правом берегу р. Сергеевка (старое название — Малаза) в 2 км к северу от одноименного поселка. В 1995 г. открыто О.Н. Пузыревской. Площадь поселения 1,5 га. Мощность культурного слоя 50 см. Памятник многослойный, представлен кроновскими, мохэскими, бохайскими, чжурчжэньскими артефактами [Пузыревская, 1995, № 235].

Вывод. Поселение Малаза-1 содержит слой с изделиями бохайской культуры.

Поселение Малаза-2 (Партизанский район Приморского края). Расположено на правом берегу р. Сергеевка ниже моста вдоль старого русла в 2 км к северу от одноименного поселка. В 1995 г. открыто О.Н. Пузыревской. Площадь поселения

5 га. Памятник многослойный, представлен кроуновскими, мохэ-бохайскими находками (вазовидным лепным мохэским сосудом и круговой керамикой) [Лузыревская, 1995, № 235].

Вывод. Поселение Малаза-2 содержит изделия бохайской культуры.

Новокачалинское поселение (Ханкайский район Приморского края). Расположено на р. Малый Усач у с. Новокачалинск. Обнаружено в 1953 г. А.П. Окладниковым. Встречена керамика бохайского ассортимента. Датировано VIII–X вв. [Окладников, 1955, № 1189].

Вывод. Новокачалинское поселение по керамическому материалу соответствует бохайской культуре.

Поселение Ильинка (Ханкайский район Приморского края). Расположено на берегу р. Кабанка у южной подошвы сопки в 5 км к северо-западу от с. Ильинка. Обнаружено в 1977 г. А.Л. Ивлиевым [Памятники..., 1991, с. 253].

Вывод. Поселение из-за отсутствия диагностирующего материала условно относится к бохайской культуре.

Поселение в бухте Спасения. Расположено на восточном побережье бухты. Памятник двухслойный: нижний слой янковской культуры, верхний средневековый. Обнаружил в 1982 г. В.Е. Ермаков [Памятники..., 1991, с. 254].

Вывод. Поселение из-за отсутствия диагностирующего материала условно относится к бохайской культуре.

Михайловское городище (Ольгинский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Аввакумовка на мысовидной надпойменной террасе в 4 км к юго-востоку от с. Михайловка. В 1975 г. памятник обследован археологическим отрядом ИИАЭ ДВО РАН [Хорев, 1975, № 5738]. В 2003 и 2011 г. разведочные работы проведены АПАЭ [Дьякова, 2003, № 24041]. С восточной стороны мыс отсекается ручьем, впадающим в р. Аввакумовка, с северной стороны обрывается в пойму, с западной огибается р. Аввакумовка. Местное название этого места — Загоново. По типу городище мысовое, Г-образной формы (с прямым углом), углами ориентировано по сторонам света (рис. 48). Валом обнесены только пологие части террасы — восточная и южная. Западная и северная стороны имеют естественную защиту в виде обрыва террасы (высота 10–15 м). Состав вала: почвенно-каменный (галька размером 10×20 см). Галька выбивается на поверхность сквозь дерн. Размеры вала: I (внутр.) восточный вал — 25,6 м; I (внутр.) западный вал — 50 м; II (средн.) восточный вал — 35 м; II (средн.) южный вал — 59 м; III (внешн.) восточный вал — 37 м; III (внешн.) южный вал — 66 м. Южные валы имеют проход в виде 3-метрового понижения. Понижение (ворота) начинается в 16 м от юго-восточного угла и заканчивается в 19 м от него. Ров в месте дороги засыпан в виде переминышки]. Дорога еле прослеживается за внешним южным валом к югу и юго-западу. Рвы глубокие и широкие: дв₁ рва 4–6 м; дв₂ рва 6 м; дв₃ рва 4 м. Глубина рвов 1,2–2 м. В разрезе рвы параболические. На городище 8 старых шурфов: 4 — в западной части, один — на восточном валу. Стратиграфия шурфа: дерн 8–10 см; гумусированная супесь 15 см; серо-желтый суглинок 15–50 см; желтая глина 50–70 см. Среди материала встречены фрагменты круговой и лепной керамики. Фрагменты круговой керамики имеют

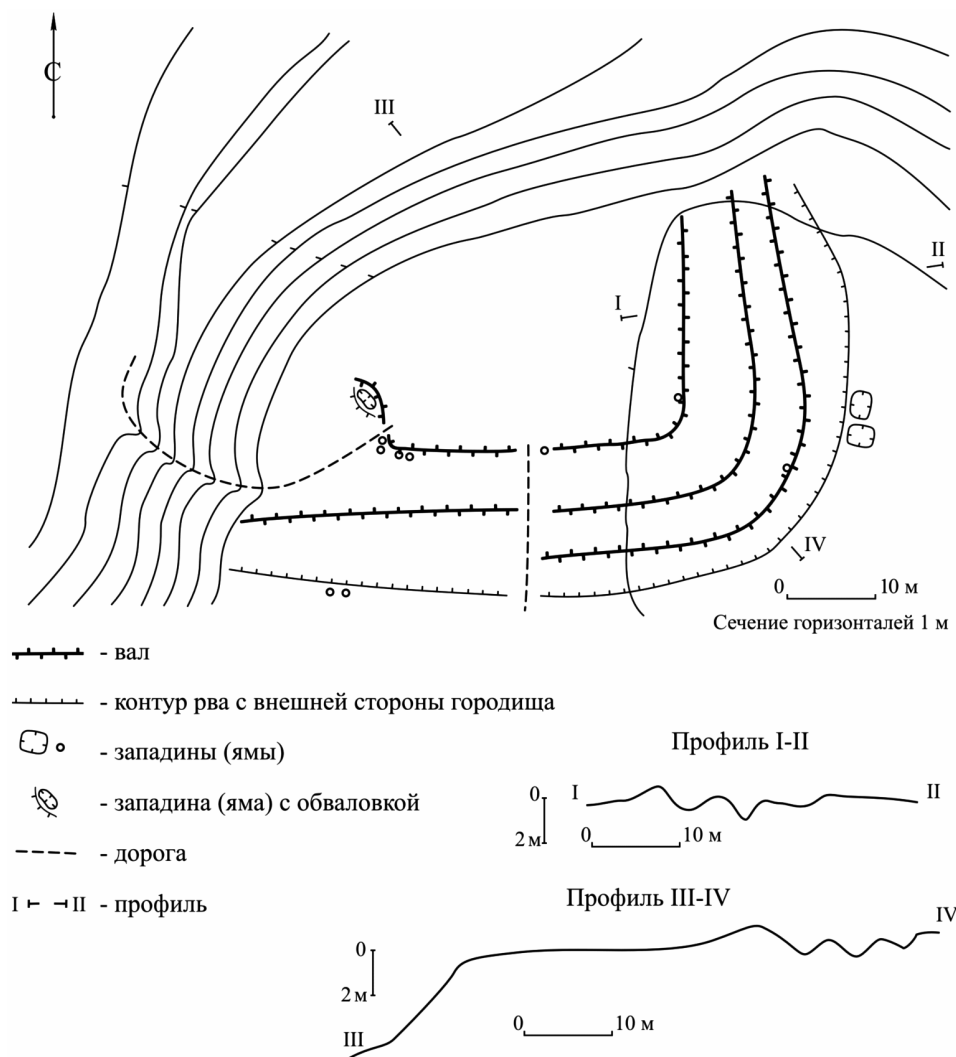

Рис. 48.
План Михайловского городища

ложнотекстильные оттиски, венчики лепных изделий — насечки и ромбовидные вдавления, плечики — мелкозубчатые гребенчатые и ногтевые оттиски. Кроме того, зафиксированы каменные отщепы более древнего времени.

Вывод. Михайловское городище по материалу более соответствует традициям смольнинской культуры (польцевского происхождения), а не бохайской, как считалось ранее, и датируется X в.

Васильковское городище Расположено на мысовидной террасе левого берега р. Васильковка (притока р. Аввакумовка) в 5 км к юго-востоку от с. Ветка Ольгинского района Приморского края. В 1958 г. впервые обследовано Г.И. Андреевым, в 2003 и 2010 г. снят план и проведены разведочные изыскания АПАЭ под

руководством О.В. Дьяковой [Андреев, 1958, № 1777; Дьякова, 2003, № 24041]. Городище занимает край мыса, отгороженного от пологой части 3 дугообразными валами (рис. 49). Состав валов каменно-почвенный. Камни — валуны и плитняк разного размера (до 40 см). Восточная сторона мыса разрушена силосными рвами. Диаметр рва — 6 м, глубина — 1,5–2 м, в сечении параболоидный. Высота вала 0,6–0,7 м. На территории городища западин нет. Стратиграфия памятника: 1) дерн 8–10 см; 2) коричневая супесь с камнями — культурный слой 30 см; 3) коричневый суглинок со скальником — материк. В культурном слое обнаружен один фрагмент керамики красно-коричневого цвета, видимо круговой. Диагностирующего материала не обнаружено.

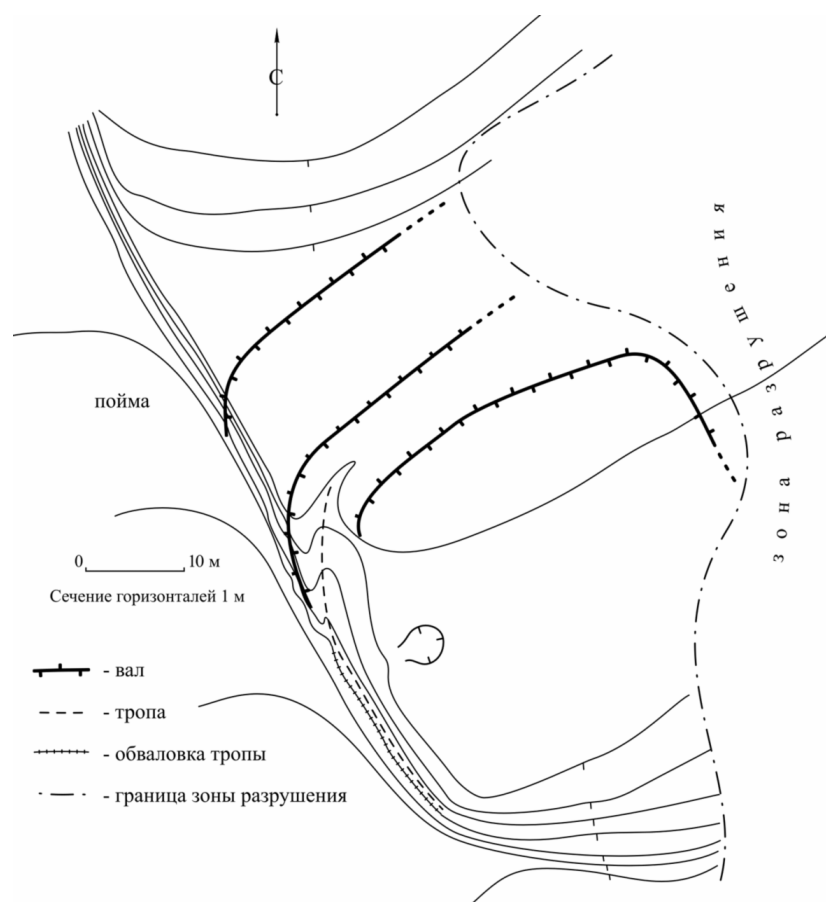

Рис. 49.
План Васильковского городища

Вывод. Васильковское городище по типу мысовое, по форме дуговидное, по фортификациям — безбашенное, с простыми валами, оборонительное. Вероятнее всего, укрепление мохэское, но возведено, видимо, для обороны от бохайцев во время расширения ими государственных границ (?).

Поселение Синие Скалы. Расположено на левом берегу р. Аввакумовка в ложбине скальной гряды в 1 км от с. Пермское Ольгинского района Приморского края. В 1915 г. членом ОИАК А.Н. Пелль предприняты первые раскопки поселения. С 1963 г. памятник более 20 лет стационарно исследовался Ж.В. Андреевой [Андреева, 1963, 1977, 2002]. Поселение многослойное, площадь более 30 га. Обнаружены неолитические объекты бойсмановской и зайсановской культур, эпохи бронзы, раннего железного и развитого железного века, бохайского периода.

Вывод. Многокомпонентное поселение Синие Скалы содержит отдельные бохайские артефакты: лепную керамику мохэского типа (категория I, вид 1), круговую керамику (категория III), встречающуюся на других бохайских памятниках, ажурные бляхи пояса амурского типа. Памятник может содержать комплексы бохайской культуры.

Пещера Посьетская. Расположена на берегу бухты Экспедиций вблизи пос. Посьет Хасанского района Приморского края, возвышается над уровнем моря на 2–3 м. Размеры пещеры длина 9 м, ширина 5–6 м, высота до 4–5 м [Государство Бохай, 1994, с. 70]. Памятник открыт В.А. Татарниковым в 1976 г. Среди собранного материала бронзовое кольцо, украшения из раковин, костяные поделки, черепки круговой керамики. Пещера отнесена к периоду государства Бохай [Татарников, 1976, с. 83].

Вывод. Посьетская пещера по ассортименту керамики относится к бохайской культуре.

Поселение в бухте Береговая. Находится на территории Находкинского горсовета. Сообщил Э.В. Шавкунов. Датировал VIII–X вв.

Вывод. Поселение по определению ведущего бохоеведа Э.В. Шавкунова принадлежит бохайской культуре.

Поселение Добровольное (Лазовский район Приморского края). Расположено в приустьевой части правого берега ключа Маркова, левого притока р. Лазовка. Обследовано в 1985 г. О.С. Галактионовым [Памятники, 1991, с. 235]. Отнесено в эпоху средневековья.

Вывод. Поселение из-за отсутствия диагностирующего материала условно относится к бохайской культуре.

Поселение Набережное (Лазовский район Приморского края). Расположено в южной части с. Лазо. Сообщил О.И. Воронцов. В 1985 г. обследовал О.С. Галактионов. Отнесено к VIII–X вв. [Памятники, 1991, с. 236].

Вывод. Поселение из-за отсутствия диагностирующего материала условно относится к бохайской культуре.

Городище Новогеоргиевское (Октябрьский район Приморского края). Расположено на высоком левом берегу р. Раздольная в 1,5 км к югу от с. Новогеоргиевка. Площадь памятника 5,5 га. Периметр валов 1000 м. Высота валов до 3 м. В 1916 г. обнаружено А.З. Федоровым. В 1986 г. снято на план археологическим отрядом под руководством О.С. Галактионова [Памятники, 1991, с. 242]. Отнесено к VIII–X вв.

Вывод. Поселение из-за отсутствия диагностирующего материала условно относится к бохайской культуре.

Поселение Малый Усач (Ханкайский район Приморского края). Расположено на р. Малый Усач у с. Новокачалинск. В 1953 г. обнаружено А.П. Окладниковым. Отнесено к VIII–X вв. [Окладников, 1953, с. 113].

Вывод. Поселение из-за отсутствия диагностирующего материала условно относится к бохайской культуре.

Поселение Ильинка. Расположено на берегу р. Кабанка у основания южного склона сопки в 5 км к северо-западу от с. Ильинка Ханкайского района Приморского края. Сообщил А.И. Агibalов. В 1977 г. обследовал А.Л. Ивлиев. Отнесено к VIII–X вв. [Ивлиев, 1978, № 7478; Памятники, 1991, с. 253].

Вывод. Поселение по материалу соответствует бохайской культуре.

Поселение Новоселище-2. Расположено на правом берегу ручья в западной части распадка Аргановский в 6,5 км к юго-западу от с. Новоселище Ханкайского района Приморского края. В 1986 г. исследовалось Ж.В. Андреевой (в отчете Ж.В. Андреевой памятник обозначен как Новоселище-1, в публикации В.Е. Ермакова — как Новоселище-2). Вскрыто 100 кв.м. Материал представлен преимущественно лепной керамикой мохэского типа.

Вывод. Поселение Новоселище-2 содержит материалы найфельдской группы мохэской культуры и может датироваться периодом существования государства Бохай.

Городище Брусиловское (Ольгинский район Приморского края). Расположено в 12 км от побережья Японского моря на правом берегу р. Брусиловка (старое назв. Топауза) в 1 км к северо-западу от бывшего села Брусиловка. Городище издавна было известно местным жителям, имеет обозначение на карте как крепость. В 1958 г. впервые обследовано Прибрежным отрядом ДВАЭ, руководимым Г.И. Андреевым. В 1983 г. посещено О.С. Галактионовым. В 2003 г. на городище разведочно работала АПАЭ под руководством О.В. Дьяковой (рис. 50) [Дьякова, 2003, № 24041].

В плане городище квадратной формы, длина сторон 170 м. Углами ориентировано по странам света. Оборонительная система представлена тремя рядами валов и рвов. Внутренний вал, являющийся основным, опоясывает городище по всему периметру. Два дополнительных вала — внешний и промежуточный (средний) — тянутся вдоль основного вала с небольшими разрывами. Северо-западный вал перегораживает оконечность каменного выступа. Северо-восточный и юго-западный валы с двух сторон окаймляют этот выступ, а юго-восточный вал замыкает городище на стыке высокой и низкой пойм. С северо-западной стороны городище примыкает к незатопляемому месту, где нет прямого воздействия воды, поэтому на данном участке построен только основной вал, в котором размещены два входа в виде прогибов гребня вала. Ширина прогибов 5–7 м, глубина 0,5 м. Дополнительными валами защищен только угол городища.

Восточная и южная стороны городища находятся на затопляемых участках поймы. Здесь в реку впадает ручей, поэтому возведены два ряда дополнительных валов и рвов, служивших дренажной системой. С юго-западной стороны валы

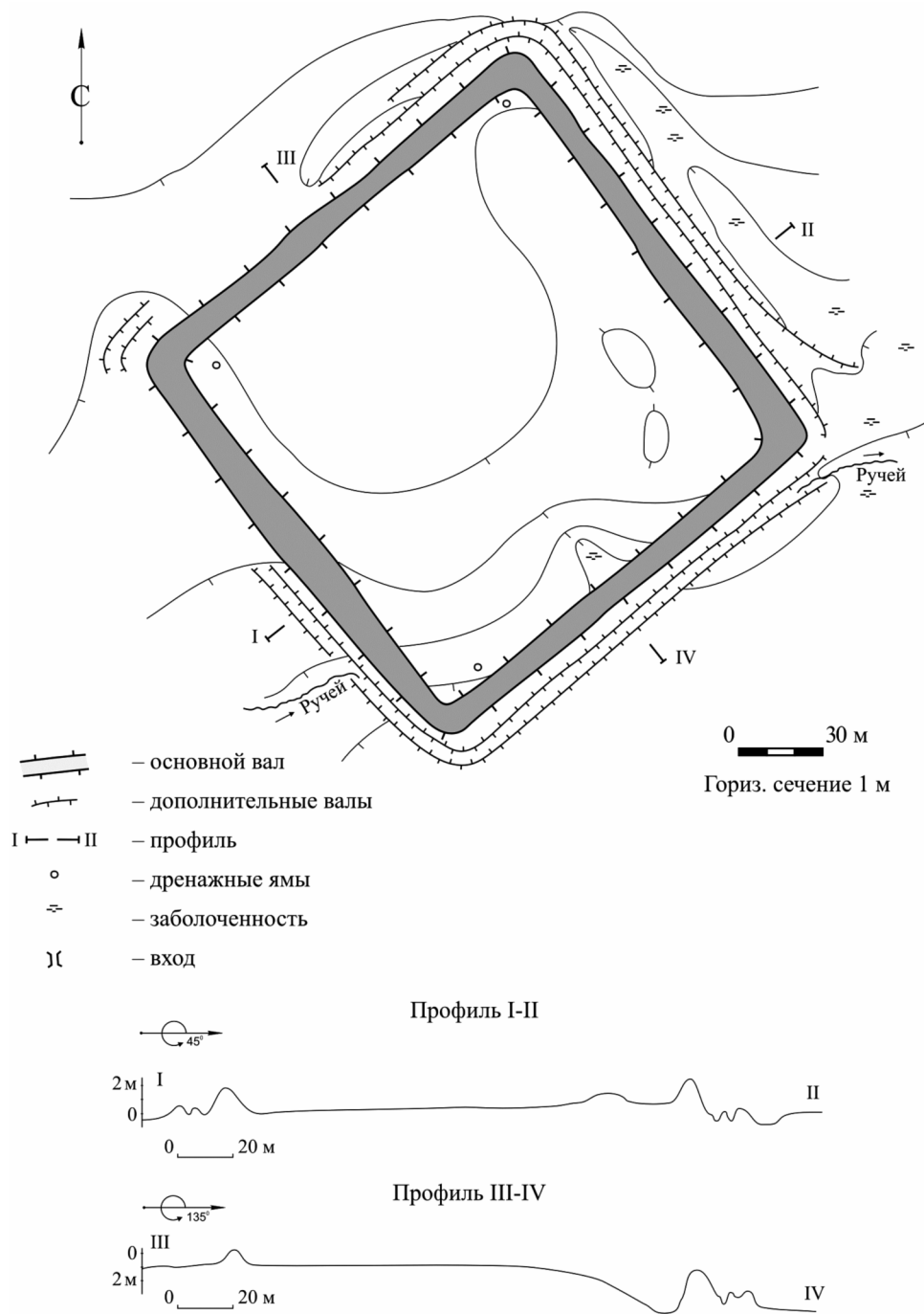

Рис. 50.
План Брусиловского городища

упираются в пойму ручья. Для отвода паводка во внешнем валу сделан разрыв. Русло ручья проходит между дополнительными валами, огибая южный угол городища, и направлено вдоль юго-восточного вала. В основании восточного угла городища между валами сделан разрыв для сброса паводковых вод в старицу р. Брусиловка. Внутри городища в середине юго-восточного вала в самом низком месте, соответствующем дну рва, находится искусственное углубление для сбора излишков воды. Очевидно, на городище существовала целая дренажная система, включавшая в себя специальные колодцы, располагавшиеся рядом с углами валов и представлявшие собой круглые ямы диаметром 1,5–2 м и глубиной до 1 м. Северо-восточные валы городища проходят вдоль старого русла реки, поэтому в данном месте во избежание затопления основной вал отсыпан с превышением от северного до восточного угла.

Внутренняя поверхность городища довольно ровная с наклоном к юго-востоку. Перепад высот достигает 3 м. Северная часть городища наиболее высокая, обрывающаяся вблизи северо-восточного вала метровым уступом. В юго-восточной части городища отмечаются отдельные 1-метровые возвышения, имеющие овальную в плане форму размером 20×10 и 25×15 м. Здесь зафиксированы повреждения — кабаньи вспарывания почвы, где обнаружен фрагмент круговой толстостенной керамики красного цвета. С внутренней стороны высота основного вала городища составляет 1–1,7 м, с внешней — 1,8–2,4 м. Ширина основания вала до 10 м, ширина вала по гребню 1–1,5 м. Дополнительные валы значительно ниже основного, их высота 0,4–0,9 м. Лишь на отдельных участках внешний вал ниже среднего, по остальному периметру он выше. Рвы тянутся параллельно валам. Дно рвов узкое. Их глубина обусловлена высотой вала [Дьякова, 2009, с. 35].

Вывод. Брусиловское городище по фортификационным приемам (долинное, квадратное, безбашенное, нетеррасированное, без «запретного города») соответствует бохайским укреплениям, но из-за отсутствия материала памятник может быть отнесен к бохайской культуре условно.

Городище Венюковское (Кавалеровский район Приморского края). Расположено в 12 км к северо-западу от поселка Кавалерово на перевале Венюкова (рис. 51). Впервые обнаружено и снято на план В.К. Арсеньевым во время его маршрута по Сихотэ-Алиню в 1907 г.

В.К. Арсеньев писал: «Есть одна крепость, построенная на самом хребте Сихотэ-Алинь на пути от р. Фудзина на р. Тадуши. Крепость большая и в настоящее время находится несколько в стороне от южной тропы и кумирни. Очевидно, что раньше шла здесь дорога и, вероятно, там, где стояла крепость, запирающая перевал с той и другой стороны» [Арсеньев, 1907, д. 8, л. 87]. Городище на перевале Венюкова изображено им на плане как крепость П-образной формы с отсутствием вала с южной стороны и без обозначения ворот. К северу от крепости на р. Зеркальная (Тадуши) на вершине сопки исследователь зафиксировал горную кумирню.

Из описаний русских первооткрывателей дальневосточных земель известно, что горные кумирни представляли собой квадратный деревянный домик с двускатной крышей и длиной стен в один аршин, т.е. 71,12 см. Кумирни стояли на столбах (пнях) или высоких камнях [Венюков, 1970, с. 131]. Строили горные ку-

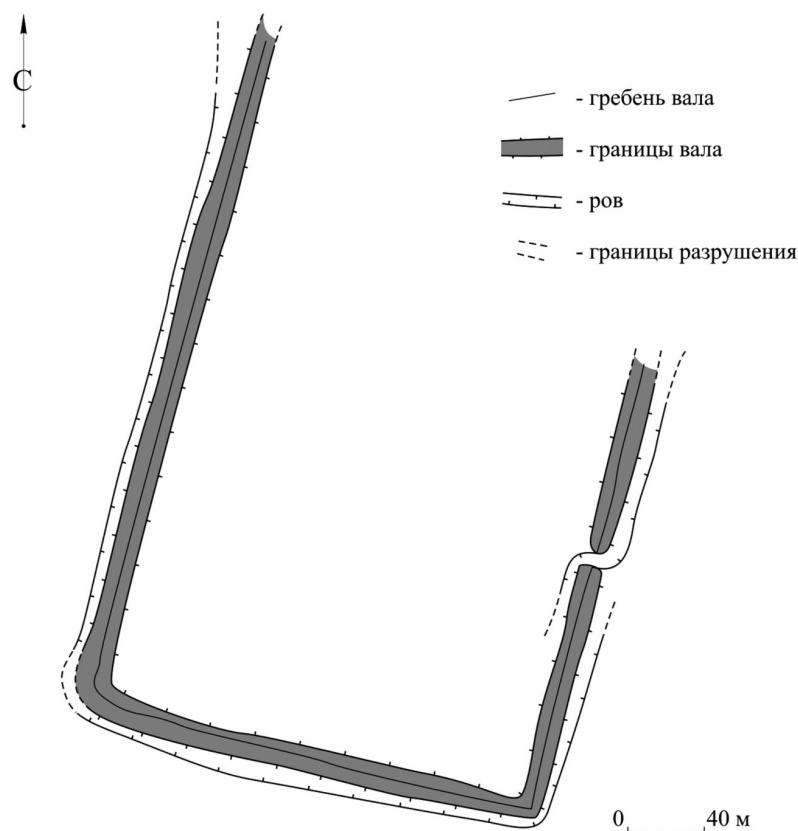

Рис. 51.
План Венюковского городища

мирни на перевалах вблизи дорог, троп и торговых путей, а духи кумирен должны были обеспечить путникам, военному люду и торговцам спокойный путь, о чем те и просили, встав на колени, сжав обе руки вместе в кулак, поднимая руки кверху и кланяясь до земли один раз и более [Арсеньев, 2002, с. 49–50].

В 1983 г. остатки укреплений сняты на план О.С. Галактионовым [Галактионов, 1983, № 10177]. В 2002 г. на городище работала АПАЭ ИИАиЭ ДВО РАН, сделавшая его топографическую съемку [Дьякова, 2002, № 557]. Сохранившийся вал оконтуривает городище с трех сторон, образуя форму неполного прямоугольника. Длина западного вала 344 м, восточного — 198, южного — 244 м. Высота валов с внутренней стороны городища 0,7–1,8 м, с внешней — 1,3–2 м. Вдоль валов проходит заболоченный ров шириной 3–7 м. На восточном участке валов в средней части зафиксирован разрыв шириной 5 м. Внутренняя поверхность городища относительно ровная, площадь городища 8 га. Датировочный материал не обнаружен. Видимо, городище построено в эпоху государства Бохай и использовалось позднее.

Вывод. Венюковское городище по типу горное; по форме прямоугольное; по размерам — малое; по конструкции валов — почвенное; по фортификации —

ям — безбашенное; по планиграфии — нетеррасированное, без внутреннего города и редута; по функциональному назначению — охранно-сторожевая крепость, так как построена на перевале, открывавшем вход в долину р. Зеркальная с западной и южной сторон. Крепость контролировала находившийся здесь горный проход. В данном месте пролегал крупная, видимо довольно оживленная дорога, связывавшая западные и восточные склоны Сихотэ-Алиня. Для отправления духовных нужд путников была построена кумирня. По фортификационным особенностям городище соответствует бохайским традициям.

Естественное укрепление Скала Дерсу (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на правой стороне р. Зеркальная на высокой, 98-метровой, скале, в северной части поселка Кавалерово. По легенде Скала Дерсу среди местных жителей считается первым местом, где произошла встреча Арсеньева и Дерсу Узала. Поселение исследовано Амуро-Приморской археологической экспедицией в 2002 г. [Дьякова, 2002, № 557]. Культурный слой зафиксирован в двух местах: на седловине и с правой стороны сопки. Находки представлены лепной керамикой.

Вывод. Вероятнее всего, естественное укрепление Скала Дерсу использовалось в бохайское время в качестве охранно-сторожевого пункта, прикрывавшего и контролировавшего данный участок долины Зеркальной.

Городище Горнореченское-1 (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на 20-метровом скалистом мысу возле развалин клуба в центре поселка Горнореченск. Городище известно давно. Впервые обследовано в 1968 г. ДВАЭ, руководимой А.П. Окладниковым [Окладников, 1960, № 2120]. В 1996 г. городище снято на план В.И. Болдиным, Ю.Г. Никитиным [Болдин, 1996, № 20547]. В 2002 г. на городище работала Амуро-Приморская археологическая экспедиция ИИАЭ ДВО РАН [Дьякова, 2002, № 557]. В плане городище полукруглой формы, с одним каменно-земляным валом, высота которого достигает 1,5 м (рис. 52). В разрезе вал овальный, ширина в основании до 3 м. С внешней стороны вала проходит ров глубиной до 1 м, шириной 1,5–2 м. Вал периметром 110 м окружает городище с северной, западной и южной сторон. С западной стороны в вале отмечается 2-метровый разрыв для ворот. Вход простой, без специального оформления. Восточная сторона городища валом не укреплена, но имеет естественную защиту в виде почти вертикально обрывающегося скальника. Западный участок вала разделен 2-метровым разрывом для ворот, отсекая 50-метровый юго-западный фрагмент вала от 60-метрового северо-западного. Площадь городища 0,25 га. Вал сложен из камня и почвы. Каменная кладка из скальника и округлых галек выходит наружу на юго-западном участке вала. Внутренняя поверхность укрепления уплощена, довольно ровная, без внутреннего города, нетеррасирована, без визуальных проявлений жилых комплексов. Памятник двухслойный. Зачистка обрывистой стороны городища выявила следующую стратиграфию: 1 — почвенно-растительный горизонт, 2 — коричневый суглинок, 3 — скальник. Внизу коричневого слоя обнаружены отщепы из белого туфа, характерные для эпохи мезолита бассейна р. Зеркальная. Средневековый слой материала не содержал.

Илл. 1- Городище Шанцзин: 1-8 – детали черепицы

1

2

3

4

5

6

Илл. 2- Городище Шанцзин: 1-6 –концевые диски
черепицы

1

2

Илл. 3- Городище Шанцзин: 1-2 – кирпичи с растительным орнаментом

1

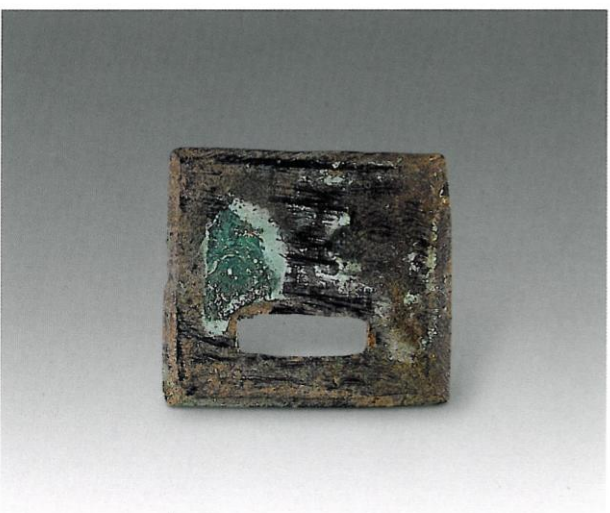
2

3

4

5

6

Илл. 4- Городище Шанцзин: 1-6 – бронзовые детали
тюркского пояса

1

2

3

4

5

Илл. 5- Городище Шанцзин: 1-5 – украшения из
бронзы с позолотой

1

2

3

4

5

6

Илл. 6- Городище Шанцзин: 1-6 – кирпичи с орнаментом

Илл. 7- Городище Шанцзин: 1-6 – детали черепицы

1

2

Илл. 8- Городище Шанцзин: 1 – голова зверя (дворец
№ 2)

1

2

3

Илл. 9- Городище Шанцзин: 1-2 – оонные украшения (бронза с позолотой)

1

2

Илл. 10- Городище Шанцзин: 1-2 – статуэтки Будды

1

2

3

4

5

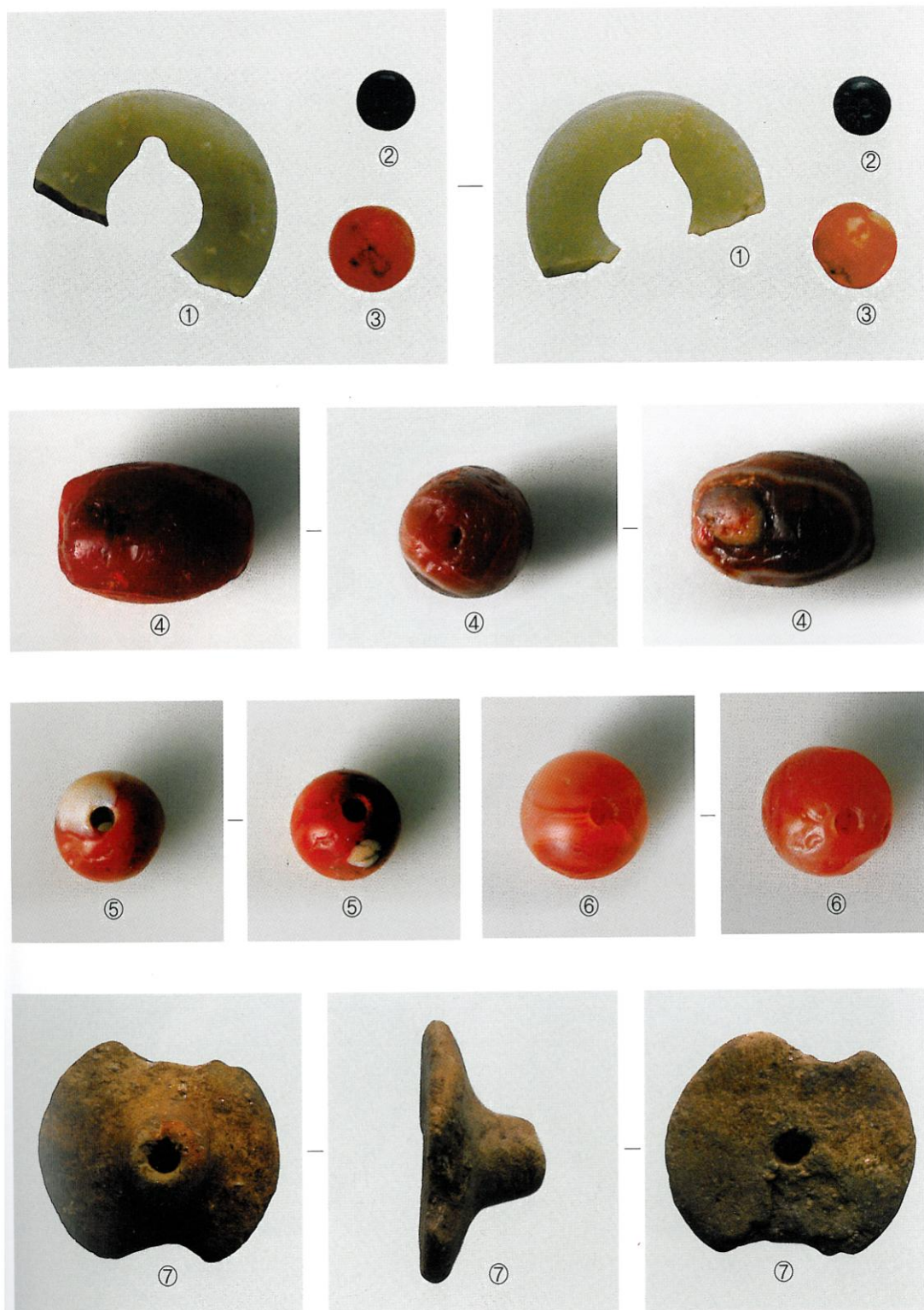

6

7

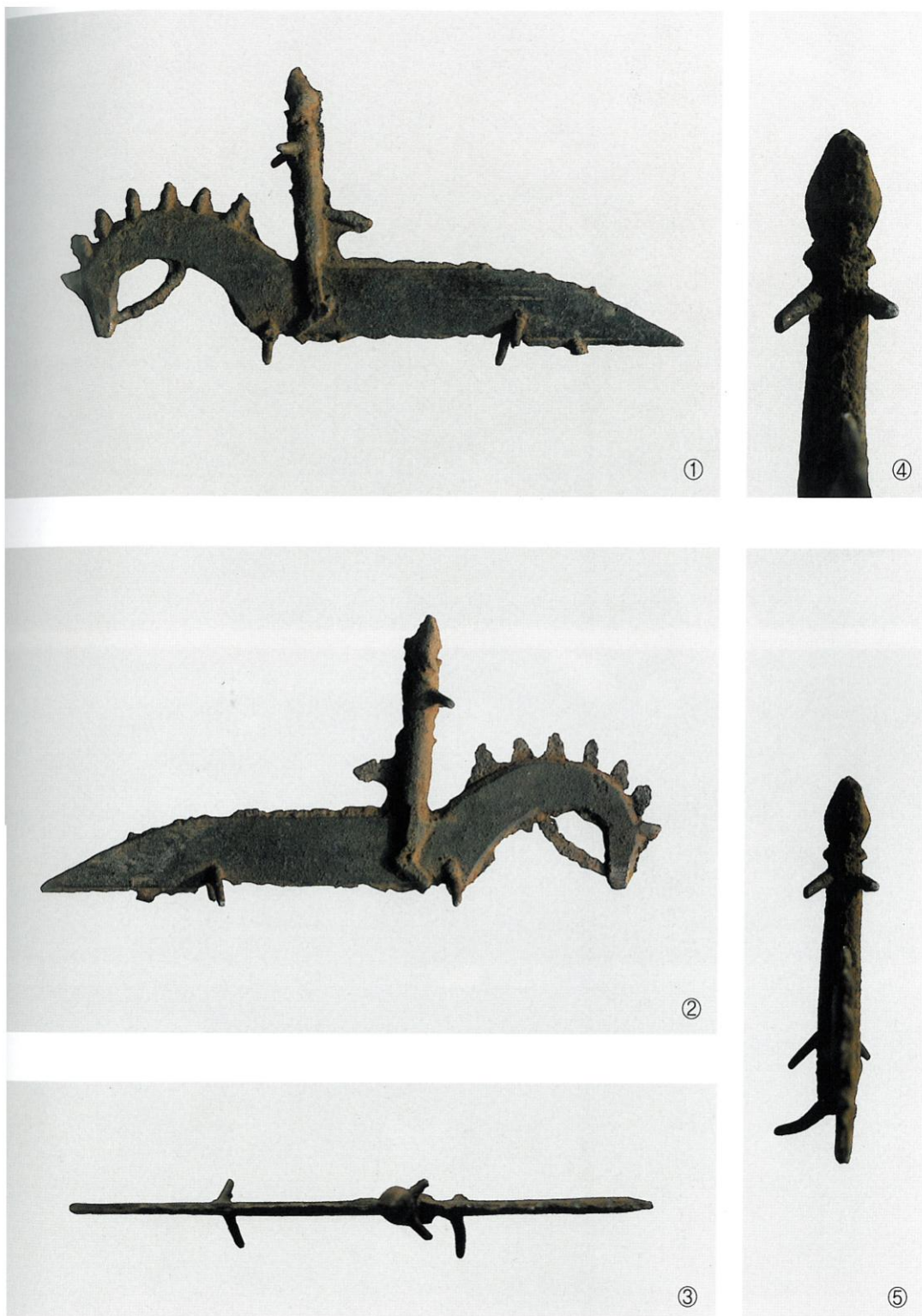
Илл. 11- Городище Шанцзин: 1-4— бронзовые украшения с позолотой; 5-7 плоские бронзовые

Илл.12- Могильник Чернятино-5: 1 – фрагмент нефритового кольца; 2-6 – бусины; 7- пряслице

Илл.13- Могильник Чернятино-5: 1-3 – мохэский
сосуд; 4-6-7 – железное копье; 8 – железная пряжка

Илл.14- Могильник Чернятино-5: 1- бронзовый всадник

Илл.15- Могильник Чернятино-5: 1- железная пряжка; 2- железный нож; 3 - цепь

①

④

②

⑤

③

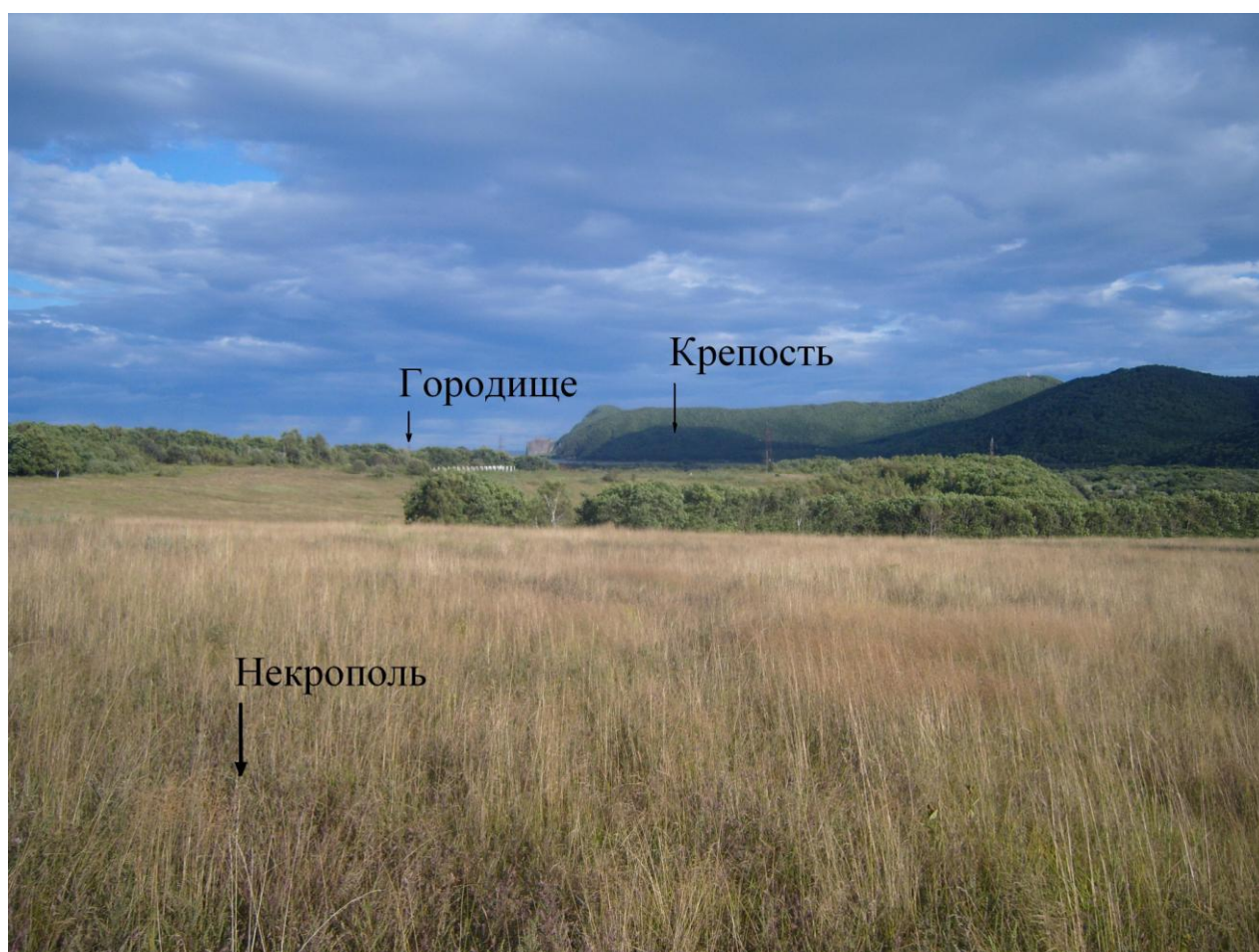
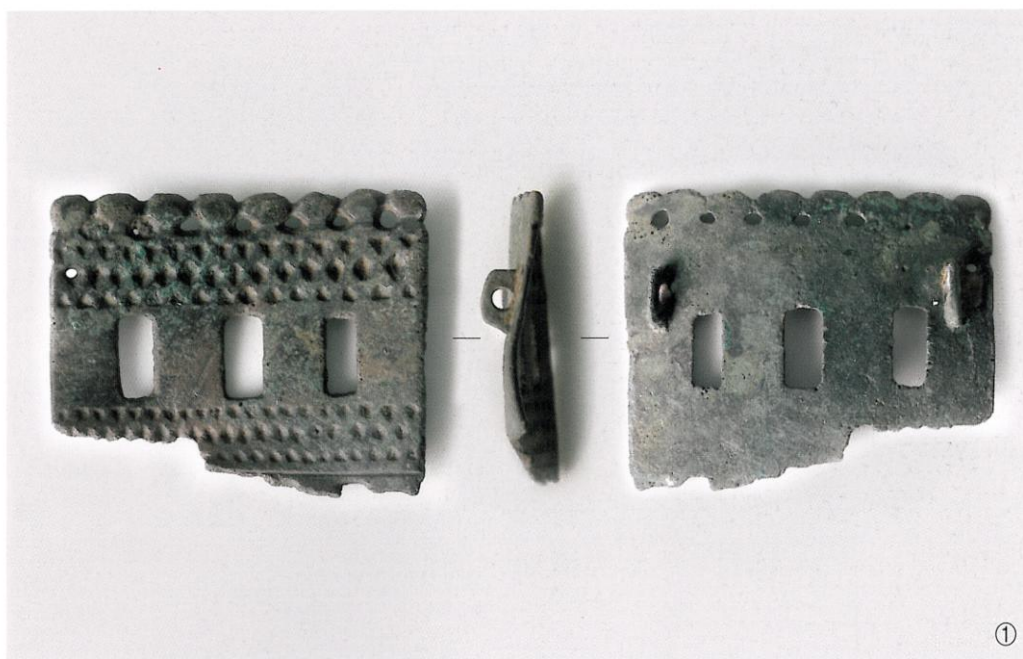

⑥

Илл.16- Могильник Чернятино-5: мохэские сосуды

Илл.17- Могильник Чернятино-5: каменная выкладка

Илл.18- Могильник Чернятино-5: бронзовая ажурная бляха амурского пояса

Илл.19 – Некрополь Монастырка-3. Общий вид.

Илл.20- Куналейское городище.

Илл.21- Красное озеро:

Илл.22 – Каменная крепость Ключи.

Илл.23- Мохэская керамика (категория 1) крепости Ключи.

Илл.24 - Бохайская керамика (категория II) крепости Ключи.

Илл. 25— Каменная крепость Заболоченная («Алтарь»)

Илл.26 – Крепость Шмырков Ключ.

Илл. 27 – Кузнецовское городище.

Илл.28-31- Некрополь Монастырка-3. Позолоченный бубенчик с иероглифической надписью.

Илл.32. Надпись на бубенчике

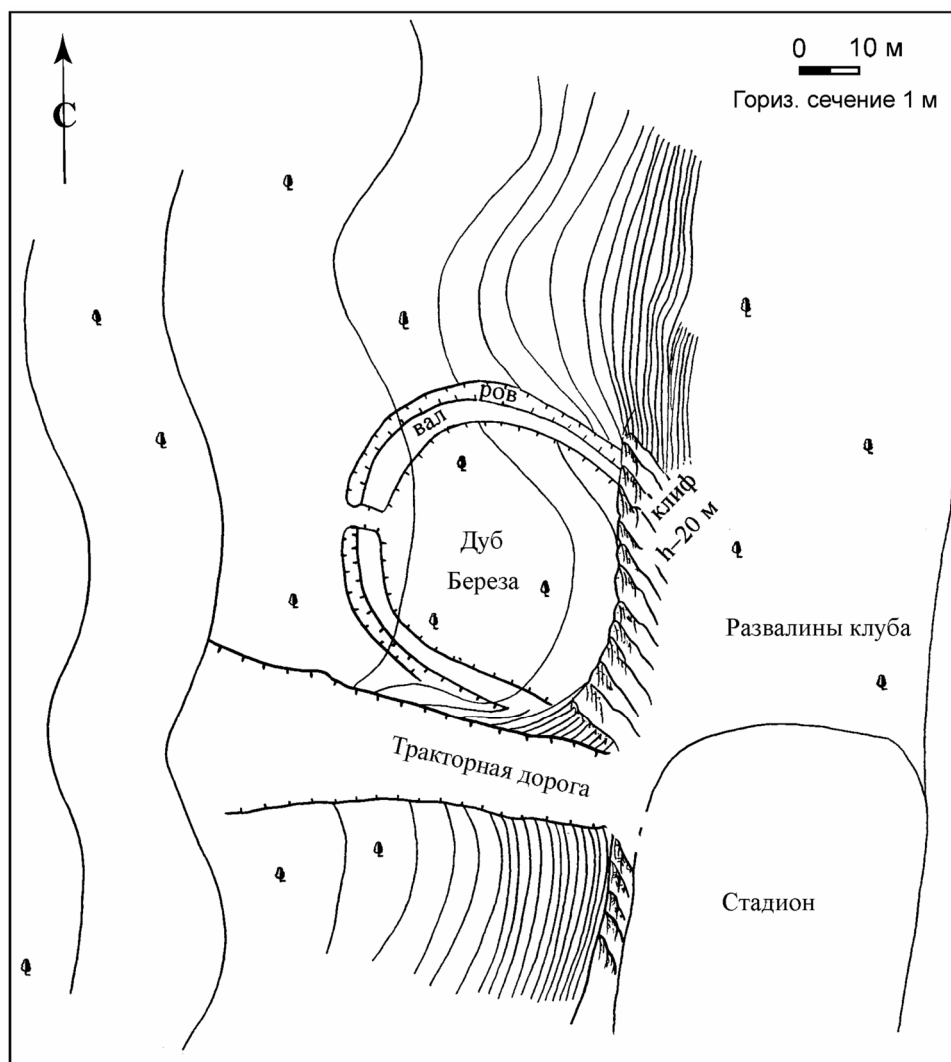

Рис. 52.
План городища Горнореченское-1

Вывод. Городище Горнореченское-1 по типу мысовое, по форме — полукруглое, по площади — малое, по составу вала — почвенно-каменное, по планиграфии — простое, нетеррасированное, без внутреннего города и редута, по фортификациям — безбашенное, по назначению — охранно-сторожевая крепость. Построено в эпоху средневековья. Условно памятник можно отнести к бохайской культуре.

Городище Горнореченское-2 (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на мысовидной оконечности сопки на левом берегу р. Высокогорская (Кенцухе) в 3 км к востоку от поселка Горнореченское. Впервые укрепление обна-

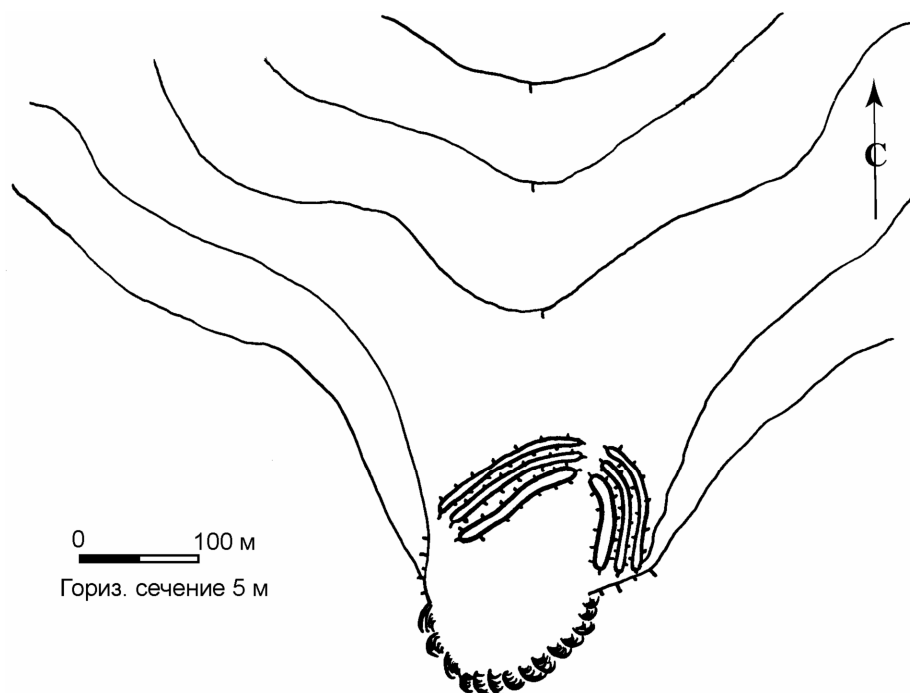

Рис. 53.
План городища Горнореченское-2

ружено и обследовано ДВАЭ в 1968 г. при участии В.Е. Медведева (рис. 53) [Медведев, 1969]. Повторно фортификационные остатки сооружений в 1986 г. осмотрены отрядом О.С. Галактионова [Галактионов, 1986, № 11516]. В 1996 г. городище при осуществлении хозяйственных работ обследовано В.И. Болдиным, Ю.Г. Никитиным [Болдин, 1996, № 20547]. В настоящее время городище разрушено полностью. Укрепления, защищающие северную часть городища, состоят из тройной линии валов, образующих в плане полукруг. Южная часть городища имеет естественное скальное укрепление. Валы построены из галечника и крупных камней. С северо-северо-восточной стороны в валах отмечаются двухметровые разрывы для ворот. Высота валов достигает 3 м. Длина внешнего вала, состоящего из двух дугообразных фрагментов, составляет 150 и 120 м. Длина внутреннего — 120 и 100 м, длина среднего вала — 120 и 110 м. Площадь городища не превышает 0,4 га. Поверхность укрепления плоская, нетеррасированная, без «внутреннего города», но с жилищными западинами. Разведочный материал, извлеченный В.Е. Медведевым из шурфа, представлен керамикой бохайской культуры (категория II, вид 1).

Вывод. Городище Горнореченское-2 относится к мысовому типу, полукруглое по форме, простое по планировке (нетеррасированное, без редута и башен), с каменно-почвенными валами, по назначению жилое, содержащее керамический материал бохайского ассортимента (категория II, вид 1), что позволяет включить его в число бохайских памятников.

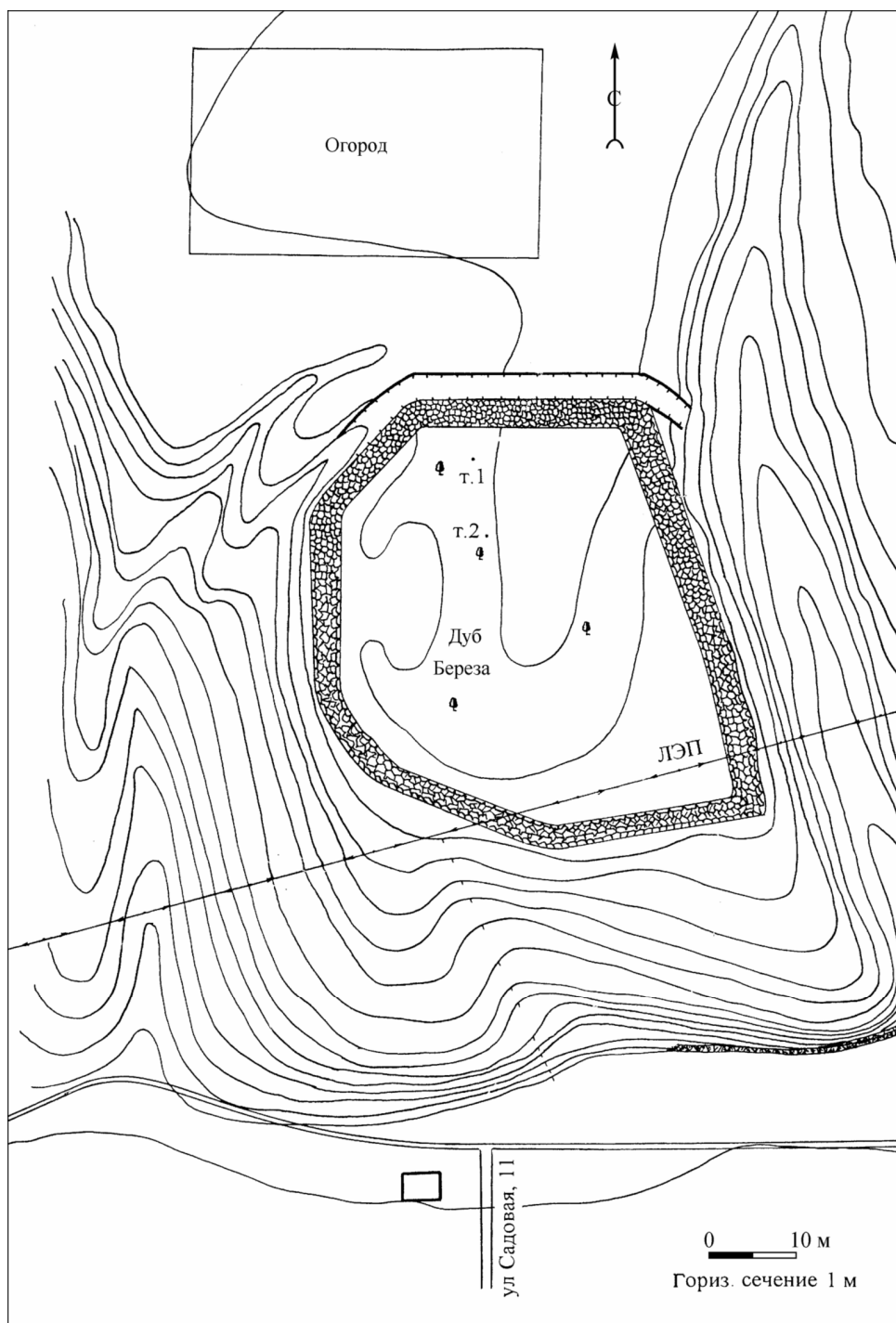

Рис. 54.
План городища Горнореченское-3

Городище Горнореченское-3 (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на высоком мысу в восточной части поселка Горнореченское. В 1996 г. при осуществлении хоздоговорных работ обследовано В.И. Болдиным, Ю.Г. Никитиным [Болдин, 1996, № 20547]. В 2002 г. городище разведочно обследовано АПАЭ, выявившей следующую стратиграфию: 1) почвенно-растительный горизонт, 2) зеленоватый суглинок с гумусом, содержащий обломок искусственно расколотого камня, 3) чешуйчатая коричневая глина с мелкими вкраплениями камней.

Сопка имеет вытянутую форму. Ориентирована «восток–запад». Разделена сухими ручьями на несколько участков. Мыс уплощенный, южная часть обрывистая высотой 17 м. По краю сопки прослеживаются каменный вал и ров. Каменный вал сильно оплывший. Диаметр камней 5–45 см. Диаметр вала 3–3,5 м, высота 0,5 м. В плане вал имеет форму неправильного многоугольника (рис. 54). Длина с севера на юг 49,5 м, с востока на запад 43 м. Площадь городища 2,02 га. У подошвы сопки в слое темной гумусированной супеси встречаются белый каменный желвак и отщеп, относящиеся к эпохе мезолита, многочисленные стоянки которого повсеместно распространены в долине р. Зеркальная.

Произведенные на памятнике работы позволяют считать его двухслойным. Нижний слой, представленный зеленоватым суглинком, относится к мезолиту. Верхний слой, связанный с почвенно-растительным горизонтом, относится к эпохе средневековья, ко времени постройки городища. Его, видимо, успели построить, но не успели обжить. Датирующий материал в средневековом слое не обнаружен [Дьякова, 2009, с. 42–43].

Вывод. Городище Горнореченское-3 относится к мысовому типу, многоугольное по форме, замкнутое, с каменным валом, простое по планировке (нетеррасированное, без редута и башен), охранно-сторожевое по назначению, содержащее керамический материал бохайского ассортимента (категория II, тип 2), что позволяет включить его в число бохайских памятников.

Городище Богополь (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на высокой (до 30 м) надпойменной террасе левого берега р. Зеркальная на юго-восточной окраине поселка Богополь. Терраса разделена на три мысовидных участка оврагами и руслами ручьев. Городище считалось разрушенным. Информация о нем обнаружена в записке неизвестного автора, перечислившего памятники, не обследованные и не учтенные В.К. Арсеньевым, Ф.Ф. Буссе, Л.П. Крапоткиным, где указывалось, что на левом берегу р. Зеркальная перед с. Богополь, в 15 км от моря есть крепость. Поиски укрепления, предпринятые Амуро-Приморской археологической экспедицией в 2002–2003 гг., результата не дали. Перед поселком и в западной его части укрепления или следов от него не обнаружено. При проведении разведочных работ в бассейне р. Зеркальная в 2004 г. студенты исторического факультета Дальневосточного государственного университета, проводя опрос местных жителей, узнали, что на месте базирования воинской части сохранились какие-то странные валы. Местность нами обследована, обнаружено полуразрушенное городище [Дьякова, 2004, № 643]. Укрепление занимает западный, наиболее близкий к поселку участок. В 50-е годы XX в. в данном месте дислоцировалась воинская часть, поэтому на поверхности террасы прослеживаются повреждения от различного рода строений. На самом городище антропогенных повреждений не выявлено, но его южная часть полностью

разрушена обрывом р. Зеркальная. Последняя в настоящее время отступила почти на 500 м к югу и течет вдоль отрога Сихотэ-Алиня.

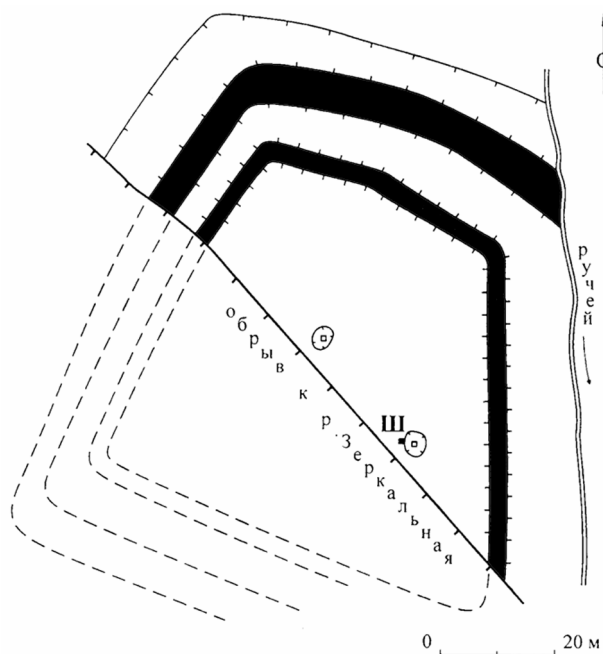

Рис. 55.
План городища Богополь

В плане укрепление трапециевидной формы с двумя валами (внешним и внутренним) и двумя рвами (рис. 55). Ориентировано по странам света. Высота валов 0,7–1,5 м, ширина по гребню — 1–1,5 м, ширина основания 3–5 м. Глубина рвов — 1–1,5 м, ширина — 1,5–3 м. Валы сложены из земли и скального камня.

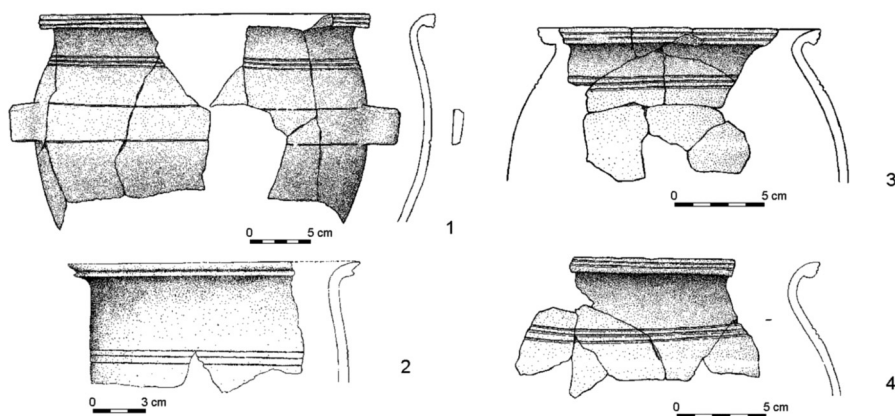

Рис. 56.
Керамика (категория П, тип 2) городищ Богополь (3–4), Куналейское (1–2)

На городище Богополь заложен шурф и выявлена следующая стратиграфия: дерн — 10–15 см; серо-желтый суглинок — культурный слой с включением серого зольного слоя; материк — желтый. В дерне и серо-желтом суглинке обнаружена керамика бохайской культуры — круговые горшки с горизонтальными бороздами по венчику и плечикам (категория II, тип 1) (рис. 56) [Дьякова, 2009, с. 42–43].

Вывод. Городище Богополь по фортификационному устройству (долинное, трапецевидное, безбашенное, нетеррасированное, без внутреннего города, с каменно-почвенной облицовкой вала, жилое, оборонительное) и керамическому материалу (категория II, тип 1) соответствует бохайской культуре и датируется VII–X вв.

Городище Садовый Ключ (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на правом берегу р. Садовая (приток р. Зеркальная), в 2 км западнее поселка Суворово. Обнаружено в 1980 г. Г.Л. Силантьевым [Силантьев, 1980, № 8331]. В 1983 г. на памятнике работал Приморский отряд Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции ИИФФ СО АН СССР [Гладышев, 1986]. В 1996 г. городище обследовано В.И. Болдиным, Ю.Г. Никитиным [Болдин, № 20547]. В 2003 г. — АПАЭ [Дьякова, 2003, № 558]. По типу городище долинное, в плане квадратной формы со стороной 100 м, площадь 1 га, высота валов до 1 м, в центре северо-восточного вала — ворота в виде 2-метрового разрыва (рис. 57). Валы сооружены из камня и подсыпки.

Назначение — жилое, оборонительное. Среди находок зафиксированы фрагменты керамики бохайского типа (категория II, вид 1) [Дьякова, 2009, с. 51].

Вывод. Городище Садовый Ключ по фортификациям и керамическому материалу соответствует бохайской культуре.

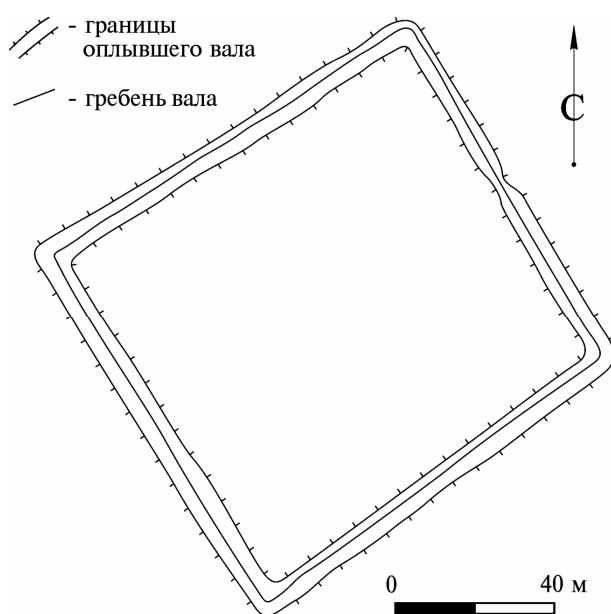

Рис. 57.
План городища Садовый Ключ

Поселение Синегорье-1 (Кавалеровский района Приморского края). Расположено на невысокой возвышенности по левому борту р. Зеркальная в 1,5 км к востоку от поселка Синегорье. В 2004 и 2005 г. обследовано АПАЭ [Дьякова, 2004, № 643]. Памятник однослойный. Вскрыто 20 кв.м. Характер залегания черепков, их количество и стратиграфические особенности объекта свидетельствуют, что в данном месте находилась печь для обжига керамики. Верхняя часть печи (свод) была сплетена из прутьев и обмазана глиной, а сверху обложена камнями (либо это труба, выложенная из камней). Печь длинная, топка располагалась с восточной стороны (углистое пятно в кв. 4) — плавное углубление в материке. (В настоящее время большая часть печи разрушена рекой.) Печь была плотно заполнена круговой сероглиняной керамикой разных форм (категория III, вазы, горшки, корчаги — более 2 тыс. ед. хранения), среди которых преобладала посуда бохайских традиций, т.е. фрагменты горловин сосудов с отогнутым наружу венчиком и наlepным валиком, декорированным горизонтально прочерченными бороздами, сосудов с S-образной горловиной, отогнутым наружу венчиком с наlepным валиком и, как правило, двумя орнаментальными зонами: по венчику и плечикам в виде горизонтально прочерченных борозд, иногда с поясами штампованного орнамента в виде вписанных углов, хоровода танцующих людей, а также тамгообразных знаков — прочерченного крестика и лапок. Встречены фрагменты сосудов с трубчатыми венчиками, что является поздним признаком (рис. 58).

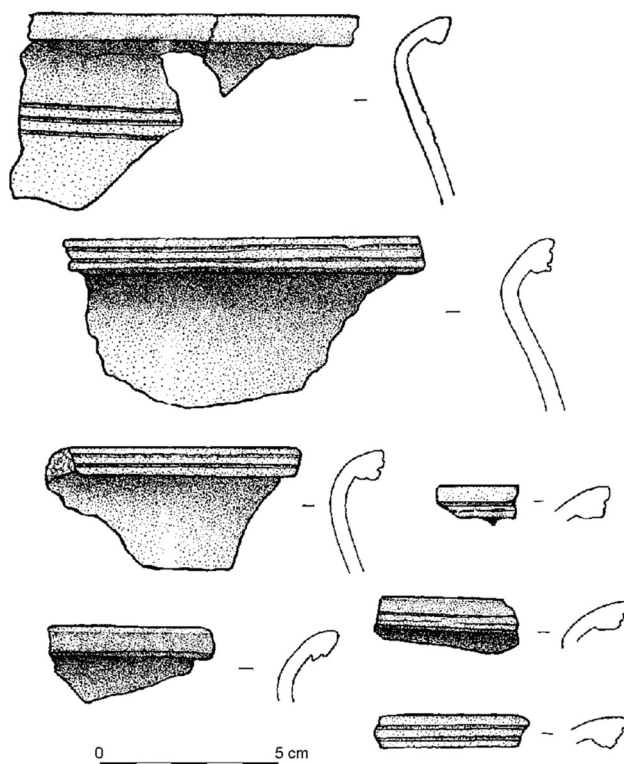

Рис. 58.
Керамика поселения Синегорье-1 (категория II, тип 2)

Изделия выполнены спирально-жгутовым налепом на круге донно-емкостным начинном, обожжены в восстановительной среде при достаточно большой температуре. Керамика из данной печи обнаружена на Кокшаровском-1 городище, поселениях Синегорье-2, Устиновское поле. Как видим, посуда синегорьевской печи отражает знаменательный момент слияния бохайских гончарных канонов когурёского происхождения с танской технологией (категория II + категория III). Что это? Когурёские гончары переняли танские производственные традиции или танские мастера копировали бохайские формы и орнаментальные элементы? Вопрос пока остаётся открытым... Следует заметить, что многие этнографические корейские керамические коллекции до сих пор сохраняют танские производственные приемы. В то же время нельзя не учитывать уникальную способность китайских мастеров копировать инородные приемы. Более доказательным является первый вариант, поскольку посуда находилась в печи когурёского типа.

Вывод. Печь Синегорье-1 классифицируется нами как памятник постбохайского времени, вероятнее всего, периода государства Дундань. Полученный при раскопках керамический материал свидетельствует о том, что после разгрома государства Бохай население на этой территории осталось прежнее, тунгусо-маньчжурское, а ремесленный товар, в данном случае керамику, производили когурёско-танские гончары, также, видимо, сохранившиеся в этих местах. Синегорьевская посуда по технико-технологической и орнаментальной характеристике синкретична и является следующим после бохайских горшков когурёского происхождения звеном в развитии данного типа.

Поселение Синегорье-2 (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Зеркальная в 200 м от трассы Кавалерово–Зеркальное в 3 км к востоку от с. Синегорье. В 2005 г. обнаружено В.А. Сидоровым и обследовано АПАЭ [Дьякова, 2006, № 611]. Памятник занимает ровную площадку размером 110×13 м, на которой собрана круговая сероглиняная керамика, аналогичная сосудам из печи Синегорье–1. Шурфовка памятника не производилась.

Вывод. Керамический материал поселения Синегорье-2 относится к постбохайскому периоду.

Поселение Устиновские поля (Кавалеровский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Зеркальная на сельскохозяйственных полях в 6 км к востоку от поселка Устиновка. Памятник известен с 60-х годов XX в. В 1984–1986 гг. осматривался В.И. Дьяковым, в 2011 г. подъемный материал и фиксация по JPS осуществлены О.В. Дьяковой. Подъемный материал представлен круговой сероглиняной керамикой, типовой состав которой аналогичен изделиям из печи Синегорье-1.

Вывод. Устиновские поля по ассортименту керамического материала соответствуют материалам печи Синегорье-1 и относятся к постбохайскому периоду.

Пещера Сверчков (Кавалеровский район Приморского края). Расположена в верховьях р. Теневая, притока р. Зеркальная, на высоте 700 м от подножия скальной гряды. Среди собранного материала — фрагменты круговой посуды и крышек к ним, железные и костяные наконечники стрел, нож, остеологический мате-

риал (кости свиньи, медведя, волка, горала). Пещера определена как сезонное охотничье зимовье периода государства Бохай [Семенченко, 1987, Государство Бохай, 1994].

Вывод. По ассортименту керамического материала соответствует бохайской культуре.

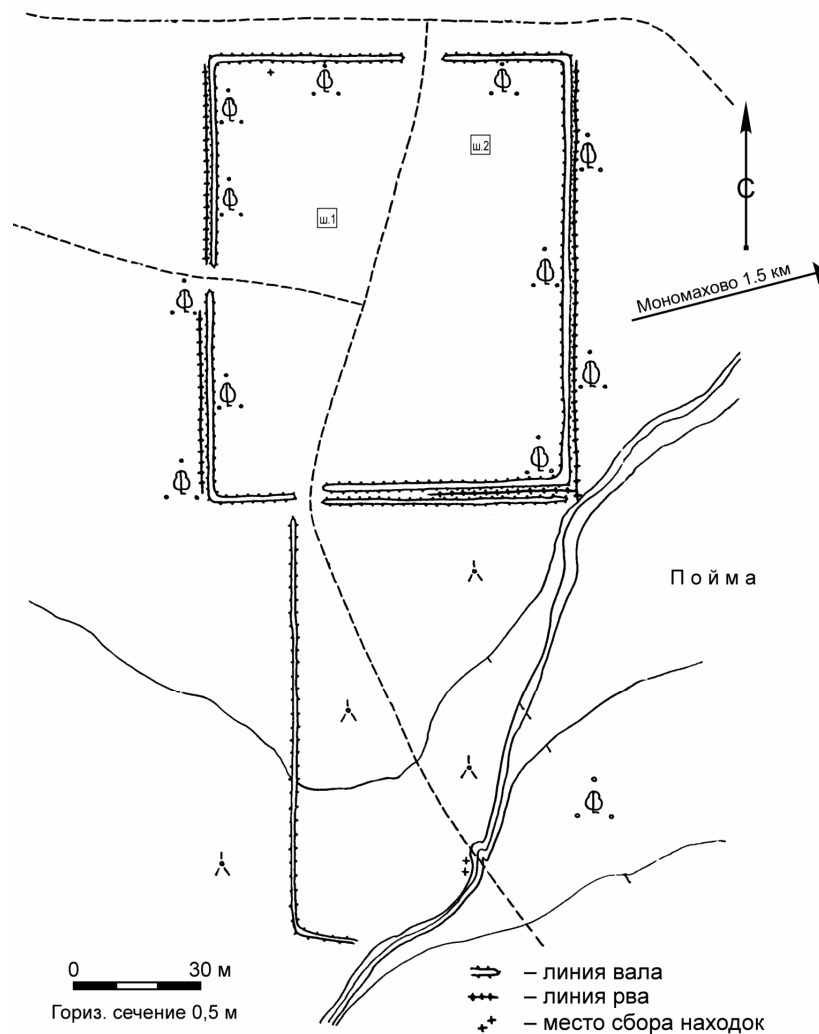

Рис. 59.
План городища Эстонка

Долинное городище Эстонка (Дальнегорский район Приморского края). Расположено на высокой пойме между реками Прямая и Кривая в 1,5 км к западу-юго-западу от с. Мономахово. Первые сведения о памятнике относятся к 1898 г. (А.И. Пальчевский). В 1980-х годах памятник обследовался В.А. Татарниковым. В 1992 г. В.И. Дьяковым был снят план и детально описана фортификация (рис. 59).

В 1997 г. Амуро-Приморской археологической экспедицией под руководством О.В. Дьяковой проведены разведочные работы и установлена культурная принадлежность памятника. По типу городище относится к малым равнинным. В плане имеет правильную прямоугольную форму, ориентированную большими сторонами с севера на юг (100×85 м). По всему периметру окружено небольшим валом, состоящим из камней с земляной засыпкой. Наибольшей высоты вал достигает с восточной стороны — 2–2,5 м. Высота других участков вала колеблется: до 1,5 м с внешних сторон и до 0,7 м с внутренней. Южный участок городища имеет двойную линию валов и ров между ними. Западная и восточная стороны валов тоже защищены рвом. С южной стороны укрепление имеет вход с дополнительным валом. На территории городища обнаружены два колодца. Один находится в северной половине укрепления, другой — в южной. Устье колодцев и стенки выложены камнем. На городище заложены два шурфа. Шурф 1 расположен в 30 м к востоку от разрыва в западном вале и обнаружил следующую стратиграфию: дерново-гумусный горизонт — 6–7 см, гумусированная супесь — 6 см, желто-коричневый суглинок — материк. В дерново-гумусном горизонте встречены фрагменты поливной керамики этнографического времени, в гумусированной супеси — неорнаментированные фрагменты боковых стенок круговых сероглиняных сосудов. Шурф 2, находится в 20 м к югу от северного вала, имеет аналогичную шурфу 1 стратиграфию. В дерново-гумусном горизонте встречены фрагменты поливной посуды; гумусированная супесь находок не содержала. На городище выявлено два культурных слоя. Верхний слой связан с дерново-гумусным горизонтом и представлен этнографическим материалом (поливной посудой крынкообразной формы), нижний представлен темным гумусом, содержащим фрагменты круговой сероглиняной посуды (категория III) и коричневые бохайские горшки когурёского происхождения (категория II, вид 1) (рис. 60). Городище Эстонка по фортификационным признакам и керамическому материалу отнесено к бохайской культуре.

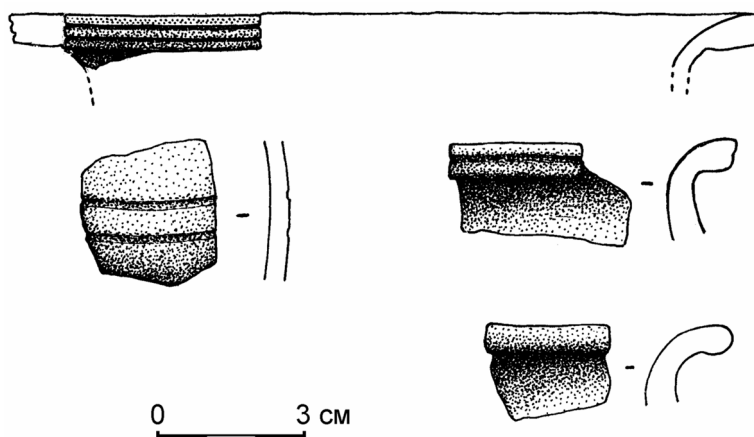

Рис. 60.
Керамика городища Эстонка

Вывод. Городище Эстонка является памятником бохайской культуры и содержит государственные маркеры в виде фортификации (долинное городище

прямоугольной формы) и бохайской посуды когурёского происхождения (категория II, вид 1).

Городище Васьковское (Дальнегорский район Приморского края). Расположено на южной стороне обрывистой сопки на правом берегу р. Монастырка, впадающей в р. Рудная, в 1,5–2 км к юго-востоку от с. Смычка. В 1995 г. открыто В.А. Татарниковым. В 1997, 2001 и 2003 гг. обследовано АПАЭ (рис. 61) [Дьякова, 2003, № 24910]. Южная сторона сопки обрывистая. С северной и западной сторон сопка защищена дугообразным каменным валом, примыкающим своими оконечностями к крутым скальным выходам вершины. Высота вала с внутренней стороны достигает 1 м, с внешней стороны он практически сливается с каменной осыпью склона сопки. В центре вала зафиксирована каменная, выступающая вперед (по склону) площадка, выложенная глыбами и ориентированная на устье р. Монастырка, на место ее впадения в р. Рудная (на север с небольшим отклонением). В плане площадка овальной формы, размером 3,5×4 м, имеет небольшой проход. В местах поворота вала находятся овальные углубления размером 1,5–1 м, обложенные по краям крупными камнями (окопные гнезда). Вдоль вала отмечены две овальные западины размером 3×2 м. Протяженность вала 160 м. Общая площадь городища 1,26 га. Заложенный на городище шурф выявил культурный слой со следующей стратиграфией: почвенно-растительный слой мощностью 0,03 м; щебнисто-дресвяные отложения с суглинистым заполнителем светло-коричневого цвета, материк. В шурфе обнаружена лепная керамика мохэской культуры. По типу городище горное. Площадь 1,26 га, с севера и запада защищено каменным дугообразным валом протяженностью 160 м.

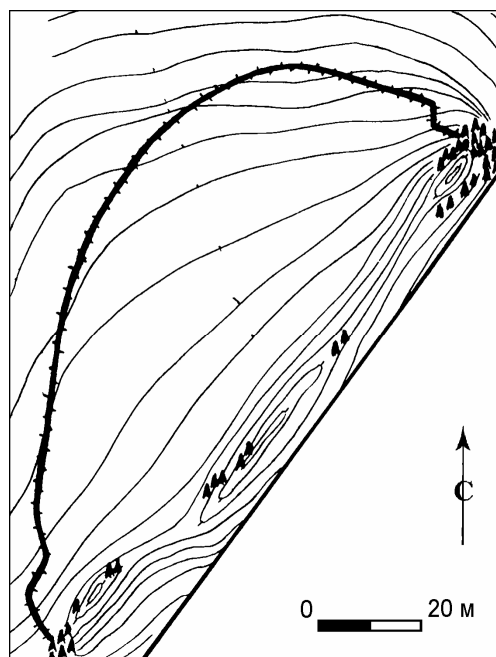

Рис. 61.
План городища Васьковское

Вывод. Васьковская крепость сооружена по когурёским фортификационным характеристикам. Она имела охранно-сторожевое назначение и контролировала вход в бухту Рудная. Благодаря находке в некрополе Монастырка-3 позолоченного бубенчика с надписью «Начальник крепости Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)» мы знаем, что крепость называлась Шуйдаочэн (Шуйшоучэн) и у нее был начальник [Дьякова, 2009, с. 64; 2013, с. 152–154]. Васьковская крепость прикрывала бохайское поселение Смычка и городища Мономаховское, Эстонка, Пристаньское, некрополь Монастырка-3.

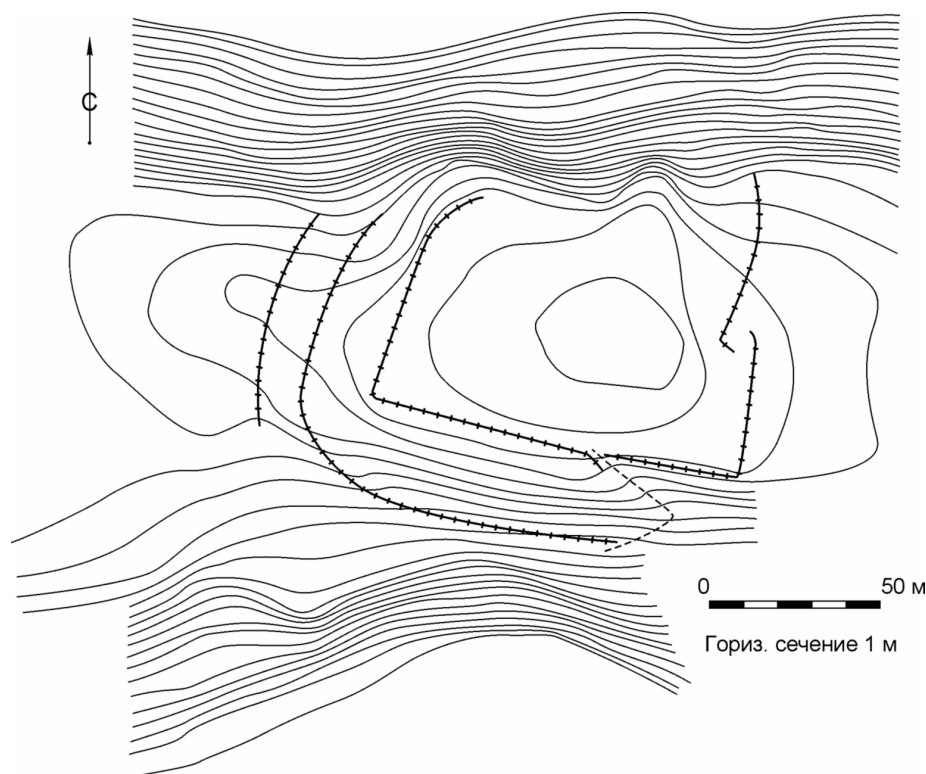

Рис. 62.
План городища Мономаховское (Руднинское)

Городище Мономаховское (Руднинское) (Дальнегорский район Приморского края). Расположено в 2 км к западу от поселка Мономахово, на оконечности террасовидного склона между ключами Раздвоенный и Болотный, притоков р. Прямая, впадающей в нижнем течении в р. Рудная. Впервые городище обследовано в 1953 г. Дальневосточной археологической экспедицией, руководимой А.П. Окладниковым [Окладников, 1959]. В 1973 г. на нем проведены разведочные работы О.В. Дьяковой и снят план [Дьякова, 1973, № 4984]. В 1978–1979 гг. небольшие раскопки выполнены В.А. Татарниковым [Татарников, 1979, № 7089]. В 2002 г. обследование городища и инструментальная топографическая съемка проведены АПАЭ (рис. 62) [Дьякова, 2002, № 24041]. Склон сопки ориентирован восток–запад. Его ширина не превышает 80 м. Поверхность склона имеет незна-

чительное повышение в центральной части. Северная и южная стороны сопки обрывистые. Вал оконтуривает сопку с трех сторон и имеет в плане П-образную форму, т.е. по периметру он не замкнут. Северная сторона сопки имеет естественную защиту — обрывистый склон. Восточный вал, достигающий 1,5 м в высоту, состоит из двух фрагментов: дугообразного северного и прямого южного, между которыми прослеживается тамбурообразный вход 3-метровой ширины. Длина восточного вала составляет 70 м. Южный вал прямой. Его высота достигает 1 м, длина — 108 м. В 40 м от юго-восточного угла вал имеет 4-метровый разрыв для входа, отгороженный короткой обваловкой. В данном месте вниз по склону прослеживается дорога. С западной стороны внутренний вал усилен вторым, параллельно расположенным, внешним валом дугообразной формы 90-метровой длины. Западный вал составляет с южным почти прямой угол и закругляется по рельефу сопки в северной части. Его длина 70 м, высота 2–6 м. Внутренний вал укреплен с внешней стороны двойным рядом валов дугообразной формы, длина которых не превышает 60 м. Площадь городища 0,7 га. Валы сложены из камня (валунов и глыб) с сыпучим заполнением. Юго-западный угол внутреннего вала облицован камнем. Стационарные исследования и шурф выявили следующую стратиграфию памятника: 1) дерн мощностью 0,03–0,05 м; 2) темно-коричневый суглинок с дресвой мощностью 0,01 м; 3) светло-коричневый суглинок с дресвой и щебнем, материк. Культурным слоем является темно-коричневый суглинок (слой 2). Залегавший в слое материал представлен фрагментами керамики с горизонтально прочерченными бороздами (категория II, вид 1), характерной для бохайской культуры. В лепной керамике проявляются не мохэские традиции. Для определения аборигенного пласта необходим более обширный материал.

Вывод. Мономаховское городище по фортификационной характеристике и керамическому материалу (категория II, вид 1) соответствует позднебохайскому или постбохайскому времени.

Могильник Монастырка-3 (Дальнегорский район Приморского края) (рис. 63–72, илл. 19). Расположен в горно-таежной зоне северо-восточной части Приморья в 1,8 км к юго-западу от поселка Рудная Пристань, находящегося на побережье Японского моря в одноименной с поселком бухте. Открыт и стационарно исследован Сихотэ-Алинской археологической экспедицией ДВГУ в 1986 г. [Дьяков, 1986, № 896]. В 1989–1996 гг. исследовался Амуро-Приморской археологической экспедицией (рис. 63) [Дьякова, 1993, № 18183; 1996, № 20065]. Памятник занимает юго-западную оконечность 14–18-метрового мыса одного из отрогов Сихотэ-Алиня. Вскрытая раскопами площадь составляет 2351 кв.м. На ней обнаружено 88 грунтовых погребений (75 ямных захоронений, 3 погребения на горизонте, 10 подхоронений в насыпь) и 4 больших каменно-земляных кургана. Грунтовые могилы сгруппированы в ряды и сопровождалась овальными каменно-земляными насыпями, не превышавшими по размеру 2,5×1,5 м. Могильные ямы составляли ряды, тянувшиеся с северо-востока на юго-запад. Могилы ориентированы запад–восток. Зафиксированы могилы трех форм: прямоугольные, трапециевидные, круглые. Умерших хоронили несколькими способами: кремацией, ингумацией, кенотафом. Прослежены кремации трех типов: в могильной яме, на стороне с последующим захоронением в могильной яме, на месте с последующим возведением курганный насыпи.

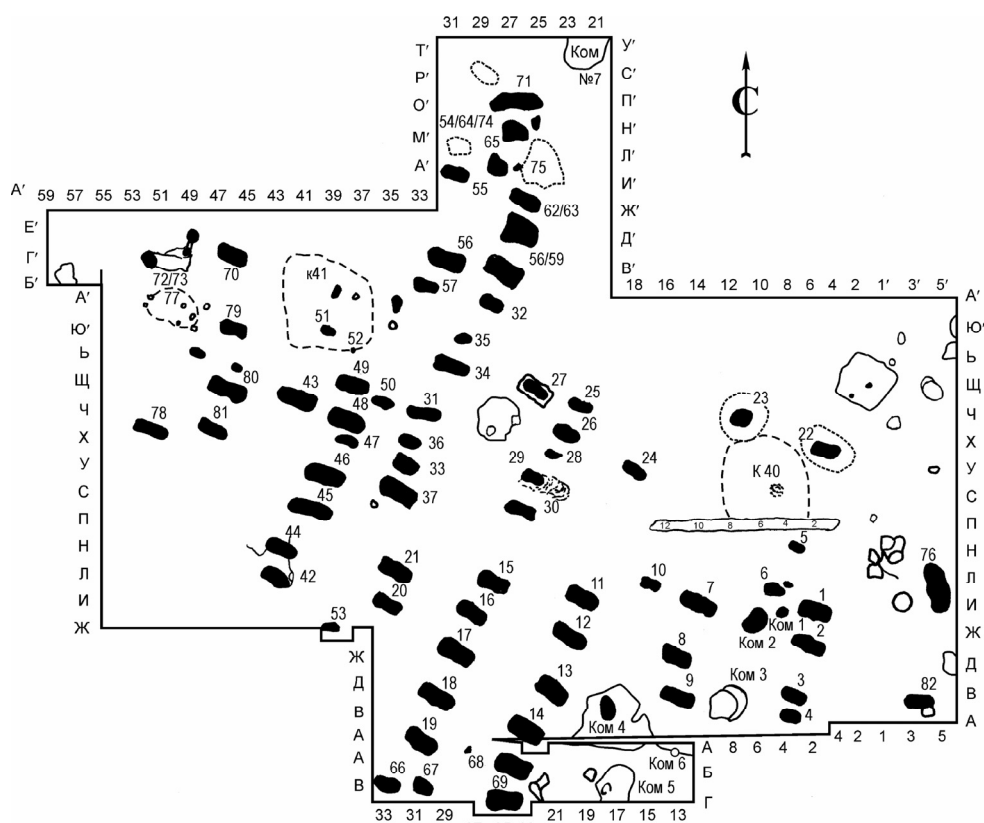

Рис. 63.
План некрополя Монастырка-3

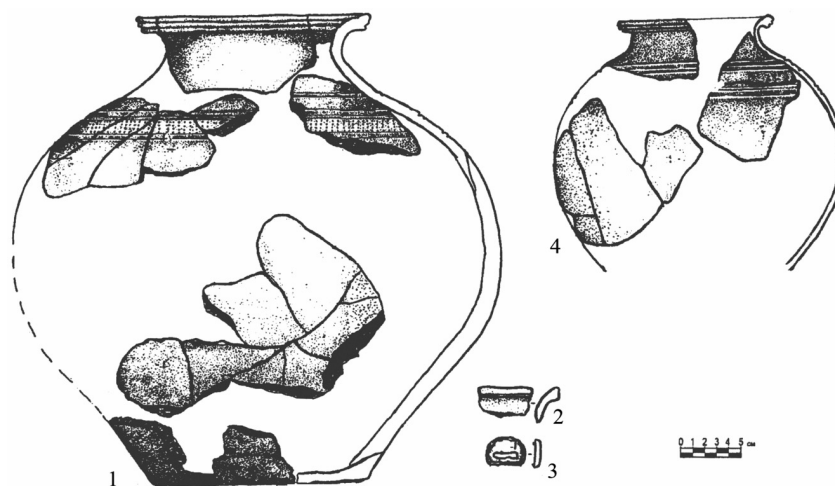

Рис. 64.
Некрополь Монастырка-3, погребение 23: 1, 2, 4 — круговые сосуды (категория Ш),
3 — деталь тюркского пояса

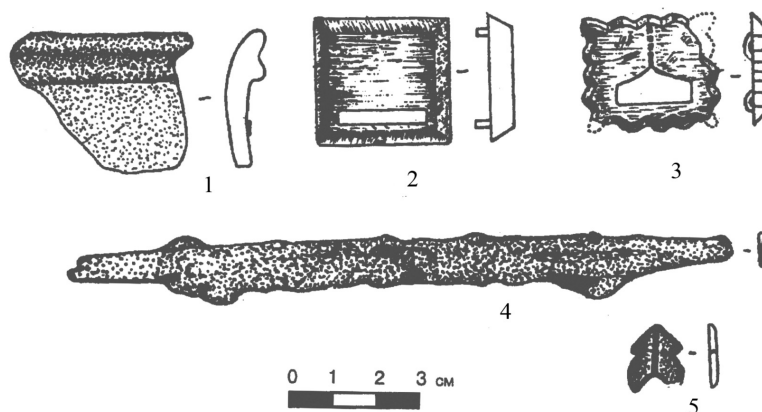

Рис. 65.

Некрополь Монастырка-3, погребение 33: 1 — венчик мохэского сосуда (категория 1); 2, 3, 5 — бронзовые детали тюркского пояса; 4 — железный нож

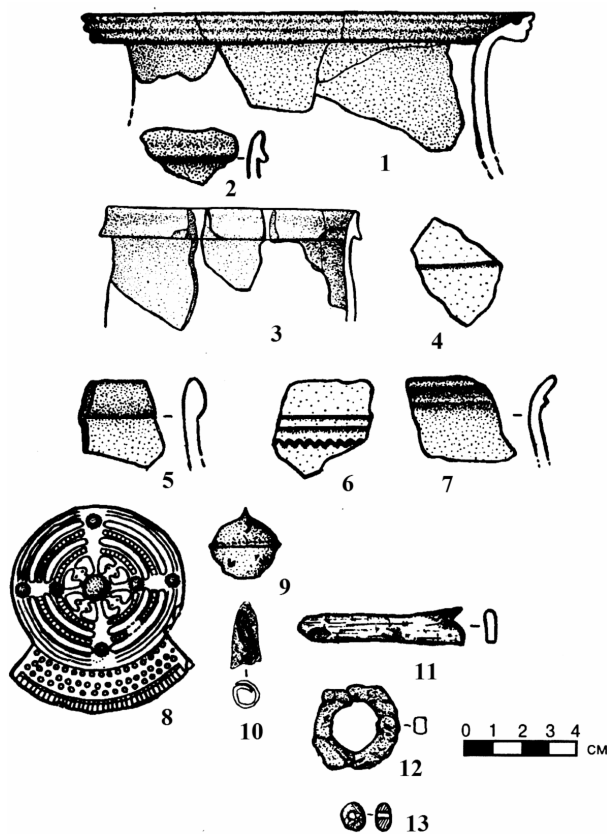

Рис. 66.

Некрополь Монастырка-3, погребение 34: 1, 5, 6 — бохайская керамика (категория II, тип 2); 3, 4, 7 — мохэская керамика (категория 1); 8 — деталь пояса амурского типа; 9 — бронзовый бубенчик; 10, 11, 12 — железные предметы; 13 — бусина

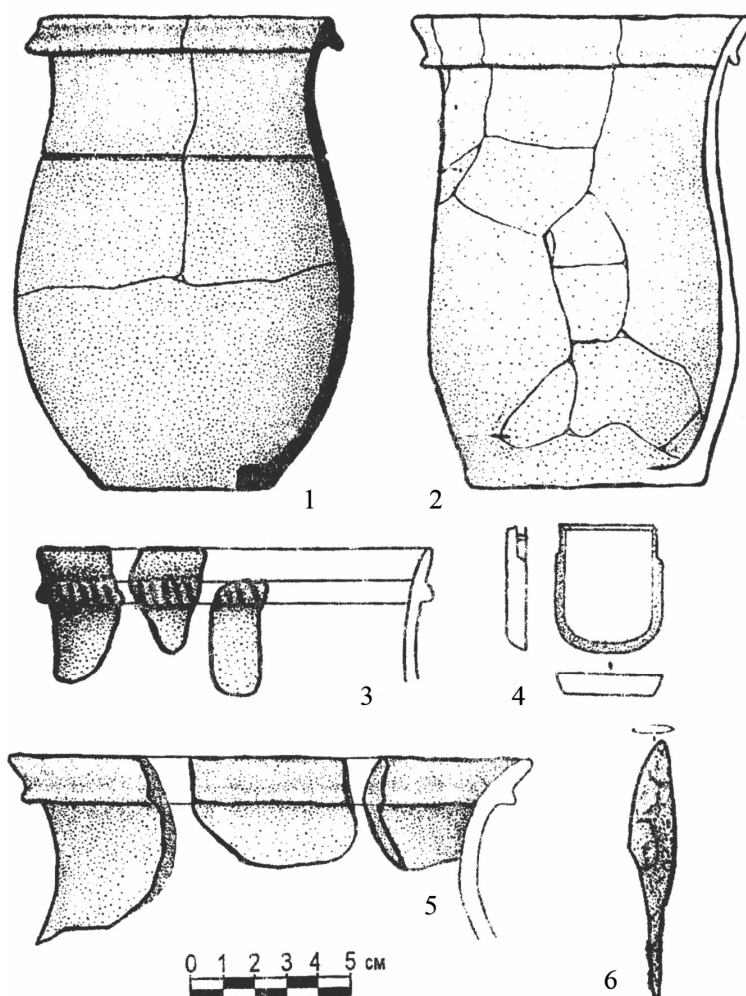

Рис. 67.

Некрополь Монастырка-3, погребение 37: 1–3, 5 — мохэские сосуды (категория 1);
4 — бронзовый наконечник ремня; 6 — железная стрела

Для кремаций в могильной яме (погребения № 27, 22, 29–31, 34) характерны: а) могильная яма размерами в полный рост человека, глубиной до 50–80 см от древней поверхности, прямоугольной или трапециевидной в плане формы; б) сгоревшая внутримогильная конструкция в виде ящика с плоской крышкой из горбыля, снаружи обмазанного по щелям глиной; в) остатки костяка, часть которого сохраняет анатомический порядок; г) наличие в могиле кострища; д) определенное расположение погребального инвентаря: сосудов на крышке гроба в районе головы (в западной части могилы), пояса тюркского или амурского типов в районе таза, обувных украшений в восточной части могилы. Все вещи имеют следы огня. В качестве топлива использовался торф из близлежащего тетюхинского торфяника.

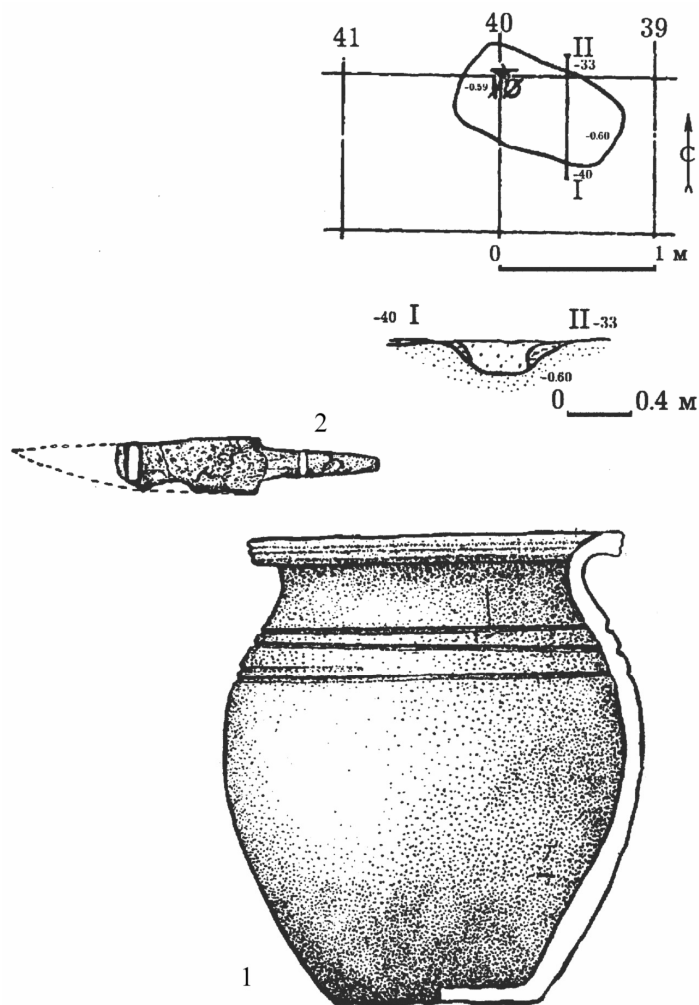

Рис. 68.
Некрополь Монастырка-3, погребение 51: 1 — бохайский сосуд (категория II);
2 — железный нож

Для *кремаций на стороне* с последующим захоронением в могильной яме или на горизонте (погребения № 23, 25) характерны: а) могильные ямы небольшого размера, более мелкие, чем при кремации в могиле; б) менее четкая форма могильных ям из-за постепенного истлевания деревянных конструкций и завала могильных стенок внутрь; в) скопление жженных костей в одном месте без анатомического порядка; г) отсутствие следов внутримогильных конструкций; д) произвольное расположение погребального инвентаря.

Для *кремаций на месте* (курган № 40) характерно большое неправильной формы глиняное прокаленное пятно (с остатками торфа) с многочисленными вкраплениями мелких жженных костей и погребального инвентаря со следами сильного огня.

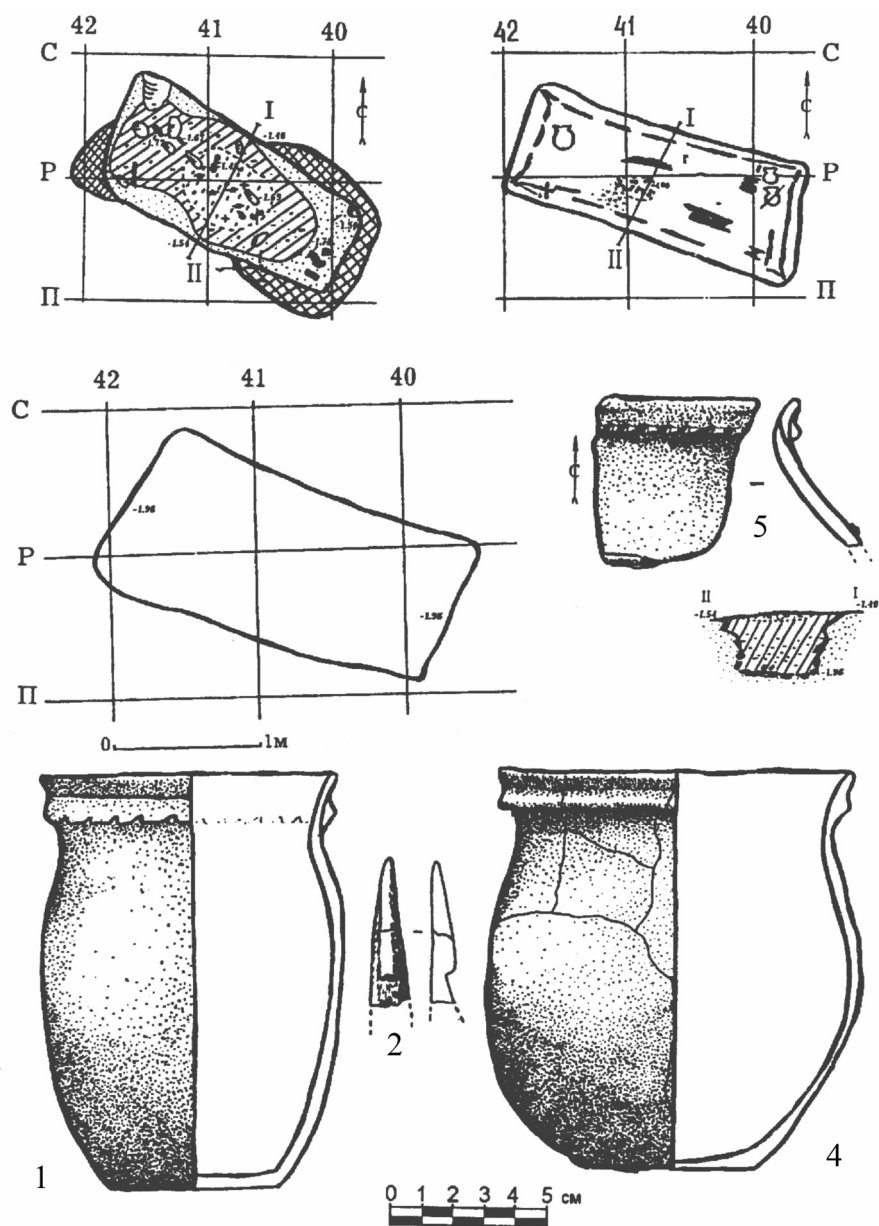

Рис. 69.

Некрополь Монастырка-3, погребение 45: 1, 4, 5 — мохэские сосуды (категория 1);
2 — костяной гарпун

Два погребения — *кенотафы*. Они небольшого размера — до 70 см в длину, неглубокие, подпрямоугольной формы, с несколькими фрагментами керамики в заполнении, без следов внутримогильного устройства и костей. Кенотафы входили в единый ряд с другими могилами.

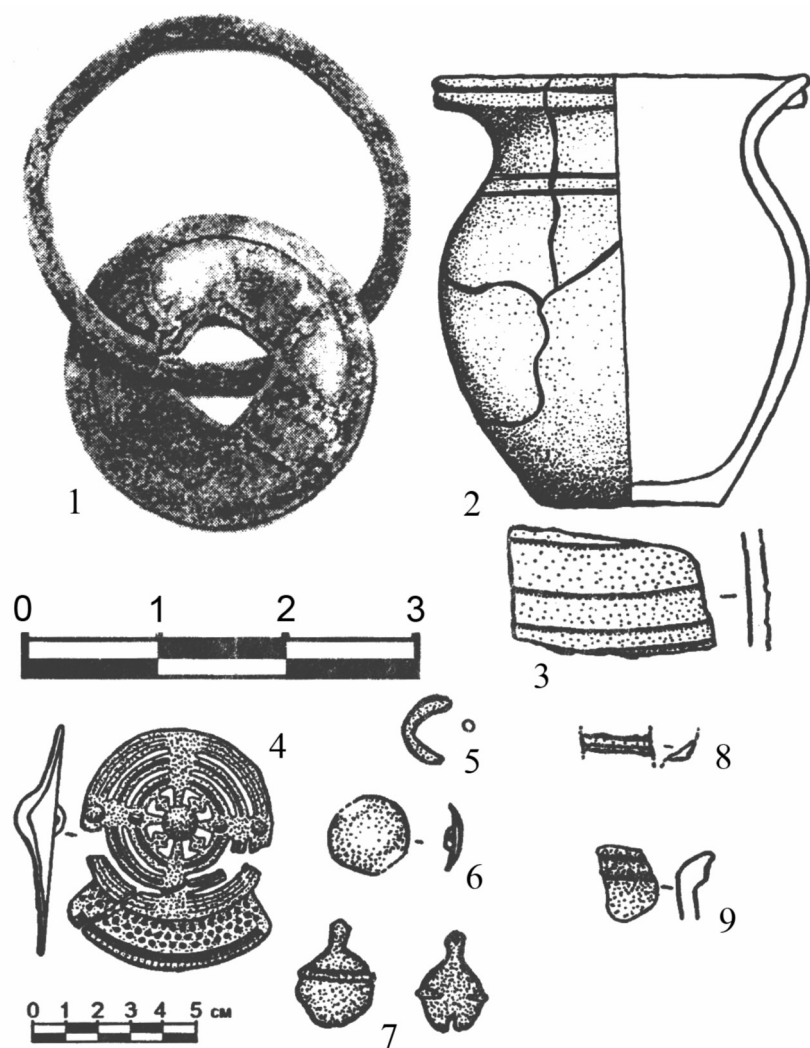

Рис. 71.

Некрополь Монастырка-3, погребение 72–73: 1 — комбинированная серьга;
2, 9 — мохэские сосуды (категория 1); 3, 8 — фрагменты керамики;
4 — деталь пояса амурского типа; 5 — обломок железного кольца;
6, 7 — бронзовые украшения

и штампованным узором (категория III), а также железные наконечники стрел, типовой состав которых повторяет основные формы бохайского вооружения, бронзовые пояса тюркского и амурского типов, железные ножи с выделенной рукоятью и бронзовые бубенчики-дракончики. Принципиально новой и уникальной находкой являлся позолоченный шаровидный бубенчик с растительным криволинейным орнаментом и надписью из четырех иероглифов «Начальник крепости Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)», т.е. начальник крепости на водном пути. Бубенчик по стилю оформления выполнен в танских традициях. В материалах и погре-

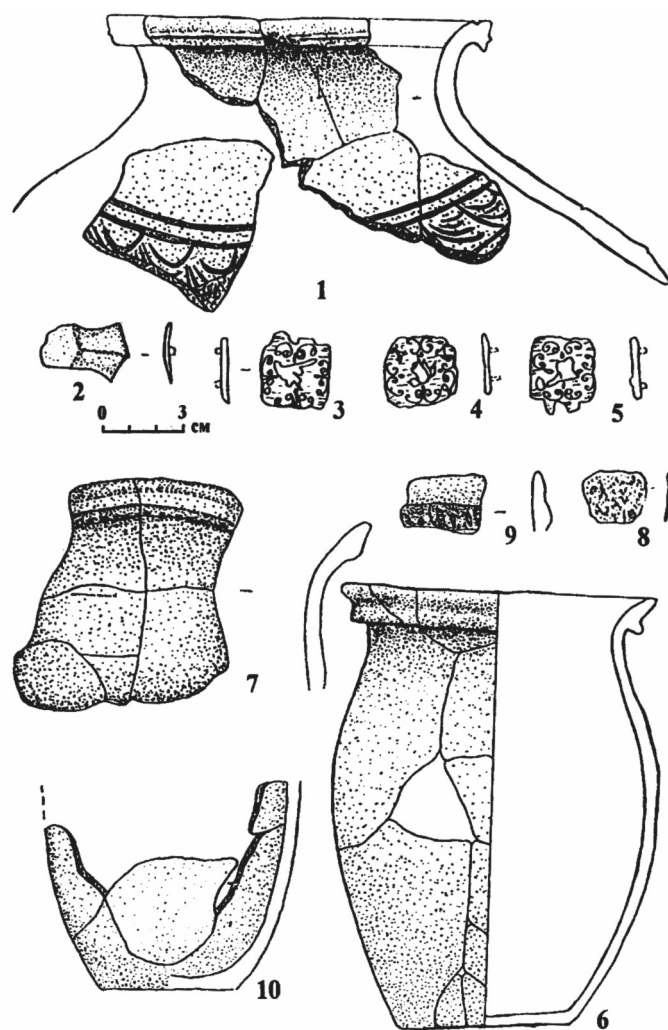

Рис. 72.

Некрополь Монастырка-3, погребение 80: 1 — круговой сосуд (категория Ш);
2–5 — детали тюркского пояса; 6–10 — мохэские сосуды (категория I)

бальном обряде прослеживается сильное тюркское влияние. Время функционирования некрополя определяется в пределах VI–X вв. [Дьякова, 1989]. В целом некрополь обнаруживает весь маркирующий набор артефактов мохэской и бохайской культур.

Вывод. Некрополь Монастырка-3 является уникальным археологическим памятником, на котором впервые в Приморье были раскопаны ямные и курганные захоронения мохэ-бохайской культуры, соответствующие по типовому составу аналогичным объектам Северо-Восточного Китая. Аборигенный пласт культуры в некрополе представлен лепными сосудами найфельдской группы мохэ (категория I, вид 1), поясами амурского типа, комбинированными серь-

гами. Государственный пласт — бохайской керамикой когурёского происхождения (категория II, вид 1) и позолоченным бубенчиком с иероглифической надписью «Начальник крепости Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)», свидетельствующей, что здесь захоронен человек, которому выдан ярлык власти на управление крепостью, охраняющей вход в устье реки, в бассейне которой находились бохайские поселения и городища. Последнее документально подтверждает вхождение этой территории в государство Бохай и тот факт, что в некрополе Монастырка-3 захоронен начальник крепости, носящей название Шуйдаочэн (Шуйшоучэн).

Городище Пристанское (Дальнегорский район Приморского края). Расположено в 3 км к северо-западу от поселка Рудная Пристань, на левом берегу р. Рудная. Открыто в 1898 г. Н.А. Пальчевским. В плане прямоугольной формы. С западной стороны прослеживается двойная линия валов и рвов. Вал каменный (27×25 саженей, т.е. соответственно 58,2×54 м). Высотой до 1,5 м. Городище имеет четверо ворот. Площадь 0,3 га. Датировано XII — первой половиной XIII в. При застройке поселка Рудная Пристань полностью уничтожено.

Вывод. Пристанское городище по фортификационной характеристике соответствует бохайскому военному зодчеству. Функционировать оно могло и в постбохайское время, поскольку в бассейне Рудной, где находится это городище, до сих пор не обнаружены объекты чжурчжэньского государства Восточное Ся или империи Цзинь. Вряд ли эта территория после разгрома Бохая пустовала. Вероятнее всего, там сохранялось прежнее население.

Укрепление Круглое (Дальнегорский район Приморского края). Расположено в 2 км к северу от мыса Елагина, на северном склоне сопки, примыкающей к южному берегу оз. Круглое. Обнаружено в 1992 г. В. Квашиным [Квашин, 1992, № 18262]. Склон сопки представляет собой каменную осыпь с множеством овальных западин размером 2×1 м и глубиной до 0,8 м. С внешней стороны по склону прослеживаются брустверы. Подобные сооружения характерны для эпохи раннего средневековья.

Вывод. Укрепление Круглое к бохайским памятникам отнесено условно, поскольку нет диагностирующих материалов.

Поселение Пасечная (Дальнегорский район Приморского края). Расположено на правом берегу р. Кривая (приток р. Рудная), в 1,5 км западнее горы Пасечная. В 1996 г. найдено В.А. Татарниковым и Ю.Н. Бражником. Круговая керамика и куски окварцованной породы с наличием золота, полученные при шурфовке, позволили предположительно отнести поселение к бохайскому времени [Татарников, 2008 с. 58–61].

Вывод. Поселение Пасечная к бохайским памятникам отнесено условно, поскольку нет диагностирующих материалов.

Стоянка Водораздельная (Дальнегорский район Приморского края). Расположена на концевой части водораздельной террасы ключей Раздвоенный и Болотный — притоков р. Прямая, впадающей в р. Рудная в 2 км к западу от поселка Мономахово. В 1978 г. открыта В.А. Татарниковым. В 1979–1981 гг. им же проводились раскопки на памятнике. Площадь памятника около 250 кв.м [Татарни-

ков, 1981, с. 43–50; Археологические памятники..., с. 53–54]. Памятник многослойный: нижний слой — поздний неолит, средний — эпоха палеометалла, верхний — бохайское время. Анализ керамического материала средневекового слоя стоянки Водораздельная, проведенный автором настоящей монографии, позволяет уточнить сделанную другими исследователями оценку памятника. Аборигенный пласт в средневековом слое представлен лепной посудой, восходящей к традициям польцевской, а не мохэской культуры. Среди материалов государственного пласта в керамике действительно встречаются отдельные бохайские элементы.

Вывод. Стоянка Водораздельная содержит бохайские материалы.

Городище Поднебесное (Тернейский район Приморского края). Расположено в 1,5 км к северу от отметки «60 км» автотрассы посёлок Пластун — поселок Мельничный, на перевале Небесный между бассейнами рек Японского моря и Амура. Построено в непролазной тайге, темное в любое время суток. Вся поверхность завалена буреломом. Сведения о городище в верховьях рек Джигитовка и Иртыш поступили в конце 1998 г. от сотрудников Сихотэ-Алинского государственного заповедника. В 1999 г. на памятнике побывали Ю.А. Бражник и В.А. Татарников. В 2001 г. городище обследовано и снято на план Амуро-Приморской археологической экспедицией [Дьякова, 2001, № 487]. Городище находится в нижней части террасовидного участка склона, обращенного к верховьям р. Иртыш — притока р. Большая Уссурка, и геоморфологически не относится к бассейну р. Джигитовка. В плане городище практически квадратной формы. Стороны ориентированы почти строго по странам света. Протяженность северного и южного валов 160 м, западного и восточного — 155 м. Площадь городища 2,4 га. Высота валов как с внешней, так и с внутренней сторон одинаковая — не менее 2 м. Исключением является юго-западный угол городища, где высота не превышает 1,5 м. Вершина вала гребнеобразная, ширина вершины до 0,4 м, основания — около 3 м. Валы сложены из суглинистого грунта с включением камней. Склоны крутые, без явных следов оплывания. Вход в городище расположен с западной стороны, представлен 5-метровым разрывом вала. На вершине восточного вала зафиксированы 4 подпрямоугольных в плане ямы размером 1×0,5 м, глубиной до 1 м. Обнажения бортов западин обнаружили коричневый суглинок, идентичный по составу склоновым отложениям. Гумусированных слоев в разрезе нет. В центральной части восточного вала зафиксирована овальная выемка с обваловкой. В северной части городища прослежены 5 округлых западин диаметром около 5 м, глубиной 1,2–1,4 м. Находок не обнаружено.

Вывод. Городище Поднебесное по фортификационным особенностям соответствует бохайскому военному зодчеству (горный тип, квадратная форма, каменно-земляная структура вала).

Укрепление Горбуша (Дальнегорский район Приморского края). Расположено в истоках р. Черемшана (Сининча) около перевала на р. Горбуша (приток р. Рудная) «в 60 верстах от моря». Информация о памятнике сохранилась в архивных материалах. Видимо, укрепление контролировало перевал из бассейна р. Джигитовка через верховья Черемуховой в бассейн р. Рудная.

Вывод. Поскольку на данной территории чжурчжэньские памятники не обнаружены, то, следовательно, укрепление Горбуша могло охранять транспортную магистраль и горный проход, ведущий к бохайским городищам и поселениям.

Городище Черемшаны (Дальнегорский район Приморского края). Расположено в центре поселка Черемшаны, на правом берегу р. Черемуховая. Сохранились остатки невысоких валов, образовавших первоначально прямоугольную форму. Подъемный материал не обнаружен. Впервые упоминается В.К. Арсеньевым. Вторично обследовано в 1973 г. О.В. Дьяковой [Дьякова, 1993, № 4384].

Вывод. По фортификационной характеристике (долинное, прямоугольное, простое) городище соответствует бохайской культуре.

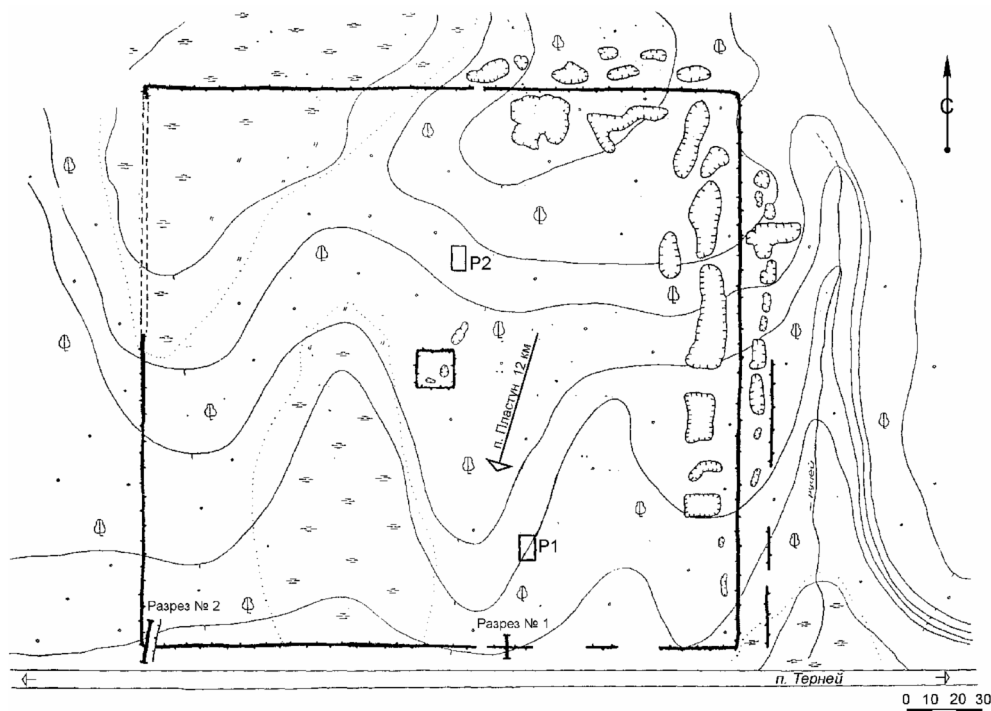

Рис. 73.

План Джиговского городища (съемка В.И. Дьякова)

Городище Джиговское (Тернейский район Приморского края). Расположено с левой стороны трассы Пластун–Терней в 3 км к северу от моста через р. Джиговка. Впервые упомянуто В.К. Арсеньевым. Исследователь отмечал, что укрепление не использовалось, так как культурный слой на городище не обнаружен. В 1973 г. памятник обследован О.В. Дьяковой, в 1991 г. план городища снят В.И. Дьяковым, в 1997–1998 гг. Амуро-Приморской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН проведены стационарные исследования (рис. 73, 74) [Дьякова, 1993, № 4384, № 21620]. Вскрыто 65 кв.м и сделан разрез южного вала, подрезаемого дорогой и размываемого водой. Надпойменная терраса левого берега р. Джиговка, на которой построено укрепление, окружена с восточной и южной сторон болотистой поймой. Высота надпойменной террасы не превышает 1,5–2 м. В плане

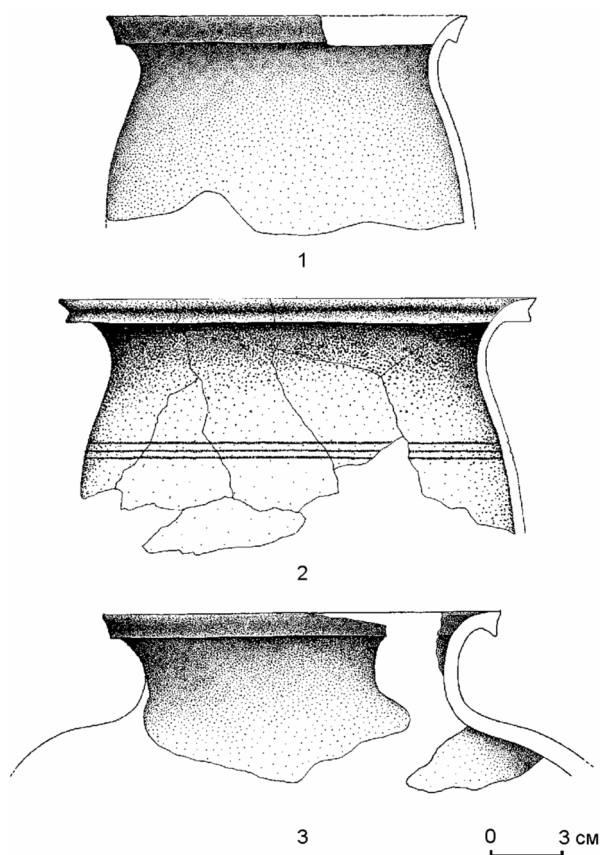

Рис. 74.
Джигитовское городище: 1, 2 — бохайские сосуды (категория II);
3 — круговой сосуд (категория III)

валы городища образуют квадрат площадью 5,76 га. Периметр валов составляет 957 м. Южная и восточная стороны высокие — 1–1,5 м, западная низкая — 0,5 м. Ширина основания валов 2–2,5 м. Укрепление имеет два строго противоположных друг другу входа — трехметровые разрывы в северной и южной стенках. Фортификация представлена простыми безбашенными валами с обычными противоположащими воротами в виде 3-метровых разрывов. Стратиграфические разрезы южной стенки вала Джигитовского городища позволили установить, что для сооружения фортификаций применялся способ ханту (слоено-почвенная утрамбовка). Использование данного приема возведения валов имеет принципиальное значение, так как до сих пор считалось, что техника ханту появилась в Приморье только с образованием чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся. Вдоль вала с внутренней стороны прослеживаются места выборки грунта для его строительства. Поверхность памятника достаточно ровная с отдельными уплотненными участками — видимо, местами жилых построек. В центральной части городища прослеживается обвалованный «внутренний город» квадратной формы размером 13×15 м. Высота валов не превышает 0,5 м. Памятник однослойный. Культурный

слой представлен коричневым легким суглинком с рыжеватым оттенком мощностью 10–30 см. Коллекция, полученная при раскопках городища, включает три категории керамики: I. Лепная — горшковидные сосуды мохэского типа. II. Доработанная на круге — горшковидные сосуды бохайского типа когурёского происхождения с ленточными ручками и без них. III. Круговая — сероглиняные сосуды амфоровидной и горшковидной формы танских традиций со штампованным декором, характерным для бохайской и чжурчжэньской (амурской) культур. Анализ оборонительных сооружений Джигитовского городища делает очевидным отсутствие следов перестройки. Следовательно, городище имело единовременную застройку, возведенную, согласно собранному археологическому материалу, в эпоху государства Бохай (698–926) носителями мохэской культурной общности.

Вывод. Джигитовское городище по всем параметрам соответствует бохайской культуре. Аборигенный пласт в нем представлен лепной мохэской керамикой (категория I, вид 1), государственный — бохайскими сосудами когурёского происхождения (категория II, тип 2), фортификационной характеристикой (долинное, прямоугольное, с внутренним городом). Исключением является использование на Джигитовском городище техники ханту для возведения валов (слоёно-почвенная утрамбовка), а не традиционная для Бохая почвенно-каменная засыпка с облицовкой. В Китае техника ханту применялась задолго до эпохи средневековья. По мнению владивостокских исследователей техника ханту в Приморье появляется с чжурчжэньского времени, и считается, что именно ими она сюда принесена. В приведенных выше материалах провинции Цзилинь китайские археологи на бохайских памятниках отмечали использование техники ханту для возведения стен (валов). Но бохайские памятники Китая, как правило, многослойные и неоднократно перестраивались. Поэтому пока нет достоверных данных использования техники ханту бохайцами. Зато достоверно известно, что такая техника активно применялась в киданьское время, т.е. кидани в военном зодчестве использовали китайских мастеров. Для Приморья появление на бохайских городищах слоено-почвенных утрамбованных валов может служить временным репером, означающим наступление киданьского времени и использование этой территории киданями, например включение в Дундань.

Городище Куналейское (Тернейский район Приморского края) (рис. 75). Расположено в 18 км к северу от поселка Пластун. Впервые памятник обследован в 1907 г. В.К. Арсеньевым. Им же снят первый план городища и проведены раскопки в трех местах — во втором внутреннем городе, в редуте и у северного вала. В.К. Арсеньев заключил, что городище не использовалось, так как по результатам произведенных раскопок культурного слоя не оказалось. В качестве особенности исследователь отметил, что на вершине горы под черноземом оказался не камень, а чистый песок. В 1973 г. городище разведочно изучалось О.В. Дьяковой [Дьякова, № 4384, № 21620]. В 1983 г. на памятнике несколько шурфов заложили О.С. Галактионов и Ю.Г. Никитин, значительно повредив жилище с каном в редуте. С 1997 по 2002 г. Куналейское городище стационарно исследовалось О.В. Дьяковой [Дьякова, № 21620]. Вскрыто более 1000 кв.м площади. Памятник многослойный, представлен эпохами мезолита, палеометалла, средневековья — мохэской, бохайской чжурчжэньской культурами (рис. 56, 1, 2; рис. 76; илл. 20).

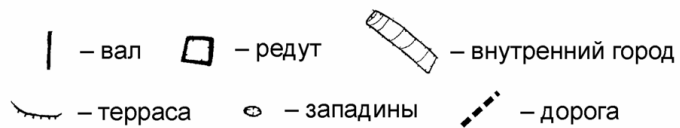

Рис. 75.
План Куналейского городища

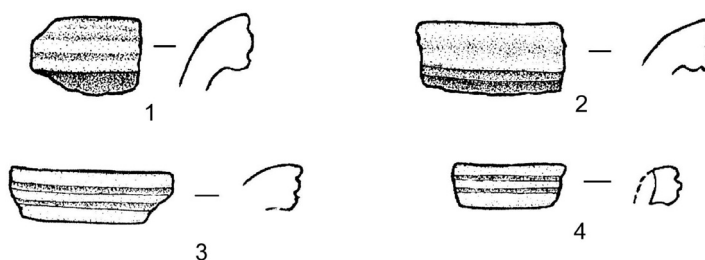

Рис. 76.
Куналейское городище: 1–4 — фрагменты венчиков бохайской керамики (категория II)

Городище расположено на вершине отрога, господствующего над долинами рек Джигитовка и Куналейка, который является естественным укреплением и ключевым пунктом в данной местности. По гребню отрога насыпаны оборони-

тельные валы, имеющие незамкнутую конфигурацию, повторяющую морфоструктуру отрога. Основной вал опоясывает сопку почти по всему периметру, прерываясь лишь в южной, пологой части горы, спускающейся к реке. Его протяженность достигает 657 м. Общая площадь городища составляет 12 га. Фортификации представлены валом и оборудованными на нем тремя башнями и одной камнеметной площадкой. С внешней стороны основного вала в 10–14 м тянется дублирующий вал протяженностью 447 м. Высота дублирующего вала 1–1,8 м. Валы разделяет глубокий ров, служивший одновременно дорогой. Вдоль северной части основного вала с внутренней стороны городища зафиксирован еще один ров, глубина которого не превышает 1,5 м. В южной, наиболее пологой части городища возведены два самостоятельных вала. Первый находится в 15 м южнее юго-восточного угла основного вала. Его длина составляет 41 м, высота — 1 м. Он продолжает дополнительный вал после разрыва на угловом повороте. Второй вал насыпан перпендикулярно склону и также продолжает основной вал после ворот. Длина второго вала 35 м, высота 0,5–1 м. Валы возведены по технике ханту. Фортификация Куналейского городища имела сложную, хорошо разработанную конструкцию, требовавшую профессиональных знаний, начиная от разметки вала на горном рельефе и заканчивая устройством бастионов, брустверов, камнеметных машин и складов с каменными снарядами. Возведение указанной фортификации безусловно связано с чжурчжэньским государством Восточное Ся. Более древние культурные слои городища, в том числе бохайский, оказались значительно повреждены. Инситуемые участки бохайского слоя представлены комплексами № 2, 15, 15-а и 20, в которых зафиксированы три жилища с разрушенной кановой системой. В комплексе № 2 пол жилища покрыт глиняной обмазкой. В указанных комплексах встречены находки, маркирующие бохайскую культуру: лепные горшки мохэского типа (категория I, вид 1), бохайские горшки когурёского происхождения (категория II, вид 1).

Вывод. Многослойный памятник Куналейское городище содержит бохайские стратифицированные комплексы, содержащие диагностирующие культуру артефакты. Аборигенный пласт представлен лепной мохэской керамикой (категория I, вид 1), государственный — бохайскими сосудами когурёского происхождения (категория II, вид 1).

Городище Красное Озеро (Тернейский район Приморского края). Расположено на левом берегу р. Джигитовка в 2 км от ее устья и бухты Джигит Японского моря. Сведения о местонахождении памятника получены от сотрудников Сихотэ-Алинского биосферного заповедника. В 1997 г. городище впервые было обследовано и снято на план В.И. Дьяковым. В 2001–2002 гг. на памятнике работала Амуро-Приморская археологическая экспедиция [Дьякова, № 4384, № 24041]. Памятник многослойный, содержит мохэский и бохайский горизонты. Городище занимает островной участок высокой поймы, примыкающий с южной стороны к заболоченной местности, с северной — к крутому склону сопки. В плане городище прямоугольной формы размером 65×55 м, ориентировано длинной стороной юго-восток–северо-запад. Высота вала 1,0–2,0 м, ширина в основании 6–7 м. Ворота в виде 6-метрового разрыва устроены в центре южного вала. С северной и западной сторон городище окружено рвом шириной 1,5–1,7 м. Внутренняя поверхность городища относительно ровная, нетеррасированная, без внутреннего

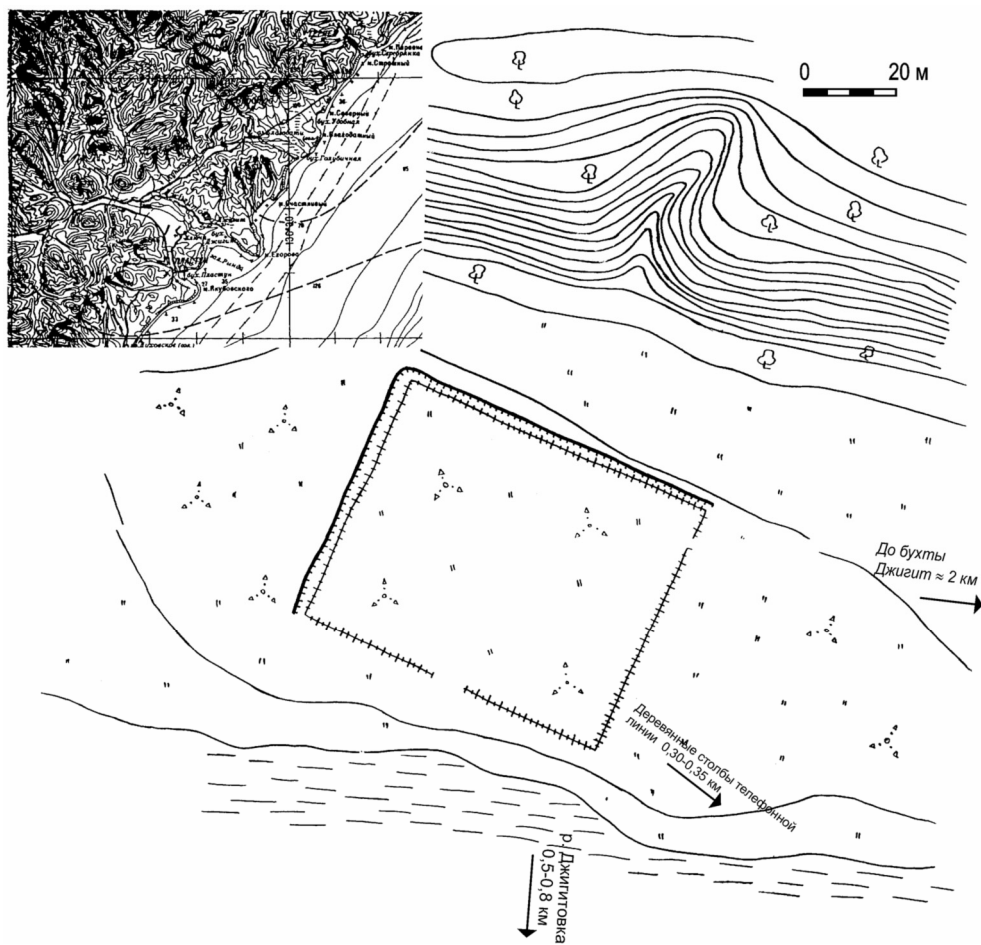

Рис. 77.
План городища Красное Озеро

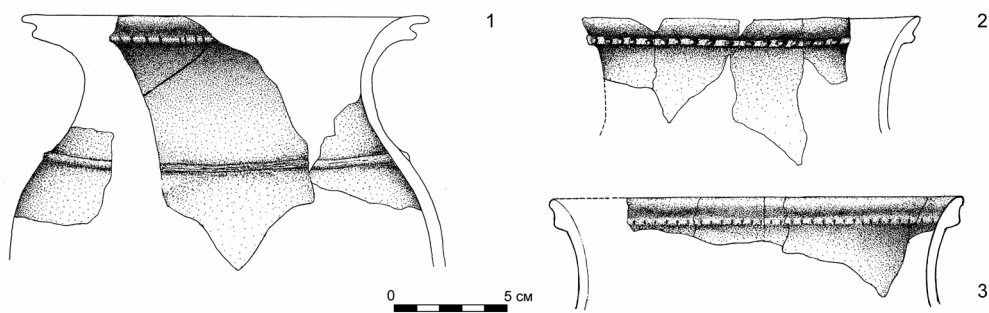

Рис. 78.
Городище Красное Озеро: 1-3 — мохэская керамика (категория I)

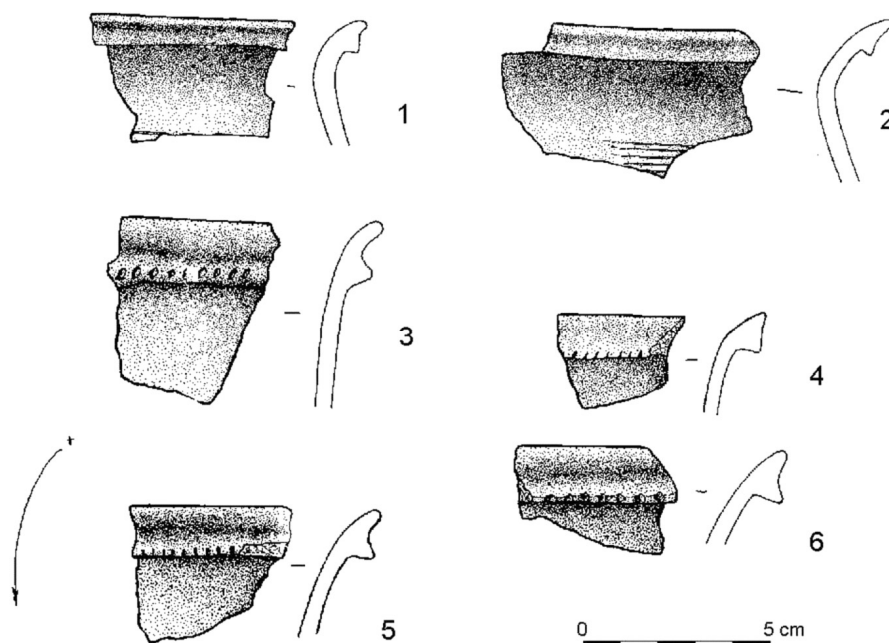

Рис. 79.

Городище Красное Озеро: 1–6 — мохэская керамика (категория I)

города. Площадь городища 0,36 га. Внутри городища поверхность поднята отсыпкой над окружающей местностью на 0,4–0,5 м (рис. 77–80; илл. 21).

Как и многие бохайские укрепления, городище Красное Озеро располагалось в болотистой местности. Подход к нему затруднен со всех сторон, а при подъеме воды невозможен. Вал городища выполнял не только оборонную функцию, но и являлся защитой от наводнений. Особенностью валов, как и на Джигитовском городище, являлся способ их возведения техникой «ханту». Жилая зона расположена внутри городища. При стационарных исследованиях зафиксирована наземная постройка колоннадного типа. Здание раскопано частично. Данное городище являлось портом, прикрываемым и охраняемым каменной крепостью Ключи, с которой были видны все бохайские городища долины р. Джигитовка — Джигитовское, Куналейское, Красное Озеро.

Обнаруженный материал представлен тремя категориями керамики: I. Лепной типично мохэской (категория I, вид 1); II. Доработанной на круге бохайской керамикой когурёского происхождения (категория II, вид 1); III. Круговой сероглиняной керамикой танских традиций со штампованными мотивами декора, присущими культуре амурских чжурчжэней и отчасти бохайской. Особенности возведения фортификационных сооружений, типовой состав материала, месторасположение и планировка городища позволяют отнести его к эпохе государства Бохай, указав на тяготение к культуре амурских чжурчжэней.

Вывод. Городище Красное Озеро по всем параметрам соответствует бохайской культуре. Аборигенный пласт в нем представлен лепной мохэской керамикой (категория I, вид 1), государственный — бохайскими сосудами когурё-

ского происхождения (категория II, вид 1), фортификационной характеристикой (долинное, прямоугольное), колоннадными зданиями. Как и на Джигитовском городище, фортификационной особенностью городища Красное Озеро является использование техники ханту для возведения валов (слоено-почвенная утрамбовка). В данном случае техника ханту является временным репером, фиксирующим конец бохайского периода и наступление киданьского, а также свидетельствующим о каком-то контроле этой территории киданями.

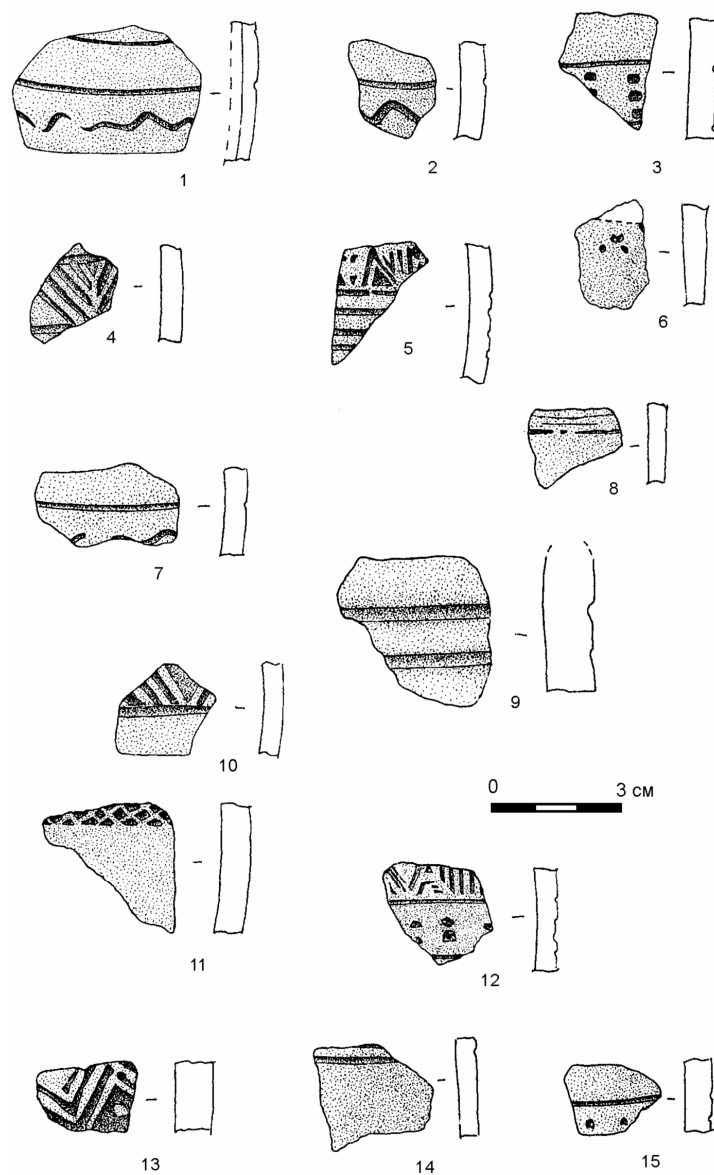

Рис. 80.
Городище Красное Озеро: 1–15 — круговая керамика (категория III)

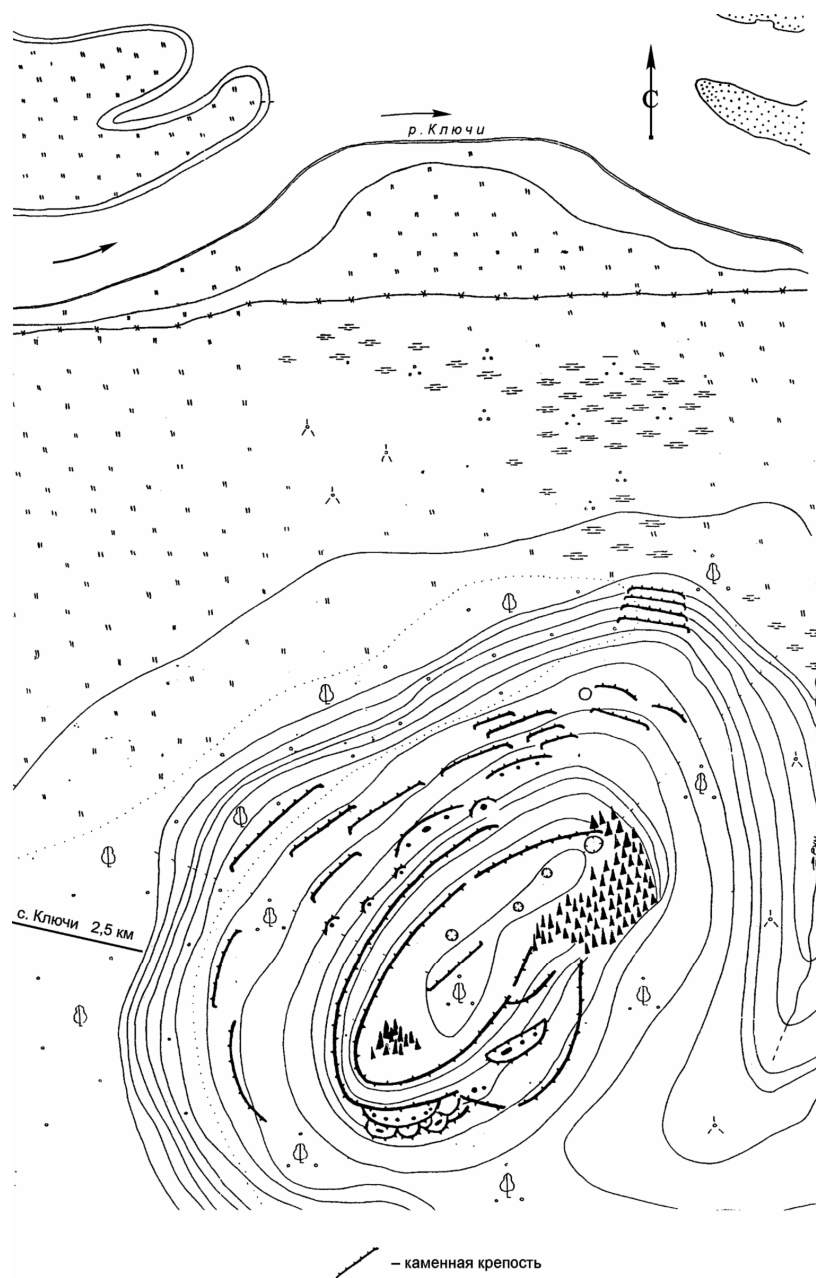

Рис. 81.
Каменная крепость Ключи

Крепость Ключи (Тернейский район Приморского края) (рис. 81, 82; илл. 22–24). Расположена в 2,5 км к востоку от бывшего поселка Ключи и в 1 км к западу от устья р. Джигитовка, по ее правому берегу. Видна с любой точки приустьевой поймы в виде каменной возвышающейся над сопкой крепости. Вершина сопки —

каменный голец. Крепость Ключи закрывает вход в бухту Джигит и р. Джигитовка. С крепости хорошо просматриваются горные и долинныя городища бассейна Джигитовки: Джигитовское, Куналейское, Красное Озеро. Крепость являлась конечной точкой сухопутной магистрали и начальной точкой морской.

Впервые крепость обследована В.К. Арсеньевым в 1907 г. Исследователь писал в своем полевом дневнике: «Осмотренное укрепление в свое время было на самом берегу моря. Раскопки проводились близ вала с внутренней его стороны. Оно имеет многоярусную оборону». И далее: «Всюду для стрелков в шахматном порядке по склону с северной и западной стороны построена каменная защита. Дорога проложена уступами. Крепость возведена маньчжурами при их продвижении в начале XVIII в.» [Арсеньев, д. 8].

В 1973, 2002, 2012, 2013 г. крепость Ключи разведочно изучалась Амуро-Приморской археологической экспедицией [Дьякова, 1993, № 4384; 2002, № 24041].

В настоящее время крепость окружена двойным рядом каменных валов, достигающих 2-метровой высоты. Валы по периметру не замкнуты с северо-восточной стороны. Северо-западный и юго-западный склоны сопки укреплены короткими рядами каменных кладок — брустверов, начинающихся ниже второго вала и заканчивающихся на севере у подножия сопки. Насчитывается 20 отдельных каменных кладок. Стены выложены из скального камня-плитняка без какой-либо связки. В крепости заложен шурф 2×2 м, выявивший два культурных слоя: лидовский эпохи палеометалла и бохайский эпохи средневековья. В коллекции бохайского слоя содержится лепная мохэская посуда (категория I, вид 1) и многочисленные фрагменты керамики, доработанной на круге (категория II, вид 1), т.е. бохайские горшки когурёского происхождения с прочерченными горизонтальными бороздами на налипном валике и плечиках (рис. 82).

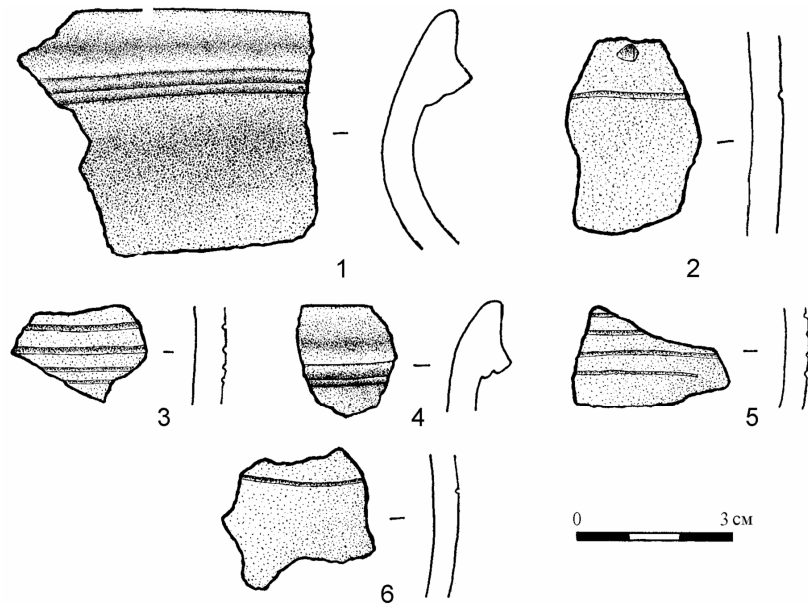

Рис. 82.

1–6 — Мохэская керамика (категория I) крепости Ключи

Крепость сооружена в эпоху государства Бохай. Каменная кладка укрепления восходит к когурёским традициям, что связано с вливанием в государство Бохай части населения Когурё, принесшей свои строительные приемы для возведения крепостей.

Вывод. Крепость Ключи — многослойный памятник, использовавшийся в качестве форпоста в разные эпохи. Безусловно, она играла большую роль в жизнедеятельности государства Бохай, поскольку не только охраняла портовое городище Красное Озеро и контролировало вход в бухту Джигит, но и являлась конечным пунктом сухопутной магистрали (от перевального городища Поднебесное до порта Красное Озеро). Материалы, полученные при раскопках, по всем параметрам соответствуют бохайской культуре. Аборигенный пласт представлен лепной мохэской керамикой (категория I, вид 1), государственный — бохайскими сосудами когурёского происхождения (категория II, вид 1) и военным зодчеством в виде каменной крепости.

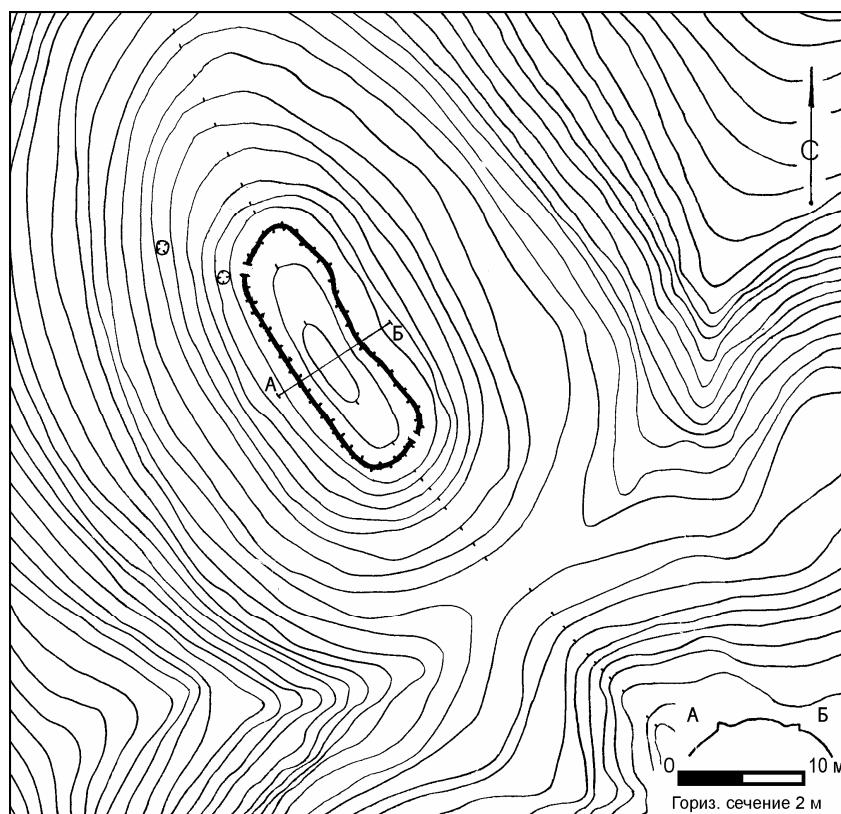

Рис. 83.
Каменная крепость Заболоченная («Алтарь»)

Крепость Заболоченная («Алтарь») (Тернейский район Приморского края). Расположена в 14 км к северо-западу от центра поселка Терней по левому борту р. Заболоченная в 3 км выше ее впадения в р. Серебрянка на высокой каменной

сопке-гольце (рис. 83; илл. 25). Впервые обследована и снята на план В.И. Дьяковым в 1997 г. В 2001 г. на крепости работала Амуро-Приморская археологическая экспедиция [Дьякова, № 21620].

Склоны сопки состоят из каменистых осыпей, вершина по периметру обложена каменистым валом подпрямоугольной формы размером 165×45 м. Площадь укрепления 0,75 га. Длинной стороной городище ориентировано на северо-запад. Валы сложены из плоских камней без цементирующей связки. С внешней стороны стена вала вертикальная высотой до 1,2 м. С внутренней стороны стена сливается с плоской поверхностью вершины. Ширина вала 1,8–2 м. Городище имеет два входа в виде разрывов вала, расположенных на меньших по размерам сторонах укрепления. Ширина стенок 1,2 м. Внутри городища каменистая незадернованная поверхность.

На склоне сопки около входа в городище с северной стороны зафиксированы 2 западины со следами каменной кладки по верхней кромке ям. В плане западины округлой формы размером 1,5×2 м, глубиной 0,3 м.

Находок не обнаружено.

Городище явно выполняло функцию сторожевой крепости. Подойти к ней незамеченным невозможно. Из крепости хорошо обзревается вся долина р. Заболоченная. Среди жителей поселка Терней памятник известен как крепость на р. Майса.

Вывод. Крепость Заболоченная «Алтарь» по своей характеристике соответствует когурёским каменным крепостям и явно возведена во времена Бохая для контроля проходившей здесь сухопутной магистрали и защиты долинных городищ.

Вал в устье р. Заболоченная (Тернейский район Приморского края). Расположен на вершине уплощенного склона напротив места впадения р. Заболоченная в р. Серебрянка, в 1,5 км от поселка Артемово. Обнаружен и исследован в 1997 г. В.И. Дьяковым. В плане вал Г-образной формы. Сложен из скальных камней. Длинной стороной ориентирован на юг. Длина южной стороны вала 20 м, северной — 15 м, высота вала 30–40 см. Культурный слой отсутствует [Дьякова, № 21620].

Вывод. Вал в устье р. Заболоченная, вероятнее всего, сооружен в бохайское время для защиты и охраны территории.

Крепость Шмырков Ключ (Тернейский район Приморского края). Расположена на одном из отрогов горного хребта Сихотэ-Алинь, нависающего над ключом Шмыркова, впадающим с правой стороны в р. Серебрянка. Укрепление находится в 10–12 км к западу от поселка Терней, почти напротив аэропорта, и давно известно среди местных жителей как каменная крепость. На ней до сих пор часто бывают отдыхающие. Есть сведения, что в 50–70-е годы прошлого столетия там собирали голубые стеклянные (пастовые) бусины. В настоящее время подходы к крепости затруднены из-за бездорожья. Внизу у подножия сопки располагаются сенокосные поля Дарменовых. Впервые укрепление обследовано в 1997 г. В.И. Дьяковым, повторно в 2001 г. — Амуро-Приморской археологической экспедицией [Дьякова, № 21620].

Крепость занимает вершину сопки-гольца. Конфигурация валов повторяет естественный рельеф сопки. Первый вал, дугообразно охватывающий южную сто-

рону сопки, в плане незамкнут, построен по принципу террас. С внешней стороны его высота достигает 7,5 м. С внутренней стороны вала проходит дорога, спускающаяся вниз. Длина вала составляет около 200 м. В его южной части прослеживаются ворота в виде 3-метрового разрыва. У ворот дорога разветвляется, один участок тянется вдоль вала, второй проходит через ворота и спускается вниз (рис. 84; илл. 26).

Рис. 84.
Каменная крепость Шмырков Ключ

Вторая линия валов в плане имеет замкнутый контур в виде неправильного многоугольника. Длина вала по его периметру достигает 280 м. Площадь укрепления 0,49 га. Высота внешней стороны второй линии вала с южной стороны составляет 6 м. С его внутренней стороны вдоль восточного участка прослеживает-

ся продолжение дороги, серпантинном поднимающейся от первой линии вала через, видимо, ворота северо-северо-восточного угла ко второй линии.

Южный и западный участки второй линии вала дугообразно соединяются третьей 140-метровой линией вала, образуя внутри замкнутую фигуру.

Уплощенную макушку сопки опоясывает четвертая замкнутая линия валов, в плане имеющая форму вытянутого овала. Периметр валов четвертой линии 135 м. Высота четвертой линии валов, как и третьей, не превышает 6 м.

На северной и южной оконечностях четвертой линии валов, на южных участках первой и второй линий зафиксированы «каменные гнезда», сложенные из плитняка. Валы сложены из камня-плитняка без цементирующей связи.

По строительным конструкциям крепость на Шмырковом Ключе аналогична крепостям на р. Заболоченная и Ключи [Дьякова, 2009, с. 98–102].

Вывод. Каменная крепость Шмырков Ключ восходит к когуреским традициям и возведена для контроля над проходившей здесь сухопутной магистралью. Вероятнее всего, она возведена в бохайское время и использовалась в качестве наблюдательного пункта и в более поздние времена.

Городище Малая Кема (Тернейский район Приморского края). Расположено на побережье Японского моря, на левом берегу в устье р. Малая Кема, в 3 км к северо-востоку от с. Малая Кема. Обнаружено, обследовано и снято на план В.К. Арсеньевым в 1907 г. В плане имеет форму прямоугольника 36,7×45,4 м (17×21 сажень) площадью 1,6 га, ориентированного длинными сторонами северо-восток–юго-запад. Вал сложен из камней, собранных на берегу моря. Валы, обращенные к морю и реке, однорядные и не имеют рва. Другие две стороны имеют второй, внешний ряд, сложенный из насыпного грунта и отделенный рвом. В юго-восточном углу укрепления однорядные валы плавно примыкают друг к другу. В данном месте расположен вход. При разведочных работах культурный слой и находки не обнаружены, что позволило В.К. Арсеньеву первоначально предположить, что после постройки укрепление не использовалось. При повторных исследованиях, проведенных В.К. Арсеньевым в 1908–1909 гг., найдены «черепки глиняной посуды», внесены поправки в схему укрепления, отмечено вероятное направление дороги, проходящей через вход в укрепление.

В 2001 г. Амуро-Приморской археологической экспедицией проведено обследование местности в устье р. Малая Кема. Городище оказалось значительно разрушенным, на поверхности прослеживались только следы каменных параллельных валов, образующих подпрямоугольную форму [Дьякова, 2009, с. 115–123].

Вывод. Городище Малая Кема по фортификационной характеристике соответствует бохайским долинным городищам и, видимо, являлось портом.

Городище Усть-Ильмо (Тернейский район Приморского края). Расположено в 150 м от правого берега Кемы, в 0,5 км к западу от устья р. Тальниковая, в 17 км к северо-западу от поселка Великая Кема, в 14 км от трассы Терней — Малая Кема. Впервые обследовано и снято на план в 1907 г. В.К. Арсеньевым. В 1992 г. план укрепления зафиксировал В.Г. Квашин. В 2001 г. на городище побывали «черные археологи», оставившие после себя траншею и следы работы металлоискателем. В 2002 г. на городище работала Амуро-Приморская археологическая экспедиция, сделавшая топографическую съемку памятника и зачистку поврежденной западины (рис. 85).

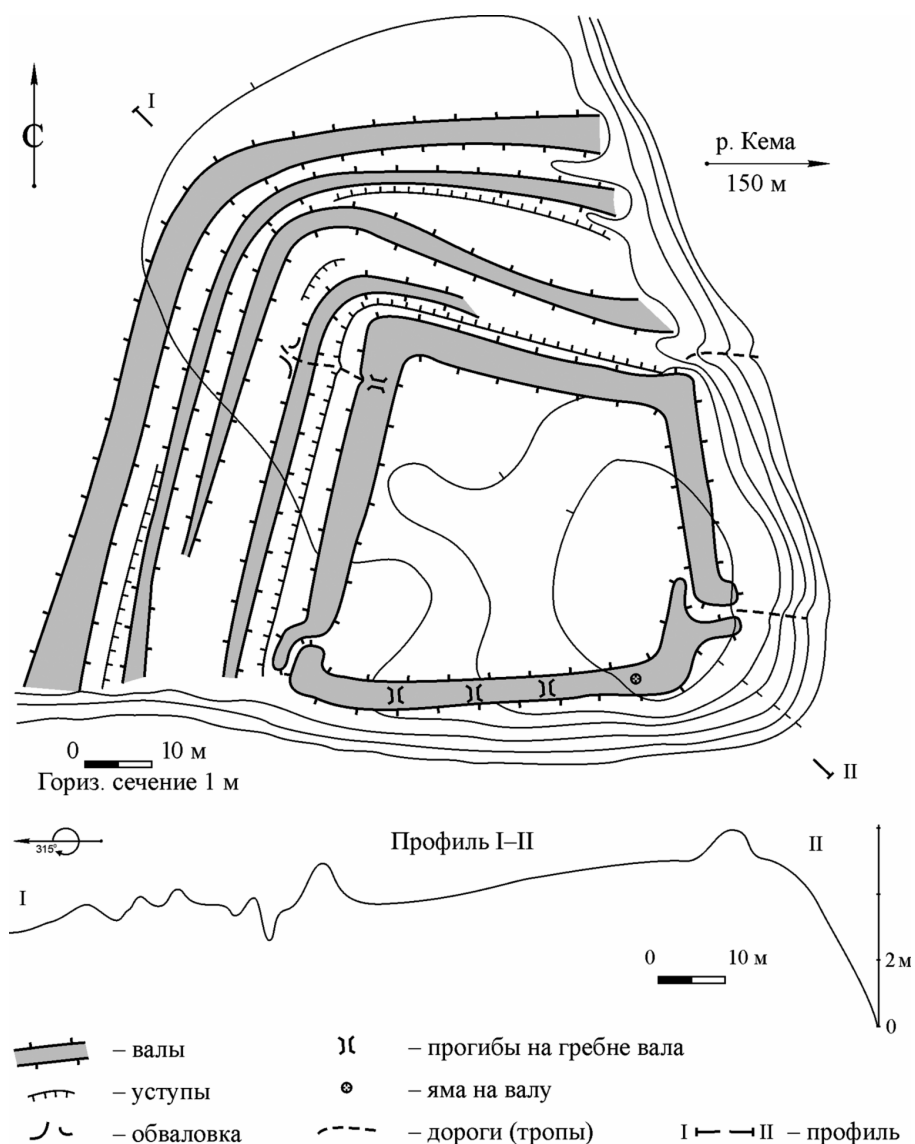

Рис. 85.
План городища Усть-Ильмо

Городище находится на высокой (10-метровой) террасе, подрезанной с восточной стороны лесовозной дорогой почти до самого вала. Укрепления памятника жестко вписаны в геоморфологическую структуру местности. Южная и восточная стороны террасы крутые, поэтому валы здесь одинарные. Северная и западная стороны террасы ровные, без естественной защиты. Памятник в данном месте укреплен четырьмя дугообразными валами и рвами, построенными параллельно юго-западному углу. По периметру основной вал замкнут и представляет почти квадратную форму с длиной сторон в 50 м. Площадь укрепления 0,25 га.

Городище имеет два входа, противоположных друг другу, построенных на восточной и западной оконечностях южного вала, т.е. восточные и западные ворота. Ширина ворот 1 м, глубина — 0,25–0,3 м. К восточным воротам подходит дорога. Ворота оформлены Г-образным тамбуром. Вторая дорога поднимается по склону террасы к северо-восточному углу укрепления. Южный вал имеет три прогиба и одну яму размером 0,5×0,7 м. Внутренняя поверхность городища понижается к западу на 2 м. На ней фиксируются многочисленные бугорки и углубления площадью 15–25 кв.м. Зачистка стенки обнажения выявила следующую стратиграфию: дерн мощностью 0,1–0,15 м; светло-коричневый суглинок мощностью 0,3–0,4 м, культурный слой; каменный цоколь. В светло-коричневом суглинке залежали фрагменты бохайской керамики.

Вал внутреннего замкнутого укрепления состоит из крупных, не подогнанных плотно друг к другу каменных валунов размером 10×20; 40×30; 50×30 см. В нескольких местах на нем прослеживается грубая каменная кладка. Высота вала внутреннего укрепления неодинаковая. Северная и западная стороны достигают 0,3–0,5 м, восточная — 0,9 м. Ширина основания вала — 5–7 м. Вершина вала плоская, ее ширина 1–1,5 м. Дополнительные валы возведены из грунта и камней. Основной (замкнутый) вал отделен от первого вала площадкой и рвом глубиной 0,5 м. Третий и четвертый валы насыпаны между уступами террасы. Их высота — 0,3–0,6 м. Ширина основания третьего вала составляет 2–4 м, четвертого — 7 м [Дьякова, 2009, с. 116–117].

Вывод. Городище Усть-Ильмо по фортификационной характеристике соответствует позднебохайской и постбохайской традиции. Вероятно, функционировало в конце Бохая и после его разгрома.

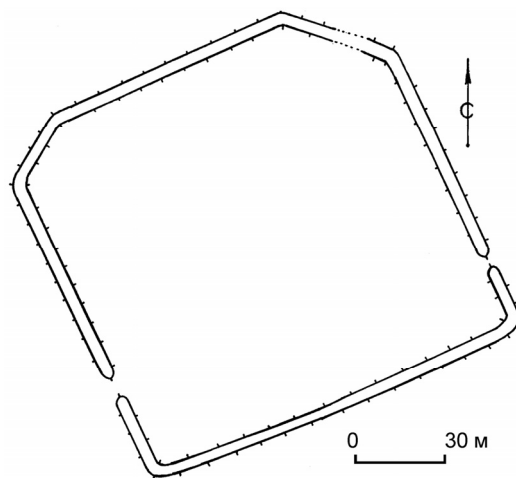

Рис. 86.
План городища Кемское-Долинное

Городище Кемское-Долинное (Тернейский район Приморского края). Расположено по левому берегу р. Кема, в 1,5 км выше устья, на территории с. Великая Кема. Впервые укрепление обнаружено и снято на план в 1907 г.

В.К. Арсеньевым. В 2001 г. городище обследовано Амуро-Приморской археологической экспедицией [Дьякова, 2001, № 487]. Укрепление находится в долине реки, между левым берегом и сухим руслом р. Кема. В плане имеет форму квадрата со срезанными углами в северной части (рис. 86). Длина стороны 130 м, площадь 1,7 га. Ориентировано не по странам света, а по направлению берега реки. По центру северного, западного и восточного валов располагаются три входа. Ширина входов 5–7 м. Валы сложены из валунов и крупной гальки. Высота вала 1–1,5 м, с северо-западной стороны — 2 м, ширина вала в основании 5 м. Вершины валов уплощены, достигают 1 м. Внутри городище неоднократно застраивалось, что привело к разрушению фортификации. Зачистка культурного слоя не выявила материала. С поверхности собран фрагмент недиагностируемой керамики, хотя В.А. Татарниковым, посещавшим это городище в 80-х годах прошлого века, был найден фрагмент венчика лепного мохэского сосуда [Дьякова, 2009, с. 116–117].

Вывод. Городище Кемское-долинное по фортификационной характеристике соответствует позднебохайским традициям. Видимо, использовалось и в более позднее время. По своему назначению, вероятнее всего, являлось портом.

Городище Кемское-Морское (Тернейский район Приморского края). Расположено у моря на правом берегу в устье р. Великая Кема. Обнаружено, обследовано и снято на план В.К. Арсеньевым в 1908–1909 гг. В плане имеет подпрямоугольную форму. Ориентировано длинными сторонами в направлении север–юг. В.К. Арсеньев писал: «В 2-х верстах от этой крепости к западу–юго-западу на вершине горы есть три ямы. При более близком осмотре их выяснилось, что древние обитатели добывали здесь плитняковый камень для своих жилищ» [Арсеньев, 1908, ф. 14]. По рассказам китайцев, записанным В.К. Арсеньевым, «на р. Такэма в давние времена с юга пришли какие-то люди и построили крепости около устья и ушли. Спустя опять много лет, пришли какие-то солдаты в числе 20 человек. Они недолго пробыли здесь, оставили 10 человек, а остальные ушли. Все были вооружены мечами, копьями и стрелами». Тогда на рассвете к ним подкрались орочи и всех перестреляли из луков. Только два солдата спаслись, бросились в реку, переплыли на другой берег и убежали. С тех пор никакие люди «на Такему больше не приходили» [Арсеньев, 1908, ф. 14].

В 2001 г. Амуро-Приморской археологической экспедицией проведено обследование этой территории. Городище оказалось полностью разрушено военными постройками [Дьякова, 2009, с. 116–117].

Вывод. Городище Кемское-Морское по фортификационной характеристике соответствует бохайским традициям. Городище явно было известно и в более поздние времена и использовалось в качестве охранно-сторожевого пункта, контролировавшего вход в устье р. Кема со стороны бухты Штормовая Японского моря и проходившую здесь сухопутную дорогу.

Укрепление Яшу (Тернейский район Приморского края). Расположено в 1,5 км от Японского моря между реками Лосиха (Яшу) и Утесная (Найны), на вершине хребта, проходящего к р. Пещерная (Кулумбэ). Обнаружено и снято на план В.К. Арсеньевым в 1908–1909 гг. В плане прямоугольной формы, по периметру около 475,2 м (220 сажень). Площадь — 1,4 га. Крепость построена на осыпи, валы сложены из камня. Местами фиксировалась кладка. Вал с внешней стороны

имел вертикальные стенки высотой до 2,16 м (1 сажени). По наблюдениям В.К. Арсеньева, «...крепость была построена около дороги, и дорога проходила через седловину, по хребту, на р. Кулумбэ» [Арсеньев, 1909, ф. 14].

Вывод. Городище Яшу — это перевальное горное каменное укрепление прямоугольной формы, предназначенное для охраны и контроля дорожно-транспортной магистрали, ведущей к береговой линии Японского моря. Несмотря на то, что диагностирующие материалы отсутствуют, данное укрепление с большой долей вероятности может быть сооружено именно бохайцами. Косвенно это подтверждают когурёские фортификационные традиции.

Укрепление Малая Карыма (Тернейский район Приморского края). Расположено в 6,5 км к северо-востоку от поселка Амгу, в 150 м от скального берегового обрыва в Японское море. Первое упоминание об укреплении содержится в полевом дневнике В.К. Арсеньева 1908–1909 гг. На схематическом плане местности, расположенной между селами Амгу и Соён, вблизи береговой линии отмечена крепость.

В 1992 г. памятник обследовал В.Г. Квашин [Квашин, 1992]. Согласно информации исследователя, в плане укрепление пятиугольной формы. С южной стороны валы сложены из камня и почвы на гребнях склона. Высота вала с внешней стороны достигает 6 м. Вал состоит из двух участков, разделенных 2-метровым проходом. Южный вал разделен 4-метровым проходом на два фрагмента длиной 30 и 20 м. С северной стороны вал также разорван проходом длиной 10 м на два фрагмента (80 и 75 м). Северо-восточный вал земляной, имеет проход длиной 10 м. Северо-западный вал из камня с землей высотой до 3 м. На стыке северо-западного и юго-западного фрагментов вала фиксируется округлая насыпь с плоской вершиной. Общая площадь укрепления около 0,1 га.

В 2001 г. местность обследована Амуро-Приморской археологической экспедицией. Укрепление Малая Карыма находится на небольшом перевале. На поверхности отмечены слабо выраженные валы, фиксирующиеся по южному борту перевала и проходящие по кромке уступа склона. Валы каменные в виде задернованных насыпей, в большинстве случаев с внешней стороны сливаются с поверхностью склона, в отдельных местах — со скальными выходами коренных пород. Высота валов с внутренней стороны редко достигает 0,3 м. В южной части, вдоль небольшого участка по обрыву, под валом видны следы дороги [Дьякова, 2009, с. 139].

В плане валы П-образной формы, незамкнутые, с двумя воротами в виде 3-метровых разрывов. Археологический материал не обнаружен.

Вывод. Городище Малая Карыма — перевальное горное укрепление, предназначенное для охраны и контроля береговой линии Японского моря, т.е. морской границы. Несмотря на то что диагностирующие материалы отсутствуют, данное укрепление с большой долей вероятности может быть сооружено именно бохайцами. Из письменных источников известно, что у бохайцев было развито активное морское судоходство и они регулярно совершали морские вояжи дипломатического, торгового и военного характера.

Укрепление Караминский Хребет (Тернейский район Приморского края). Расположено в 10 км севернее с. Амгу, на перевале Караминского хребта, между долинами рек Амгу и Соён, в 1,5 км от морского побережья. Впервые обнаруже-

но и снято на план В.К. Арсеньевым во время экспедиций 1908–1909 гг. Сохранилась информация: «Крепость находится на самом перевале на вершине горы. Рвы примыкают как всегда к круче. Эти крутые склоны обращены к морю. Море находится в расстоянии одной версты. Конфигурация укрепления неправильной формы, подчинена особенностям рельефа. Вал со рвом во внутренней стороне укрепления опоясывает возвышенность со всех сторон, кроме крутого склона, обращенного в сторону моря. Вал отсыпан грунтом вниз по склону при сооружении рва. Ширина рва 5 сажень, глубина 2 сажени. На отрезке вала, примыкающего к обрыву, расположен вход. Общая протяженность вала 510 сажень» (1071 м) [Арсеньев, 1909, ф. 14].

Вывод. Городище Караминский хребет представляет собой горное укрепление, предназначенное для охраны и контроля береговой линии Японского моря. Несмотря на то, что диагностирующие материалы отсутствуют, данное укрепление с большой долей вероятности может быть сооружено бохайцами, поскольку именно с Бохаем было связано активное морское судоходство, позволявшее им регулярно посещать островные, полуостровные государства

Укрепление Сеселевское (Тернейский район Приморского края). Расположено в верховьях р. Живописная (на р. Сеселевка) в 11 км к северо-востоку от с. Амгу. Впервые обнаружено и снято на план В.К. Арсеньевым в 1908–1909 гг. По характеристике исследователя укрепление «...имеет пятиугольную форму и расположено на горе, которая падает к востоку отвесными скалами. Эти скалы местами превратились в осыпи. Осыпи находятся и у подножия горы. Высота общая около 100 метров. Валы сложены из камней, взятых с осыпи. Валы хорошо сохранились с южной стороны и с западной. С севера и с востока вал примыкает к круче и к утесам, как к естественным уже преградам» [Арсеньев, 1908, ф. 14]. В 2001 г. городище обследовала О.В. Дьякова [Дьякова, 2001].

Вывод. По фортификационной характеристике Сеселевское городище относится к каменным городищам горного типа. Безусловно, оно использовалось как охранно-сторожевая крепость, контролировавшая дорогу. Не исключено, что городище двухслойное (палеометалл и средневековье). Форма и структура валов позволяют условно включить его в число бохайских памятников.

Городище Соёньское (Тернейский район Приморского края). Расположено в 11 км к северо-востоку от поселка Амгу по левому берегу р. Живописная (Соён), в 2 км выше ее устья на вершине скалистой сопки. Впервые городище обследовано В.К. Арсеньевым в 1907 г., в 1908–1909 гг. им повторно снят план и проведены раскопки, при которых в слое отмечен палеолитический и неолитический материал. Исследователь писал: «Низовья долины реки Соёна ничто иное как бухта, об этом свидетельствуют и болота в долине. На мысу была стоянка, что вполне естественно. Уже впоследствии на месте стоянки была построена крепость. Раскопки дали каменные орудия палеолитического века, скребки, топорики и сколки. Вместе с ними перемешаны были и неолитические каменные изделия» [Арсеньев, 1907, ф. 14].

В 1992 г. городище снято на план В. Квашиным [Квашин, 1992, № 18262]. В 2001 г. разведочные работы проведены Амуро-Приморской археологической экспедицией (рис. 87) [Дьякова, 2001, № 487].

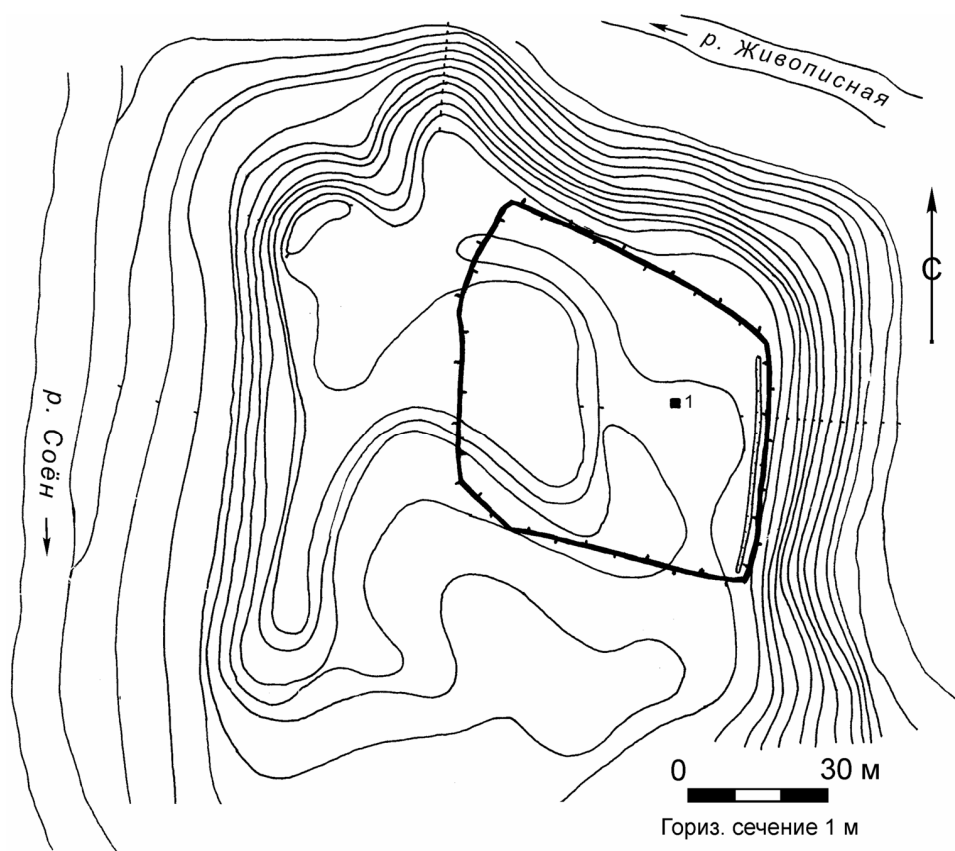

Рис. 87.
План городища Соёньское

Городище имеет подпрямоугольную, близкую к квадратной форму. Длина северного, западного и южного валов 65 м, длина восточного вала 50 м. Общая площадь 0,33 га. Каменные валы с земляной засыпкой проходят по склонам сопки. Высота вала с внешней стороны достигает 0,3–0,4 м, в отдельных местах сливается с крутым падением склоновой поверхности. Высота вала с внутренней стороны редко достигает 0,5 м. С западной стороны городища в основании вала фиксируется подпорная каменная кладка. С восточной, внутренней, стороны к валу примыкает ров. Ширина рва до 4–5 м, глубина достигает 1 м.

Вывод. Городище Соёньское, вероятнее всего, многослойное. Само укрепление, судя по четырехугольной форме, структуре валов, отсутствию внутреннего города, террасированности, более соответствует бохайским фортификационным приемам. Условно данный памятник можно отнести к бохайской культуре.

Городище Кузнецовское (Тернейский район Приморского края). Расположено в 3 км к юго-западу от бывшего поселка Кузнецова, на террасовидном отроге сопки, по левому берегу одноименной реки (рис. 88; илл. 27).

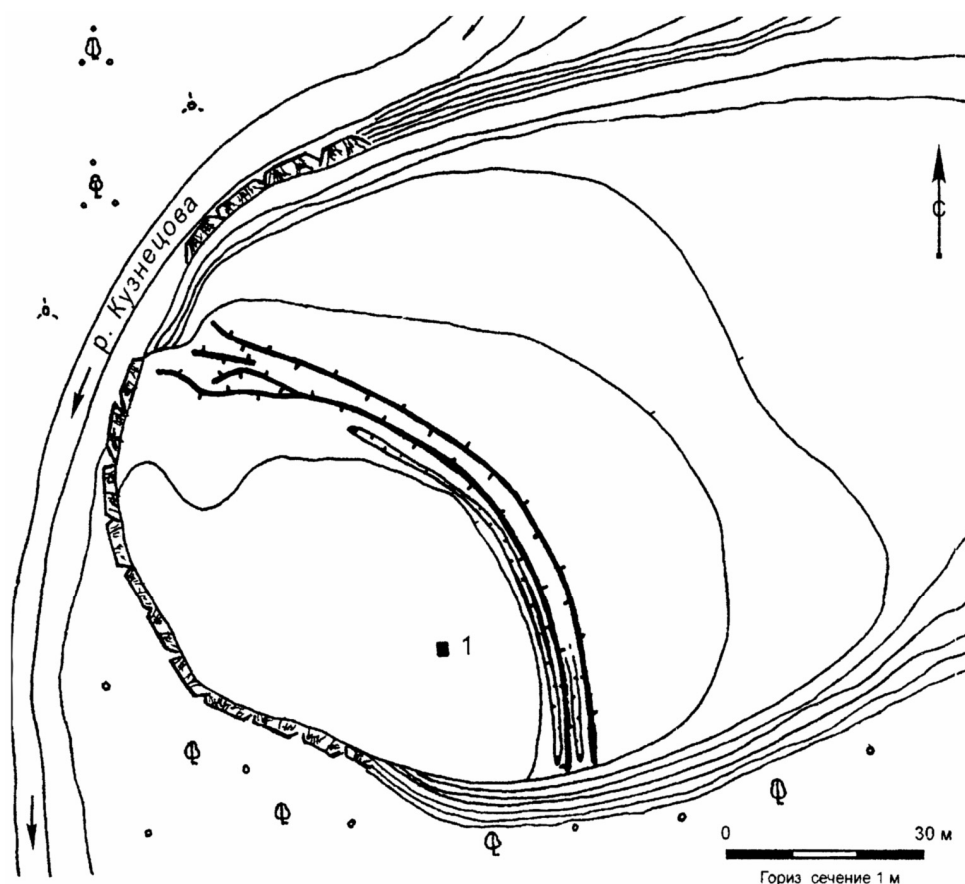

Рис. 88.
План городища Кузнецовское

В 1908–1909 гг. впервые зафиксировано и снято на план В.К. Арсеньевым [Арсеньев, ф. 14]. В 1984 г. городище обследовано В.А. Татарниковым [Татарников, 1984, № 10599]. В 1997, 2001 и 2003 г. Кузнецовское укрепление изучалось Амуро-Приморской археологической экспедицией [Дьякова, 2001, № 487]. Укрепление занимает высокий скалистый отрог. С двух наиболее доступных сторон — северной и восточной — оконечность отрога отгорожена двумя рядами земляных валов. С западной и восточной сторон городище имеет естественную защиту в виде обрывистых скал. В плане валы дугообразной формы протяженностью 95–100 м. В северной оконечности валы раздваиваются, пространство между ними расширяется, образуя укрепленный вход. С внутренней стороны вала и частично между валами проходит ров. Высота внешнего вала 1 м, внутреннего — 1,5 м. Ширина валов в основании 2,5 м. Ширина рвов 2–2,5 м, глубина — 0,2–0,4 м. Внутри городища встречаются округлые в плане западины диаметром 2,5; 3; 4 м. Исследования выявили двуслойность памятника. Нижний культурный слой, представленный светло-коричневым суглинком, принадлежит лидовской культуре эпохи палеометалла. Верхний культурный слой, представленный черным

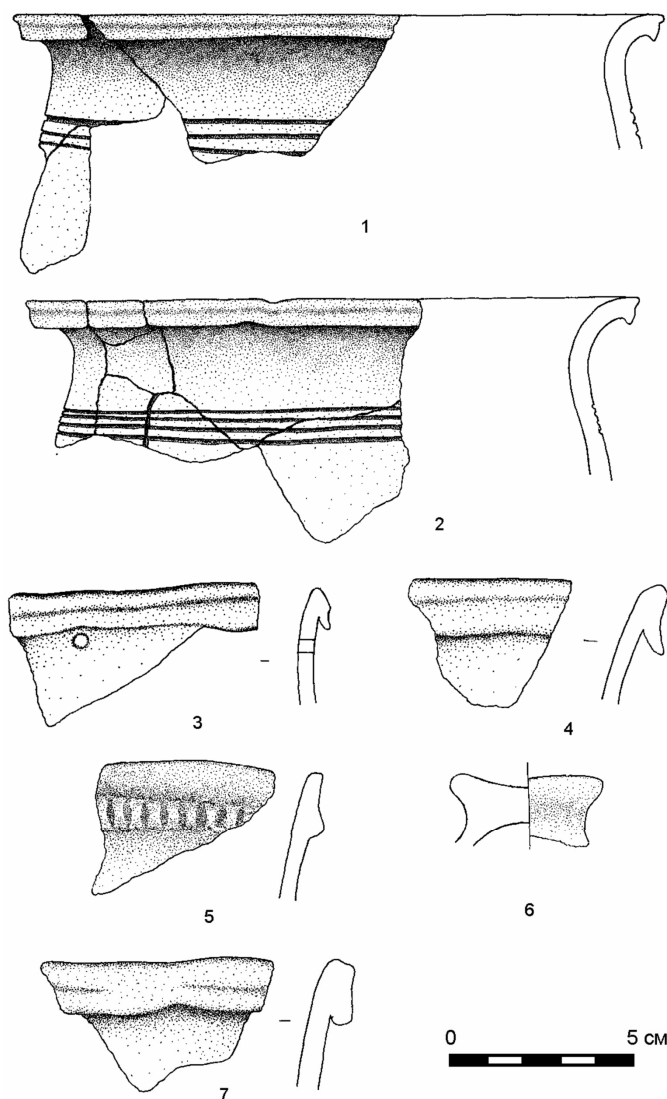

Рис. 89.

Кузнецовское городище: 1–2 — бохайская керамика (категория II);
3–7 — мохэская керамика (категория I)

гумусом и достигающий мощности 10–60 см, относится к мохэ-бохайской культуре, с которой связана постройка данного укрепления. Коллекция этого слоя представлена лепными горшками мохэского (категория I, тип 1) и бохайского типов (категория II, тип 1) (рис. 89). Разрез вала выявил простую однородную стратиграфию, представленную мягкой черной почвой. Площадь укрепления 0,7 га.

Вывод. Городище Кузнецовское по материалу соответствует бохайской культуре. Аборигенный пласт в нем представлен лепной мохэской керамикой (ка-

тегория I, вид 1), государственный — бохайскими сосудами когурёского происхождения (категория II, тип 1). Своеобразной является фортификация, представленная мысовым видом укреплений с земляными валами.

Городище Оазис (Тернейский район Приморского края). Расположено в 7 км к северу от поселка Кузнецова, на морской террасе, в 2 км к югу от устья р. Бурливая. С южной и западной сторон терраса замкнута крутыми склонами г. Алента, с восточной — морем. С северной стороны защищена двумя рядами параллельных валов.

В 1984 г. памятник обследован В.А. Татарниковым. Полученный материал представлен керамикой мохэского типа [Дьякова, 2009, с. 154].

Вывод. Городище Оазис однозначно содержит аборигенный пласт в виде лепной мохэской керамикой (категория I, вид 1). Есть ли там бохайский материал — неизвестно. Поэтому памятник можно только условно включить в число бохайских, но, вероятнее всего, это мохэсцы, контролировавшие вход на территорию со стороны моря.

Укрепление Усть-Пея (Тернейский район Приморского края). Расположено на северо-западном склоне сопки, в 300–400 м к юго-западу от устья р. Пея. Высота над уровнем моря до 40 м. По пологому склону проложен большой ров длиной 60 м, шириной 7–8 м. С юго-западной стороны от рва возведен вал из камня и сыпучего грунта. Высота вала до 5 м. Ниже по склону, в 20 м, параллельно ему проходит двойной ров с валами. Длина рва 20 м, ширина — 2 м, глубина — до 1 м. Еще ниже, также параллельно, тянется еще один ров с валом. Вдоль обрывистого склона сопки фиксируются западины. Укрепление обнаружено в 1992 г. В. Квашиным [Дьякова, 2009, с. 155].

Вывод. Укрепление Пея из-за отсутствия материала и своеобразной фортификации к бохайской культуре можно отнести условно.

Городище Единкинское (Тернейский район Приморского края). Расположено в 1 км к юго-западу от аэропорта поселка Единка, на склоне сопки по правому берегу одноименной реки. В плане укрепление П-образной формы, с трех сторон отгорожено двойным рядом валов. Сторона склона, не защищенная валом, крутая и обрывается в реку. Валы насыпные, высотой 3–5 м. Впервые памятник обследован в 1984 г. В.А. Татарниковым [Татарников, 1984, № 10599]. В 2006 г. городище обследовано В.И. и О.В. Дьяковыми [Дьякова, 2006, № 611].

Вывод. По фортификационной характеристике укрепление может быть бохайским, но поскольку материал отсутствует, включить его в число бохайских памятников можно только условно.

Рудниковские курганы (Уссурийский район). Расположены на левом берегу р. Раковка, в приустьевой части безымянного ручья — притока реки, в 7 км северо-западнее с. Раковка, в 0,8 км к юго-западу от оз. Рудниково. В 2004 г. открыты Ю.В. Кривулей. Сооружены на северо-восточной оконечности 3–4-метрового выступа первой надпойменной террасы, окруженной с востока и северо-востока заболоченной поймой реки. Зафиксировано два земляных кургана овальной формы размерами 14×20 м и 6×9 м. Высота насыпи 1–2,2 м. Ориентированы северо-запад-юго-восток. «На вершине каждого кургана в горизонтальном положении

расположено по овальному плоскому камню из желто-серого гранита. По четыре камня из этого же материала отмечены по сторонам света, с незначительным смещением на северо-запад, вокруг подножия кургана. Размеры камней от 0,7 до 2 м. Вокруг курганов имеется ограда из камней желто-серого гранита прямоугольной формы (размеры ограды 40–45 на 60–70 м). Камни в ограде расположены в среднем в 10–12 м друг от друга. Часть из них зафиксирована в вертикальном положении. Размеры камней в ограде составляют от 0,5 до 1,5 м» [Кривуля, 2010, с. 123]. По погребальному сооружению близки курганам Кроуновского анклава. Предварительно курганы датированы эпохой средневековья и отнесены к бохайскому времени.

Вывод. Рудниковские курганы условно отнесены к бохайской культуре.

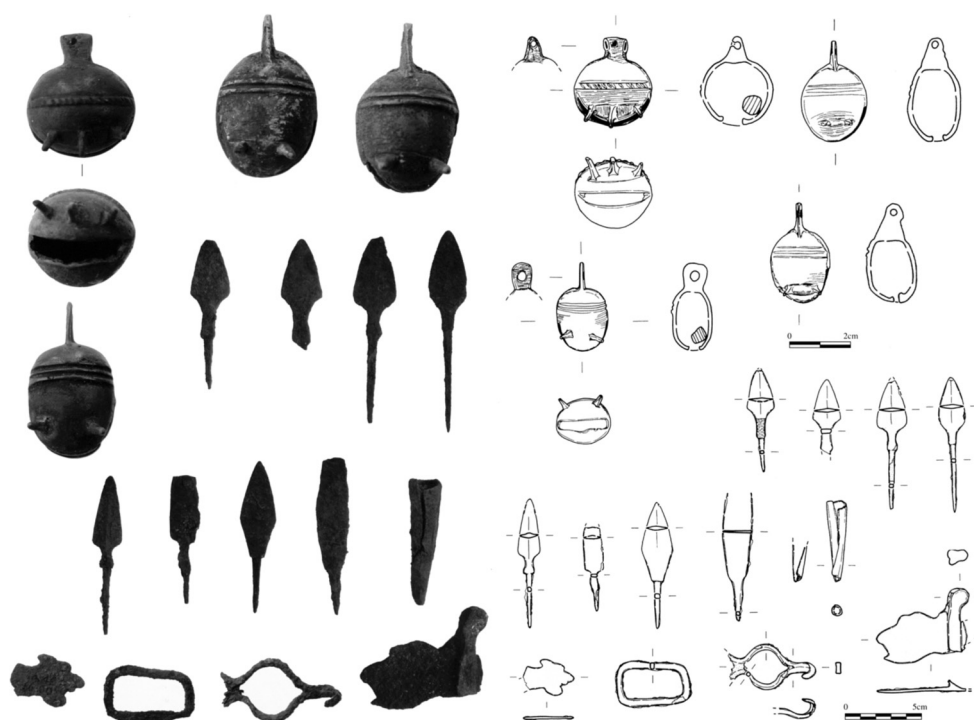

Рис. 90.
Соколовский курган: металлические изделия
(по Н.А. Ключеву, И.Ю. Слепцову)

Соколовские курганы (Лазовский район). Расположены на левом берегу р. Соколовка у западного подножия сопки Круглая в 2,5 км к северо-востоку от поселка Преображение. Обнаружены в начале 1990-х годов Ю.Н. Горюшиным. В 1999, 2001, 2006 г. обследования проводил И.Ю. Слепцов.

Курганная группа состоит из 70 объектов. Курганы продолговато-овальные, размером 2×1 м, высотой 0,3–0,5 м. «Располагаются в четыре ряда и опоясывают крайний южный склон мыса сопки. Расстояние между рядами до 10 м,

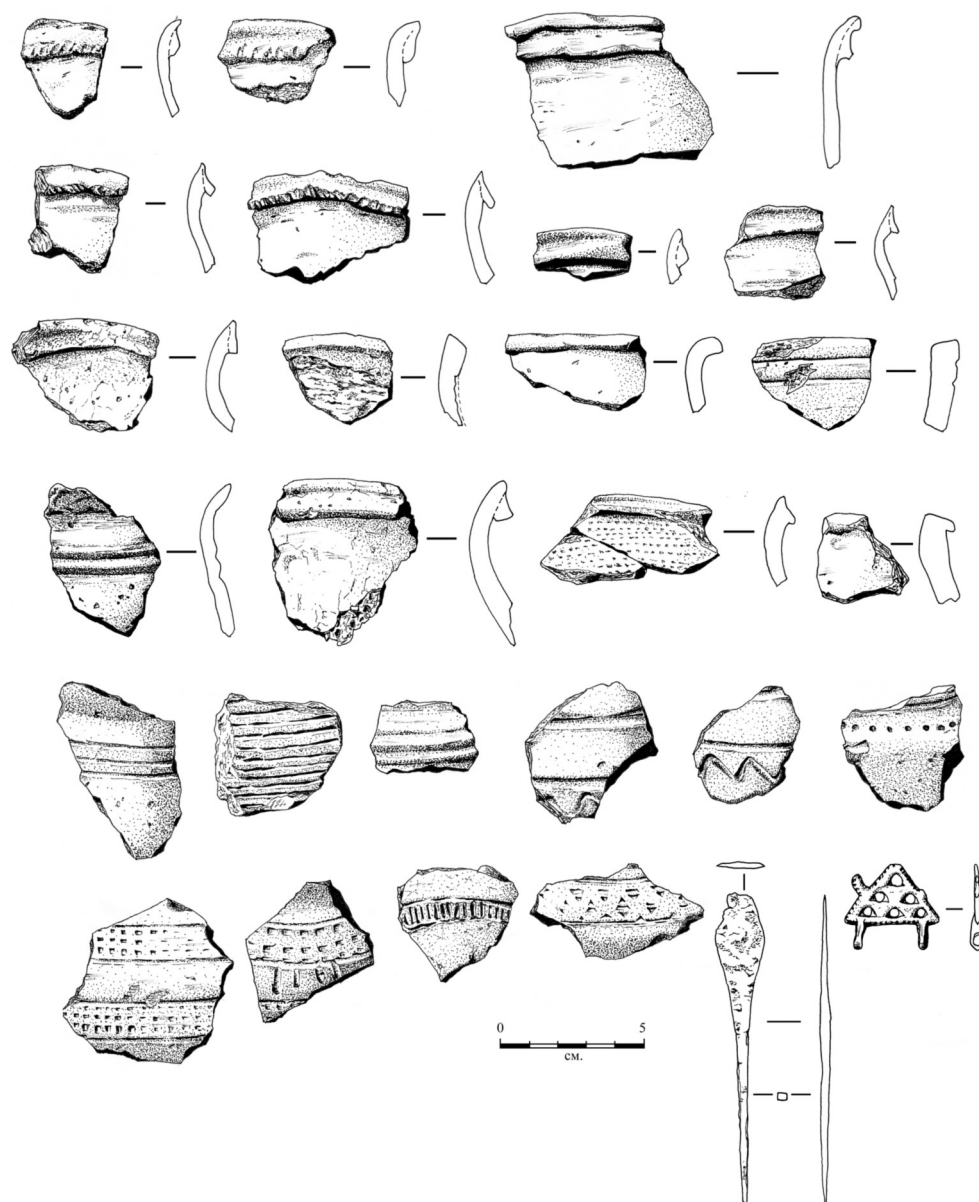

Рис. 91.

Соколовский курган: керамика (по Н.А. Ключеву, И.Ю. Слепцову)

между курганами — 5–6 метров. На вершинах некоторых курганов встречаются углубления» [Слепцов, 2001, № 482]. Собранный подъемный материал, содержащий лепную мохэскую керамику (категория I, вид 1), доработанные на круге бохайские горшки когурёского происхождения (категория II, вид 1), круговую керамику со штампованным декором (категория III), бронзовые бубенчики в виде головы дракончика, железный черешковый наконечник стрелы с треугольным пером,

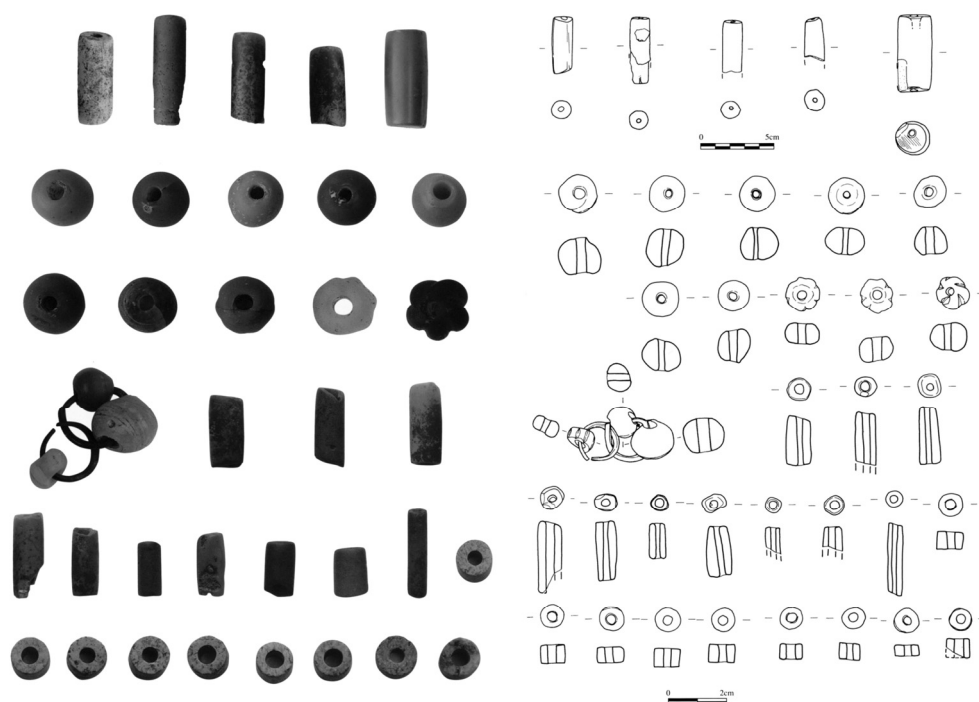

Рис. 92.

Соколовский курган: украшения (по Н.А. Ключеву, И.Ю. Слепцову)

а также каменные украшения в виде цилиндрических бус и дисков, позволяет отнести некрополь к бохайской культуре с мохэской основой (рис. 90–92).

Вывод. Соколовские курганы по материалу соответствуют бохайской культуре.

Селище Петровское (Шкотовский район Приморского края). Расположено в пойме левого берега р. Петровка и в 5,5 км к юго-востоку от одноименного поселка. Памятник обнаружен в середине 1970-х годов при проведении мелиоративных работ и оказался разрушенным. Сохранившийся подъемный материал в виде двух лепных мохэских сосудов, деталей амурского пояса и меча собран В.Д. Ленковым и О.С. Галактионовым (рис. 36, 4).

Памятник отнесен к бохайскому времени, хотя в наличии исключительно артефакты аборигенного (тунгусо-маньчжурского) пласта.

Вывод. Селище Петровское к бохайской культуре отнесено условно.

Городище Известковая сопка (Шкотовский район Приморского края). Расположено на правом берегу р. Артемовка на сопке Известковая в 10 км к северо-востоку от поселка Штыково. Первые сведения о городище появились в 1884 г. от Л.А. Крапоткина. В 1953 г. городище было обследовано А.П. Окладниковым. В 1970 г. снято на план сотрудниками сектора средневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН. В 1990–1991 гг. хозяйственные работы на городище проводил Ю.Г. Никитин. В настоящее время городище уничтожено. Известно, что оно было ограждено каменным валом (с северной стороны двойным), имевшим проход.

Внизу возле сопки находился редут (20×20 м). Площадь городища достигала 10 га. Памятник многослойный, встречены артефакты эпохи неолита, палеометалла (бронзы и железа), средневековья (бохайская и чжурчжэньская культуры) [Окладников, Шавкунов Э.В., 1960, № 3, с. 282–288].

Вывод. Городище Известковая сопка, вероятно, содержало бохайский слой, и фортификационная техника отражает некоторые когурёские традиции, характерные для бохайской культуры, но наличие редута стандартного размера свидетельствует, что оно эксплуатировалось и в чжурчжэньское время.

Саратовское городище (Чугуевский район Приморского края). Расположено в центре поселка Саратовка. Впервые обнаружено и снято на план в 1913 г. В.К. Арсеньевым [Арсеньев, 1914]. Во время сплошного обследования городищ бассейна Уссури, проводимого в 2003 г. Амуро-Приморской археологической экспедицией по научной программе «Городища и крепости Дальнего Востока» (руководитель О.В. Дьякова), были обнаружены остатки укрепления. Согласно плану и описанию В.К. Арсеньева городище было квадратной формы (65×67 м), длинной стороной ориентировано восток–запад, в северном и южном валах прорезаны ворота. Структура вала каменная. Высота валов достигала 3 м. С внешней стороны городище окружал ров. В настоящее время на памятнике находится огород. От валов сохранился только 25-метровый отрезок, используемый под ограду. Зачистка вала выявила его каменно-почвенную конструкцию. По фортификационным приемам городище отнесено к бохайскому времени.

Вывод. Городище Саратовское по геофизическому расположению (долинное) и фортификационному устройству (квадратное с простыми воротами и каменно-почвенной структурой вала) соответствует бохайским традициям военного зодчества.

Журавлевское городище (Чугуевский район Приморского края). Расположено на высокой пойме левого берега р. Журавлевка, на левом берегу ручья Садовый, в 1 км к северо-востоку от поселка Саратовка. Информация о данном объекте получена от В.Н. Плахотнюка в 2003 г. во время сплошного обследования городищ бассейна Уссури, проводимого Амуро-Приморской археологической экспедицией по научной программе «Городища и крепости Дальнего Востока» (руководитель О.В. Дьякова). В плане городище квадратной формы (36×36 м). Углами ориентировано по странам света. Структура вала каменно-гравийная. Ширина вала в основании 7–10 м, по гребню — 4–5 м, высота от внутренней поверхности 1 м, от внешней — 0,7–1,7 м. Северо-западный и юго-восточный валы разрезаны воротами (ширина 3,5 м). Южная сторона городища защищена рвом глубиной от вершины вала в 2 м. Подъемный материал не обнаружен. Городище по фортификационным приемам отнесено к бохайскому периоду.

Вывод. Городище Журавлевское по геофизическому расположению (долинное) и фортификационному устройству (квадратное с простыми воротами и каменно-гравийной структурой вала) соответствует бохайским традициям военного зодчества.

Городище Окраинка (Чугуевский район Приморского края). Расположено на надпойменной террасе левого берега р. Журавлевка (старое название Ното). В 2003 г. памятник обследовался Амуро-Приморской археологической экспеди-

цией при выполнении проекта «Городища и крепости Дальнего Востока» (руководитель О.В. Дьякова).

Городище подпрямоугольной формы, ориентировано валами по странам света. Длина северного вала — 76 м, южного — 113 м, западного — 105 м, восточного — 111 м. Высота валов — 1,3–2,6 м. Ширина основания вала 5–7 м, верха — 0,5 м. Площадь городища — 1–2 га. Зафиксировано четверо ворот: двое возле поворотных углов в восточной стене, по одному входу в западной и южной стенах. Снаружи городище окружено рвом, прерывающимся в районе ворот. Внутри городища прослеживаются два возвышения. Северное размером 100×40 м ориентировано запад-восток. Юго-восточное возвышение размером 50×20 м — северо-восток-юго-запад. Структура валов каменно-почвенная с каменной облицовкой. Среди подъемного материала встречена лепная керамика мохэского типа (категория I, тип 1), бохайская керамика когурёского происхождения (категория II, тип 1, 2), фрагменты сероглиняной керамики (категория III).

Городище отнесено к бохайской культуре.

Вывод. Городище Окраинка по геофизическому расположению (долинное), фортификационному устройству (подпрямоугольное с простыми воротами и каменно-почвенным валом с облицовкой) и трем категориям керамики (лепная мохэская и круговая бохайская) соответствует критериям бохайской культуры.

Вострецовское городище (Красноармейский район Приморского края, бассейн Большой Уссурки). Расположено на западной окраине с. Вострецово. Обследовано в 1979 и 1987 г. Ю.Е. Вострецовым [*Вострецов*, 1979, № 7765]. По форме городище квадратное, обнесено двумя рядами валов высотой 1–1,5 м. Площадь городища 0,9 га.

Вывод. Городище Вострецовское по геофизическому расположению (долинное) и фортификационной характеристике (квадратное) отвечает критериям бохайской культуры.

Городище Лобановка-1 (Красноармейский район Приморского края, бассейн Большой Уссурки). Расположено на берегу старицы р. Мамонтовка в 3 км к юго-западу от поселка Лобановка. Городище долинное, в плане многоугольное. Периметр валов составляет 170 м. Высота валов 3 м. Площадь 0,2 га. В 1971 г. обследовано О.С. Галактионовым [*Галактионов*, 1972, № 4537; *Дьякова*, 2009, с. 172–174].

Вывод. Городище Лобановка-1 по геофизическому расположению (долинное) и фортификационной характеристике (многоугольное, безбашенное, простой планиграфии) предположительно может относиться к позднебохайской культуре.

Городище Лобановка-2 (Красноармейский район Приморского края, бассейн р. Большая Уссурка). Расположено в 4 км к югу от поселка Лобановка. В 1971 г. обследовано О.С. Галактионовым [*Галактионов*, № 4537; *Дьякова*, 2009, с. 172–174]. В плане четырехугольное, долинное. Площадь 0,44 га. Высота валов 5 м. Периметр валов 300 м.

Вывод. Городище Лобановка-2 по геофизическому расположению (долинное) и фортификационной характеристике (четырёхугольное, безбашенное, про-

стой планиграфии) предположительно может относиться к бохайской культуре.

Городище Дубровское (Красноармейский район Приморского края, бассейн Большой Уссурки). Расположено в пойме р. Ваку в 1,5 км к юго-западу от поселка Дубровка. В 1967 г. обследовано А.В. Гарковик [Гарковик, 1967, № 3592; Дьякова, 2009, с. 172–174]. По форме многоугольное. Вал сложен из крупного рваного камня. Высота вала — 1 м. Ширина основания — 3 м. Отнесено к эпохе средневековья.

Вывод. Городище Дубровское по геофизическому расположению (долинное) и фортификационной характеристике (четырёхугольное, безбашенное, простой планиграфии) предположительно может относиться к бохайской культуре.

Городище Таборовское (Красноармейский район Приморского края, бассейн р. Большая Уссурка). Расположено на левом берегу р. Большая Уссурка в поселке Табарово. Обследовано в 1972 г. О.С. Галактионовым [Галактионов, 1972, № 5141]. Городище долинное. Периметр валов — 600 м. Площадь — 2–3 га.

Вывод. Городище Таборовское по геофизическому расположению (долинное) предположительно может относиться к бохайской культуре.

Поселение Смычка (Дальнегорский район Приморского края). Расположено на левом берегу протоки, соединяющей оз. Васьково и Японское море, на северной окраине поселка Смычка. В 1972 г. обнаружено В.А. Татарниковым. В 2013 г. обследовано Амуро-Приморской археологической экспедицией. Собранный материал представлен круговой сероглиняной керамикой, соответствующей ассортименту глиняной посуды бохайской культуры.

Вывод. Поселение Смычка по геофизическому расположению (долинное) и ассортименту керамики принадлежит бохайской культуре. Заметим, что в Дальнегорском районе в бассейне р. Рудная (Тетюхе) чжурчжэньских памятников империи Цзинь и государства Восточное Ся до сих пор не обнаружено.

Ауровское городище (Анучинский район Приморского края). Расположено на вершине сопки по левой стороне р. Муравейка (правого притока р. Арсеньевка) в 3 км к северу от поселка Ауровка. По сообщению лесника В.Г. Рассейчука в 1971–1972 гг. городище обследовал О.С. Галактионов, в 1997 г. — Э.В. Шавкунов. Городище состоит из трех частей (по Галактионову — из двух, западной и восточной), разделенных каменным хребтом. Периметр вала составляет 1250 м, высота 2,5 м. Валы сложены из необработанного камня. С внешней стороны каждая часть обнесена валом с воротами, к которым подведена дорога. Башен или других фортификационных деталей не обнаружено. Стационарные исследования выявили трехслойность памятника. Нижний слой отнесен к эпохе бронзы, в средний слой исследователи поместили три культуры: кроуновскую, ольгинскую и мохэскую и датировали серединой I тыс. н.э., верхний слой сопоставлен с постбохайским временем и датирован не ранее второй половины X в. [Шавкунов, Гельман, 2002, с. 75–107; Памятники..., 1991, с. 226]. Опубликованная исследователями керамика позволяет сказать, что на памятнике действительно присут-

ствуется мохэский комплекс, круговая керамика танских традиций, а также круговая керамика с ленточными ручками, близкая изделиям из Синегорья-1.

Вывод. Верхний слой Ауровского городища относится к постбохайскому времени.

* * *

Таким образом, аннотированный каталог бохайских памятников Дальнего Востока включает 348 объектов. Из них 204 памятника обнаружено на территории провинции Цзилинь и Хэйлунцзян Северо-Восточного Китая, 133 объекта зафиксировано в российском Приморье, более 40 памятников исследовано в КНДР. Естественно, истинное количество памятников государства Бохай этим не ограничивается. Их гораздо больше. В первую очередь это касается Приморья. Более 30 объектов скрывается под определением «средневековые памятники», краткое упоминание о них в полевых отчетах содержится, но не позволяет определить культурную принадлежность. Среди них значатся: городище Лесозаводское на берегу р. Уссури, Верхне-Михайловское поселение, в 16 км от с. Владимиро-Александровское (Г.И. Андреев), поселение на побережье Находка (на левом берегу р. Партизанская напротив сопки Брат), в бухте Береговая (Э.В. Шавкунов), Ариадное-4 (А.В. Гарковик), поселение Лазо (А.И. Лопатин), Киевка (В.А. Татарников), поселение в пади Сахалин (А.Л. Ивлиев), поселения Калева-1, 2 (Ермаков), поселение у с. Камышового (Ж.В. Андреева), не менее 10 поселений в Чугуевском, Яковлевском районах. И это далеко не весь список.

Картирование бохайских памятников показало, что основная их концентрация приходится на бассейны правобережных притоков Амура — Сунгари и Уссури, а также на побережье Японского моря почти до Татарского пролива (городища Кузнецовское и Единка) и Приханканье. Типовой состав бохайских памятников на всех территориях одинаков, он представлен 92 долинными городищами, 56 горными крепостями, 132 поселениями, 66 некрополями, 8 храмами, 17 портами, 2 заградительными крепостями, 5 придорожными почтовыми станциями. Идентичны памятники и по основному культурно-значимому материалу. Естественно, состав археологических находок (артефактов) зависит от типа памятника, степени его исследованности и хронологического периода. Но очевидно, что бохайские памятники Северо-Восточного Китая и Приморья России являются единым анклавом, входящим составной частью в мохэскую культурную общность. Несколько обособленно находятся памятники КНДР, поскольку образуют самостоятельный этнический (когурёский) анклав.

Глава 3

ЭТНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ БОХАЯ

(по археологическим материалам)

Из письменных источников мы знаем, что государство Бохай (698–926) по составу населения было полиэтничным и помимо государствообразующего этноса племен сумо мохэ включало палеоазиатов, когурёсцев, китайцев и др. Какие же конкретно страты эти этносы занимали в государственной иерархии? Попытаемся определить это через призму археологических материалов. В данном случае это керамика, городища и крепости, орнаментальные композиции и знаки власти.

3.1. Керамика бохайской культуры

3.1.1. Керамика Приморья как источник этнической стратификации

По технике изготовления глиняные изделия бохайских памятников делятся на три категории: лепную (I), доработанную на круге (II), круговую (III).

Категория I. Лепная керамика. Соотношение лепной керамики и других категорий посуды на разных памятниках различное. Максимальное количество — 80% (Николаевское-1 городище, Красное Озеро), минимальное — 0–2% (Старореченское городище, Устиновские поля, Синегорье-1 и 2, Смычка, Джигитовское городище, Куналейское городище).

Около 80% лепной керамики составляет мохэский тип сосудов, более 20% — крышки, чаши-пиалы, изделия редких или нетрадиционных форм.

Тип I. Типично мохэские сосуды (рис. 93). Типообразующими признаками для мохэских сосудов являются: налепной валик под венчиком, единая технико-технологическая характеристика, соотношение диаметра венчика с диаметром дна 1:2.

По форме тулова тип I делится на три вида: вазы (1); горшки (2); банки (3).

Вид 1. Вазы. Имеют плоское дно, слабопрофилированное вытянутое тулово, покатые, плавно выделенные плечики, вертикальную шейку.

Встречены в единичных экземплярах в Константиновке, Новогордеевке, Краскино, Николаевке-1 и 2.

Вид 2. Горшки. Встречены на большинстве памятников культуры, исключая Синегорье-1 и 2, Устиновские поля, Окраинку, Уборка-долинное. От ваз отлича-

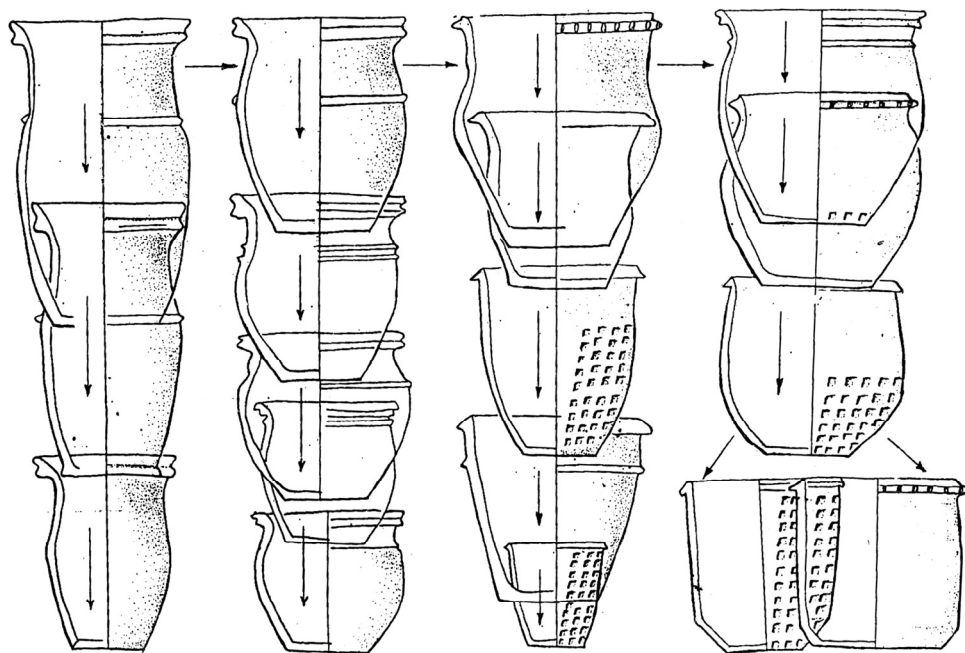

Рис. 93. Типология мохэских сосудов

ются иными пропорциями тулова, выражающимися в следующих показателях: $D_3:D_2 = 0,8-1,4$; $D_3:H_1 = 1,2-1,7$.

У горшков плоское дно, параболоидное тулово, покатые, но четко выраженные плечики, слабо расширяющаяся горловина, отогнутый наружу венчик с наlepным валиком. Главным отличием горшков от ваз является увеличение ширины тулова относительно высоты сосуда, т.е. она составляет более $\frac{1}{2}$ его высоты.

Вид 3. Банки. Наиболее многочисленная форма. Встречена на всех памятниках, кроме Синегорье-1 и 2, Устиновские поля, Окраинка, Уборка-долинное, Самарка-долинное. Характеризуются плоским дном, непрофилированным туловом с прямыми или чуть расширяющимися стенками, венчиком с наlepным валиком.

Данный тип сосудов имеет единую технико-технологическую характеристику.

Состав теста. Петрографический анализ, проведенный на 25 образцах, взятых от сосудов разных памятников, свидетельствует, что для изготовления банок типа I использовалась различная глина: гидрослюдистая, каолиновая, каолинито-гидрослюдистая. Для всех образцов характерна насыщенность глин железистыми окислами. В качестве отошителей анализами зафиксированы следующие добавки: песок, дробленый кварц с полевым шпатом, в единичных случаях шамот и яшма. Размеры отошителей неодинаковы — 0,5–2 мм. Рецептура теста достаточно стандартная, устойчивая, явно отработанная временем. Неодинаковым является и процентное соотношение глины и отошителя. Так, у 18 образцов глина составляла 70–80%, у 2 — 60%. На отошители приходится, соответственно, 20–30% и 40%.

Выделка изделий производилась кольцевым ленточным наlepом. Она полностью повторяет специфику техники лепки лепной керамики (тип I) мохэской

культуры, поэтому нет необходимости повторять характеристику. Обратим внимание лишь на следующие моменты.

Как правило, дно готовилось в виде лепешки из целого куска теста. Но у 15–20% изделий, преимущественно банок (вид 3) оно было навито спирально-жгутовым налепом, о чем свидетельствуют разломы донышек, в профиле которых явно видны отдельные спаянные валики (Константиновка, сосуд из жилища и зольника). В Новогордеевке такие донышки встречаются только в позднем бохайском горизонте.

Соединение готового дна-лепешки с туловом выполнялось тремя способами: а) угловое, дававшее с внешней стороны закраину за счет приминания пальцами; б) установка тулова на дно с поворотом краев ленты внутрь; в) простое угловое сочленение «встык». Наиболее распространенным был способ «в».

Горловина и тулово изготавливались отдельно. Причем горловина лепилась как с венчика, так и с нижней части. В случае лепки с венчика край оказывался уплотненным, что сохранялось даже после замывки и заглаживания поверхности.

Формовку изделий осуществляли выбивкой. Вероятнее всего, эта операция совершалась до того, как отдельные детали были соединены в единый сосуд. Об этом говорят следы выбивки, обычно фиксируемые на 1–3 мм выше дна и редко поднимающиеся до горловины.

Выбивка, как правило, была горизонтальной, что устанавливается по цепи мятин, сохранившихся на внутренней стороне изделий.

Поверхность ударного инструмента имела квадратно-ячеистую нарезку, оставившую на внешней стороне изделий «вафли» (ложнотекстильные отпечатки). Размер ячеек варьировал от 0,2 до 0,5 см. В отдельных случаях формовку выбивкой производили на полностью собранных сосудах. Донная часть тогда приобретала округлость, затем ее уплощали, но сам переход (место соединения дна и тулова) сохранял следы формовки как в виде округлости, так и в виде отпечатков «вафли». Очень часто следы «вафли» старательно уничтожали с внешней стороны, для чего использовали жидкую глину, которой затирали ячейки. Подобная операция давала неровную внешнюю поверхность. До 40% стенок поверх затирки глиной подвергались лощению. Это обычный прием обработки керамики для Николаевского, Новогордеевского городищ. Реже он встречается на Краскинском, Марьяновском и Старореченском городищах. Иногда лощение выполняли по влажной стенке, что впоследствии приводило к отслаиванию пленки в виде «плешин».

Рабочий край лощила был узким, всего 2–3 мм. Лощение наклонное, вертикальное, горизонтальное (в зависимости от части сосуда: венчик — горизонтальное, горловина — вертикальное, тулово — наклонное). Однако как бы тщательно ни убирали «вафлю», ее остатки всё равно прослеживаются на придонных участках и вблизи горловины. В коллекциях Марьяновского, Николаевского-2, Новогордеевского, Корсаковского, Константиновского памятников есть единичные экземпляры изделий, где «вафля» оставлена в виде узких (до 2–3 см) горизонтальных поясов, расположенных чуть ниже плечиков, «вафельный» бордюр — свидетельство влияния на традиционные способы изготовления лепной посуды приемов оформления и декорирования круговой ремесленной керамики, так как именно для последней характерен подобный орнамент.

Орнамент локализован в двух зонах — под венчиком (I) и в районе плечиков (II). Представлен двумя типами — выпуклым и врезным.

Зона I. Выпуклый орнамент представлен налепными валиками — традиционной деталью типично мохэских сосудов. Встречены следующие его разновидности: а) валик-карнизик, ориентированный прямо, вверх, вниз; б) треугольный в сечении; в) разделенный по центру желобком; г) В-образный в сечении, с массивной нижней частью (налепной) и верхней, полученной за счет перегиба края ленты венчика наружу; д) валик-карнизик с выгнутыми из него шишечками.

Преобладают варианты валиков «а» и «б». Они отмечаются во всех строительных горизонтах бохайских памятников. Вариант «в» обычен для поздних горизонтов культуры (Новогордеевское городище, Константиновское поселение). Остальные варианты составляют в общей сложности не более 40%.

В 80% случаев валик под венчиком не орнаментирован, в 30% украшен врезным декором — различного рода вдавлениями, узкими и широкими насечками шпателем, треугольными, ромбовидными оттисками, тянущимися горизонтальной цепью по валику.

Судя по ориентации налепных валиков, уплощенности венчиков и более сильному нажиму инструмента в верхней части декор наносился при положении сосуда на венчике, т.е. кверху дном. Таких случаев насчитывается до 30%. Следовательно, это не случайность, а вполне утвердившийся среди гончаров бохайской культуры производственный прием.

У единичных изделий (Константиновка, кв. 141) вместо налепного валика под венчиком налепная лента диаметром 0,3–0,4 см.

Зона II. Декорировалась также налепными валиками, но реже, чем зона I. В сечении валики повторяют форму валиков зоны I. Преобладают варианты «а» и «б». Как правило, в районе плечиков крепился только один валик. Встречены следующие разновидности: а) горизонтально-замкнутый; б) разомкнутый с опущенными вниз концами в виде «усов» (Николаевка-2, Новогордеевка); г) горизонтально-замкнутый, с отводами вниз коротких парных «усов».

Обжиг. Цвет изделий в подавляющем большинстве черный, черно-коричневый, черно-серый, реже — красный, красно-коричневый. Прокал черепков как полный, так и неполный (с иной по цвету серединой). По данным петрографии температура обжига не превышала 800°. Обжиг совершался преимущественно в восстановительной среде, для чего требовалась обжигательная печь. Часть посуды обожжена в окислительной среде.

Назначение. Такая посуда служила для варки пищи, о чем свидетельствует нагар на внешней и внутренней поверхностях.

Тип II. Чаши. Это изделия с плоским дном, прямыми или чуть вогнутыми стенками, округлым или прямо срезанным венчиком. Высота 5–7 см, диаметр венчиков 10–13 см, диаметр доньшек 5–6 см. Встречены в единичных экземплярах на всех памятниках, исключая Петровское, Новопокровское, Мраморное.

Данный тип представлен *двумя видами*:

1. Чаша с налепным валиком-карнизиком под венчиком (как у типично мохэских сосудов). В профиле стенки прямые, воронковидно расширяется. Форма конструировалась с учетом мохэских традиций, соотношение диаметров венчика и дна 1:2. Сосуды выполнены кольцевым ленточным налепом. Применялись в качестве индивидуальной посуды и крышек.

2. Чаши без налепного валика под венчиком. Остальная характеристика совпадает с таковой вида I.

Тип III. Крышки. Это чаши с узким дном, завершающимся ручкой. По форме ручек крышки делятся на виды: 1 — с квадратной ручкой, 2 — с цилиндрической ручкой, 3 — с гребневидной ручкой, 4 — с петлевидной ручкой, 5 — с ручкой в виде звездочки или цветка, выполненных зацепами. Техничко-технологическая характеристика соответствует мохэским сосудам. Размеры не установлены вследствие фрагментированности материала.

Таким образом, классификационная характеристика лепной керамики бохайской культуры Приморья показывает, что основной ее частью является типично мохэская посуда (тип I), представленная вазами, горшками и банками, т.е. теми же тремя видами, которые служат индикаторами для определения мохэской археологической культуры. Помимо формы изделий данный тип объединяет единая технико-технологическая традиция, заключающаяся в составе теста, кольцевом ленточном налепе; формовке выбивкой с последующим уничтожением «вафли»; разновидностях крепления донышек и налипных валиков; обработке поверхностей лощением, замывкой, выглаживанием; восстановительном обжиге; использовании в качестве кухонной посуды.

По декору тип I соответствует традициям троичской группы мохэской культуры, имея полные аналоги набора разновидностей нанесения систем налипных валиков на тулово сосудов.

Категория II. Керамика, доработанная на круге. Вторая категория керамики присутствует в разных количествах на большинстве бохайских памятников Приморья. Выделяется четыре типа посуды: тип I — мохэские сосуды; тип II — бохайские горшки, тип III — миски, тип IV — крышки.

Тип I. Мохэские сосуды. Это сосуды, имеющие обработку на круге. Из мохэских типобразующих признаков сохраняют один налипный валик под венчиком. Соотношение диаметров венчика и дна изменяется: $D_1:D_4 = 1-1,5$. Техничко-технологическая характеристика приближается к круговой, активно внедряется спирально-жгутовой налеп вместо кольцевого ленточного.

По форме тулова изделия делятся на три вида: 1 — горшки, 2 — банки, 3 — амфоры.

Вид 1. Горшки. Имеют слабопрофилированное тулово с покатыми, но четко фиксируемыми плечиками. Пропорции тулова горшков близки лепным. Степень использования круга у них разная. Иногда только поверхность слегка заглажена, от чего сохранились концентрические тонкие борозды по венчику и горловине, иногда лепка осуществлялась на круге, поэтому на дне имеется срез с площадки круга нитью (петлевидные борозды) или ножом (дугобразные и прямые борозды). Орнаментация либо исчезает совсем, либо заменяется на круговую. Представлена врезным типом: а) прямые, горизонтально-замкнутые борозды (Константиновское поселение, Краскинское, Кузнецовское, Куналейское городища, Красное озеро); б) волнообразные парные борозды (Константиновское поселение, Новогордеевское, Краскинское, Кузнецовское городища).

В отличие от лепных у доработанных на круге горшков форма начинает сглаживаться, профиль становится более плавным. Аналогичное явление наблюдается и на налипном валике. Из карнизика он часто превращается в сглаженный, овальный в сечении.

10–15% горшков выполнены спирально-жгутовым налепом, т.е. происходит дальнейшее внедрение ремесленной технологии в аборигенное гончарство.

Обжиг совершался как в восстановительной, так и в окислительной среде.

Вид 2. Банки. У данных изделий прямые стенки без выделенных плечиков. Встречены две разновидности банок: 1) с воронковидно расширяющимися стенками; 2) с цилиндрическими стенками (Новогордеевское, Николаевское-2, Краскинское, Куналейское, Джигитовское городища, могильник Монастырка-3).

Характерной особенностью банок и горшков является увеличение их размеров. В высоту они достигают 30 см.

Вид 3. Амфоры. У них плоское дно, раздутое (часто почти шаровидное) тулово, выделенная шейка, венчик с наlepным валиком с внешней стороны. $D_1:D_4 = 1,1-1,3$; $D_3:H_1 = 2-2,5$.

Изделия выполнялись спирально-жгутовым наlepом. Сборка совершалась по частям. Особенно четко это прослеживается в местах соединения тулова с горловиной, которую всегда вставляли внутрь тулова, вследствие чего изнутри было утолщение, и сосуды именно в данном месте распадались на детали.

Встречены в единичных экземплярах на Константиновском поселении, Джигитовском городище.

Тип II. Бохайские горшки. Этот тип сосудов определен китайскими археологами как бохайская керамика когурёского происхождения. Относится к числу маркирующих бохайскую культуру признаков, так как на ранних этапах развития государства Бохай когурёский пласт был сильным. Археологи Северной Кореи считают такие изделия когурёскими.

Встречен на Николаевском-2, Новогордеевском, Марьяновском городищах, в Константиновском поселении, Синегорье-1, -2, городищах Богополь, Джигитовское, Куналейское, Красное Озеро, Кузнецовское. Это широкие приземистые сосуды черного цвета, с плоским дном, выпуклым туловом, покатыми, но выделенными плечиками, переходящими в чуть вогнутую или вертикальную горловину, завершающуюся венчиком с валиком, напоминающим типично мохэский.

Высота сосудов 18–14 см, диаметр дна 11–12–10 см, диаметр венчиков 12–14 см. Для данного типа характерны следующие пропорции: $D_1:D_4 = 1,01-1,1$; $D_3:H_1 = 2,3-3$. (При стабильном соотношении размеров венчика и дна наблюдается постепенное уменьшение высоты сосудов.) Данный тип горшков представлен пятью видами, выделенными по характеру оформления венчика.

Вид 1. Горшковидные сосуды с вывернутым наружу венчиком, края которого по форме профиля напоминают типично мохэские. Валик наlepной. Встречаются две разновидности таких изделий: 1) с ленточными парными ручками, расположенными по центру тулова; 2) без ручек.

Вид 2. Горшки с венчиком, в центральной части которого сделана вогнутость, создававшая снаружи валик.

Вид 3. Валик получен путем перегиба ленты венчика наружу. Оформлен бывает как карнизик, точно повторяющий форму типично мохэского. Для таких валиков характерен прочерченный декор из двух горизонтальных борозд.

Вид 4. Валик оформлен из ленты венчика за счет прочерченного желоба изнутри и снаружи. Такие горшки обычно меньшей высоты, чем горшки предыдущих видов.

Вид 5. Валик выдавлен изнутри венчика.

Как правило, сосуды с вогнутостями на венчиках имели крышки (вогнутость использовалась для вставки последних).

Тип III. Миски. Это те же бохайские горшки, высота которых не превышает 10 см (иначе — бохайские горшки, усеченные в высоту на $\frac{1}{3}$). Можно говорить о двух видах мисок: $D_1:D_4 = 1-1,1$; $D_3:H_1 = 3-3,2$.

Вид 1. Миски с выделенными плечиками и маленькой горловинкой.

Вид 2. Миски без плечиков, у которых тулово переходит непосредственно в венчик. У мисок обоих видов прослеживается тот же декор, что и у горшков с аналогичным расположением по орнаментальным зонам. Добавим, что у определенной части мисок изнутри венчика тоже наносилась горизонтальная борозда. Помимо Новогордеевского и Николаевского-2 городища миски встречены в Краскинском городище, Абрикосовском храме, Корсаковском поселении. Причем в двух последних памятниках наблюдается уплощение венчика, и он становится более вывернутым наружу. У небольшой части мисок с уплощенным венчиком еще появляется довольно глубокий желобок, предназначенный, вероятнее всего, для крышки.

Тип IV. Крышки. Изделия имеют форму широкой воронки с выделенным в устье прямым бортиком. Диаметр устья не превышает 20 см. Крышки предназначались для сосудов с желобками в венечной части. Верх крышек не сохранился, и характер их оформления пока не известен.

Состав теста. Изделия, доработанные на круге, согласно данным петрографического анализа, готовились из двух разных составов теста: а) глина (каолиновая или иногда гидрослюдистая) — три-четыре части; отсеянный кварцевый песок — одна-две части; иногда — растительные добавки, оставлявшие после себя следы крупных стебельков и палочек с внешней стороны изделий; б) два сорта глины, смешанных вместе (каолиновая и гидрослюдистая) — три-четыре части; отсеянный кварцевый песок — одна-две части. Второй рецепт теста чаще использовался для мисок и горшков с ленточными ручками.

Лепка изделий осуществлялась на круге. Сосуды лепились начиная с доньшка. Часть посуды имела дно из одного куска теста, а часть — навитое спирально-жгутовым способом. На большинстве доньшек фиксируется срез с круга. Соединение дна и тулова в профиле было угловым, так как придонная лента притиралась к ребру лепешки на вращающемся круге. Наращивание лент доводилось только до горловины. Саму горловину лепили отдельно, после чего соединяли с туловом. Вследствие этого на сосудах прослеживается только один шов — на стыке тулова и горловины.

Кольцевой налеп устанавливается прощупыванием (по всей окружности имеются утолщения, повторяющиеся через равные промежутки); по внутренней стороне изделий, где ленты часто оказывались не очень ровно затерты, оставались цепи каверн.

Формовка. Производилась на круге — об этом свидетельствуют тонкие концентрические бороздки по всей поверхности изделий. Однако значительная часть изделий предварительно формовалась выбивкой, что видно по характерным уплощениям снаружи и вогнутостям внутри сосудов. На мисках же иногда сохраняются затертые оттиски «вафли». Как правило, у таких сосудов следы круга отмечаются только по венчику и плечикам. Нижняя часть сосудов была косо затерта щепкой или тряпкой, на что указывают соответствующие следы в виде резких борозд и сглаженностей.

Около 10–15 горшков и мисок были изготовлены спирально-жгутовым налепом от дна до венчика включительно. Особенно четко это прослеживается с внут-

ренной стороны изделий со слабо заглаженными спаевыми дорожками, по которым достаточно хорошо виден весь ход жгута. Лепка дна начиналась с его центральной части и далее выводилась к краям. Во многих случаях в центре дна наблюдается характерный бугорок, иногда с завихрением. Спирально-жгутовой налеп явно прослеживается и в изломах, особенно донных частей, где жгуты плотно приплюснуты друг к другу.

Орнамент на горшках и мисках, как уже отмечалось, был двух типов: врезной и выпуклый.

На горшках декор занимал две зоны: венчик (I) и плечики (II). Врезной узор состоял из 2–6 горизонтально-замкнутых прочерченных на круге борозд (диаметром 0,2–0,3 см), расположенных близко друг к другу (на расстоянии не более 0,4 см). Иногда орнамент наносился однозубным инструментом, скорее всего металлическим, оставлявшим после себя тонкие глубокие борозды. В нескольких случаях борозды на плечиках располагались в виде спирали. Чаще же декор выполнялся многозубым инструментом, благодаря этому борозды были параллельны друг другу. Выпуклый декор располагался на венчике и плечиках, он представлен налепным валиком. Достаточно часто тулово горшков совсем не содержало декора, а оставлялось гладким. В отдельных случаях тулово горшков строго по центру делилось глубокой бороздой. Последнее мы связываем не столько с декором, сколько с разметкой тулова, обозначающей место для крепления каких-либо деталей, в данном случае — ленточных ручек. Аналогичный факт наблюдается в культуре Бохая Маньчжурии, где горшки такой же формы поделены пополам глубокой бороздой, а на ее уровне налеплена ручка. Отметим, что выпуклый декор встречается как в виде налепа, так и в виде выдавленности изнутри.

Миски орнаментированы аналогичным способом, но чаще вовсе лишены какого-либо декора. Иногда у них встречаются отдельные оттиски «вафли», иногда в районе плечиков и венчика — прочерченные борозды. В целом же для данной группы изделий, доработанных на круге, характерен строгий, стандартный декор, лишенный дополнительных деталей.

Изделия обжигались в печах при режиме восстановительного обжига. Температура, согласно данным петрографии, превышала 800°. (Заметим, что на бохайских памятниках Приморья обнаружено несколько обжигательных печей — в Краскинском городище и на Корсаковском поселении.) Горшки, в отличие от мисок и крышек, сохранили остатки пищевого нагара на стенках и донышках и могут быть отнесены к разряду кухонной посуды.

Таким образом, анализ керамики, доработанной на круге, показывает, что с определенного момента типично мохэские сосуды начинают испытывать значительное влияние со стороны ремесленной гончарной традиции, и в отдельных случаях лепные приемы полностью вытесняются гончарными. Нарастание этого процесса или его стабилизация достаточно хорошо прослеживаются в стратиграфических колонках бохайских памятников.

Классификация изделий, отнесенных к II–III–IV типам, со всей очевидностью показывает стабильность форм и декора, а также отработанность рецептуры теста и приемов лепки. Все названные разновидности горшков, миски и крышки до бохайской культуры в Приморье, впрочем как и до культуры амурских чжурчжэней в Приамурье, были неизвестны. Они появляются здесь сразу в сложившемся виде и постепенно эволюционируют. Они начинают уменьшаться в высоту. Этот

процесс изменения четко фиксируется по стратиграфическим горизонтам бохайских памятников.

Категория III. Круговая керамика. Это самая многочисленная категория, встречающаяся на памятниках бохайской культуры. Представлена изделиями серого цвета различных оттенков. Выделено 11 типов сосудов: горшки, вазы, кувшины, корчаги, корчажки, миски, чаши, крышки, котловидные сосуды, шаровидно-сферические, сосуды на ножках. Особенностью керамики данной культуры является то, что она в большинстве случаев представлена фрагментами, а не целыми формами.

Тип I. Вазы. Их отличает плоское дно, почти шаровидное тулово, выделенная шейка, завершающаяся чашевидным устьем. Высота изделий 27–50 см. $D_1:D_4 = 1-1,1$. Остальные пропорции выявить невозможно.

По форме венчика вазы делятся на два вида: 1) с вогнутостью с внутренней стороны венчика; 2) с желобком по венчику.

Вогнутость с внутренней стороны венчика, как и желобок, функционально предназначались для вставки крышки. Эволюционно эти две разновидности ваз между собой связаны, представляя разные звенья одного апологического ряда. Борозда-желобок — конечное звено, несущее информацию о наличии в прошлом у сосудов чашевидного устья.

Верхняя поверхность ваз, как правило, была гладкой, не имела декора и была лощеной до блеска, отчего изделия становились похожи на серебряные. Более 10% ваз с каждого памятника были орнаментированными. Орнаментальным полем служила вся поверхность тулова — от плечиков до дна. Орнамент представлен двумя типами: врезным и плоским. Оба типа использовались одновременно, образуя различные композиции. Причем врезной декор играл роль разделителя, обозначая горизонтальной бороздой начало и конец орнаментальной композиции. Зоны внутри заполнялись плоским (лощеным) декором, состоящим из ромбических и квадратных сеток с крупными (1–1,5 см) ячейками, растянутых спиралей, горизонтальных и вертикальных лощеных и прочерченных отрезков. Тулово части ваз было разделено вертикальными лощеными полосками, имитирующими дольчатость изделий.

Тип II. Горшки. Имеют плоское дно, выпуклое тулово, широкую и короткую горловину, резко отогнутый наружу венчик. Высота изделий 15–50 см. По форме венчика горшки делятся на три вида: 1) с отогнутым наружу венчиком без оформления кромки; 2) с венчиком, оформленным наклепным валиком; 3) с вогнутостью по венчику (мелкая чаша).

Орнаментация горшков достаточно стандартная и композиционным плане строго выдержанная. Расположена в трех зонах: по внешнему краю венчика, по горловине, по плечикам. По технике исполнения прослеживаются три типа декора — врезной, выпуклый и плоский.

Врезной орнамент — прочерченный и штампованный.

Прочерченный декор располагается в двух зонах: 1) по валику на венчике, 2) по плечикам. Он выполнялся только на круге и имел несколько разновидностей: а) горизонтально-замкнутый, когда наносились взаимопараллельные борозды с диаметром не более 0,3 см (внешний край венчика и плечики); б) замкнутые и незамкнутые (концентрические) борозды по плечикам, выполнены 1–4-зубым инструментом; в) пояс из линейно-прочерченного орнамента с волнообразной

бороздой в центре; г) арочный орнамент, состоящий из дуг, вписанных друг в друга.

Горшки с прочерченным орнаментом — наиболее распространенная форма сосудов на бохайских памятниках. Они встречены в нижнем и верхнем строительных горизонтах Новогордеевского городища, на Николаевке-2, Константиновском поселении в трех последовательно напластованных друг над другом жилищах, в Корсаковском и Старореченском комплексах, на Мономаховском городище, городище Красное Озеро, Окраинка, Джигитовском городище, Синегорье-1, 2, Устиновских полях. Наибольшая их концентрация приходится на верхние, т.е. на более поздние по времени существования горизонты.

Штампованный декор в большинстве случаев наносится штампом-лопаточкой. Прочерченные борозды тоже часто наносили таким же инструментом, но не ударами, а протяжкой. Наблюдения китайских исследователей, зафиксированные в провинции Юньнань, позволяют говорить, что во многих случаях мотивы штампованного орнамента имитируют приемы резьбы по дереву, выделки ковров, металлообработки.

По своему типу штампованный орнамент относится к прямолинейно-геометрическому. По структуре может быть разделен на бордюры и розетки. Мотивы орнамента на бохайских памятниках строго симметричны и весьма разнообразны: а) пояса вертикально и наклонно расположенных узких четырехугольников одинаковой высоты, отстоящих друг от друга на 2-3 мм (верхнюю и нижнюю окантовку узора создают наплывы теста, возникающие при движении штампа по поверхности сосуда и, собственно, оформляющие бордюр); б) аналогичный вышеописанному узор, но с тем отличием, что вверху и внизу бордюра четырехугольники располагаются на одном уровне, а в центральной части — на разных, образуя волну; в) пояса косой сетки с углублениями в центре; г) пояса из вписанных углов, обращенных вершинами вверх; д) пояса вписанных, антиподально расположенных зигзагов, при пересечении создающих фигуры ромбов и прямоугольников; е) пояса вписанных и косо заштрихованных углов, ориентированных вершинами вверх; ж) пояса из антиподально расположенных заштрихованных треугольников; з) пояса вписанных и диагонально разделенных ромбов; и) пояса танцующих человечков (Синегорье-1).

При кажущемся многообразии мотивы штампованного орнамента сводятся к зигзагу, треугольнику, квадрату, прямоугольнику, вертикальным, горизонтальным, наклонным бороздкам, в основе исполнения которых лежат борозда, угол, треугольник.

Видимо, горшковидным формам принадлежат единичные фрагменты керамики, украшенные оттисками медвежьих лапок, человеческой ступни, листом с прожилками, восьмилучевыми розетками (обнаружены Л.Е. Семениченко на Новогордеевском поселении).

Мотивы штампованного орнамента всегда располагались в районе плечиков и на тулове изделий. Составляют не более 20% от всего остального орнамента.

Выпуклый орнамент представлен: а) налепными валиками и лентами; б) валиками, вытянутыми из стенки сосуда; в) валиками, выдавленными из стенки сосуда. Выпуклый декор располагается в двух зонах — с внешней стороны венчика и на плечиках. В 40–50% случаев выпуклый декор дополнительно украшался прочерченным орнаментом в виде горизонтальных борозд, зигзагов, Х-образных

фигур (Николаевское-2 городище, Константиновское поселение, Новогордеевское городище, Синегорье, Джигитовское городище, Красное Озеро).

Плоский орнамент включает лощение и чернение. Лощеный орнамент располагается преимущественно на горловинах горшков. Состоит из: а) вертикальных, 2–3-сантиметровых лощеных полос диаметром 0,3–0,4 см, отстоящих друг от друга в 1–2–3 см; б) наклонных лощеных полос, иногда пересеченных горизонтальной полосой посередине.

Довольно редко встречается чернение, покрывающее всю внешнюю поверхность горшка тонкой (1–2 мм) пленкой. Внутренняя поверхность изделия оставалась серой. Согласно этнографическим и археологическим данным, в Китае чернение применяется до сих пор и использовалось в древности. Еще в эпоху Инь подробная керамика определялась как покрытая «кожицей». Подобный эффект получался при натирании травяной золой обожженных в восстановительной среде сосудов.

Иногда отдельные бохайские горшки были окрашены в малиновый, красный, оранжевый цвета (Николаевское-2 городище, верхний горизонт). Окраска наблюдалась только с внешней стороны. В одном случае на Краскинском городище окраска сосуда в красный цвет была выполнена ангобированием. Слой ангоба достигал 2 мм и довольно легко отслаивался.

Тип III. Кувшины. Немногочисленная группа керамики, представленная на бохайских памятниках. Все изделия значительно фрагментированы. Сосуды такой формы имеют плоское дно, выпуклое, иногда почти шаровидное тулово, выделенную, близкую к прямой, шейку, завершающуюся венчиком-резервуаром. Диаметр шейки всегда меньше диаметра дна. Высота кувшинов, видимо, не превышала высоту ваз — 27–50 см.

Орнаментальная характеристика кувшинов во многом совпадает с особенностями декорирования ваз. В большинстве случаев венчики кувшинов имеют такой же резервуар-чашу, что и вазы. Особенность кувшинов — двойной резервуар-чаша, представляющий в профиль две соединенные вогнутости. Орнаментальные зоны кувшинов — шейка, плечики, тулово. Шейки изделий чаще всего были украшены разреженными лощеными вертикальными полосами, плечики — горизонтально-замкнутыми и разомкнутыми прочерченными бороздами, иногда лощеными косыми сетками или полосами, тулово — вертикальными лощеными полосами, отстоящими друг от друга на 3 см, имитирующими дольчатость сосудов; вертикальными прямыми и волнообразными лощеными полосами (Константиновское, Корсаковское поселения, Николаевское, Новогордеевское, Краскинское, Джигитовское городища, Красное Озеро).

Более 50% кувшинов совсем не орнаментированы, а их внешняя поверхность имеет зеркальное лощение.

Кувшины — это производное от ваз, но в комплексах бохайской культуры Приморья они встречаются одновременно с последними, что указывает на их формирование в более раннее время за пределами нашей территории.

Тип IV. Шаровидно-сферические сосуды. Имеют плоское дно, сферическое тулово, округлый венчик.

По форме плечиков изделия делятся на три вида.

Вид 1. Сосуды с пологими плечиками, переходящими в вертикальную горловину с прямо срезанным венчиком. По наличию или отсутствию шишковидных

ручек с проколотыми отверстиями выделяются два варианта. Вариант 1 — сосуды с ручками. Диаметр основания ручек 2,6 см, высота 1,5 см, диаметр отверстия 0,4 см. Вариант 2 — изделия без ручек. Встречено 4 экз. на Константиновском поселении.

Вид 2. Изделия с высокими плечиками, переходящими в венчик со срезанным внутрь сосуда краем.

Вид 3. Сосуды с резко выделенными (угловыми) плечиками и венчиком, обращенным внутрь. 20–25% изделий данного типа содержали врезной орнамент, представленный горизонтальными поясами, выделенными бороздами и заполненными оттисками гребенчатого штампа.

Основная масса сосудов типа IV не орнаментирована. Поверхность их гладкая, лощеная.

Высота изделий — 11–13 см, диаметр тулова — 18–22 см.

Встречено 11 экземпляров на Константиновском поселении.

Тип V. Корчаги. Это изделия с широким дном, слабопрофилированным туловом, покатыми плечиками, переходящими в венчик. Фрагментированность сосудов не позволяет определить их размеры и пропорции.

Обнаружены преимущественно в верхних слоях бохайских памятников. Как правило, не орнаментированы, имеют гладкую поверхность, лощение. Система лощения своеобразная: состоит из отдельных лощеных полос, создающих впечатление рифлености или полосатости.

По форме венчика корчаги делятся на четыре вида: 1 — с воротничковым типом венчика (перегиб края венчика наружу); 2 — с венчиком-карнизиком (при перегибе венчика наружу верхнюю часть его притирали к стенке); 3 — с валиковым венчиком (при перегибе венчик плотно притирали к стенке); 4 — с трубчатым венчиком — край венчика перегнут и завернут в трубочку. Данные виды венчиков корчаг представляют собой разные звенья типологического ряда — от простого перегиба-воротничка до трубочки.

Тип VI. Миски. Невысокие сосуды с плоским, широким дном, выпуклым туловом, покатыми плечиками, отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчиков 11,8–24 см.

По форме венчика миски делятся на четыре вида: 1 — с вогнутостью с внутренней стороны венчика; 2 — с валикообразным венчиком; 3 — с простым округлым венчиком; 4 — с горизонтально отогнутым венчиком. Последний вид чаще всего отмечается в поздних строительных горизонтах Новогордеевского, Николаевского-II, Старореченского, Краскинского городищ.

Тип VII. Тазы. По форме повторяют миски, но имеют более крупные размеры. Диаметр венчиков 30–50 см. Представлены четырьмя видами, как и миски.

У 40% тазов имеется орнамент — «вафли», сохранившийся вблизи дна или плечика, иногда на плечиках.

По наличию или отсутствию ручек тазы делятся на два варианта: 1) с горизонтальными парными ленточными ручками, украшенными растянutoй лощеной спиралью. Встречены в верхних строительных горизонтах Николаевского-2 и Новогордеевского городищ; 2) без ручек.

Тип VIII. Пароварки. Представлены на всех бохайских памятниках. Типообразующий признак — дно с отверстиями. Днища, как правило, широкие. Диаметр отверстий 0,5–3 см. Обнаружены преимущественно в поздних строительных горизонтах.

Тип IX. Сосуды на ножках. На Краскинском городище встречены только ножки сосудов, имитирующие ноги животных. На одном экземпляре насечками обозначены ножки и пальцы. Аналогичные изделия известны на памятниках государства Бохай в Маньчжурии.

Тип X. Крышки. По форме стенок делятся на три вида: 1 — чаши-пиалы; 2 — шлемовидные крышки; 3 — крышки-пробки.

По форме ручек изделия имеют следующие разновидности: 1 — овальные в сечении; 2 — квадратные; 3 — грибовидные; 4 — петлевидные; 5 — луковичы.

Встречены на Новогордеевском, Николаевском-2, Краскинском, Куналейском, Джигитовском городищах.

Тип XI. Котловидные изделия. Представлены в виде фрагментов на всех памятниках культуры, кроме Петровского, Новопокровского, Смычки.

Это изделия параболоидной в профиле формы, копирующие чугунные котлы. Типообразующий признак — наличие налпных рельефных валиков.

Технико-технологическая характеристика приемов изготовления круговой посуды. Общее количество образцов, подвергнутых петрографическому анализу, представлено 300 шлифами. Образцы отбирались от каждой формы сосудов со всех стационарно исследованных памятников. В результате выявлено, что для составления керамического теста применялись три рецепта.

1. В тесто включали только один или два сорта глины без каких-либо отошщающих добавок. Как правило, это были каолиновая и гидрослюдистая глины с большим содержанием (более 6%) окиси железа. Изделия такого теста даже после обжига сохраняют шелковистую на ощупь поверхность. Подобное сочетание глины без примесей применяется в настоящее время в Китае при изготовлении посуды на медленном круге. Аналогичный состав теста зафиксирован для нескольких форм изделий. Чаще всего из него изготавливали вазовидные и кувшиновидные сосуды, реже — горшки, совсем редко (один случай) — миски. В изломах черепков с таким составом теста поры мелкие (1 мм и менее), круглые, овальные, иногда вытянутые, в зависимости от места расположения их на сосуде.

2. Второй рецепт теста включал: два сорта глины (3–4 части — 70–80%) и песка (1–2 части — 20–30%). Глина была тонко обработана, тщательно измельчена. Песок добавлялся различного состава, в зависимости от месторождения. Чаще фиксируется кварцитовый и гранодиоритовый песок, мелкий, отсеянный, окатанный т.е. естественного происхождения. Размеры частиц не превышали 1–2 мм. Обычно тесто было тщательно промешано, и распределение песка на всех деталях сосуда оказывалось достаточно равномерным. Но в 15–20% случаев замес теста был ускоренным, так как оно содержало разное количество песка на разных участках изделий. Вторая рецептура преобладала и использовалась для изготовления всех форм сосудов.

Особо отметим изделия (не более 10%) содержавшие в тесте повышенное количество песка — 50–70%. В первую очередь это характерно для крупных горшков из Константиновского поселения (жилище № 4), затем для корчаг и корчажек.

3. Третий рецепт теста — один-два сорта глины — 3–4 части, песок — 1–2 части, растительная примесь, оставлявшая в порах углистое вещество и каверны в виде коротких бороздок (резаная солома?). Такой состав теста зафиксирован для всех форм сосудов, но чаще встречается у шаровидно-сферических изделий.

Специфика такого состава теста проявляется в слоистости после обжига. Внешняя поверхность создает иллюзию кованой, так как содержит множество мелких выбоин. (По мнению А.А. Бобринского, такой эффект достигался за счет добавки в тесто навозной жижи. Согласно данным этнографии, подобный прием действительно использовался в китайском гончарстве.) Эта рецептура теста была распространена достаточно широко — до 40% посуды. Очень редко в шлифах отмечаются отдельные зерна шамота.

Таким образом, состав керамического теста позволяет выявить в гончарстве Бо-хая две устойчивые традиции и одну слабо проявляющуюся. Тот факт, что разные рецепты применялись для изготовления посуды одного памятника и даже комплекса (например, керамика из одного жилища Константиновского поселения и Новогордеевского городища), свидетельствует о существовании нескольких «школ» («семейств», мастерских), имевших разные производственные навыки. Косвенно данное положение подтверждается еще и тем, что в большинстве случаев состав теста не связывался с конкретной формой изделий, а использовался широко.

Сосуды выделялись спирально-жгутовым налепом на круге. Приемы изготовления достаточно стандартны, традиционны, но не всегда единообразны внутри одной техники. Можно говорить о двух типах лепки: 1) со дна (донно-емкостной); 2) с тулова (емкостной). Преобладает донно-емкостный способ. Из жгута, диаметр которого не превышал 2,5 см, лепилось дно. По спирали жгут выводился от центра к краю и накладывался на плоскость круга. При этом жгут сильно уплощался. Спиральный налеп дна прослеживается и по другим признакам. В изломе черепков четко фиксируются спаянные между собой жгуты. При донно-емкостном начине край дна и часть стенки тулова в разрезе представляют собой монолит, так как последний виток жгута одновременно являлся и частью стенки тулова. Внутренний контур в данном месте был овальным. Кроме того, само место перехода изнутри дополнительно укреплялось жгутом.

Жгуты специального оформления не имели, но нижний их край всегда крепился с внутренней стороны сосуда, а верхний выводился наружу. Насадка жгутов была довольно глубокой, и подъем стенки при одном витке редко превышал 0,5–0,7 см. Сам спай тоже не был широким, исключая лишь места соединения отдельных деталей.

Целиком лепились лишь отдельные формы керамики — чаши, миски, крышки. Корчажки, шаровидно-сферические сосуды, тазы и небольшие горшки выделялись из двух частей. Крупные горшки, вазы, кувшины собирались из трех частей. Отметим такую особенность: при сборке сосудов во всех случаях последующие детали вставляли внутрь готовых частей, а не насаживали снаружи. Например, внутрь придонной части вазы вставляли среднюю часть тулова с плечиком. Место соединения тщательно заглаживали только снаружи, изнутри оно чуть приминалось тряпкой для скрепления и выступало над поверхностью в виде ободка. Спай в данном месте был длинным — до 2–3,5 см. Таким же образом внутрь готовой части сосуда вставлялись горловина с венчиком.

Как правило, все детали, в том числе блюдовидные и чашевидные венчики ваз и кувшинов, лепились спирально-жгутовой техникой. Однако незначительное количество изделий перечисленных форм имели вытянутые чашевидные венчики, т.е. в данных случаях применялась только круговая техника, означавшая высокий уровень гончарного производства.

Формовка круговой посуды — ваз, кувшинов, горшков, корчаг, шаровидно-сферических форм и тазов — осуществлялась преимущественно выбивкой, техникой, характерной для лепной керамики. Об использовании именно такой техники формовки свидетельствуют не только раздутые тулова сосудов, но и следы в виде вмятин внутри и определенной бугристости снаружи, которые не заглаживались даже при круговой обработке. Чаще всего выбивка была горизонтальной, судя по цепям вмятин, хотя встречается смешанная, а иногда вертикальная. Обычно ударный инструмент имел гладкую поверхность и не оставлял отпечатков, за исключением тазов и части горшков, на которых, как правило, в районе плечиков сохранились следы «вафли». На горшках «вафля» оформлялась в орнамент в виде поясов. На тазах оставалась на уровне технического орнамента.

Стенки сосудов были достаточно ровные — 0,7–0,9–1 см, дно во многих случаях оказывалось более тонким — всего 0,5 см.

Изнутри и снаружи изделия заглаживали на круге. Снаружи операции выполняли тщательно, поверхность делали ровной, убирая все следы лепки и формовки, добиваясь того, чтобы примеси не проступали наружу. С круга сосуды срезали нитью, о чем свидетельствуют тонкие, часто петлевидные бороздки на донышках, или ножом, оставлявшим волнообразные следы. На многих изделиях такие следы затирали слоем (2–3 мм) жидкой глины, который затем часто отслаивался и обнажал первоначальный вид дна. После снятия с круга и затирки дна глиной сосуд сушили на песчаной подсыпке, оставлявшей на поверхности круглые вмятины и создававшей шероховатость.

Характерной особенностью круговой посуды являлось лощение. Более всего это касается ваз и кувшинов, затем горшков и корчаг. Лощение выполняли по сухой и подсушенной основе. В первом случае требовалось смачивание, следствием чего было появление «плешин» — отслаивание тонкой пленки, обнажавшей следы работы круга. Лощение выполнялось вручную и на круге. Ручное лощение было ровным, плотным, у ваз и кувшинов — часто зеркальным. Это изменяло цвет поверхности с серого на темно-серый, создававший впечатление металлического блеска и позволяющий считать такие изделия имитациями серебряных сосудов.

При лощении на круге, а оно было горизонтальным, полосы получались не плотными, а разреженными.

Крышки, чашки, миски и тазы после заглаживания подвергались обточке на круге, оставлявшей специфические следы в виде срезов. Операция выполнялась при положении изделий на венчике.

При емкостном начине дно и тулово лепились отдельно. Тулово изготовлялось спирально-жгутовым способом, но нижний край жгута в этом случае был почти прямым и овальным, так как крепился непосредственно на поверхность круга. Таким он оставался и после соединения с дном, выполненным отдельно спирально-жгутовым налепом.

Незначительную часть посуды подвергали чернению, о чем мы уже упоминали. Чернение представляло собой тонкую пленку (1 мм и менее), нанесенную с внешней стороны, редко — с внутренней.

Большая часть круговой посуды обжигалась в печи в восстановительном режиме. Гончарные печи раскопаны на нескольких бохайских памятниках — Краскинском городище, Корсаковском поселении, Синегорье-1. Петрографический

анализ черепков свидетельствует о том, что температура в печи достигала 800° и более. Высокотемпературная выдержка была длительной, так как одноцветный прокал наблюдается по всей толщине фрагментов. У части посуды прокал был неполный, черепки становились трехцветными в изломе, что свидетельствует о коротком периоде высокотемпературного режима.

Определенное количество посуды подвергалось вторичному обжигу, изменявшему цвет изделий с серого на розовый, красноватый, коричневый.

Стандартный набор форм керамики бохайской культуры Приморья. Стратиграфическая раскладка керамического материала бохайских памятников показывает, что стандартный набор сосудов в разное время существования культуры был разным. Для раннего периода были характерны преимущественно лепные сосуды мохэского типа, как правило вазы и горшки, среди круговой посуды — вазы (категория III, тип I).

Поздний период включает горшки и банки мохэского типа, а также круговую посуду: горшки, миски, тазы, шаровидно-сферические изделия, корчаги, корчажки, крышки.

В целом же для культуры характерны лепные типично мохэские сосуды; бохайские горшки, доработанные на круге; круговая керамика, в первую очередь вазы, горшки, корчаги, миски, крышки.

3.1.2. Керамика бохайской культуры Северо-Восточного Китая

Представлена в могильнике Бэйда уезда Хэлун, на городище Аодунчэн в Дунхуа, в верхней столице Лунцюаньфу, в центральной столице Сяньдэфу — городище Сигучан в Хэлуэ, на городище Баляньчэн в Хуньчуне, на городище Шиху и Хэйши в Дунтуке, Сумичэн в Хуадянь, Дачэнцзы в Дуннине, Наньчэнцзы в г. Муданьцзян, Дунцзинчэн и др. Памятники бохайской культуры не одновременные и делятся китайскими археологами на ранние, поздние, иногда средние. Набор форм сосудов и техника выделки на разных памятниках различная.

К памятникам раннего периода относятся Люданьшань, Аодунчэн. На них обнаружены лепные сосуды мохэского типа и керамика, доработанная на круге: чаши, блюда, миски, горшки с вытянутым и круглым туловом, длинногорлые бутылки.

Категория I. Лепная керамика. *Тип I.* Мохэские сосуды вазовидной (вид I) и амфоровидной (вид 4) форм. Характерной деталью для них служит наlepной валик под венчиком, иногда декорированный насечками или вдавлениями. Обычно внешняя поверхность гладкая, изредка — с прочерченными горизонтальными бороздами. Форма ваз и амфор полностью соответствует изделиям бохайских памятников Приморья и мохэской культуры. Отдельные вазы по форме приближаются к горшкам. В этих случаях у них более резко выделяются плечики и подчеркиваются бороздой. Как правило, горшки оказываются доработанными на круге и имеют прочерченный декор. Обратим внимание, что на типично мохэских сосудах бохайской культуры северо-востока Китая почти не встречается ложнотекстильный орнамент, в то время как для бохайской керамики Приморья он традиционен. Это достаточно существенное отличие, так как именно эта посуда составляет аборигенный пласт культуры.

Категория II. Керамика, доработанная на круге. Это черные, черно-серые, красно-коричневые (бурые) сосуды, полностью повторяющие весь набор форм, зафиксированный нами в бохайской культуре Приморья: горшки с горизонтальными ручками; горшки без ручек с прочерченным декором; миски; чаши; крышки. Особо следует отметить сосуды с шаровидным туловом, горшки вытянутых форм, а также горшки с прямым, отогнутым наружу венчиком, полностью повторяющие формы керамики культуры когуре. Горшки с горизонтальными ленточными ручками есть в Цзиане (Цзилинь) и в Дунцзинчэне. Они черно-серого цвета. Высота их 28–30 см, диаметр дна 17–18 см, диаметр венчика 22–26 см. По центру тулова проведена горизонтальная борозда, на которой и размещены ручки. В Дунцзинчэне такие горшки более низкие и приближаются к мискам, т.е. в данном случае мы наблюдаем тот же процесс эволюции, что и у посуды амурских чжурчженей и бохайцев Приморья. Поэтому, видимо, Дунцзинчэн можно считать более поздним памятником, чем Цзиань. По венчику горшков часто прочерчены горизонтальные, а внутри — вертикальные и наклонные борозды, получившиеся, вероятно, при выглаживании стенок. Снаружи на горловине некоторые горшки и миски имеют вертикальные, отстоящие друг от друга на 1–2 см борозды. Тун Чанфу обращает внимание на то, что, несмотря на нахождение памятника Цзиань на территории Когуре, данные горшки и миски по форме, цвету и технике отличаются от посуды последнего. Такие горшки принято считать типично бохайскими. В Цзиане также встречен сосуд с сильно раздутым в нижней части туловом и отогнутым наружу венчиком с врезной тамгой в виде *N* на дне.

Крышки для сосудов имеют воронковидную форму, завершающуюся округлым или вертикальным венчиками.

Категория III. Круговая керамика. Цвет поверхности изделий серый и желто-коричневый.

Тип I. Вазы. Наиболее многочисленная форма. Вазы с плоским или чуть вогнутым дном, раздутым туловом, выделенными плечиками, узкой шейкой, завершающейся, как правило, чашевидным устьем.

Обратим внимание на то, что чаша у ваз не воронковидная, а хорошо профилированная. Для них характерна до блеска лощеная поверхность без какого-либо декора. Правда, встречаются, хотя и редко, наlepные валики на стыке горловины и плечиков, а также прочерченные или лощеные полосы с небольшими промежуточками, опоясывающие тулово. Полосы могут быть прямыми, в виде перевернутых арок, на вершинах которых укреплены круглые наlepы, имитирующие металлические заклепки. Такие вазы представляют собой керамические реплики металлических сосудов, которые в сунское и танское время начали копировать в поливной керамике. Придонная часть этих изделий не имеет закраины, угол соединения дна и тулова тупой. Венчик чаши не резкий, а округлый. (Вазы указанной формы часто называют кувшинами, сосудами для вина и т.п.) Именно в танское время начинает изменяться форма подобных ваз: тулово становится более раздутым, дно плоским, исчезает поддончик, углы чаши скругляются.

В число круговой керамики входят тазы, чаши, сосуды на трех ножках, тушечницы, шаровидные сосуды, горшки с отогнутым венчиком.

Тип II. Тазы (чаши для умывания). Бывают с плоским дном или с небольшим поддончиком, иногда под венчиком встречаются четыре ушка и наlepный валик. Высота изделий обычно 18 см, диаметр устья 32 см, диаметр дна 14 см, край вен-

чика косо срезан наружу. Вероятнее всего, ушки и косой край венчика предназначались для крышки (первоначально такие сосуды тоже были металлическими и крышка соединялась с сосудом за счет отверстия в ушках).

Тип III. Чаши, повторяющие форму тазов, но меньшего размера. Высота 5–7 см, диаметр венчика 12–17 см, диаметр дна 12 см, толщина стенок 0,5 см. Треножные сосуды имеют круглодонное тулово шаровидной формы, ножки (подпрямоугольные, круглые, подтреугольные в сечении, оформленные иногда в виде головы животного), вертикальную шейку с отогнутым наружу уплощенным венчиком (Дунцзинчэн), или просто сферическое тулово без шейки (Цзиань).

Тип IV. Треножники. Часто сопровождаются крышками. Высота сосудов 24–30 см.

Тип V. Шаровидные сосуды. Могут быть с короткой (1–1,5 см) вертикальной шейкой (табл. 85,7) или же совсем без шейки.

Тип VI. Тушечницы, в плане овальной формы с вдавленным желобком на конце для набирания жидкости. На дне (с обратной стороны) три коротенькие сосцевидные ножки: 2 впереди и 1 сзади. Высота 2,3 см, длина 12 см, ширина впереди 7,5 см, ширина сзади 4,5 см. Довольно редко встречаются горшки с вогнутым венчиком. Они обнаружены в Дунцзинчэне в сильно фрагментированном состоянии.

Тип VII. Крышки. Зафиксировано несколько видов: 1 — шлемовидные с ручкой-луковицей; 2 — в виде перевернутой чаши с узким кольцевидным доньшком и выпуклыми стенками; 3 — с ручкой в виде пирамидки.

Тип VIII. Корчаги. Отметим единичные находки корчаг с трубчатым венчиком (Дунцзинчэн) и горизонтальным валиком в районе горловины.

Средний и поздний периоды бохайской культуры представлены памятниками Баляньчэн (Хунчуни), Бэдади (Хэлун), Дунцзинчэн, Санчэн и могильником Юкдэн. К сожалению, нам неизвестны типологическое и стратиграфическое обоснования данной периодизации. Однако наличие в комплексах таких сосудов, как корчаги с трубчатым венчиком, мисковидные горшки и горшки с вогнутым венчиком, заставляют согласиться с тем, что перечисленные памятники представляют поздний этап бохайской культуры. Основным орнаментом круговой посуды на всех этапах культуры был прочерченный.

На поздних памятниках бохайской культуры появляется поливная керамика. Полива встречается как монокромная — желтая, коричневая, зеленая, красная, фиолетово-коричневая, так и полихромная. Формы сосудов — блюда, тазики с ручками, горшки с длинной шейкой, сосуды на трех ножках, тушечницы, крышки. Бохайские мастера при изготовлении поливной посуды пользовались танской технологией. Позднее такая керамика стала называться «бохайская трехцветная».

Некоторые тамгообразные знаки на керамике представлены китайскими иероглифами. Они никогда не встречались на лепной посуде, но часто наносились на круговую сероглиняную посуду. Ряд знаков идентичен знакам бохайской культуры Приморья и амурских чжурчжэней.

Стандартный набор форм керамики бохайской культуры. Стратиграфическая раскладка керамического материала бохайских памятников показывает, что стандартный набор сосудов в разное время существования культуры был разным. Для раннего периода были характерны преимущественно лепные сосуды мохэ-

ского типа, как правило вазы и горшки, среди круговой посуды — вазы (категория III, тип I).

Поздний период включает горшки и банки мохэского типа, а также круговую посуду: горшки, миски, тазы, шаровидно-сферические изделия, корчаги, корчажки, крышки.

В целом же для культуры характерны лепные типично мохэские сосуды; бохайские горшки, доработанные на круге; круговая керамика, в первую очередь вазы, горшки, корчаги, миски, крышки.

Выводы. Как выясняется, выявленные на бохайских памятниках три категории керамики имеют разное происхождение: а) типично мохэские сосуды, представляющие аборигенный пласт культуры, свидетельствуют, что основным населением на всей территории Бохая были племена мохэ. Причем прослеживается две традиции — троицкая, сопоставляемая с племенами хэйшуй мохэ, и найфельдская, сопоставляемая с государствообразующим этносом сумо мохэ, имеющим, в свою очередь, дуальное происхождение, на чём мы остановимся позже; б) бохайский тип посуды — горшки — восходит к когурёским гончарным традициям и появляется на этой территории после падения Когурё. Естественно, что такая посуда — продукт когурёских гончаров — ремесленников, бежавших в Бохай после разгрома в 668 г. Китаем государства Когурё; в) сероглиняная круговая посуда по технико-технологическим и формам изделий восходит к ханьским истокам и представляет собой разновидность танских традиций. Они либо появлялись здесь в качестве товара и торговых отношений, либо производились на месте китайскими ремесленниками, привлекавшимися Бохаем для организации деятельности государства. Заметим, что танские гончарные традиции в позднебохайское и постбохайское время оказали существенное влияние на развитие когурёского керамического производства.

Следует отметить, что для ранних бохайских памятников в большей степени характерно сочетание лепных мохэских сосудов и когурёской керамики, доработанной на круге, в то время как на поздних памятниках возрастает количество круговой посуды танского или танско-когурёского стиля. Однако это не означает смену аборигенного тунгусо-маньчжурского населения в Бохае. Просто происходит вытеснение домашнего тунгусо-маньчжурского производства ремесленным, но при том же составе населения. Это закономерный общемировой процесс развития государств, и Бохай здесь не был исключением.

3.2. Орнаментальный мотив «хоровод танцующих людей» в контексте этносоциальной стратификации

В исторических науках при анализе археологических и этнографических источников орнаментальные композиции традиционно используются в качестве этнокультурных показателей. Такие исследования проведены для многих археологических культур Евразии [Кожин, 2008, с. 115–127]. В этнографии образцом подобных разработок являются труды С.В. Иванова [Иванов, 1961, с. 327–359].

В дальневосточной медиевистике данное направление не отягощено вниманием специалистов, хотя в последние десятилетия появились источники, позволяющие приступить к решению ряда проблем социокультурогенеза, этнокультурных контактов и этнической истории. Автору данной работы повезло при раскопках гончарной печи поселения Синегорье-1, загруженной сероглиняными круговыми вазами, корчагами, горшками и прочими изделиями, изготовленными в когурёско-бохайско-танских гончарных традициях, обнаружить керамику со штампованными типами декора, представленными поясами вписанных геометрических фигур — ромбов и треугольников. Мною выделен на этой керамике также горизонтальный пояс из танцующих людей, держащихся за руки (рис. 94).

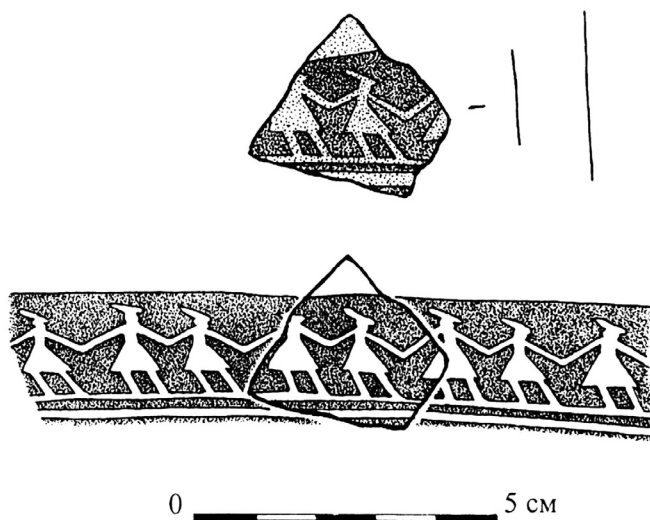

Рис. 94.
Памятник Синегорье-1: фрагмент керамики с орнаментом «хоровод людей»

Танцующие фигурки изображены схематично, без прорисовки деталей лицевой части, но с головным убором или высокой прической. Высота фигурок 1,7 см. Длина рук — 0,7 см. Размер прически или головного убора — 0,5 см. Высота от головы до середины туловища — 0,5 см. Танцующие люди были одеты в одинаковую одежду, которая от пояса (от груди) расширялась к низу и представляла собой треугольник. Длина такой юбки — 0,6 см. Ширина по подолу — 0,8 см. Ширина по груди — 0,3 см.

Надо сказать, что это не первая такая находка, встреченная на приморских памятниках. В 1993 г. В.И. Дьяков при разведочном обследовании Кокшаровско-го-1 городища обнаружил фрагмент керамики с подобным декором [Дьяков, 1993, № 18197]. В 1995 г. два черепка с этим же орнаментом собраны местным жителем А.А. Кутуковым на проселочной дороге вблизи р. Зеркальная и опубликованы Д.Л. Бродянским и В.Д. Ленковым [Бродянский, Ленков, 1995, с. 98–103]. Исследователи расшифровали данный сюжет через эвенкийские героические сказания, через обряд «шинг-кэлавун», приносящий удачу и счастье охотникам. Но это всё были подъемные, а не стратифицированные, находки.

Сопоставление керамики с орнаментом «танцующих людей» из трех местонахождений — подъемного материала с р. Зеркальная, Кокшаровское-1 городища и из гончарной печи поселения Синегорье-1 — приводят к однозначному заключению, что все фрагменты с «танцующими людьми» происходят из одного места, т.е. из печи поселения Синегорье-1. Это означает, что продукция данной печи, видимо, поставлялась в большой географический ареал, в который с западной стороны входил бассейн Амура, а с восточной, как минимум, — бассейн Зеркальной. Все три местонахождения — городище Кокшаровское-1, гончарная печь поселения Синегорье-1 и р. Зеркальная, безусловно, существовали в одно время. Они были связаны между собой не только культурной, но и торгово-экономической деятельностью. Последнее подтверждается функционированием в эпоху средневековья в данном месте дорожно-транспортной магистрали. Географически городище Кокшаровское-1 и поселение Синегорье-1 разделены хребтом Сихотэ-Алиня и отстоят друг от друга приблизительно на расстоянии 100 км. Городище Кокшаровское-1 находится с юго-западной стороны хребта, поселение Синегорье-1 — с восточной стороны. В данном месте хребет имеет проход, который контролировала Венюковская крепость. По своему геофизическому положению бассейн р. Зеркальная предназначен быть естественной дорожно-транспортной магистралью, так как удобный перевал связывал его с бассейном Амура, а долина реки плавно заканчивалась у морской бухты. По всем этим дорогам происходило распространение глиняной посуды печи поселения Синегорье-1.

Как удалось выяснить, одной из древних параллелей хороводу «танцующих людей», но уже с явно сложившейся традицией, является бронзовый нож культуры хунну, хранящийся в Ордосском государственном музее провинции Внутренняя Монголия. На плоской поверхности рукояти ножа нанесен аналогичный орнамент, выполненный штамповкой. Данная находка принадлежит к кругу всемирно известных ордосских бронз и датируется гуннским временем. Характер орнамента на бронзовой рукояти хуннского ножа и орнаментального пояса на бохайской глиняной посуде из печи поселения Синегорье-1 и городища Кокшаровское-1 однотипны и совпадают во всех деталях.

Следующая выявленная автором аналогия «танцующим людям» обнаружена в этнографической коллекции Музея национальных меньшинств Китая (г. Пекин), где данная сцена также в плоскостном варианте вырезана на деревянном панно и помещена в экспозиции среди ритуальных атрибутов этносов северо-восточного Китая. Композиционное построение орнаментального мотива «танцующих людей» полностью аналогично как хуннскому, так и бохайскому мотивам.

Таким образом, выявленные параллели орнаментального мотива «танцующих людей, держащихся за руки» показывают, что он бытовал на территории Центральной Азии и Дальнего Востока уже в сложившемся виде в конце I тыс. до н.э. (хуннская эпоха), в конце I тыс. н.э. (бохайское время), в этнографическое время и был связан с этносами алтайского языкового круга, издавна населявшими данную территорию. Переданная в орнаментальном мотиве одежда в виде колокола (треугольника), расширяющегося книзу от груди, создает впечатление, что на людях традиционная корейская женская одежда типа ханбок, состоящая из чогори — короткой и узкой кофты и чхимы — широкой юбки, пояс которой вы-

ше талии. Считается, что ханбок очень практичен и приспособлен к холодному климату, охоте и кочевой жизни. Хороводный танец, изображенный на сосуде, позволяет предположить, что это хоровод Кангансунволле, который принято исполнять женщинам в национальном костюме ханбок во время праздника урожая Чхусок. Кангансунволл — хороводно-круговой танец корейцев, который сопровождается песнями и связан с почитанием Луны как символа плодородия. В полнолуние первого и восьмого месяца по лунному календарю собирается большое количество девушек, чтобы хором петь песни и водить хороводы. «В хороводе могут принять участие более 50 девушек. Для этого танца характерны медленные плавные круговые движения (сначала хоровод медленно движется в одну сторону, затем в другую), которые чередуются с приседаниями и песнопениями в честь луны... Круговые движения означают очищение, ограждение от злых духов» [Толстых, 2010, с. 39]. Таким образом, орнаментальный мотив «хоровод танцующих людей» может быть расшифрован как стилизованное изображение корейского праздника урожая Чхусок, во время которого женщины в национальном костюме ханбок водят хоровод Канганвонсулле.

Средневековый «корейский след» подтверждается также тем, что указанный орнамент был обнаружен в печи когуреского типа, хорошо стратифицирован и нанесен на сосудах бохайских форм. Кроме того, именно в это время на северо-востоке Приморья появляется серия каменных крепостей, возведенных по когуреским технологиям военного зодчества. Следовательно, набирается достаточно аргументов в пользу того, чтобы расшифровку орнамента производить согласно корейской, а не эвенкийской мифологии. К тому же из письменных источников известно, что именно когуресцы, а не эвенки входили в состав государства Бохай. Таким образом, просматривается определенная связь хуннских, бохайских и корейских традиций в прикладном декоративном искусстве названных этносов. Стратифицированное залегание в печи когурёского типа сосуда с таким орнаментом, выполненного по когурёско-бохайско-танской технологии, подтверждает тот факт, что Приморье после падения Бохая не опустело, бохайские ремесленники когурёского происхождения продолжали обеспечивать население своей продукцией, занимая статус ремесленников.

3.3. Градостроительные традиции государства Бохай

Градостроительство Бохая является надежным индикатором для определения этносоциального статуса населения. Формирование бохайских градостроительных традиций происходило не на пустом месте. Оно развивалось на базе давно сложившегося зодчества Восточной Азии, в первую очередь китайского и когурёского, но часто с аборигенной (тунгусо-маньчжурской) спецификой. В предыдущей главе при характеристике бохайских памятников автору уже приходилось касаться этой проблемы и анализировать основные типы бохайских археологических объектов. Выяснилось, что бохайское зодчество представлено долинным (равнинным) типом городищ (квадратные и многоугольные), каменными крепостями; мысовыми укреплениями и поселениями.

3.3.1. Долинные городища

Расположены в долинах рек, как правило, на высокой пойме, на не затапливаемых водой участках с ровной поверхностью. Долинные укрепления строились в удобных для земледелия, часто болотистых местах в средней, нижней и приустьевой частях рек. У них простая планиграфия, как правило без внутреннего города и редута и простая фортификация без башен. Их строительство начиналось с углов, после разметки валов всего городища. Как правило, внешняя поверхность фортификационных углов облицовывалась камнем, иногда облицовывались и другие участки. Структура валов каменно-почвенная.

В валах квадратных городищ обычно прорезаны 2 или 4 противоположных входа — ворота. Редко одни. Ворота простые, в виде 2–5-метровых разрывов вала, без каких-либо дополнительных деталей и фортификационных сооружений. Как правило, углами городища ориентированы по сторонам света. Высота валов небольшая, редко превышающая 3 м.

Квадратные укрепления часто сопровождаются дополнительными валами и рвами, имевшими, как установил М.В. Воробьев, двойное назначение. С одной стороны, при паводках они служили дренажной системой и отводили воду, с другой стороны, использовались в качестве фортификаций [Воробьев, 1983, с. 78]. Размеры городищ разные, что связано с их статусом в государственной структуре и назначением.

Самое крупное квадратное городище долинного типа — Джигитовское, площадь которого составляет 5,76 га. Следующее по величине укрепление — Брусиловское, занимающее 2,89 га. Площадь остальных городищ не превышает 1 га (Садовый Ключ) и менее.

Расположение укрепленных поселений в долинах, невысокие валы, простые ворота, отсутствие башен и камнеметных площадок, запасов каменных снарядов, следов пожаров и разграблений свидетельствуют о достаточно спокойном времени возведения и существования квадратных городищ. Возведение укреплений в болотистых местах вблизи рек указывает, что жители, видимо, занимались, преимущественно охотой и рыбной ловлей, т.е. обычными для тунгусо-маньчжуров промыслами [Венюков, 1970, с. 61]. Стационарные раскопки городищ выявили жилые комплексы, использовавшиеся населением для постоянного проживания. Следовательно, квадратные городища долинного типа относятся к административным жилым и оборонительным объектам. Возведение квадратных (прямоугольных) городищ предполагает хорошие фортификационные знания, которыми аборигенное население Приморья к моменту создания государства Бохай еще не обладало, поскольку в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. освоило только самый простой — мысовый тип укреплений. Квадратная же форма с древности была присуща равнинным укреплениям Китая, имевшим четко выдержанную планировку стен. Квадратными китайцы строили здания, дворцовые комплексы. С квадратом отождествляли землю. На российском Дальнем Востоке квадратный тип городищ распространяется только после создания государства Бохай, хотя sporadически появляется в польцевской культуре (конец I тыс. до н.э. — IV в. н.э.). Поскольку территория Приморья не сразу вошла в состав этого государства, а, согласно письменным источникам, территориально-административное деление государства Бохай оформилось по китайскому образцу в первой половине IX в., вероятнее всего, тогда же бохайцы скалькировали и китайские квадратные горо-

дища. Территория Бохая состояла из провинций, округов и уездов. В «варварских» землях, куда входило Приморье, для контроля над населением обычно образовывались «округа подавления».

Долинная топография квадратных укреплений, безбашенные фортификации, малый процент предметов вооружения среди археологического материала, стратиграфия и планиграфия свидетельствуют о первоначально мирном характере освоения государством Бохай Приморья и об отсутствии у него в то время внешнего врага. Городища строились и функционировали как административные единицы для управления населением и территорией. От статуса городища зависели и его размеры. Например, вероятно, центром северо-восточного округа (уезда) являлось Джигитовское городище, прикрывавшееся другими укреплениями. Проход с западных склонов Сихотэ-Алиня в бассейн Джигитовки прикрывала горная крепость Поднебесная, а вход в бухту Джигит со стороны Японского моря замыкала каменная крепость Ключи. Особый статус Джигитовского городища подтверждает его планиграфия с маленьким запретным городом. Археологический материал, в частности наличие в комплексах мохэской керамики, указывает на то, что квадратными городищами владели местные мохэские вожди, видимо, еще не успевшие освоить инородную культуру.

Таким образом, долинный тип бохайских городищ восходит к китайским градостроительным традициям, но с аборигенной спецификой, проявившейся в структуре валов, оформлении ворот и планиграфии (без внутреннего города).

3.3.2. Многоугольные городища

Это те же квадратные городища, но со срезанными (скругленными) углами, с простой планиграфией без внутреннего города и редута, с каменно-почвенными валами без башен, часто с усложненными воротами в виде захаба. Как и квадратные городища, они являлись административными жилыми и оборонительными объектами. Происхождение многоугольных городищ явно восходит к «китайскому» типу квадратных укреплений, и, по нашему мнению, многоугольная форма является следующим звеном развития укреплений долинного типа. Следовательно, по времени многоугольные городища более поздние. Вероятно, их стали возводить не ранее IX в. н.э.

Видимо, многоугольные городища долинного типа являются собственно бохайским изобретением. Появились они, вероятнее всего, в то время, когда государство Бохай оказалось «вне закона» для Китая, позволив себе объявить собственный девиз правления. В это время молодое тунгусо-маньчжурское государство активно расширяло свои границы за счет присоединения новых территорий, населенных родственными мохэскими племенами. Происходило это не всегда мирным путем. Согласно летописным китайским хроникам мохэсцы, в обход Бохая, несколько раз посылали в Китай посольства. К тому же бохайцев регулярно беспокоили набегами кидани. Время требовало от укреплений более широкого обзора пространства, чем мог дать квадрат. В результате появился многоугольник.

Таким образом, квадратные и многоугольные бохайские городища по градостроительным приемам восходят к китайской зодческой традиции и, видимо, для возведения таких объектов привлекались китайские мастера, имевшие богатый

архитектурно-строительный опыт. Классический (квадратный, прямоугольный) долинный тип укрепления заимствован из Китая государством Бохай не ранее начала VIII в., а затем самостоятельно трансформирован в многоугольную форму путем усечения двух углов, что было обусловлено не только необходимостью вписывания в рельеф, но и, видимо, оборонительными соображениями.

3.3.3. Каменные крепости на отдельных сопках

Расположены на вершинах отдельных сопкок, часто гольцах, возведены из камня без цементной связки. Объекты занимали господствующие над местностью высоты, позволяющие просматривать всю речную долину, и были сооружены явно в стратегических целях. Как правило, подобные сопки возвышались непосредственно над рекой или вблизи нее. Склоны сопкок были каменистыми и каждый шаг по «живому» камню мог быть слышен издалека. Незаметно подойти к такой крепости было невозможно.

В Приморье известно 11 каменных крепостей, семь из них — Шмырков Ключ, Заболотное–Алтарь (бассейн р. Серебрянка), Ключи (бассейн р. Джигитовка), Васьковское (бассейн р. Рудная), Живописное, Сеселевское (бассейн р. Живописная), Яшу расположены в Центральном Сихотэ-Алине, на восточном и северо-восточном побережьях Японского (Восточного) моря. Крепости остальной части Приморья практически не изучены. По форме вала каменные крепости представлены двумя разновидностями: с замкнутым валом (Заболотное, Ключи, Шмырков Ключ, Живописная) и с дугообразным валом (Васьковское).

Планиграфия каменных крепостей простая. Для возведения построек использовались уплощенные участки сопкок и прилегающая к ним территория.

Фортификация представлена каменными крепостными стенами, окаймлявшими по окружности или серпантинном склон сопки. Строительные технологии, применявшиеся для возведения каменных крепостей, отличаются устойчивыми традициями и высоким мастерством. Строительный камень обычно добывали на месте. Прочность каменной стены во многом зависела от способа обработки камня. Прежде чем возводить стену, поверхность под ней выравнивали. Ширина выравниваемой полосы достигала 2–6 м. На нее укладывали слой крупных камней. Камни подвергались специальной обработке. По нижнему краю камня оставляли выступ, чтобы верхние камни плотно прилегали к нему, не двигались и не падали. Для дальнейшего возведения стены использовали камни пирамидальной формы. С высотой стены размер камней уменьшался. Для каждого слоя, видимо, размер камней имел определенный стандарт. Форма камней отличалась рядом особенностей: основание было четырехугольным, в средней части углы сглажены, конец камня был тонким и приостренным. Нижняя часть стены с внутренней стороны имела форму лестницы. Слои камней при укладке образовывали горизонтальные и вертикальные швы. Вертикальные швы между собой не совпадали, что упрочняло стену. Крепостные стены были отвесными или имели небольшой наклон. Угол наклона стены зависел от крутизны сопки. Если стена возводилась на ровном месте, то угол наклона составлял 80–85°. Если склон был крутым, то угол наклона достигал 75°. Высота стен была разной — от 1 м до 6–7,5 м (Шмырков Ключ). Вход в каменных крепостях простой, в виде 2–5-метровых

разрывов. Фортификационными особенностями каменных укреплений являлись «гнезда», выполненные в виде обвалованных камнем ям. Видимо, таким способом оформлялись места для стрелков. Подобные «гнезда» зафиксированы в крепости Ключи, Живописная, а также в качестве отдельных самостоятельных объектов на склоне сопки р. Монастырка (бассейн Рудной).

Таким образом, для каменных горных крепостей характерны следующие традиции: выбор места возведения в стратегически важных местах на господствующих высотах с целью охраны сухопутных и морских дорожно-транспортных путей, использование местного строительного сырья, бесцементная каменная кладка, стандартные формы камня и стандартные размеры для разных частей стены, лестничное оформление внутренней стороны стены, отсутствие единого вертикального шва, выравнивание поверхности склона сопки под основание. По расположению, строительным технологиям, назначению каменные крепости Приморья восходят к фортификационным традициям когурёских крепостей и часто полностью им соответствуют. Видимо, данная фортификационная традиция была заимствована мохэсцами и бохайцами не ранее VII в. н.э., т.е. после падения государства Когурё и вхождения когурёсцев в состав Бохая.

Анализ градостроительных технологий Бохая выявляет те же этносоциальные страты, что и керамический материал, т.е. для возведения долинных (административных жилых оборонительных) городищ привлекались китайские мастера, а для возведения каменных крепостей (охранно-сторожевых) — когурёские.

3.4. Индоевропейские следы в бохайской культуре

Эпоха средневековья на Дальнем Востоке (Россия, северо-восток Китая) — это эпоха господства тунгусо-маньчжурской общности (мохэских и чжурчжэньских племен), представленной четырьмя археологическими культурами: мохэской, бохайской, культурой амурских чжурчжэней, культурой приморских чжурчжэней. На базе этой общности вышло три государства: Бохай (698–926), Цзинь (1115–1234), Восточное Ся (1217–1234). А.П. Окладниковым в монографии «Дальнее прошлое Приморья» отмечено, что с определенного времени в эпоху средневековья в дальневосточной керамике вместе с гончарной посудой начинает широко распространяться штампованный орнамент [Окладников, 1959, с. 179].

Анализ круговой керамики культуры амурских чжурчжэней и бохайских памятников, насчитывающих более 300 тыс. единиц хранения, показывает, что в танское время (618–907) появляются сосуды преимущественно вазовидных форм, известных в Китае как вазы «ху», со штампованными орнаментальными композициями. По своему типу штампованный орнамент относится к врезным, по виду — к прямолинейно-геометрическим (рис. 95). По структуре может быть разделен на бордюры и розетки. Мотивы орнамента строго симметричны и весьма разнообразны: а) пояса вертикально и наклонно расположенных узких четырехугольников одинаковой высоты, отстоящих друг от друга на 2–3 мм (верхнюю и нижнюю окантовку узора создают наплывы теста, возникающие при движении штампа по поверхности сосуда и, собственно, оформляющие бордюр); б) анало-

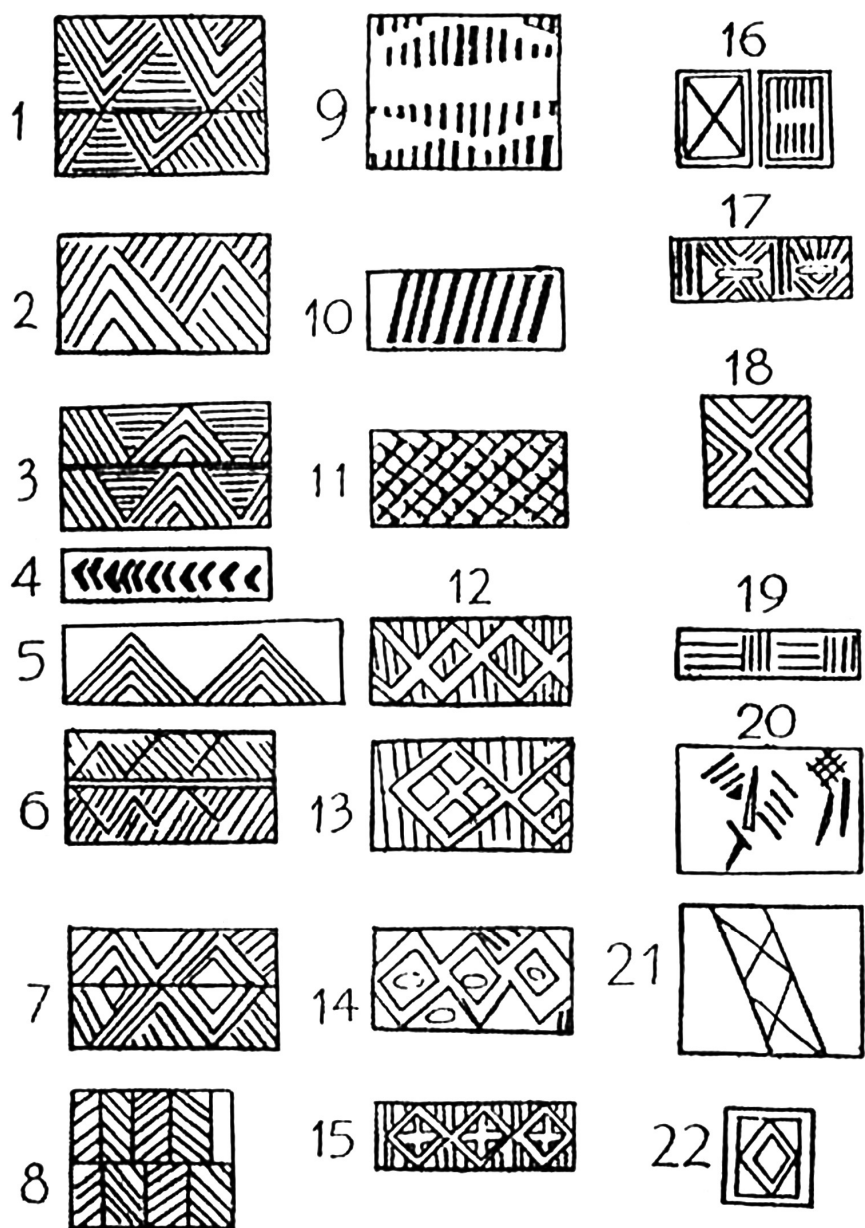

Рис. 95.
Штампованный орнамент круговой керамики чжурчжэньской (амурской),
бохайской, мохэской культур

гичный вышеописанному узор, но с тем отличием, что сверху и внизу бордюра четырехугольники располагаются на одном уровне, а в центральной части — на разных, образуя волну; в) пояса косой сетки с углублениями в центре; г) пояса из вписанных углов, обращенных вершинами вверх; д) пояса вписанных и антипо-

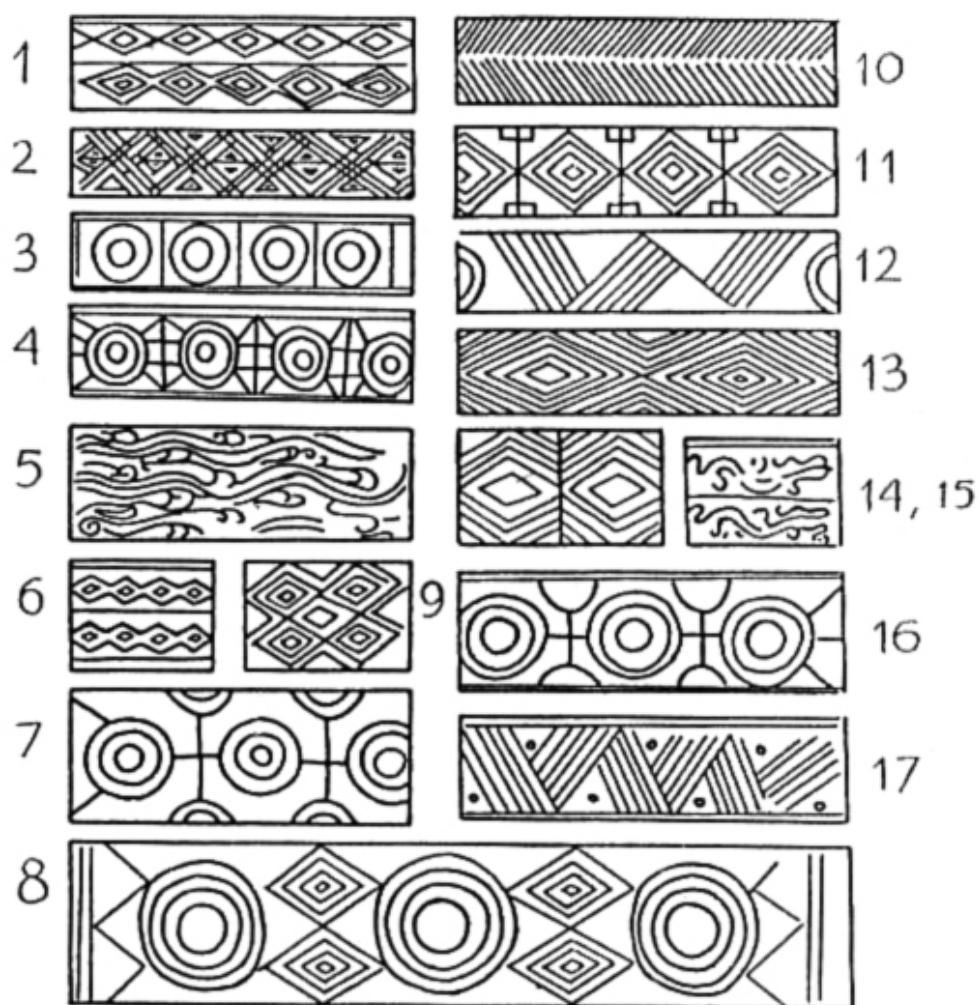

Рис. 96.
Штампованный орнамент на кирпичах Когуре, Силла, Пэкче

дально расположенных зигзагов, при пересечении создающих фигуру ромбов и прямоугольников; е) пояса вписанных и косо заштрихованных углов, ориентированных вершинами вверх; з) пояса вписанных и диагонально разделенных ромбов. При кажущемся многообразии мотивы штампованного орнамента сводятся к зигзагу, треугольнику, квадрату, прямоугольнику, вертикальным, горизонтальным, наклонным бороздкам, в основе исполнения которых лежат борозда, угол, треугольник [Дьякова, 1998, с. 367; Медведев, 1998, с. 127). Анализ техники нанесения штампованного орнамента на поверхность сосуда позволяет говорить о том, что во многих случаях его мотивы имитируют приемы резьбы по дереву, выделки ковров, металлообработки. В керамике предшествующих средневековой культур российского Дальнего Востока — от неолита до железного века включительно — штампованные мотивы декора практически не встречаются.

Отсутствуют они и у современных тунгусо-маньчжурских народов дальневосточного региона, для которых характерен криволинейный орнамент. Изредка штампованные мотивы встречаются у тунгусов (эвенов и эвенков), проживающих в контактной зоне с тюркским (якуты) и монгольским (буряты) этносами.

Картирование штампованных орнаментальных композиций показывает, что они появляются в Средней и Центральной Азии в эпоху палеометалла (афанасьевско-андроновско-карасукское время) и очерчивают большой этнокультурный ареал в Азии, связанный своим происхождением с западными территориями. Этот пласт оказал большое влияние на орнаментальные традиции Китая [*Фэн Сяньмин*, 1973, с. 20–29]. Такой декор наблюдается на бронзовых изделиях, прототипы которых обнаруживаются в материалах кочевнического, дотюркского мира. В эпоху железа декор переходит на керамические изделия, в первую очередь на кирпичи. Он известен на Корейском полуострове в государствах Пэкче, Когурё, активно используется в Тан (рис. 96). Полные аналогии дальневосточным мотивам обнаруживаются в сероглиняной керамике средневековых культур Сибири, в культуре чаатас, у уйгуров.

Заметим, что в этнографических материалах тюркских народов эти разновидности декора встречаются до сих пор у киргизов, казахов, узбеков, туркмен, тувинцев, якутов.

В истории культуры дальневосточных народов штампованные мотивы оказались только эпизодом по вполне понятным причинам. До создания государственных образований Бохай (698–926) и Ляо (916–1125) для аборигенного населения эпохи средневековья такие мотивы были не характерны. Они сложились в кочевническом мире еще в дотюркское время и имели хождение в Евразии. Из древнего кочевнического мира штампованный декор был перенят и активно использовался ремесленниками Китая. Позднее, с появлением на азиатских территориях тюрков, штампованные декоры были ими заимствованы, видимо, вместе с коврами. На территорию Приморья и Приамурья к тунгусо-маньчжурам штампованный декор проник в эпоху средневековья — не ранее VII в. — от тюрков (включая уйгуров), но через китайских ремесленников-гончаров, поставлявших керамику с заимствованным декором. С разгромом Уйгурского каганата и падения государства Бохай прекратилось и воспроизведение штампованного декора на ремесленной продукции.

Однако истоком данной орнаментальной традиции в культурах как тюркского, так и монгольского миров являлись декоративные традиции древнего индоевропейского пласта афанасьевско-андроно-карасукско-тагарско-скифской культур. В средневековых культурах российского Дальнего Востока эти традиции оказались лишь кратковременным эпизодом, поглощенным в этнографические времена криволинейным декором.

Второй индоевропейский след в средневековых тунгусо-маньчжурских культурах связан с появлением на территории российского Дальнего Востока курганов. Самые древние курганы обнаружены на памятнике Петровка-9 эпохи палеометалла [*Дьяков*, 1999, с. 3–76]. Более поздние представлены эпохой средневековья. К бохайским курганным некрополям относятся памятники Амфитеатр, Абрикосовая, Мечта, Копыто [*Шавкунов*, 1968, с. 68] и Монастырка-3 [*Дьякова*, 1998, с. 43–316]. Для них характерна каменная подпрямоугольная насыпь, заполненная скальником (иногда с подтёской), обряд кремации (на стороне и на месте), подкурганная каменная оградка. Ближайшие аналогии обнаруживаются сре-

ди поминальных сооружений древних тюрок, берущих свои истоки в индоевропейских культурах — афанасьевской, андроновской, карасукской, тагарской, скифской [Киселев, 1951, с. 127; Кызласов, 1958, с. 78; Савинов, 1981, с. 85]. В доскифских культурах оградки являются ограждением могилы, в скифское время они приобретают самостоятельное значение и сооружаются для проведения обряда поминания (шумракский этап); у тюрок-тюгу оградка приобретает законченные черты поминального объекта с четко разработанным каноном, по которому строятся сооружения такого типа на протяжении нескольких веков [Овчинникова, 1992, с. 206–208]. Древнетюркские поминальные сооружения (каменные оградки) всегда связаны с каменными изваяниями (стелами, валунами, вертикально поставленными камнями-балбалами), стоящими с восточной стороны оградок. «Сами же алтайские оградки почти одинаковы по размерам и сооружены по одному принципу. Это подквадратные или прямоугольные в плане площадки, образованные поставленными на ребро плитами. Внутри оградок, как правило, каменная заброска из крупных валунов или мелкой гальки» [Кубарев, 1979, с. 135–160]. По характеристике приморские оградки курганов наиболее близки юстыдскому типу оградок. В настоящее время можно констатировать, что курганы Амфитеатр, Абрикосовый, Мечты, Копыто, Монастырки-3 сопровождалась каменными оградками, традиция возведения которых заимствована бохайцами из древнетюркских поминальных памятников, несущих, в свою очередь, индоевропейский след (рис. 97).

Таким образом, в средневековых тунгусо-маньчжурских культурах Дальнего Востока, в первую очередь в бохайской культуре, в орнаментальном декоре и погребальных конструкциях прослеживаются опосредованные индоевропейские следы, принесенные на эту территорию тюрками (погребальные традиции) и, видимо, китайскими ремесленниками, копировавшими штамповые элементы декора с деревянных и ковровых изделий на круговую сероглиняную керамику.

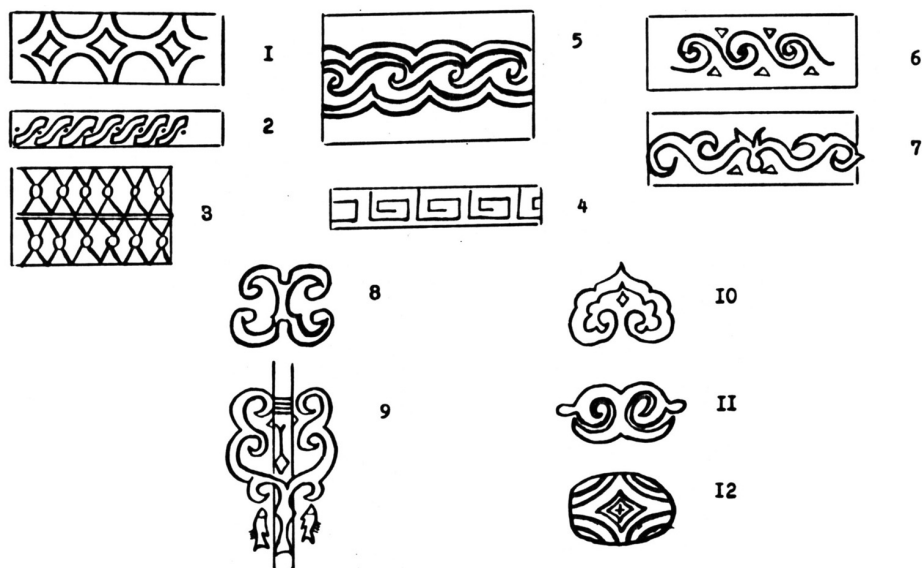

Рис. 97.
Орнаментальные мотивы тунгусо-маньчжуров

Глава 4

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА БОХАЯ

Бохай был крупной страной с хорошо развитыми политическими, дипломатическими, культурными, военными и торгово-экономическими связями со всеми окружающими государствами — Японией, Китаем, Силла, Вторым Тюркским (с 80-х годов VII в. до 744 г.) и Уйгурским (745–840) каганатами. Такого рода контакты требовали хорошо отлаженной системы сухопутных и морских дорожно-транспортных магистралей. В восточных нарративных источниках сохранились отдельные сведения о дорожно-транспортной системе Бохая, информация о которых частично введена в научный оборот З.Н. Матвеевым, Е.И. Кычановым, М.В. Воробьевым, В.С. Таскиным, Э.В. Шавкуновым [Матвеев, 1929, с. 34; Воробьев, 1994, с. 108; Кычанов, 1966, с. 78; Таскин, 1968, с. 177; Шавкунов Э.В., 1968, с. 98]. Правда, эти сведения касались преимущественно Маньчжурии и Кореи. Известна «дорога в Силла», проходившая по округу Наньхай до южной столицы Бохая Наньхай (совр. провинции Северная и Южная Хамген КНДР). «Дорога подношений императорскому двору» соединяла западную столицу Бохая и округ Ялу с Китаем. Дорога проходила по четырем префектурам: Шэнь, Хуань, Фэн, Чжэн. Восточная столица Бохая и центр округа Лунъюань (совр. г. Хунчунь, КНР) через свою юго-восточную территорию соединялась с морской «дорогой в Японию», точкой отсчета которой, по мнению П. Кафарова и Э.В. Шавкунова, являлось Краскинское городище, бывшее к тому же центром префектуры Янь округа Лунъюань, включавшего еще три префектуры: Цин, Му, Хэ. «Дорога киданей» (западная) начиналась в округе Фуюй, вдоль которой было сосредоточено много бохайских военных поселений для обороны от заклятых врагов — киданей. Известна также Иньчжоуская дорога, соединявшая Бохай с внешним миром.

Торговый обмен между Тан и Бохаем осуществлялся главным образом по ялускому пути. Поэтому Тан в крупнейшем порту Китая Дэнчжоу (п-ов Шаньдун) специально учредила бохайское подворье для приема приезжающих бохайских посольств и купцов, а в западной гавани Дэнчжоу стояли на якоре бохайские суда. Кроме торговцев и посольств на учебу в «Школу государственных мужей (Гоцзысюэ)» прибывали бохайские юноши.

Морской путь из Китая в Бохай начинался от западной гавани «и вел на северо-восток через о-в Даседао (совр. Чаншаньдао) и о-в Гуйсиньдао (совр. Тоцзидао), пересекал с юга на север Ухухай (сектор моря к северу от о-ва Ухудао) и приводил к г. Дуличжэнь (близ Люйшуня) и Машишань (совр. Ляотешань). Отсюда корабли плыли на восток, проходили по участку моря, лежащему к югу от бухт Цинницу (совр. бухта Даляньвань), Таохуану, Синхуану (последние на от-

резке моря на восток от бухты Даляньвань и до устья р. Билюхэ), затем по участку моря, лежащему к югу от Шижэньван (ныне морской пролив к северу от современного о-ва Шичэндао), залива Тотовань (устье р. Даянхэ севернее современного о-ва Лудао), Угучэна (совр. уезд Аньдун) и достигали устья р. Ялуцзян. Далее путь разветвлялся: одно направление вело вверх по Ялуцзяну и затем сухопутным трактом в бохайский город Ванчэн (в 70 ли к юго-западу от уездного городка Нинъань в современной провинции Хэйлунцзян) — это была дорога в Бохай; другое — путь в Гаоли» [*Чжан Сюань*, 1960, с. 71; Государство Бохай..., с. 50].

«Дорога в Японию» начиналась от Краскинского порта (совр. бухта Экспедиций Японского моря), в котором, по японским данным, функционировал судостроительный центр. Это отмечено в докладе японского посла Таноуги, сообщавшего, что его корабль при следовании в 778 г. в Бохай сильно пострадал во время шторма и бохайцы построили для него взамен два новых корабля [*Матвеев*, 1929, с. 25].

Э.В. Шавкунов реконструировал морскую магистраль следующим образом: «Из префектуры Янь (Краскинского городища) бохайские корабли плыли вдоль восточного берега Корейского п-ова, а затем от его юго-восточной оконечности поворачивали к островам Цусима и Ики, откуда, как говорится, было уже рукой подать до Японии» [*Шавкунов Э.В.*, 1968, с. 58; Государство Бохай, 1994, с. 81]. Реконструкция морской магистрали, предложенная исследователем, вполне отвечает реальным морским течениям, но в настоящее время этого недостаточно. Ее необходимо подтвердить (уточнить) археологическими материалами, для чего требуется обследовать все бухты вдоль этой морской линии на предмет наличия в них бохайских охранных крепостей и портов (городищ). Если такая линия реально функционировала, то крепости и городища должны непременно обнаружиться. Но этот участок побережья Японского моря так до сих пор и не обследован, хотя все предпосылки и условия для подобных работ имелись.

Фактический материал о путях сообщения на российском Дальнем Востоке уже был собран русскими первопроходцами. В частности, пути аборигенов из бассейна Амура к Японскому морю достаточно детально описаны М.В. Венюковым [*Венюков*, 1970], наиболее же ценные сведения о различного рода коммуникациях собраны В.К. Арсеньевым. Во время своих многочисленных экспедиций по Сихотэ-Алиню он зафиксировал не только пути и тропы тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских этносов этнографического времени, но сумел обнаружить сохранившиеся многочисленные участки древних и средневековых дорог. К тому же ему удалось выявить связь путей сообщения с системой расположения крепостей. В.К. Арсеньев указывал, что если дорога идет к перевалу, то на нем обязательно будет крепость [*Арсеньев*, 1950]. В начале 70-х годов XX в. значительное внимание дорожно-транспортным способам сообщения уделит Ф.В. Соловьев в своей монографии «Китайские отходники и их географические названия в Приморье», где, опираясь на письменные данные и топографические источники, обозначил основные маршруты перемещения отходников [*Соловьев*, 1973]. В 1973–2009 гг. автор занималась полевой археологией наиболее сложной по доступности и геофизической характеристике горно-таежной зоны Приморья (Центральный Сихотэ-Алинь), одним из результатов которой стало выявление сухопутных и морских магистралей этого региона в эпоху палеометалла и средневековья, в том числе бохайского и постбохайского периодов.

4.1. Археологическая атрибутика дорог

Слабая изученность древних и средневековых дорог обусловлена многими причинами, в том числе отсутствием методов выявления дорог по археологическим материалам. Дороги являлись своего рода кровеносной системой территорий, занимаемых различными человеческими объединениями, — будь то род, племя, государство...

Любое освоение территории — миграционное, военное, торгово-экономическое — требовало знания расположения транспортных путей. Безусловно, дорожные сети сопровождались дорожными знаками. Ими могли быть рисунки на скалах, постройки для обслуживания путников, дорожные станции, расположенные через определенные расстояния в принципиально важных местах; вблизи дорог обычно вырастали поселения, дороги связывали города и торговые центры, наконец, для контроля над дорогами и перемещениями по ним возводились охранно-сторожевые объекты. Кроме того, в различных видах сохранились следы самих дорог — будь то каменные вымостки, выемки, каналы, характерные бугры и др. Косвенными свидетельствами дорог являются детали колесного транспорта — втулки и чеки от колес, наличие у того или иного этноса конницы, появление разного рода импортных товаров. Все это относится к археологической атрибутике, позволяющей по сохранившимся следам реконструировать древние и средневековые пути сообщения. Естественно, расположение дорожной сети во многом диктовалось геофизическими особенностями территорий.

4.2. Ландшафтные особенности Сихотэ-Алиня

Сихотэ-Алинь, являясь самостоятельной горной страной, простирается параллельно морскому побережью на 1200 км и состоит из восьми параллельных горных цепей северо-северо-восточной ориентации. Наибольшая ширина его достигает 300 км, средняя высота составляет 800–1000 м, максимальные поднятия (2078 м) связаны с центральной частью Сихотэ-Алиня, с горой Тордоки-Яни. Центральный Сихотэ-Алинь разделяет Приморье на континентальную (западную) и прибрежную (восточную) территории. В.К. Арсеньев при обследовании Сихотэ-Алиня обнаружил 22 горных перевала. На современной карте обозначено 15 горных проходов. Реки, стекающие на запад, длинные и многоводные (Уссури, Иман, Бикин, Хор), начинаются на восточных хребтах и несут свои воды в Амур. Реки, стекающие на восток (Зеркальная, Рудная, Джигитовка, Серебрянка, Таежная, Кема, Амгу, Единка, Самарга, Коппи), — короткие, с быстрым течением, впадают в Японское море и Татарский пролив. Предгорий у Сихотэ-Алиня нет. С западной стороны Сихотэ-Алинь связан с бассейном Амура, с восточной — с морским побережьем Тихого океана. Таким образом, географическое положение Сихотэ-Алиня и его характеристика изначально обуславливают его участие в дорожно-транспортной системе дальневосточного региона с ориентацией на горные проходы и речные долины. Морские же дороги во многом зависели от расположения удобных для судоходства бухт.

4.3. Сухопутные дорожно-транспортные магистрали (рис. 98)

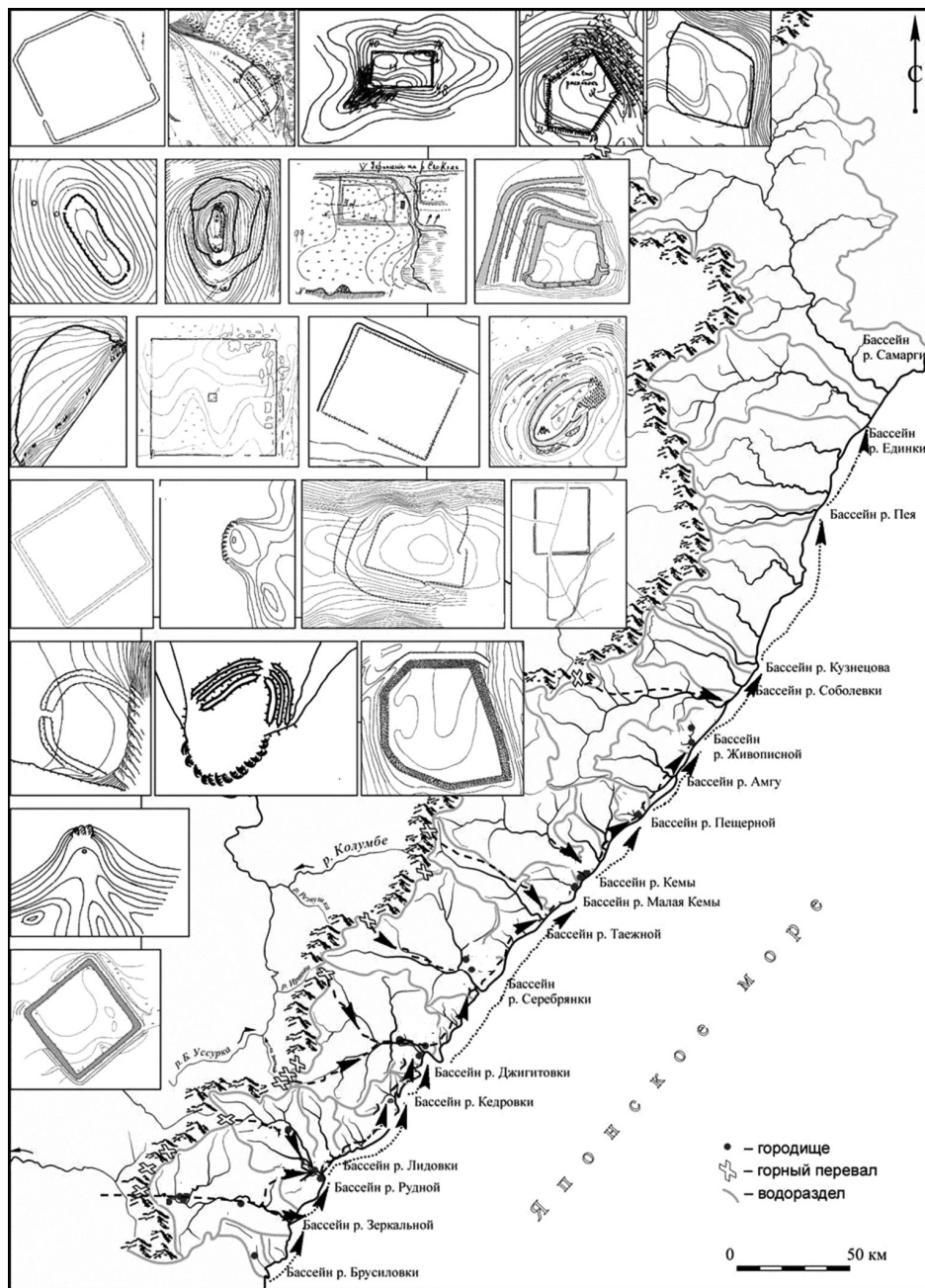

Рис. 98.
Карта-схема дорожно-транспортной сети Бохая (Центральный Сихотэ-Алинь)

Археологические источники позволяют проследить в Центральном Сихотэ-Алине два вида дорожно-транспортных путей сообщения — сухопутно-речной и морской, образующие единую сеть. Реконструкция сухопутных дорог базируется на материалах 20 бассейнов рек, где южной точкой является бассейн р. Зеркальная, а северной — бассейн р. Самарга, отстоящие друг от друга на 700–800 км. Вся эта территория, включая отдельные участки сохранившихся древних и средневековых дорог, полностью пройдена автором за 35 лет полевых исследований.

Бассейн р. Зеркальная. По своему геофизическому положению предназначен быть естественной дорожно-транспортной магистралью, так как удобный перевал связывает его с бассейном Амура, а долина реки плавно заканчивается у морской бухты. Протяженность магистрали, по нашим подсчетам, не превышала 80 км. В эпоху палеометалла перевал Венюкова служил горным проходом с западной и юго-западной сторон на восточную. Крепости на перевале еще не было. Ее возвели позже, в средневековую эпоху. К перевалу подходила дорога из бассейна Амура, пролежавшая по Уссури и ее притоку Павловке. Последняя почти смыкалась с истоками Зеркальной. На существование дороги с западной стороны перевала указывает расположение древних мысовых городищ в бассейне Уссури — Уборка-мысовое, Сибучар, Бельцовское и др. Этим путем всегда пользовались при необходимости попасть из бассейна Амура к морскому побережью. Им шел М.В. Венюков. Дорогу хорошо знали не только аборигены этих мест (тунгусо-маньчжуры и палеоазиаты), но и китайские отходники. Дорога от перевала к морю проходила по берегам Зеркальной (преимущественно по левому) и ее притоков, что подтверждают многочисленные поселения, обнаруженные в этих местах [Дьяков, 1989, с. 11–30]. Безусловным дорожным ориентиром (или знаком) на зеркальнинской магистрали служила Скала Дерсу, где обнаружено поселение эпохи палеометалла, являвшееся, видимо, охранно-сторожевым и наблюдательным пунктом, не требовавшим дополнительных укреплений в виде валов. В нижнем течении Зеркальной дорога разделялась на три ветки: северную, восточную и юго-восточную. Восточная ветка дороги достигала устья Зеркальной и упиралась в бухту Японского моря, вход в которую контролировало укрепление Усть-Зеркальное и пограничный вал. Юго-восточная ветка связывала верховья рек Садовый Ключ и Брусиловка и далее выходила в долину Арзамасовки к зал. Ольга. Северная ветка тянулась из долины р. Зеркальная через Тетюхинский перевал и далее шла по долине р. Монастырка в бассейн Рудной. Эта дорога, «работавшая» до 50–60-х годов прошлого столетия включительно, среди местного населения известна как «богопольская тропа».

Сведения о наличии дорог у мохэсцев, бохайцев и чжурчжэней сохранились в письменных источниках. Известно, что у *Хэйшуй мохэ* в конце VII в. был сильный вождь Тудици, имя которого упоминается в китайском источнике «Суй шу». Он вместе со своим сыном Цзиньсином для обеспечения постоянных посольских связей и торгово-экономических отношений с Китаем еще до образования Бохая строил «каменные дороги» [Воробьев, 1975]. Тунгусо-маньчжурское государство Бохай обладало хорошо развитой сухопутной транспортной системой, пронизывавшей всю его территорию, включая дальние провинции. Дороги были необходимы не только для внутреннего пользования — сбора налогов, торговли, различных контактов с провинциями, контроля над населением и охраны границ, но и для осуществления внешней деятельности, включавшей дипломатию.

ческие, политические, торгово-экономические и военные связи с ближними и дальними соседями. Территория Бохая протянулась с севера на юг и с востока на запад на 5000 ли (около 2500 км) по «квадрату». В средневековую эпоху Зеркальнинский дорожный узел активно функционировал, охватывая целую сеть связанных между собой городищ, крепостей, валов (Венюковское, Горнореченское-1–3, Сибайгоу, Богополь, Садовый Ключ, Брусиловское, вал Зеркальный, вал Падь Широкая). Естественно, Зеркальнинская магистраль не была изолирована от других территорий. С запада и юго-запада, со стороны Уссури и ее притоков — Большой Уссурки, Павловки, Журавлевки к перевалу Венюкова подходила мощная дорожная сеть, связанная с укреплениями Кокшаровское-1, -2, -3, Саратовское-1, -2, Уборка-долинная, Журавлевское, Окраинка, Плахотюкинское-долинное, Плахотнюкинское-горное и др., принадлежавшими тунгусо-маньчжурским государствам Бохай, Цзинь и Восточное Ся. Бохай при правлении Да Уи (719–737 гг.) и Да Жэньсю (818–830 гг.) расширял свои границы за счет включения новых провинций, в том числе провинции Шуайбинь, достигавшей этих земель. Этнополитическая и военная обстановка требовала контроля за различного рода передвижениями по территории региона. Лучшего места, чем горный проход на перевале Венюкова, для этих целей трудно найти. Поэтому здесь появилось городище, способное охранять горный проход, склады с товарами, следить за военными передвижениями и обслуживать различные нужды путников, в том числе духовные. Еще в конце XIX в. В.К. Арсеньев застал действовавшую здесь кумирню.

В бохайское и постбохайское время с зеркальнинской дорогой были связаны городища Горнореченское-1, -2, -3, Богополь, Садовый Ключ, а также многочисленные поселения — Синегорье-1, -2, Устиновские поля и др. Поворотным пунктом дороги, видимо, являлось городище Богополь, так как именно здесь была дорожная развилка — одна ветка поворачивала на север в сторону Тетюхинского перевала и далее по Монастырке в бассейн Рудной, другая устремлялась на восток к морю в бухту Зеркальная. Дорогу к морю охранял пограничный вал.

Особое место при перемещениях у бохайцев занимали кони. На их использование налагался ряд запретов. Кони предназначались только для верховой езды. Главной тягловой силой служили волы. Способ речного передвижения, позволявший перевозить большие грузы и быстро переправляться через реки, бохайцы знали. По китайским правилам вдоль дорог на расстоянии 50 ли одна от другой (приблизительно 25 км) должны быть станции. Археологические факты подтверждают наличие таких объектов в Бохае: в частности, китайским археологам удалось обнаружить поселение Чжундадучуань, являвшееся почтовой станцией по дороге «из Бохая в Японию». Безусловно, при почтовых станциях были и постоянные дворы. Они должны были располагаться на расстоянии дневного перехода. В зависимости от геофизических условий длина дневного перехода могла изменяться. Открытие в Приморье таких станций и дворов — дело будущего.

Таким образом, в Зеркальнинскую транспортную сеть можно было попасть с четырех сторон: с запада из бассейна Уссури через горный проход на перевале Венюкова, с севера через проход на Тетюхинском перевале, с юга через проход в верховьях р. Брусиловка, с востока со стороны моря через бухту Зеркальная.

Бассейн р. Рудная. Истоки Рудной лежат на восточном склоне Сихотэ-Алиня и вплотную подходят к притокам Большой Уссурки. Казалось бы, именно в вер-

ховьях рек должен быть горный проход. Однако большая высота сопков сделала этот путь непригодным, что подтверждается и отсутствием здесь археологических памятников. Единственным удобным с южной стороны проходом в бассейн Рудной остается Тетюхинский перевал («богопольская тропа»), плавно спускающийся в долину Монастырки, где и проходила главная транспортная магистраль, достигавшая морского побережья.

В эпоху средневековья здесь действовала сложная и разветвленная дорога. Основная Монастырская магистраль маркировалась четырьмя городищами бохайского или постбохайского времени (Эстонка, Мономаховское, Васьковское, Пристаньское), несколькими поселениями и некрополем Монастырка-3. Протяженность монастырской транспортной линии не превышала 60 км. Все городища имели свое функциональное назначение. Васьковское контролировало вход в бухту и в устье Рудной, а Пристаньское городище, расположенное в приустьевой части левого берега реки, видимо, являлось портом.

В бассейне Рудной функционировала и вторая дорога, выходившая на Джигитовку и на западную сторону Сихотэ-Алиня. Это была северная ветка монастырской магистрали. Дорога поднималась вдоль р. Горбуша (левого притока Рудной) к невысокому перевалу Горбуша и к истокам р. Черемуховая (правому притоку Джигитовки). По долине Черемуховой дорога спускалась к бохайскому городищу Черемшаны. По данным В.К. Арсеньева, на перевале Горбуша была крепость, охранявшая проход из бассейна Рудной в бассейн Джигитовки. Крепость отстояла от моря «на 60 верст» [Арсеньев, 1916].

Таким образом, монастырско-руднинская транспортная сеть замыкалась на четыре прохода: Тетюхинский проход из бассейна Зеркальной, проход Горбуша из бассейна Джигитовки, Лидовский проход из бассейна Лидовки, морской проход через бухту в устье Рудной.

Бассейн р. Джигитовка. В древности и средневековье являлся важной водной артерией, связывавшей Западные (бассейн Амура) и Восточные склоны Сихотэ-Алиня с Японском морем. Здесь проходили две дороги, соединявшиеся в единую магистраль в месте впадения Черемуховой в Джигитовку. Первая дорога шла из бассейна Рудной через перевал Горбуша по долине Черемуховой до места ее впадения в Джигитовку. Дорогу в среднем течении реки маркировало бохайское городище Черемшаны. Вторая дорога связана с бассейном Амура и с выходами на западную сторону Сихотэ-Алиня в континентальную часть Приморья. Горным проходом служил перевал Поднебесный, охраняемый крепостью. Дорога шла со стороны Большой Уссурки и притока Иртыш, почти смыкавшегося с верховьями Джигитовки. Магистраль спускалась по Джигитовской долине. В устье Черемуховой (правого притока Джигитовки) к ней присоединялась руднинская ветка, и далее магистраль устремлялась к морю в бухту Джигит. Протяженность этой магистрали не превышала 70 км. На всем протяжении магистраль контролировалась бохайскими и чжурчжэньскими городищами и крепостями (Поднебесная, Джигитовское, Куналейское, Красное Озеро, крепость Ключи). Замечу, что дорога, вероятнее всего, проходила по левой стороне Джигитовки, так как к перевальной крепости Поднебесная тропа и сейчас идет по левому берегу. На левом берегу расположены Джигитовское и Куналейское городища. До середины 70-х годов прошлого века от Куналейского городища до устья Джигитовки по левой стороне сопки над берегом реки можно было пройти тропой, длина кото-

рой не превышала 8 км. Отдельные участки тропы заметны до сих пор. Это наиболее короткий путь от Куналейского городища до Красного Озера и моря. Крепость Ключи, расположенная на правом берегу Джигитовки, охраняла вход в бухту Джигит и осуществляла контроль над устьем реки. В древности и средневековье море плескалось прямо у подножия сопки с крепостью, о чем сейчас свидетельствует сохранившаяся лагуна.

Таким образом, в средневековье в бассейне Джигитовки действовала единая дорожно-транспортная сеть, с юга связывавшаяся с бассейном Рудной через Черемуховую, а с запада — с бассейном Амура через перевал Поднебесный и долину Джигитовки.

Бассейн р. Серебрянка. В.К. Арсеньев отмечал, что даже в одиночку из бухты Терней через Сихотэ-Алинь на Иман в бассейн Амура пройти невероятно трудно [Арсеньев, 1906]. Несмотря на то что истоки Серебрянки подходят почти вплотную к одному из трех горных перевалов Сихотэ-Алиньского хребта и приближаются к истокам Колумбе, правому притоку Большой Уссузки, вряд ли здесь проходила древняя дорога. Во-первых, ничего не известно о наличии на перевалах крепостей. Во-вторых, все археологические поселения и городища сосредоточены в среднем и нижнем течениях Серебрянки и на ее левом притоке Заболоченной, где находятся две средневековые каменные охранно-сторожевые крепости (Алтарь и Шмырков Ключ) и каменный вал. Если ориентироваться на систему расположения археологических объектов, то, вероятнее всего, дорога шла от устья Серебрянки к устью Заболоченной, затем сворачивала в ее долину и шла вверх к ее истокам и Сахалинскому перевалу, откуда можно попасть на Колумбе и далее на Большую Уссурку в бассейн Амура.

Однако, как указывал В.К. Арсеньев, существовала и другая дорога, шедшая от устья Серебрянки к устью Таежной. Она проходила через горы в том же месте, что и современная тропа, т.е. ориентируясь на морское побережье. Остатки этой древней дороги в виде сохранившихся «канавок, откопов, выемок» зафиксировал В.К. Арсеньев [Арсеньев, 1911]. Следовательно, в бассейне Серебрянки функционировали две сухопутные дороги. Первая шла от устья Серебрянки через Заболоченную к Сахалинскому перевалу и далее в бассейн Амура по Колумбе, вторая — по побережью от устья Серебрянки до устья Таежной и далее.

Бассейн р. Таежная. На существование здесь древней дороги указал В.К. Арсеньев, отметивший, что в 10 верстах от устья Белембе находится приток р. Забытая, где в XIII в. проходила дорога, связывавшая Южно-Уссурийский край с морским побережьем [Арсеньев, 1911]. Дорога тянулась вверх по Таежной к Киевскому перевалу и выходила к верховьям Колумбе. Существование дороги подтверждают древние археологические памятники, обнаруженные в среднем течении реки (поселения Таежка 1–15) и приустьевое укрепление Усть-Белембе, возведенное носителями лидовской культуры в I тыс. до н.э. [Дьяков, 2000]. Средневековые памятники здесь пока не обнаружены, но дорога, связывавшая Западные отроги Сихотэ-Алиня с морским побережьем, функционировала. Дорога спускалась от Киевского перевала вниз вдоль реки к Японскому морю, где упиралась в проходившую здесь прибрежную магистраль.

Бассейн р. Малая Кема. По своей геофизической характеристике не имел прямых выходов на западные склоны Сихотэ-Алиня. Расположение крепостей свидетельствует о том, что дорога пролегла вдоль морского побережья от устья

Таежной до устья Малой Кемы. Здесь находилось средневековое городище, не только выполнявшее охранные функции, но, видимо, являвшееся портом. Этой дорогой население пользуется до сих пор. Она значительно короче современной горной дороги. Транспортная магистраль у городища Малая Кема не обрывалась, а шла вдоль побережья до устья Кемы и бухты Штормовой, затем далее на север.

Бассейн р. Кема. По геофизической характеристике является изолированной территорией, замкнутой между восточными отрогами Сихотэ-Алиня. Удобных проходов через верховья Кемы с восточной стороны на западную нет, хотя В.К. Арсеньев писал, что во время борьбы с хунхузами он с отрядом поднимался через водораздел на Сихотэ-Алинь по Кеме, затем по Западной Кеме и спускался на Арму. Этот путь использовали удэгейцы. У истоков Кемы они переваливали через Сихотэ-Алинь на Малую Светловодную и далее продвигались в верховья Бикина. В средневековье проход был по р. Тальниковая (левому притоку Кемы), где расположено городище Усть-Ильмо. Далее от городища дорога спускалась к устью реки в бухту Штормовая к прибрежной магистрали, тянувшейся вдоль моря на север. Бухта и прибрежная магистраль охранялись двумя городищами — Кемским-долинным и Кемским-морским. Заметим, что переправа через Кему довольно сложная. Место брода на ней меняется ежегодно. Брод явно располагался не в самом устье реки, а несколько выше. Для перехода через реку нужна была лодка или лошадь. Бохайцы и чжурчжэни к этому времени умели переправлять грузы на связанных лодках.

Таким образом, в бассейне Кемы пролегалo две дороги. Одна начиналась в устье реки и поднималась вверх, переваливая на западные склоны Сихотэ-Алиня через истоки Кемы на Арму и Бикин. Второй была прибрежная магистраль, тянувшаяся с юга вдоль побережья Японского моря.

Бассейн рек Пещерная и Первая Утесная. По устьям этих рек, отстоящих от Кемы на 13–15 км к северу, проходила прибрежная магистраль. В средневековье охранную службу исполняла крепость Яшу. По верному замечанию В.К. Арсеньева, зафиксировавшего в своих путевых дневниках проходившую здесь древнюю дорогу, крепости строили около бродов через реки, а также «...на самих путях или вблизи их. Нет сомнений, что мы имеем дело все время с одной и той же дорогой, идущей вдоль берега. Неизвестно только, крепости ли приурочивались к дороге, или дорога шла от одной крепости к другой» [Арсеньев, 1909, с. 73]. Далее магистраль тянулась на 70–80 км до самого устья Амгу, то совсем приближаясь к морскому берегу, то отступая вглубь отрогов Сихотэ-Алиня. Заметим, что до сих пор коварной особенностью приморских сопok является болотистая почва, прячущаяся под травяным покровом и весьма осложняющая путь. Прибрежная магистраль в данном месте использовалась населением до конца XX в.

Бассейн р. Амгу. Своими истоками не связан с восточными хребтами Сихотэ-Алиня и не имеет проходов на западную сторону. Он замыкается на верховья р. Максимовка. Физико-географические особенности Амгу обусловили и характер дорожно-транспортных коммуникаций, которые, безусловно, здесь были. Дорожная магистраль проходила по сопкам вдоль морского побережья. В средневековье дорогу маркировали городища — укрепления Сопка Любви (чжурчжэньский слой), Мыс Теплый (мохэский слой), Малая Карыма, Караминский хребет. Это самый короткий путь до устья Живописной (Соен) — не более 9 км. У В.К. Арсеньева в путевых дневниках сохранилось описание этой дороги: «...на пути от

Амагу к Кусуну можно видеть около моря выемку в скалах, где проходила старинная дорога. Выемка длиною шагов около 300 и глубиной сажень 2–3... Вторая такая дорога уступами поднимается по горе... Очевидно старинная дорога шла по р. Соену и далее... Укрепление же при разсошине очевидно преградило путь людям, идущим по вышеуказанной тропе или дороге» [Арсеньев, 1907, с. 12]. Таким образом, в древности и средневековые дорожно-транспортная магистраль от Кемы до Амгу проходила вдоль моря и сопровождалась укреплениями, расположенными в устьях рек. Расстояние между крепостями не было одинаковым. Оно зависело от расположения рек, впадающих в море. Иногда укрепления были удалены друг от друга на 9–15 км, иногда на значительно большее расстояние. Горные городища и крепости выполняли в основном охранно-сторожевые функции, а долинские укрепления использовались в качестве портов.

Таким образом, в бассейне Амгу отсутствовал проход на западные склоны Сихотэ-Алиня. Основной транспортной магистралью являлась дорога вдоль морского побережья.

Бассейн р. Живописная. Истоками своих рек (Сеселевка, Севастьяновка и Живописная) не выходит к хребтам Сихотэ-Алиня, а сближается с реками Амгу и Максимовка. В древности, по определению В.К. Арсеньева, современное устье Живописной было морской бухтой. Поэтому три укрепления — Соенское, Сеселевское и Живописное — в настоящее время несколько отстоят от морского берега. От Амгу вдоль берега моря к этим укреплениям подходила дорога, функционировавшая как в древности, так и в средневековье. Эти городища выполняли охранно-сторожевую функцию и контролировали долину реки, а также вход в устье со стороны моря. Прибрежная магистраль простиралась далее на север в сторону Максимовки и Усть-Соболевки. Следовательно, в бассейне Живописной главной дорожно-транспортной магистралью служил прибрежный путь, тянувшийся вдоль Японского моря.

Бассейн р. Соболевка. Несмотря на то что истоки реки расположены на восточных склонах Сихотэ-Алиня, удобных проходов здесь нет. Единственное мохское городище, расположенное на морском побережье в устье реки, видимо, охраняло и контролировало проходившую вдоль берега сухопутную дорогу.

Бассейн р. Кузнецова. Верховья реки лежат на восточных склонах Сихотэ-Алиня. С западной стороны тянутся заболоченные долины притоков Бикина — Зева и Большая Светловодная. Удобных проходов нет. В нижнем течении реки, в 3 км от устья и морского побережья, расположено единственное городище, нижний слой которого относится к лидовской культуре, а верхний — к бохайской. Вероятно, к этому месту подходила дорога, продолжавшаяся вдоль побережья на север к устью Единки. Дорогу маркирует в устье р. Бурливая городище Оазис, а в устье Пеи — укрепление Усть-Пея. Хотя В.К. Арсеньев отмечал, что «севернее мыса Кузнецова не только дороги нет, но и тропы нет. Берегом не ходят, а орочи на лодках. Зимой на нартах» [Арсеньев, 1911, с. 11]. Для тунгусо-маньчжуров сплав по реке летом на лодке, а зимой на нартах — традиционный способ передвижения.

Бассейн р. Единка. Верховья реки лежат на восточных склонах Сихотэ-Алиня и почти смыкаются на западных его склонах с притоками Бикина. Для перехода есть удобный перевал, к которому подходит руч. Топографический. Самаргинские и бикинские удэгейцы здесь издавна проложили тропу. В нижнем течении

Единки известно средневековое городище, к которому, видимо, спускалась дорога с Сихотэ-Алиня и далее шла к устью реки и к Татарскому проливу.

Таким образом, археологические и этнографические источники свидетельствуют, что в средневековье на территории Центрального Сихотэ-Алиня функционировала разветвленная дорожно-транспортная сеть. Сквозная магистраль тянулась вдоль побережья Японского моря и Татарского пролива, к ней с перевалов Сихотэ-Алиня по долинам рек Зеркальная, Джигитовка, Серебрянка, Таежная, Кема, Единка, спускались дороги (тропы), соединявшие западные (континентальные) и восточные (морские) склоны.

4.4. Морские пути

Бохай был крупной морской державой, обладавшей внушительным военно-морским и торговым флотом. Свидетельствами наличия морского пути являются укрепления, возведенные в устьях рек, впадающих в удобные судоходные бухты. Картирование укреплений Центрального Сихотэ-Алиня позволяет реконструировать морской путь длиной 600–650 км, пролегающий от бухты Зеркальная до Самаргинского устья. Речь идет о реконструкции лишь конкретного участка морской линии. Установление же всей дальневосточной линии морского пути — большая и самостоятельная работа, для которой еще не накоплен необходимый археологический материал.

Эпоха средневековья. Средневековые морские пути сообщения Центрального Сихотэ-Алиня определялись геофизическими условиями территории, в первую очередь наличие удобных бухт и, естественно, потребность проживавшего здесь населения, ближних и дальних соседей в морской магистрали для совершения дипломатических, торгово-экономических и военных операций. Какие-то суда были у мохэсцев, на это указывают японские хроники, отмечавшие регулярные посещения мохэсцами Японии. В письменных свидетельствах также рассказывается о дороге из уцзи (мохэ) в Северную Вэй (386–534). В 477 г. посольство уцзи для облегчения трудных переговоров пригнала табун в 500 коней. При этом посольство подробно рассказало о преодолении сложного пути: сначала плыли вверх по реке, затем, затопив судно, двигались по суше, переправились через р. Мурэнь, шли по пограничной (киданьской) меже до Холуна [Воробьев, 1994, с. 108]. Тунгусо-маньчжурское государство Бохай вело активную морскую жизнь, имело флот и даже само строило корабли. Далеко не всегда бохайцы использовали морские пути в мирных целях. Например, в 732 г. правитель Бохая Уи напал на крупнейший порт танского Китая Дэнчжоу, расположенный на п-ове Шаньдун, и разгромил его. Бохайские суда, оснащенные парусами и веслами, регулярно посещали Японию, что прослеживается по числу отправленных посольств.

Вопрос о существовании морского пути в восточной и северной частях Японского моря в дальневосточной археологии никогда не возникал. Письменные источники об этом умалчивают, а археологические данные после исследований В.К. Арсеньева не привлекались — их просто не было. Они появились лишь в последние три десятилетия. Расположение средневековых городищ в устьях рек, впадающих в бухты Японского моря, предполагает наличие действующего морского пути вдоль восточного и северного побережий Японского моря и Татарско-

го пролива. Несмотря на то что долина Зеркальной была заполнена бохайскими и постбохайскими городищами (Богополь, Горнореченское-1, -2, -3) и поселениями (Синегорье-1, -2, Устиновские поля и др.), в устье самой реки крепости, охраняющей вход в бухту, пока не обнаружено.

Активная морская жизнь прослеживается севернее, в бухте Рудная, которую охраняла Васьковская крепость. Портом же служило, вероятно, долинное Пристанское городище, расположенное в устье реки вблизи морского побережья. Следующим пунктом морского пути являлось устье Джигитовки, вход в которое охраняла крепость Ключи (верхний слой). В 2 км от моря в долине реки находилось бохайское городище Красное Озеро. К нему и к бухте Джигит с горного Сихотэ-алинского перевала Поднебесный подходила сухопутная дорога. Вполне вероятно, что городище Красное Озеро выполняло функцию порта. Судя по заболоченной местности вокруг городища, в средние века море глубже врезалось в территорию и подходило близко к городищу.

Следующими пунктами, маркирующими средневековую морскую магистраль, являются городища Малая Кема, Кемское-Морское, Кемское-Долинное. Они возведены в устьях рек Малая Кема и Кема. Помимо охранной функции эти городища, вероятно, использовались как пристани. По крайней мере, в с. Малая Кема до сих пор вблизи городища активно работает пристань. К городищу Малая Кема могла подходить сухопутная дорога со стороны городища Усть-Ильмо, стоящего в устье Тальниковой (правый приток Кемы). Городище Малая Кема охраняло проходившую здесь прибрежную дорожную магистраль. Аналогичную роль играли находившиеся севернее городища Кемское-Морское и Кемское-Долинное. Они контролировали бухту Штормовая и вход в устье Кемы, а также сухопутную прибрежную магистраль, к которой спускалась дорога с восточных склонов Сихотэ-Алиня.

Далее морской путь шел на север мимо укрепления Яшу, выполнявшего охранно-сторожевую функцию, в сторону устья Амгу. Последняя оказалась буквально нашпигована средневековыми крепостями. Самым ранним средневековым укреплением является Мыс Теплый, верхний слой которого и фортификации принадлежат мохэской культуре. Городище возведено на оконечности морского мыса. С одной стороны, оно явно контролировало морской путь, с другой — непосредственно мимо него проходила прибрежная дорога, которая тоже подлежала контролю. Бохайские городища в долине Амгу неизвестны, зато чжурчжэни государства Восточное Ся возвели здесь целый укрепрайон, первостепенную роль в котором играло городище Сопка Любви. Оно контролировало морскую магистраль, вход в устье Амгу и проходившую вдоль побережья сухопутную дорогу. Это был пограничный форпост. Поскольку из бассейна Амгу нет прохода на западные склоны Сихотэ-Алиня, чжурчжэни могли проникнуть на эту территорию либо вдоль морского побережья с юга Приморья, либо с западной стороны Сихотэ-Алиня через перевал Поднебесный и бассейн Джигитовки и далее по прибрежной магистрали на север. Продвигаться им нужно было с лошадьми, и они умели это делать, прорубая себе путь «в дебрях Уссурийского края» и мостя дорогу.

В бассейнах Серебрянки, Малой Кемы, Кемы чжурчжэньских памятников нет. Они все оказались сосредоточены в устье Амгу. Городища Малая Карыма и Караминский хребет, похоже, замыкали северную границу государства Восточное

Ся. Они охраняли морскую магистраль и прибрежную дорогу. Возможно, последующие изыскания обнаружат чжурчжэньские памятники и севернее Амгу, но в настоящее время в бассейнах Живописной, Кузнецова, Единки, Самарги они неизвестны. После Амгу морская магистраль шла до устья Живописной, вход в которую контролировался Соенским городищем. Замыкающим пунктом средневекового морского пути являлось Усть-Соболевское городище, возведенное мохэсцами.

Приведенные археологические факты свидетельствуют, что средневековый морской путь достаточно активно действовал в восточной и северо-восточной частях Японского моря и Татарского побережья. В то же время возведение мохэсцами укреплений в устьях рек (Мыс Теплый, Усть-Соболевка), впадающих в судоходные морские бухты, означает, что они вели контроль за береговой линией и осуществляли охрану своих земель. Следовательно, какие-то чужеземные суда их посещали. Видимо, намерения у «пришельцев» были не всегда мирные. В I тыс. н.э. суда могли быть когурёскими, японскими, наконец, бохайскими. На мохэские земли, не только для торговли, но и для расширения территории, приходили бохайцы, бывшие довольно хорошими и опытными мореплавателями.

* * *

Археологические и этнографические источники свидетельствуют, что в древности и средневековье на территории Центрального Сихотэ-Алиня функционировала разветвленная дорожно-транспортная сеть. Расстояние измерялось двумя способами: в мерах длины (ли) и в затраченном времени (количестве дней). Например, расстояние от Ляояна до земель уцзи (мохэ), согласно письменным источникам, составляло 5000 ли (приблизительно 2700 км). На преодоление этого пути от хребта Шаньюйшань требовалось 53 дня. Это расстояние было разбито на 4 этапа — 13 + 7 + 15 + 18 дней [Воробьев, 1994]. Сквозная сухопутно-речная магистраль тянулась вдоль побережья Японского моря и Татарского пролива. К ней с перевалов Сихотэ-Алиня по долинам рек Зеркальная, Джигитовка, Серебрянка, Таежная, Кема, Единка, Самарга спускались дороги (тропы), соединявшие западные (континентальные) и восточные (морские) склоны.

Морская магистраль в эпоху средневековья (I — середина II тыс. н.э.) проходила вдоль береговой линии Японского моря и Татарского пролива от бухты Зеркальная до устья Самарги. Во всех удобных для судоходства бухтах функционировали порты и пристани, располагавшиеся в долинах. Охраняли территорию и контролировали входы в устья рек крепости, возведенные на сопках.

Глава 5

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ БОХАЯ

История государства Бохай в отечественной литературе освещалась не часто. Этой теме посвящены три монографических исследования и несколько разделов в книгах. Первый аналитический обзор по бохайской проблеме, как уже отмечалось, опубликовал в 1929 г. З.Н. Матвеев, через 30 лет — в 1959 г. историю Бохая изложил А.П. Окладников, в 1968 г. специальное исследование по Бохаю выполнил Э.В. Шавкунов, в 1993 г. квинтэссенцию бохайской истории предложил М.В. Воробьев, в 1994 г. в издательстве «Наука» вышла коллективная монография «Государство Бохай (698–926) и племена Дальнего Востока России»; наконец, замыкает исторические бохаеведческие разработки монография Е.И. Кычанова «История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров)», вышедшая в 2010 г. в Санкт-Петербурге [Матвеев, 1929; Окладников, 1959; Шавкунов, 1968; Воробьев, 1993; Государство Бохай..., 1994; Кычанов, 2010]. Все указанные исследования базируются на китайских, корейских, японских письменных источниках, круг которых постепенно расширяется за счет публикации новых документов зарубежными, в первую очередь китайскими, учеными. Из этих разработок, выводящих бохаеведение на новый уровень исследования, следует назвать две работы. Первая из них — монография Лю Сяодуна «Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзяо (Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий)», вышедшая в Харбине в 2006 г., в которой не просто концентрируются современные достижения бохайской истории, а предлагается подробный критический разбор всех восточноязычных источников и их корреляция с археологическими материалами. Вторая работа — «Политика национальной автономии империи Тан в отношении Бохая», опубликованная в 2001 г., принадлежит Яо Фэну. В ней ученый излагает китайское восприятие Бохая как «цзими чжоу» («округа сдерживания»), как окраинную национальную автономию династии Тан и доказывает этот тезис через призму бохайской истории [Ян Фэн, 2001].

Однако предлагаемая читателю работа была бы неполной без реферативной сводки по истории Бохая, которая предлагается ниже.

5.1. Исторический контекст возникновения Бохая

В VII в. на Дальнем Востоке сложилась беспокойная обстановка. Танский Китай вел активные завоевательные войны. В 630 г. он уничтожил Первый тюрк-

ский каганат. Затем Китаем были разгромлены два корейских государства — Пэкче (660 г.) и Когурё (668 г.). Союзником Китая в этих войнах выступило третье корейское государство — Силла, оцениваемое в современной южнокорейской историографии как «национальный предатель». Когурё оказывали активную военную помощь мохэские племена, имевшие сильную конницу. В письменных источниках сохранились такие сведения: «В 645 г. китайские войска воевали с Гаоли. На стороне Гаоли выступили мохэсцы, на китайской — тюрки... Мохэсцы привели 50 тыс. вспомогательных войск...» [Бичурин, 1950, с. 115]. Китайские войска двинулись на одну из важнейших когурёских крепостей Аньши (современный уезд Гайсань в провинции Ляонин). Сражение длилось 80 дней. Когурёсцы под Аньши потерпели поражение из-за предательства некоторых своих полководцев, мохэсцы же оказали сильное сопротивление, за что китайцы, отпустив домой всех пленных когурёсцев, велели закопать в горах живьем 3 тыс. мохэских воинов.

После двух неудачных для Китая военных походов против Когурё (в 647 и 648 гг.) в связи со смертью в 650 г. императора Тай-цзуна военные действия прекратились. Но вскоре после временной передышки война вспыхнула вновь и привела в 668 г. к разгрому Когурё [Бичурин, 1950, с. 117]. В результате «Китайцы забрали пять провинций Когурё с 176 городами и 5 млн населения; а 30 тысяч когурёсцев переселили в Китай на реки Гян и Хуай» [Матвеев, 1929, с. 8]. Часть племён сумо мохэ, входившие в состав Когурё, переселили в северные пограничные районы Китая (современный г. Чаян). Заметим, что начиная с династии Хань практика переселения захваченных племен была обычной для Китая, перемещавшего покоренные этносы в контролируемые и безопасные места. «Если само вторжение нарушило политические отношения, сложившиеся в этом регионе между киданями, сумо мохэ, хэйшуй мохэ, когурёсцами, то падение Когурё создало здесь своеобразный политический вакуум. Первыми его попытались заполнить победители — китайцы, создав здесь наместничество Аньдун. Оно оказалось весьма непрочным и вынуждено было менять свои границы» [Воробьев, 1993, с. 116]. Но в 696–697 гг. против Китая подняли восстание кидани. Данной неурядицей воспользовались переселенные племена сумо мохэ, томившиеся к тому времени в изгнании уже 30 лет (с 668 по 698 г.), однако не забывшие о своей родине и не растратившие воинский дух. В 696–697 гг. шэли Циси Чжунсян с мохэским старейшиной Циси Биюй, корейцами и сумо мохэ снялись с отведенных им танским Китаем мест и ушли на северо-восток в свои родные земли (к горам Чанбайшань и реке Сунгари). Сумо мохэ удалось объединить вокруг себя часть других родственных племен, а также когурёсцев, имевших опыт в государственном строительстве. В ответ на такое самоуправство танский Китай предпринял карательный поход на сумо мохэ с целью вернуть всех «на места своя». Поход кончился для Тан неудачей. В результате оба мохэских старейшины получили от танского Китая титулы князей второй степени: Циси Биюй — титул Сюйго-гуна, а Циси Чжунсян — титул Чжэньго-гуна. Но правление двух гунов оказалось недолгим. Биюй погиб в войне с китайцами, а Чжунсян умер. Власть перешла к сыну Чжунсяна — Цзожуну, принадлежавшему к правящему мохэскому клану Да. В 698 г. Да Цзожун создал мохэское государство Чжэнь, а себя титуловал ваном этого государства. Мохэское государство Чжэнь включало значительные территории Приморья, Северной Кореи и Маньчжурии. По составу

оно было полиэтничным. В него входили помимо мохэских племен когурёсцы, китайцы, палеоазиаты. На севере Чжэнь граничило с племенами хэйшуй мохэ, на юге — с государством Силла, на юго-западе — с киданями, на северо-западе — с шивэй (древними монголами).

Согласно письменным источникам, данное государство «...имело территорию в 5000 ли... по квадрату» [Бичурин, 1950, с. 27]. В 713 г. государство Чжэнь, после урегулирования отношений с Танским Китаем, было переименовано в Бохай [Бичурин, 1950; Воробьев, 1993; Кычанов, 2010, с. 109]. Э.В. Шавкунов ситуацию с переименованием мохэского государства Чжэнь в Бохай расшифровывает следующим образом: «...присвоение Цзожуну титула удельного князя Бохая было вызвано особыми обстоятельствами... Дело в том, что Бохай — это название небольшого удела, одноименный центр которого находился вблизи современного Пекина, т.е. на значительном расстоянии от основных районов расселения мохэских племен. Следовательно, присвоение Цзожуну титула удельного князя Бохая следует расценивать как вынужденное признание за ним особых прав на эту территорию, которая, судя по всему, была отторгнута у Китая в 713 г., когда Цзожун предпринял ряд военных операций против китайских войск с целью изгнания их с принадлежащих когда-то Когурё территорий... Впоследствии название этого удела было перенесено на всё мохэское государство, известное в китайских письменных источниках под названием Хай Дун Шэн го — Процветающее государство Восточного Приморья» [Государство Бохай..., 1994, с. 33].

5.2. Государственно-административное устройство Бохая

Бохай имел пять столиц: «Верхняя столица, являвшаяся административным центром области Лунъюань, находилась на месте городища Дунцзинчэн... Средняя, или Центральная столица, бывшая административным центром области Сяньдэ, находилась на месте городища Цайлинхэ. Восточная столица, она же центр области Лунъюань, ...находилась на месте городища Балянчэн... Западная столица, ...административный центр области Ялу, находилась в Линьцзяне, ...Южная столица, административный центр области Наньхай, находилась в Кёнсоне... южнее современного Чхонджина» [Государство Бохай..., 1994, с. 40–41]. Столицы были нужны для постоянных переездов вана со свитой по различным провинциям, дабы пресекать сепаратизм и осуществлять контроль.

В Бохае было 15 областей. В каждую область входило 62 округа, каждый округ включал 125 уездов. Уезд состоял из одного или нескольких городов и окружающих их поселков. «Административный аппарат состоял из двух министерств, в которые входили по три отдела и по три ведомства. В Бохае чиновники имели ранги и соответствующую рангам одежду и знаки отличия. Центральные административные органы Бохая создавались по китайскому образцу. В основу высшей администрации были положены три шэн (управления) и шесть бу (министерств). Три шэн (от «шэн» — «надзирать», «инспектировать») именовались в китайской передаче сюаньчжаошэн (управление опубликования государственных указов), чжунтайшэн (государственный департамент, равнозначный высшему

административному органу Тан, — шаншушэн) и чжэнтайшэн (ведомство управления государством, видоизменение китайского чжэншитан — «великого зала управления»). Каждый шэн возглавлялся сяном (президентом). Во главе сюань-чжаошэна стоял левый сян (цзо сян), во главе чжунтайшэна — правый сян (ю сян), чжэнтайшэн возглавлял сян центра, сян «великого внутреннего» (данэй-сян). Сян центра считался по своему положению выше левого и правого сянов.

Министерства (бу) делились на левые и правые. Левые бу состояли из шести сы (условно — бюро, палата, приказ) и включали:

1) чжунжэньбу — министерство верности, гуманности и справедливости. Оно не имеет прямых аналогов в администрации Тан, но, возможно, это было министерство, ведавшее штатом чинов бохайской администрации;

2) чжисыцицаншаньбу — министерство финансов, складов и поставки продуктов для совершения жертвоприношений. Прямых аналогов в танской администрации оно также не имеет; очевидно, выполняло функции, близкие к функциям министерства финансов.

Правые бу также состояли из шести сы и включали:

3) чжилисиньбу — министерство церемониалов, схожее с танским ли бу;

4) чжишижунцишуйбу — можно понимать как министерство вооруженных сил и планирования ирригационных работ; этот орган выполнял функции танских цзюнь бу и гун бу» [Кычанов, 2010, с. 110].

«...Помимо бу в центральной администрации Бохая имелись органы управления, именовавшиеся сы (бюро, палата, приказ). Это были: дьяньчжунсы — палаты управления внутренними дворцовыми делами (министерство двора бохайского государя), цзуншусы — палата управления родословной государя, видимо, управляла делами родни государя, биньданунсы — палата управления сельским хозяйством, сыцзансышансы — палата управления складами (?). Одно административное учреждение разряда сы именовалось по-китайски тайчансы (палата императорских жертвоприношений), но слово «сы» в данном случае было другим. Имелось и учреждение вэньцзюань — ведомство учета населения, составления его списков. Государственное училище именовалось вэйцзыцзянь (кит. гоцзы-цзянь). При дворе существовала сянбоцзюй — специальная контора по управлению евнухами» [Кычанов, 2010, с. 111].

Следовательно, центральные органы управления Бохая являлись многофункциональным и хорошо развитым государственным аппаратом, в основе которого лежала китайская или китайско-когурёская административная система.

Войсками Бохая командовали восемь главнокомандующих (генералов — да-цзянцзюнь). Термин «генерал» в китайских источниках («большой генерал» — дацзянцзюнь, просто генерал — цзянцзюнь) обычно заменяет аборигенные наименования командующих войсками. Но в источниках сохранились и мохэские названия: «левый свирепый», «правый свирепый», «страж — гималайский медведь», «страж — бурый медведь», «южный левый страж», «южный правый страж», «северный левый страж» и «северный правый страж» [Ян Фэн, 2001; Лю Сяодун, 2006; Кычанов, 2010].

Должности и титулы бохайских чиновников распределялись, как и в Китае, по девяти разрядам рангов. Только разряд ранга вместо «пинь» именовался «чжи». Чиновники 1–3-го разрядов рангов носили фиолетовое платье, имели при себе «яху», или «ху», — кожаную табличку, символизировавшую готовность чинов-

ника записать на ней распоряжение императора или вышестоящего чиновника, и золотую верительную бирку-пайцзу в форме рыбки. Чиновники 4–5-го разрядов рангов носили платье малинового цвета, имели «ху» и верительную бирку-рыбку из серебра, чиновники 6–7-го разрядов рангов — светло-малиновое платье, «ху» из дерева, а не из кости, и не имели верительной бирки-пайцзы. Чиновники 8–9-го разрядов рангов носили платье зеленого цвета, у них были деревянные «ху», верительной бирки они не имели» [Кычанов, 2010, с. 111].

Кроме того, была местная администрация. Старейшины больших поселений назывались дуду, за ними следовали (по старшинству) цыши, а самые нижние чины назывались шоулинами [Государство Бохай, 1994, с. 41].

5.3. Дипломатическая деятельность Бохая

После того как Бохай позиционировал себя на политической арене Азии в качестве самостоятельного государства, он начал устанавливать дипломатические отношения с окружающим миром, и в первую очередь со своими ближайшими соседями — тюрками, Силла, Японией, Тан. Чтобы выжить, необходимо было позаботиться об организации безопасности своего государства. Для этого требовались союзники, поскольку существовала реальная угроза нападения, в первую очередь Китая, хотя и другие этносы не проявляли особой благосклонности и каждый действовал в своих интересах и в соответствии с военно-политическими и экономическими задачами.

В Бохэе была создана дипломатическая служба, в которой, еще до создания государства, весьма преуспели мохэские племена, многократно посылавшие свои посольства в Китай и имевшие определенные отношения с Японией и тюрками. В целом же политическая ситуация была сложной и достаточно быстро изменялась, часто меняя полюса взаимоотношений. Примером тому может служить ситуация с тюрками. В Восточной и Центральной Азии в VIII в. в геополитических отношениях тюрки играли первостепенную роль. Они являлись главными противниками Танского Китая и активно мешали проводить ему экспансионистскую политику в отношении северных территорий. Бохай, как только Тан начинала расширять территорию, не противодействовал этому. Как только Китай слабел, а мощь тюрков усиливалась, Бохай примыкал к тюркам и принимал участие в противостоянии Китаю. Поэтому первое дипломатическое посольство Бохай отправил к тюркам и постарался установить с ними дружеские отношения.

Дипломатические отношения Бохай — Силла. С Силла у Бохая были достаточно сложные отношения. Бохайско-силланская граница проходила с юга по рекам Тэдонган и Йонхынган. В 700 г. Силла признало государство Чжэнь в качестве «ачхан», т.е. в качестве равного себе, но уже в 713 г. построило крепости на границе с Бохаем, затем, несколько позднее, возвело пограничную стену. Каждое из двух государств искало союзников для уничтожения друг друга. Силла стремилось найти поддержку у Китая и зажать Бохай с флангов. Бохай пытался договориться с тюрками. По мнению современных ученых Южной Кореи, в VII в. государство Силла выступило как национальный предатель Кореи, оказав под-

держку Китаю по уничтожению Когурё и Пэкче, а по мнению северокорейских ученых, «Силла занималась низкопоклонничеством перед великими державами» [Ким, 2007, с. 117].

Дипломатические отношения Бохай — Тан. Китайский император, чтобы контролировать ситуацию в регионе, в 705 г. сам прислал посла в Бохай, что означало принятие в сюзеренитет. При Да Цзожуне отношения Бохая с Китаем были уравновешенными. Бохай поддерживал дипломатические связи со всеми соседними государствами, но особенно тесные контакты были с Китаем. Согласно «Синь Тан шу» Бохай отправлял посольства в Тан: Да Цзожун — 1 раз, Да Уи — 1 раз, Да Циньмао — 54 раза, Да Сунлинь — 4 раза, Да Жэньсю — 22 раза, Да Ичжэнь — 16 раз, Да Сюаньси — 3 раза. Всего — 101 по одной версии и 130 — по другой.

В 712 г., после нормализации отношений с Танским Китаем, Цзожун получил от Китая титул вана префектуры Бохай, генерал-губернатора округа Хуань и автоматически утратил свое «мохэское» название. По оценке российских ученых, этот акт преследовал двойную цель. Титул вана «...сам по себе повышал статус правителя до независимого, но в соединении с префектурой, генерал-губернаторством, воскрешением топонима ханьского вассального владения (Бохай), вытеснением мохэского звания — он придавал правителю вассальные функции». Да Цзожун, как вассальный правитель, был обязан присылать в качестве заложника к танскому двору одного из своих сыновей и отправлять с «данью» своих послов в Тан. Это была обычная для того времени практика, и степень независимости определялась удаленностью от Китая, а также военной и экономической мощью вассала.

В 719 г. Да Цзожун умер. Его сын Да Уи при вступлении на престол ввел свой девиз правления, что являлось исключительной привилегией Тан и Японии. Это означало, что Бохай независим и претендует на расширение своей территории за счет ближайшего окружения, в частности за счет племен мохэ, не вошедших в состав Бохая, а также за счет возвращения когурёских земель, которые в это время находились под властью Силла. Это резко осложнило ситуацию, так как Китай сам стремился подчинить племена хэйшуй мохэ, а Силла мечтала овладеть всей территорией Бохая. Их интересы совпадали. Конкретный повод не замедлил появиться. Бохайский ван Да Уи начал конфронтацию с Тан из-за того, что хэйшуй мохэ в 716 г. отправили в Тан посольство в обход Бохая. Более того, когда в 720 г. Тан обратилась к Бохаю за помощью, чтобы подчинить киданей и си, ранее подчинявшихся тюркам, Да Уи ответил отказом. В ответ в 726 г. хэйшуй мохэ отправили в империю Тан посольство с данью и просьбой о покровительстве и Тан объявила о создании административно-территориальной единицы Хэйшуйчжоу (с 725 г. область Хэйшуйфу), взяв хэйшуй мохэ под защиту. Да Уи (У-ван) считал хэйшуй мохэ своими вассалами и пошел на них войной. Но тут случились неприятности в собственной семье Да Уи, повлекшие за собой серьезные последствия. Мэньи, младший брат Да Уи, бежал в Китай, поскольку не хотел войны с Китаем из-за хэйшуй мохэ. Да Уи потребовал его выдачи от Китая, но получил отказ и в 732 г. организовал набег на порт Дэнчжоу (п-ов Шаньдун).

Отношения с Китаем были нормализованы только при Вэнь-ване, вступившем в правление в 738 г. и правившем 58 лет. Бохайцы стали ездить на учебу в Китай. В 762 г. Китай официально утвердил Бохай в статусе королевства. К тому же

у Китая в это время были свои внутренние осложнения, связанные с мятежом Ань Лушаня.

Пришедший к власти в 818 г. внук Вэнь-вана — Сюань-ван значительно расширил границы Бохая за счет мохэских племен и частично территории Силла (818–820 гг.). Но в 907 г. династия Тан пала, и Бохай был вынужден переориентироваться в своей внешней политике. В 901 г. на севере Корейского полуострова возникло Позднее Когурё, а в 918 г. пришло к власти государство Корё. Положение Бохая стало критическим — оба новых государства претендовали на его земли. Корё — по праву преемственности на земли Когурё, кидани — по праву завоевателей. Уже в 919 г. кидани захватили часть земель Бохая на юго-западе. В 925–926 гг. киданьская армия разгромила Бохай.

Дипломатические отношения Бохай — Япония. Как известно, активные торгово-экономические отношения с тунгусским миром Япония имела задолго до создания Бохая. В этом преуспели мохэсцы, регулярно посещавшие острова на своих небольших суденышках. С созданием своего государства Бохай немедленно попытался заручиться поддержкой Японии, о чем имеются не только письменные, но и археологические артефакты. В письменных источниках сохранились сведения о многочисленных бохайских посольствах, прибывавших в Японию. «В первом месяце 728 г. император принял послов из Бохая во дворце Дайкёкуден. Косайтоку, ставший главой посольства, преподнес императору грамоту и сказал речь такого содержания: „Бугэй (Бохай. — *О.Д.*) говорит вам, хотя наши реки и горы другие и мы живем далеко, страны наши не одинаковы, и мы только издали слышим молву о вас, но мы преклонялись все более и более и, пав ниц перед вами, думаем о том, что ваш император получил божественное приказание, и люди его следуют заветам предков, у нас же Бугэй совершил много нападений и покорил и присоединил различные государства, вновь перестроил развалины Кокурёй (Когурё. — *О.Д.*), но так как расстояние дальнее, то он не спрашивал императора, было это хорошо или дурно. В будущем, принеся извинения, покорно просит начать с ним сношения и ради этого он посылает теперь послов с вестями“. По сведению Окамото Рюносюке (Рюноскэ. — *О.Д.*) принесено 300 леопардовых шкур. Император был обрадован, пригласил Косайтоку и других к себе и пожаловал их чинами; устроил во дворце пир и угостил все посольство» [Матвеев, 1929, с. 28]. Уже в феврале 728 г. микадо отправил послом к бохайскому князю своего чиновника Хикида Мусимаро со следующей грамотой: «Выражаю свое уважение князю Бохая. Весьма радуюсь предложению быть в обоюдном согласии. Желаю доброго управления страной. Хотя нас разделяет море, но оно не помешает сношениям. Пользуясь возвращением Вашего посольства, шлю подарки» [Матвеев, 1929, с. 28]. Подарки состояли из 114 штук узорчатого белого шелку, 114 штук ткани полупелюшковой, из шелка и дикой конопли, 24 клубка шелковых ниток, 100 шелковых шнурков. Чиновнику и другим была пожалована белая шелковая узорчатая материя.

В августе 729 г. из Бохая вернулся посол Японии Хикида Мусимаро, сделал императору доклад и вручил подарки от Бохая, которые были представлены в шести храмах покойным государям, а затем распределены по большим храмам в разных местностях [Матвеев, 1929, с. 28].

Бохайско-японские отношения стали носить регулярный характер. Бохайские посольства приезжали в Японию в 804, 809, 810, 814, 819, 825 г. Иногда даже

возникали неприятные коллизии. Так, в 828 г. бохайцев не пустили в столицу, а, наградив подарками, предложили приезжать в Японию раз в десять лет.

Надо отметить, что к приезду посольств в Японии относились внимательно. «В ноябре 882 г. в провинцию Кага прибыл бохайский посол со свитой в 105 человек. Ему разрешено было явиться в столицу, и для этого на пути следования были исправлены дороги, мосты, гостиницы и заготовлены вина, мясо, свежая рыба и овощи. В апреле 883 г. посольство доставили в столицу, где оно представило письма и дары. Микадо угощал послов и награждал чинами. Потом послы смотрели верховую стрельбу из лука. Бохайцам подарили „кудзудама“ — украшение из пятицветной бумаги, в виде шара, который вывешивается в комнате в 5-й день 5-го месяца для предохранения от болезни. Так как посол Хайтэй был знаменитый ученый, то микадо приказал навещать его ученому Сугавара Мицидзане, тоже пользовавшемуся известностью. Оба остались крайне довольными друг другом. Микадо прислал послу также одну из своих одежд. При отправлении посольства ему вручены были подарки и письмо князю.

Вторично в 895 г. приезжал из Бохая посол Хайтэй, который был в Японии в 882 г. Встретившись с Сугавара Мицидзане, оба были рады взаимному свиданию, устроили пир, на котором сочиняли поэтические произведения.

Из Бохая в январе 908 г. прибыл посол Хайкин (сын Хайтэя. — *О.Д.*). Для доставления его в столицу были заготовлены предварительно лошади и седла. В столице для него устроили пир. Микадо подарил послу одну из своих одежд» [*Матвеев*, 1929, с. 20].

Но были и другие ситуации, свидетельствующие о требовании строгого соблюдения дипломатической этики. Например, «в 930 г. управляющий провинцией Дева прислал донесение, что бохайский посол Хайкин и еще 93 человека прибыли в уезд Такеногори провинции Танго. Когда послали для опроса послов, то Хайкин сказал, что он посол киданского государства. Далее Хайкин сказал: хотя он и другие бохайцы покорились Кейтан (киданям) и сделались их подданными, но в действительности они ненавидят Кейтан. Посланцы бранили киданей. Встречные доложили об этом императору, и высший совет приказал встречавшим людям передать бохайскому послу: „Кейтан — враг Бохая, ты покорился и исполняешь его (Кейтана) приказания и желаешь еще сделать зло. Ты уже не имеешь совести и не знаешь, что такое ненависть; нельзя быть таким человеком“. Затем посла отпустили». После этого посещения бохайцев в Японию прекратились.

5.4. Язык и литература Бохая

Языки населения Бохая — давняя проблема в бохаеведении, в обсуждении которой приняли участие специалисты разных стран — Китая, России, Кореи, Японии и даже Германии. К окончательному консенсусу исследователи пока не пришли, но общие положения проявились достаточно четко. Ни у кого из исследователей нет сомнения, что мохэский язык является истоком тунгусо-маньчжурской ветви алтайской языковой семьи. По заключению профессора Цзинь Юйфу «Бохайский язык — это есть язык Мохэ, и впоследствии это — чжуржэньский язык» [*Цзинь Юйфу*, 1992, с. 412].

В дальневосточном регионе мохэский язык знали еще в добохайское время. Мохэсцы были отличными воинами, имели конницу и часто принимали участие в различного рода разборках. Известны также дипломатические и торговые контакты мохэсцев с Японией, Китаем, тюрками, когуресцами. Но с образованием государства Чжэнь к мохэскому языку стали относиться внимательнее, поскольку окружающим странам было необходимо контролировать геополитическую обстановку и знать, что происходит в пограничном государстве. В «Краткой истории Японии» в предисловии к цзюаню 14 написано, что бохайский посланник и руководитель делегации Гао Дофо во время зарубежной поездки в Японию совершил побег и остался там на жительство. Японский историк Хакури Уматё и преподаватели языков изучали на его уроках бохайский язык. Впоследствии Гао Дофо высочайше была пожалована фамилия Таканива (Такаба) и японское подданство. Его потомки носили фамилию Таканива (Такаба). Как видим, бохайский (мохэский) язык был востребованным.

Китайские исследователи, не отрицая полиэтничности Бохая при доминировании племен сумо мохэ, сделали вполне объективное, соответствующее историческим реалиям, заключение, что у себя дома (в местах проживания) каждый этнос говорил на своем языке — мохэсцы на мохэском, когуресцы на когуреском, китайцы на китайском и т.д. Но, естественно, мохэский язык, будучи титульным, доминировал. Правда, китайские исследователи Сунь Сюжэнь, Гань Чжигэн полагали, что «в Бохае только ханьюй (*китайский язык*) мог быть официальным языком, отвечающим всем требованиям», «...ханьюй и китайская письменность позволяли в Бохае общаться различным этносам, населявшим его» [Сунь Сюжэнь, Гань Чжигэн, 1982, с. 71].

Своя письменность у бохайцев, видимо, тоже была. В китайской литературе отмечен такой факт: «Однажды совершенно неожиданно в столицу прибыли послы из далекой страны с письмом от своего князя... Послание распечатали, но никто не мог понять ни слова.

— Эти знаки не что иное, как отпечатки лап животных и птиц. Наши познания слишком ничтожны, и мы не можем разобрать ни одного слова, — доложил императору один из придворных ученых, отбивая поклоны перед золотыми ступенями».

Нашелся лишь один человек — поэт Ли Бо, который и прочел послание:

«Великий кэду страны Бохай посылает письмо танскому императору. С тех пор как ты занял Корею и приблизился к нашему государству, твои пограничные войска неоднократно захватывали наши земли. Думаю, что все это происходит по твоей воле. Теперь я не желаю больше терпеть этого. Посылаю тебе гонцов для объяснений. Ты должен уступить нам сто семьдесят шесть городов Кореи, а у меня найдутся хорошие вещи, которые я подарю тебе взамен. Лекарственные травы с горы Тайбо, холст из Наньхая, барабаны из Чжачэна, олени из Фуюя, свиньи из Чжэнсе, кони из Шуайбиня, парча из Вочжоу, карпы из рек Мэй и То, сливы из Цзюду, груши из Лоюя — всего получишь понемногу. Если же ты и на это не согласишься, я подыму войска, которые вступят с тобой в отчаянную битву. Тогда посмотрим, кто потерпит поражение и кто победит!».

Ответное послание тоже принадлежало Ли Бо: «Почтительно докладываю императору, — произнес Ли Бо, — пусть это дело не тревожит ваших священных дум. Прикажите послам завтра придти во дворец. Я при них, пользуясь их же

письменными знаками, ответу на послание их князя. Слова и выражения, которые я употребляю в письме, оскорбят и опозорят это государство и принудят его кэду смиренно покориться.

Тогда император спросил, что означает слово «кэду».

— У бохайцев принято называть князя кэду, — ответил Ли Бо, — все равно, как уйгуры называют своего князя кэхань, тибетцы — пуцзань, инородцы Юньнани — чжао, а келантанцы — симовэй. Каждый народ по-своему называет своего правителя.

Император приказал ввести послов. После того как послы совершили обряд приветствия и поклонения императору, Ли Бо в своем фиолетовом платье и атласной шапке, легкий и порывистый, как небожитель, подошел к трону и взял послание. Прислонившись к колонне, поэт прочел послание иноземцев без запинки, не ошибаясь ни в одном знаке.

Послы, изумленные, молча слушали. «Ваше ничтожное государство, — сказал Ли Бо, обращаясь к послам, — вышло из рамок приличия. Сердце нашего мудрого императора широко, как небо, и вашим поступкам он не придает никакого значения. Поэтому император приказал мне ответить на ваше письмо. Вам надлежит только молчать и слушать» [Удивительные истории..., с. 238–267].

Первым в отечественной литературе бохайские письма на камне опубликовал Е.И. Кычанов [Кычанов, 1960, с. 225–230]. Это была эпитафия на надгробии бохайской принцессы Чжэн Хуэй, второй дочери третьего бохайского вана Да Цинь-мао (738–793 гг.). «Бохайский текст, не являясь шаблонным, всё же в основных чертах подражает принятому в то время в Китае порядку составления подобных текстов: после краткого вступления дается описание достоинств принцессы и обстоятельства ее смерти, а затем, после общепринятой формулы «сделали мемориальную надпись», следует текст эпитафии» [Кычанов, 1960, с. 225–230]. Видимо, аналогичные письма — артефакты с негативами тюркских знаков обнаружил немного позднее Э.В. Шавкунов. Им же опубликованы киданьские знаки, но, как видим, эти письменности не получили широко распространения. К тому же нельзя исключать, что их оставили во время пребывания в этих местах по торговым и прочим делам заезжие гости. Для официальных документов и делопроизводства использовалась китайская письменность.

В последние десятилетия этому нашлись материальные подтверждения в виде находки позолоченного бубенчика с орнаментикой, выполненной в танском стиле, и иероглифической надписью, свидетельствующей о том, что владелец данной вещи является начальником крепости Шуйдаочэн (Шуйшоучэн). Бубенчик обнаружен в могиле № 29 некрополя Монастырка-3 (Дальнегорский район Приморского края), т.е. это документ, подтверждающий статус его владельца [Дьякова, 1998]. Описание этой уникальной находки предлагается ниже. Бубенчик по форме, размерам и декору отличается от традиционных мохэ-бохайско-чжурчжэньских шумящих подвесок-украшений. Он более крупный (2,8×3 см), шаровидной формы, с позолоченной внешней поверхностью. Бубенчик литой, из двух полушарий, соединенных валиком, подвесной. Вверху на его макушке сохранилась обломанная петелька. Внизу — на противоположной стороне от петельки — прорезан рот в виде длинного овала. В центре диаметр прорези рта достигает 0,6 см, на концах — 0,7 см. Внутри бубенчика (в рот) помещен камешек неправильной формы, дающий шумовой эффект. Это обычный прием, используемый для отпугивания злых духов. Бубенчик «умерщвлен» обломом петельки, за кото-

рую он подвешивался, а также пробойной в верхнем полушарии и разрывом рта. По позолоте гравировкой выполнен врезной орнамент в виде рисунка из переплетающихся стеблей с завитками листьев. Линии сделаны с помощью штихеля. Каждый последующий след штихеля частично перекрывает предыдущий. Фон рисунка образован выбитыми трубчатым штихелем мелкими кружками. На бубенчике от центральной части ротовой прорези до конца нижнего полушара срезана позолота и орнамент в виде вертикальной полосы диаметром 0,7 см и длиной 1,7 см. На этой полосе выгравирована вертикальная строка из четырех китайских иероглифов, написанных почерком *кайшу* (рис. 3). В переводе А.Л. Ивлиева первый иероглиф *шуй* — «вода» (水), второй иероглиф *дао* — «путь» (道), хотя нельзя исключать и того, что это знак *шоу* — «голова», «первый» (首). Третий иероглиф является знаком *чэн* — «город», «стена» (城). Значительные затруднения в определении вызывает последний иероглиф. Ближе всего он к правой части знака *юй* 於, самостоятельно не используемой. Наиболее вероятна идентификация этого знака с иероглифом *лин* — «начальник» (令) либо *лин* — «колокольчик», «бубенчик» (鈴). Последний знак имеет в правой части отсутствующий в надписи детерминатив 金 — «металл», однако известны случаи употребления иероглифа *лин* в значении «колокольчик» без этого детерминатива. В целом надпись можно прочесть как *шуй дао* (либо *шоу*) *чэн лин*. Вероятные переводы надписи, по мнению А.Л. Ивлиева: «Бубенчик из города Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)» либо «Начальник города Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)». После уточненного прочтения надписи в Институте языкознания РАН перевод звучит так: «Начальник крепости Шуйдаочэн (Шуйшоучэн)», что идеально вписывается в археологический и исторический контекст. Каменная Васьковская крепость и Пристанское городище в бухте Рудная и в устье одноименной реки, где раскапывался некрополь Монастырка-3 реально существовали и находились как на речном, так и на морском пути [Дьякова, 2009, с. 204]. Как видим, официальные документы, тем более выдававшиеся на управление крепостями (городами и пр.), оформлялись все-таки на китайском языке.

В то время танская культура доминировала в дальневосточном регионе и оказывала существенное влияние не только на Бохай, но и на все остальные страны. Многие государства, например Япония, посылали на обучение в Китай своих юношей. Бохай тоже не был исключением. «Первоначально бохайские князья отправляли большое число молодых людей в столицу Китая — Чань-Ань близ Сианьфу, чтобы обучаться в Большой коллегии и знакомиться с новыми и древними учреждениями империи. Там они изучали язык, литературу, древние и новые законы Китая. Известно, что во время Танской династии в Китае 30 бохайцев выдержали экзамены и получили ученые степени. По селам и храмам в Бохае были учреждены училища, и молодым людям не позволялось даже вступать в брак, пока они были неграмотны. Позже появилось много писателей, но все они писали по-китайски. Литература и искусство у бохайцев вообще были в почете» [Матвеев, 1929, с. 14]. В 831 г. только за один раз в Бохай вернулись 150 человек, обучавшихся в Китае.

В Бохае были свои поэты и писатели, являвшиеся современниками великих поэтов Китая Ли Бо, Ду Фу, Гао Ши, оказывавших большое влияние на все окружающее культурное пространство. Вот как записан в стихах поэта Хайтэя момент обучения юноши грамоте:

Владелец корчмы
из уезда Шуайбинь,
Угостил меня
черемшою толченой и брагой.
Сын его старший, Чжао,
был возраста возмужания.
Буду учить письмам
за доу хмельного вина.

Далее поэт повествует, как он обучал истории и географии своей страны.

Когда потрошили трепанга,
я сказал сыну рыбачки: запомни
города нашего царства Поморья:
главный из них столица Лун-цзюань-фу.
Подчиняются ей города Лун, Ху и Бо,
что в сотнях ли от нее отстоят.
Далее, если скакать в южную сторону,
то будет вторая столица.
Имя этой столицы Чжун-цзин,
шесть градов подчиняются ей:
Лоу, Сянь, Те, Дан, Юн, Син.

Восточной столицей, по счету третьей,
называется город Лун-цзин:
четыре города подчиняются этой столице.
Имя им: Цзинь, Янь, Мо, Хо —
что в древней стране Вэй-мо.
Южной столицей называется
город Нань-цзин, что в древней стране Вэй-мо.
В зависимости от нее стоят
три укрепленных города: Во, Цзинь и Цзяо.

Западная столица именуется Сицзин,
что в древней стране Гао-ли.
Под ее крылом стоят четыре города:
Шэнь, Бэй, Фын и Чжэнь.

Когда будешь рыб считать,
называй их именами городов, так и запомнишь!
Всеу есть имя свое, как у тебя.
А без имени тебя не вспомнит Будда.

(Перевод А. Белых)

Дошла до нас и литература о Бохэе. В 1954 г. на русском языке в книге «Удивительные истории нашего времени и древности (Избранные рассказы из сборника XVII в. „Цзинь гу цигунь“») было опубликовано повествование «Ли Бо, „небожитель“, пьяный пишет письмо, устранившее государство Бохай», отрывки из которого приведены выше.

Но в бохайской культуре было много своего, национального, оказавшего влияние на соседние страны. Согласно исследованиям Н.И. Конрада, в Японии до сих пор существует особый театральный жанр, называющийся «боккай-гаку»,

что означает бохайский танец. Не исключено, что это именно тот воинственный танец в виде сражения, напугавший китайского императора во время приема мо-хэского посольства.

Имен бохайских поэтов сохранилось не много. Самый известный, как уже сказано, среди поэтов Бохая — Хайтэй, сведения о котором приводятся в японских анналах. В 882 г. Хайтэй побывал в Японии в качестве посланника Бохая. «Так как посол Хайтэй был знаменитым ученым, то микадо приказал навещать его учёному Сугавара Митидзанэ (845–903)... Оба остались довольны друг другом. Микадо даже прислал послу одну из своих одежд. При отправлении посольства ему вручены были подарки и письмо князю». В 895 г. Хайтэй вновь оказался в Японии «Оба поэта были рады взаимному свиданию, устроили пир, на котором сочиняли поэтические произведения...». Александр Белых опубликовал на сайте «Сетевая словесность» уникальную по красоте, изяществу, мудрости и историзму подборку стихов Хайтэя, насладиться которой предлагаем читателям далее.

1

Мой старинный дружок предал меня.
Что ж, видно, был я ему малонадежным другом.
Уже давным-давно не получаю вестей от него,
Я стал для него надменным забвеньем.

Там, на вершине высокой горы Алинъ
Не восходит луна, сторонится лачуги моей.
Он стал чиновником важным в столице
И предал наш уговор юности скудной.

Слышал я поутру, как дорогой паланкин,
Разгоняя визгливых собак в подворотни,
По мостовой проехал поспешно и громогласно
С каким-то вельможей столичным.

Я выглянул вслед, а в небе рассветном
Одинокий журавль оторвался от стаи.
Я помню тот уговор на развилке дорог:
Поэзии достойно служить до смертного вздоха.

2

Варвары стоят у врат северной столицы,
Одной из пяти обширного нашего царства.
Беда грозит не роскоши столичных дворцов,
А славным песням, что слагают поэты.

Я призываю: пролетающим ржанкам
Печальные и радостные песни хороводом пропеть.
Пусть сохраняются мелодии в их песнопеньях!
Вы слышите их, потомки нашего царства?

3

На ветках ивы голубые сороки нависли.
 Будто лодчонки гонит листья по зыби озерной.
 Кто насаждает на весла? Он пьян или весел?
 Жизнь моя отплывает к иным берегам...

4

Полыхают красные стяги на мачтах, будто факелы.
 Увижу ли Абrikосовый храм и залив Трепанга?
 Вернуться ль живым из странствий заморских?
 На посольском фрегате уплываем к землям Ямато.

Страна, что славится песнями древних Богов,
 Услышит ли песни нашего Поморского царства?
 Тревожны границы киданьских степей.
 Им ведомы только волчий вой и ржанье кобыл.

Что, если сбросит волна в морские долины,
 Как посланник Кэнсоку сбросил за борт корабля
 Супругу, младенца, студента китайского Ко
 И женоподобного священника Юхосаку?

Страшно мне, но виду я не подам, и креплюсь.
 Коль достигну берегов Ямато, прославлю песни Бохая.
 Так я думал когда-то и долг свой, должно быть, исполнил.
 А теперь собираю травы, что выброшены морем...

5

Я вышел за ограду селенья,
 стражника встретил.
 Я знал его с малых лет,
 он мальчиком бегал с ватагой
 других деревенских ребят.
 Он совсем меня не узнал,
 строгий стоял у ворот на посту
 и шурился на закатное солнце.
 Я гордился его красотой,
 Защитники есть в нашем царстве.
 Но кто я был для него?
 Просто старик, идущий куда-то
 Без надобности всякой.
 Что заботы мои, стариковские?

6

Старая ива в овраге, пригодится для посоха.
 Смотрю на нее и жалею о жизни своей одинокой.
 А кому сгодится она? Плакальщиц нет у нее.
 Да и зачем сокрушаться над сломанным деревом?
 Я ведь не воин погибший. И всё же досадно...

В селении Ян, что в Южной бухте стоит,
 Глубоководная рыба пошла в верховья реки.
 Мокэ и кидане, мужчины и женщины,
 Радостно вышли оравой на лов с острогами.

Не отстают от них и мальчата,
 Стоят по пояс в холодной стремнине.
 Из ив заостренными кольями метят
 В рыбы хребты, что на горы наши похожи.

А что за горами? Враги или друзья?
 Пока поэты одаривают друг друга стихами,
 Будет спокойно селянам трудиться в полях
 По обе стороны гор, таких величавых!

«Ты говоришь, что река Ляо-шуй широка,
 Но что значит она в сравнении с великим Янцзы?
 Что значит народонаселение в Гаоли
 В сравнении с царством Чень?»

Ратники Гао, Чжан, Ян, Доу, У, Ли —
 Имена великих князей, славных богатством.
 Рабов, танцовщиц и наложниц не счесть во дворцах.
 Но им не сравняться с Бохай цзю-ваном!

И что моя песня до песен Срединного царства?
 Персиковый ручей не протекает в наших пределах.
 Однако у лачуги своей пять деревцев ивы взлелею
 Своими руками, что кисть уже едва ли удержат.

Их шелест осенний пусть будет милей, благодатней
 Песен моих неказистых отдаленным прохожим —
 Их имена не известны и, должно быть, звуков чужого наречья.
 Как угадать, в ком отзовётся песня моя?

Бессемейный неженатый мужчина —
 Это достойно для звания поэта.
 Ревнивы женщины в царстве Бохая.
 А те, что не ревнуют, разве то жёны?
 У них по десять шпионов тенью ходят
 За каждым шагом дорогого супруга.
 За мной же следит одна только тень
 Да посох еще из ивы той корявой,
 Что путником брошен в ров крепостной...

Похлебку из водорослей свежих
 и нежных розовых моллюсков
 Предложила мне как-то
 хозяйка лачуги рыбацкой.
 Ветры колышут тонкие стены,
 и волны подмывают настил у порога.
 Я стар уже, чтоб сгодиться для мужа,
 и для свитков очень тяжелых
 не найдется здесь ниши глубокой.
 Хотя похлебка так хороша!
 Что я, ученый старый бедняк,
 лишь песней неумелой утешу.
 Она тоже споет мне про ржанок,
 что гуляют на отмели моря.
 Когда горько, ноги в обносках сами
 приводят сюда за утешеньем.

Если есть в государстве
 чиновник вельможный,
 это значит, что будет порядок
 для подданных царства.

Знавал я наряды
 всякой придворной знати.
 Смотрю на обноски свои
 и вспоминаю, как менял я наряды.

В одеждах цвета фиалки
 с дощечкой из слоновой кости
 для записей важных
 и золотой рыбкой
 на яшмовом поясе — это чиновники
 трех первых рангов.

Чиновники четвертого
 и чиновники пятого рангов
 облачаются в одежду малинового цвета,
 носят дощечку для записей государя
 и серебряную рыбку на поясе.

Чиновникам шестого
 и чиновникам седьмого рангов
 позволяется входить во дворец в одеждах
 только светло-рдяного цвета,
 а чиновники седьмого ранга —
 в одеждах изумрудных тонов.

Ничто не делается в царстве
 Без утверждения кэ-ду <...>

Хозяйка рыбацкой лачуги
 прислала сына-подростка с бобами.
 Мы чертили с ним китайские знаки,
 похожие на лапки крикливых ржанок.

Он был охотлив к учености.
 Всё, что помнил о дворцах Шан-цзина,
 я рассказал всё по порядку, как помнил,
 сыну простой рыбацки.

Великий кэ-ду Да Цзо-жун
 собиратель обширных земель
 от китайских земель на Ляодуне
 до восточных берегов Поморья,

от государства Силла
 до степей ныне враждебных киданей.
 Вот как раскинулось царство народов мохэ,
 рыбаков, умельцев, стрельцов.

Сказывала легенду рыбацка Амуча,
 Как в лачуге одной жила бедовая голова,
 Отдельно от туловища мужчины,
 Среди шкур на полатах лежала.
 Так жила голова много вёсен печальных,
 Прошло много зим, прошло много лет,
 Пока однажды к жилищу старой вдовицы
 Не прискакала степная кобыла.
 Кругами гарцуя, вбежала она за порог,
 И став пред головой, громогласно заржала.
 Голова покачнулась, открыла глаза, чёрные как уголь,
 Покатилась вниз по полатам,

И свалилась прямо на спину дикой кобылы.
 Заржала кобыла испуганно и тотчас умчалась
 Вниз по Большой реке, через леса и доли
 До жилища шаманки Амфуди-Амуча.

Приказала шаманка: «Брось голову в озеро,
 Чтобы та превратилась в мужчину!»
 Однако голову поглотили воды, и тогда
 Шаманка обернулась уточкой и вслед поплыла...
 Так злой дух стал красавцем юным Марго...

Рыбачка Амуча, нанизывая рыбу на прутья,
 рассказала о том, как в начале света
 жили три человека: Шанвай, Шанкоа, Шанка.

Однажды эти три человека
Послали трех лебедей нырять, чтобы
достать для Земли камней и песка.
Птицы нырнули на дно и не вынырнули,
семь дней провели они под водой.

15

Когда потрошили трепанга,
я сказал сыну рыбачки: запомни
города нашего царства Поморья:
главный из них столица Лун-цзюань-фу.
Подчиняются ей города Лун, Ху и Бо,
что в сотнях ли от нее отстоят.
Далее, если скакать в южную сторону,
то будет вторая столица.
Имя этой столицы Чжун-цзин,
шесть градов подчиняются ей:
Лоу, Сянь, Те, Дан, Юн, Син.

Восточной столицей, по счёту третьей,
называется город Лун-цзин:
четыре города подчиняются этой столице.
Имя им: Цзинь, Янь, Мо, Хо —
что в древней стране Вэй-мо.

Южной столицей называется
город Нань-цзин, что в древней стране Вэй-мо.
В зависимости от нее стоят
три укрепленных города: Во, Цзинь и Цзяо.

Западная столица именуется Сицзин,
что в древней стране Гао-ли.
Под ее крылом стоят четыре города:
Шэнь, Бэй, Фын и Чжэнь.

Когда будешь рыб считать,
называй их именами городов, так и запомнишь!
Всеу есть имя свое, как у тебя.
А без имени тебя не вспомнит Будда.

16

Стражников городских перекличка
Разбудила меня на рассвете.
Куст азалии розовел, будто облако спящее.
Душа моя скоро ли вслед поплывет?

Сон мой некрепкий с думою горькой,
Как дым от травы, что жгут солевары
На побережье в устье реки Яньчихэ,
Чем обернется — птицей парящей, облаком спящим?

17

Владелец корчмы
 из уезда Шуайбинь,
 Угостил меня
 черемшою толченой и брагой.

Сын его старший, Чжао,
 был возраста возмужания.
 Буду учить письменам
 за доу хмельного вина.

18

Уточка-селезень крылья полощет,
 В проточной воде, самозабвенно перышки чистит.
 Так тщательно прихорашивается перед подругой,
 Что мне и неловко за свой неопрятный наряд.

Умывается пылью воробей на развилке дорог,
 В след от копыта нырнет с головой и крылья встряхнет.
 И кажется мне, будто это только что конь проскакал.
 Вспоминаю прошлого ратников славных следы...

19

В ристалище вод полноводной реки,
 За руки взявшись, вошли с тобою с замиранием сердца.
 Лососи бились о ноги наши и нежно ласкались.
 Их гибель вскоре станет надежным залогом любви.

На камне широком и солнцем согретом
 Распластались, как ящерицы, уставшие сражаться.
 Одежды и волосы наши сушили,
 Запрокинув головы в проплывающие облака...

20

Был пастухом, бродягой, вельможей,
 Но кто я на самом деле в этой жизни ничтожной?
 Рядился в одежды лиловые и черную рясу —
 Всеми путями прошел, но в ком мое сердце забьется?

Будто на перекличке стражников перебираю имена.
 Все хороши, но имени своего никак не узнаю.
 Хожу по окраинам города и вопрошаю встречающих:
 «Вы помните меня, молва обо мне жива ли?»

Душа моя, кто ты? Дух голодный? Демон-асура? Или архат?
 Я человек на развилке шести дорог,
 Будто кость обглоданная, брошенная за порог
 Бродячей своре собак — нет ни имени у меня, ни славы...

© Александр Белых, 2006–2014
 © Сетевая Словесность, 2007–2014

Глава 6

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ БОХАЙЦЕВ

(историко-археологический аспект)

История первого тунгусо-маньчжурского государства Бохай завершилась печально. В 926 г., несмотря на активное и более чем 20-летнее сопротивление Бохай пал от рук своих юго-западных соседей, киданей — давних заклятых врагов кочевых монгольских племен. Этому способствовала сложившаяся к началу X в. в дальневосточном регионе политическая обстановка. Тюркские и уйгурский каганаты, часто превращавшие Восточную и Центральную Азию в кипящий котел и не дававшие древним монгольским племенам набраться сил и расправить плечи, к этому времени исчезли с политической арены [Воробьев, 1994, с. 189]. К тому же в X в. пришла в упадок китайская династия Тан (618–906), чем не преминули воспользоваться кочевники кидани. В 907 г., применяя военно-наступательную тактику, кидани во главе Абаоцзи провозгласили свое государство, а в 916 г., став лидером на северо-востоке Азии, создали империю Ляо (916–1125). Всего через 10 лет после провозглашения империи они расправились с Бохаем и захватили его территорию [Е Лун-ли, 1979, с. 135]. Естественно, после оглушительных военных побед перед киданями встала проблема другого рода — как и каким способом контролировать и удерживать завоеванные земли. Выход был найден. Согласно скудным и чрезвычайно малочисленным письменным источникам, на завоеванных бохайских просторах ляоский император Абаоцзи в 926 г. создал вассальное государство и даровал его своему старшему сыну Елюй Пэй (Елюй Туяю). Елюй Пэй назвал новое государство «Дундань», что в переводе с китайского означает «Восточное Кидань» (киданьское название — «Восточное Даньгур», т.е. лежащее восточнее Ляо, корейское название — «Тоннак-гук») [Воробьев, 1994, с. 189; Е Лун-ли, 1979, с. 119; Кычанов, 2009, с. 127; Хан Гю Чхоль, 2000, с. 66–68]. Елюй Пэю присвоили китайский титул «жэньхуанван», т.е. «царственный ван народа», а населению презентовали дань в виде ежегодной поставки в Ляо тысячи лошадей. Летом 926 г. из Дундань увезли бохайского вана и вывели киданьские войска, столицу поначалу утвердили в столице Бохая Лунцзюаньфу, позже перенесли в Ляоян. Однако мир в новом государстве всё равно не настал. Восстания бохайцев не утихали. Тогда кидани применили к бохайцам древний испытанный метод насильственного переселения непокорных племен в другие места и регионы. Был издан соответствующий указ, и по нему около двух третей наиболее воинственного и «провинившегося» бохайского населения отправили на западные территории империи Ляо, чтобы бохайцы, находясь в окружении чужеродных этносов, не смогли затеять новую смуту и были полностью подконтрольны властям.

Согласно письменным источникам, многие бохайские аристократы стали нести службу при императорском дворе киданей или чиновниками на местах. В записях указывается, что из 224 послов киданей в государство Корё 26 имели фамилию бохайского происхождения Гао (корейское Ко) и 80 человек просто носили бохайские фамилии [*Хан Гю Чхоль*, 2000, с. 66–67]. Должным образом были оценены и военные доблести бохайцев. Многих из них кидани не преминули привлечь к военным операциям и военной службе. К тому же это являлось обычной практикой для Востока, когда армию подкрепляли отрядами из побежденных племён и даже назначали их представителей военачальниками (часто из перебежчиков и предателей).

Тем не менее, как говорится в «Корё са», отдельные представители правящего класса продолжали оказывать сопротивление киданям. Среди них был, в частности, Да Гуансянь (корейское Тэ Кванхюн) — потомок правящего дома Бохая. Известны попытки создания нового государства. В 1029 г. Да Яньлинь (потомок основателя Бохая Да Дзожуна) провозгласил государство Синляо-го, а в 1115 г. Гао Юнчан (корейское Ко Юнчан) сумел основать государство Великий Бохай [*Хан Гю Чхоль*, 2000, с. 67]. Количество бохайских беженцев на территории Корё (видимо, этнических когурёсцев), бежавших к себе домой, насчитывало, по разным документам, от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч человек. А вот как сложилась судьба остального населения, преимущественно мохэсцев (тунгусо-маньчжуров), история умалчивает.

Следует отметить, что для бохайцев в лице государствообразующего этноса — племен сумо мохэ такой способ расправы и усмирения, как переселение в другой регион, уже был хорошо знаком. Впервые племена сумо мохэ испытали его на себе ещё в 668 г. Часть племен сумо мохэ, входивших в состав государства Когурё, после его разгрома Танский Китай переместил в северные пограничные районы Китая (совр. г. Чаян). Но тогда сумо мохэ не забыли о своей родине и смогли положительно для себя разрешить изгнание. Выждав удобный момент, когда кидани в очередной раз устроили «заварушку» и отвлекли внимание Тан, сумо мохэ снялись с мест изгнания и вернулись в родные места в бассейн Сунгари, где и провозгласили в 698 г. своё самостоятельное мохэское государство Чжэнь, которое позже, в 712 г., было переименовано в государство Бохай, просуществовавшее 228 лет. Второе переселение бохайцев, предпринятое киданями, имело более трагические последствия. В этот раз бохайцам не повезло, и им не удалось воссоздать свое государство.

По этническому составу Бохай был полиэтническим государством, в котором основным государствообразующим этносом являлись племена сумо мохэ. Поэтому, вероятнее всего, именно сумо мохэ, как наиболее агрессивная и непокорная часть населения, должны были подвергнуться депортации в западные области империи Ляо. Следовательно, получается, что два этноса — сумо мохэ и когурёсцы — более всех испытали на себе горечь поражения. Вассальное государство Дундань просуществовало недолго — всего 56 лет. В 982 г. из-за многочисленных внутренних сложностей и боязни усиления бохайцев кидани ликвидировали Дундань как самостоятельное государство, включив его земли в состав империи Ляо. Судьба же периферийных бохайцев, проживавших на северо-восточной окраине государства (территория российского Приморья), до сих пор остается не-

известной, и неясно — сгинули ли они бесследно вместе с падением Бохая или, пользуясь отдаленностью своих земель, сумели остаться на прежних местах и продолжали жить относительно спокойно.

Исторический опыт показывает, что правители Ляо не могли оставить без надзора и административного регулирования покоренное население и захваченную территорию. Для контроля обязательно должна быть учреждена управленческая структура, нацеленная не только на сбор налогов (дани), но и на организацию жизни покоренного населения. Нельзя было обойтись без общественных работ по прокладке и починке дорог, возведению узловых административных объектов и т.п. Да и северо-восточные границы империи Ляо или государства Дундань необходимо было каким-то образом охранять. Особого внимания требовало морское побережье, поскольку именно с этой стороны подстерегала опасность нападения пиратов и прочих недругов, активно промышлявших в это время на морских просторах. Для охраны и контроля территории требовалось возведение различного рода пограничных укреплений и гарнизонов или, по крайней мере, починка и реутилизация старых фортификационных объектов, возведенных еще бохайцами. Письменные источники никаких сведений об этом не сохранили. Поэтому разрешить данную проблему можно, вероятно, исключительно через археологические материалы. Безусловно, указанная сфера деятельности новых властей неизбежно должна была оставить материальные следы в виде археологических памятников — городищ, крепостей, поселений, ремесленных комплексов, некрополей, являющихся в настоящее время единственными сохранившимися историческими источниками, по которым можно установить и расшифровать те далекие события и заполнить серьезнейший и принципиально важный пробел в истории Дальнего Востока. Но здесь мы сталкиваемся с новым препятствием. Так сложилось во владивостокской археологии, что постбохайский период (X–XII вв.) оказался «белым пятном» в дальневосточной истории. Он практически не изучен. Ситуация значительно усложняется еще и тем, что несмотря на более чем пятидесятилетнее изучение бохайских памятников Приморья, большинство основополагающих проблем в археологии бохаеведения остались не разработаны. В их числе — хронология и датировка бохайских памятников. Время существования бохайской археологической культуры исследователи по-прежнему автоматически обрывают X в., т.е. 926 г. — моментом падения государства Бохай. Но история населения региона (в первую очередь мохэсцев) вместе с падением государства вряд ли закончилась. Жизнь продолжалась и после падения Бохая. Однако в настоящий момент при отсутствии добротных классификационных и корреляционных характеристик материала, хронологических и датировочных разработок вычленив археологические объекты X–XII вв. из всего многообразия средневековых памятников Приморья — задача чрезвычайно сложная. Но решать ее необходимо. Для этого следует выявить археологические маркеры, позволяющие определить объекты постбохайского времени. Такими маркерами могут служить ляоские артефакты и фортификационные детали, которые завоеватели обязательно должны были принести во вновь приобретённые земли. Хорошим подспорьем может служить и стратиграфия памятников, позволяющая выявить их периодизационное положение.

6.1. Особенности фортификации бохайской, чжурчжэньской и киданьской культур

Для решения обозначенной в предыдущем разделе задачи проанализируем типовые особенности фортификации бохайской, чжурчжэньской и киданьской культур и предложим их корреляционные сопоставления.

Бохайская культура. Анализ городищ и крепостей бохайской культуры показывает, что для нее характерны три типа укреплений: долинный, мысовый, горный.

Основным типом городищ данной культуры является долинный. По форме валов долинный тип городищ делится на два вида — квадратный и многоугольный. Для бохайских городищ характерна простая фортификация из земляных валов с частичной каменной облицовкой, ворота в виде 2–3-метровых разрывов (иногда укрепленных захабом) и, главное, отсутствие различного рода настенных и пристенных сооружений — башен, бастионов. Как правило, долинные городища являлись административными центрами различного уровня.

Горные укрепления бохайцев Приморья располагались на отдельно стоящих сопках и сооружались из камня по когурёской технологии, т.е. без цементной связки. Назначение каменных крепостей — охрана морских и сухопутных дорожно-транспортных путей.

Мысовые укрепления представляют собой синкретичный тип, так как это то же долинное городище, но перенесенное в иные топографические условия (мохэ-бохайские традиции). Указанные типы бохайских городищ содержат соответствующие показатели аборигенного, государственного и эпохального блока.

Чжурчжэньская культура империи Цзинь и Восточного Ся. Для чжурчжэней Приморья характерны два типа укреплений: долинные и горные. Оба типа имеют сложные фортификационные детали в виде настенных, надвратных и угловых башен, бастионов, редутов, внутренних запретных городов, сложных двух- и трехстворчатых ворот, захабов, четкую поквартальную планировку. Кроме сложной фортификации основным признаком чжурчжэньских городищ является техника возведения валов способом ханту, т.е. слоёно-почвенная утрамбовка из сыпучих и вяжущих ингредиентов. Материальная культура чжурчжэней представлена ремесленным материалом, своим происхождением мало связанным с аборигенными традициями.

Киданьская культура. Военное зодчество киданей, согласно опубликованным материалам городищ северо-восточного Китая и Монголии, полностью базируется на китайских строительных традициях. Согласно «Ляо ши» кидани впервые начали строить поселения, окруженные каменными стенами, на рубеже IX–X вв. Для возведения стен и валов применялся способ ханту, но с той разницей, что для боковых крепежей при возведении стен использовался подручный материал. В пустынных и степных районах это были стебли растений и трава в сочетании с деревянными досками. Поэтому боковые стороны — куртины — в этих случаях приобретали характерную ребристость. Киданьские укрепления имели настенные, угловые и надвратные башни. Известны киданям были и бастионы. Планировка городищ практически соответствовала китайским традициям за исключе-

нием, по мнению А.Л. Ивлиева, деления городища на северную и южную части (это мнение было высказано автору в личной беседе). Напомним, что в Китае башни и бастионы возводились ещё в VI в. до н.э. [Носов, 2001, с. 27]. Из сказанного следует, что кидани империи Ляо в военном зодчестве применяли для возведения стен и валов способ ханту, знали преимущества башен и умели ими пользоваться. Кроме того, киданьская культуры содержала ряд специфических черт, отражавших ее кочевой характер. Достаточно ярко это проявлялось в керамике (фляжки, характерные вазы и др.) и поясных наборах.

Следовательно, отличительные фортификационные особенности Бохая (VII–X вв.), в частности на территории Приморья, — отсутствие башен и неприменение способа ханту. Отличительными особенностями чжурчжэней Приморья (XII–XIII вв.) служат использование способа ханту для возведения валов и наличие различных угловых, настенных и надвратных сооружений в виде башен, камне-мётных площадок, сторожевых пунктов, бастионов и прочих деталей. Характерными фортификационными особенностями киданьских городищ (X–XII вв.) являются возведение стен и валов способом ханту, часто с местной, обусловленной природными условиями спецификой, а также наличие башен.

Из приведенных характеристик бохайского, чжурчжэньского и киданьского (ляоского) военного зодчества следует, что в разгромленный Бохай в начале X в. новые фортификационные детали — башни и способ ханту — могли принести именно кидани, когда возникла необходимость обустраивать на захваченных землях вассальное государство Дундань. Посмотрим, когда и где появляются такие памятники в Приморье и появляются ли вообще.

6.2. Памятники Приморья постбохайского времени

При исследовании средневековых памятников Центрального Сихотэ-Алиня выявлена серия городищ, которые по фортификационным характеристикам являются промежуточными между бохайскими и чжурчжэньскими, поскольку на них появляются угловые башни, а валы начинают сооружать способом ханту. Эти новые фортификационные элементы — башни, бастионы и способ ханту — позволяют выделить ряд объектов постбохайского времени. Фортификационным признакам бохайских городищ не соответствуют следующие городища: Кокшаровское-1, Поднебесное, Стеклянуха-1 (по наличию башни), Джигитовское, Красное Озеро (по возведению валов способом ханту). К тому же в керамических материалах Кокшаровского-1 городища отмечаются изделия, присущие киданям.

Кокшаровское-1 городище (бассейн р. Уссури). Планиграфия городища, выявленная при стационарных исследованиях российско-корейской экспедиции, оказалась достаточно сложной, с четкой квартальной планировкой и многочисленными зданиями дворцового типа, видимо административного назначения. Наличие угловой башни и ляоского керамического материала позволяет полагать, что городище Кокшаровское-1, вероятнее всего, функционировало в постбохайское время, т.е. в X–XI вв. и, видимо, входило в состав государства Дундань (Восточное Кидань). Причем география памятника показывает, что городище Кокшаров-

ка-1 располагалось на важном узловом участке континентальной сухопутной магистрали, ведущей к Венюковскому перевалу и далее в бассейн р. Зеркальная к морю. Эта дорога, как удалось установить автору, действовала в древнее, средневековое, этнографическое время [Дьякова, 2009, с. 245]. Безусловно городская планировка памятника, несмотря на его относительно незначительную площадь, позволяет полагать, что, вероятнее всего, городище Кокшаровка-1 являлось одним из административных центров киданьского государства Дундань, а позднее империи Ляо, призванным осуществлять контроль над территорией.

Городище Стеглянуха-1. По материалу, долинному типу соответствует бохайской культуре, но наличие фронтальной башни выдает ее более позднее функционирование.

Мономаховское городище (бассейн р. Рудная). По фортификационной характеристике и керамическому материалу соответствует позднебохайскому или постбохайскому времени.

Джигитовское городище (бассейн р. Джигитовка). По долинному типу, квадратной планировке, коллекционному материалу городище соответствует бохайской археологической культуре государственного периода, но по технике возведения валов способом ханту, наличию подобия угловой башенной площадки на валу отвечает стандартам киданьских фортификационных сооружений. Сказанное даёт основания думать, что Джигитовское городище, видимо, функционировало в постбохайское время и входило в систему укреплений киданьского государства Дундань, сохраняя при этом свои исконные традиции. Это означает, что администрация была местной, бохайской.

Городище Поднебесное (бассейн Уссури). По фортификационным деталям — башенной площадке — не соответствует бохайским традициям и, вероятно, было возведено или переустроено в ляоское время.

Городище Красное Озеро (бассейн р. Джигитовка). По квадратной форме валов, планировке, коллекционному материалу городище соответствует бохайской археологической культуре государственного периода, а по технике возведения валов способом ханту отвечает стандартам киданьских фортификационных сооружений. Видимо, городище продолжало существовать и в постбохайское время, выполняя функцию морского порта в бухте Джигит Японского моря в период государства Дундань и империи Ляо. При этом оно сохраняло свои исконные мохэ-бохайские традиции, что означает, что администрация оставалась местной, бохайской.

6.3. Памятники, содержащие киданьские артефакты

Краскинское городище. В колодце данного памятника обнаружены киданьская ваза и фляга. Это позволило исследователям сделать заключение, что «гибель Краскинского городища следует связывать с разгромом Верхней столицы киданями, поскольку материалы... аналогичны материалам Верхней столицы Бохая, прекратившей свое существование с упразднением здесь столицы марионеточного... государства Дундань в 30-х годах X в.» [Гельман, Болдин, Ивлиев, 2000,

с. 164]. Причем было отмечено, что «Если ваза своим происхождением несомненно обязана киданьскому гончару, то фляга сочетает в себе черты киданьских сосудов, уплощённых с двух сторон, с двумя парами петлевидных ручек и сосудов времени государства Объединенная Силла, уплощенных с одной стороны. Эта особенность сохранялась в корейской керамике и в дальнейшем в период Корё» [Гельман, Болдин, Ивлиев, 2000, с. 164]. Сказанное демонстрирует явные киданьские следы на Краскинском городище и его функционирование после официального падения Бохая. Но остаётся неизвестным, что случилось с этим городищем после скоротечного исчезновения Дундань.

6.4. Памятники с постбохайской керамикой

Содержат круговую сероглиняную керамику, являющуюся более поздним типологическим звеном керамики категории II, т.е. бохайской керамики когурёского происхождения. Такая керамика обнаружена на серии поселений и производственных объектов.

Синегорье-1 (печь). Изделия из этой печи обнаружены на городище Кокшаровка-1, а также на поселениях Синегорье-2 и Устиновские поля. Данный факт позволяет считать их функционировавшими в одно время, т.е. в постбохайский период, а наличие в комплексах изделий ляоского типа не противоречит отнесению их к государству Дундань и империи Ляо.

Керамические материалы постбохайского времени также зафиксированы на Старореченском городище, Корсаковских поселениях-1, 2, Константиновских селищах-1, 2. И это далеко не полный перечень памятников, свидетельствующий о том, что аборигенное тунгусо-маньчжурское население в Приморье сохранялось и после разгрома Бохая.

Таким образом, анализ археологических объектов позволяет полагать, что территория Приморья в постбохайский период подпадала под власть вассального от киданей государства Дундань (Восточная Кидань). Причем население в Приморье сохранялось прежнее, преимущественно тунгусо-маньчжурское. Об этом свидетельствует отсутствие следов разгрома бохайских археологических памятников и сохранение в археологических комплексах аборигенного (мохэского) типа посуды, а также непрерывность (эволюционность) развития ремесленной керамики. Похоже, что бохайские провинции Приморья плавно перетекли в новое государство Восточное Кидань. Приморье и до киданьской экспансии было хорошо знакомо с государственным управлением. Поэтому, вероятнее всего, эта территория достаточно спокойно вошла в новое государственное образование в качестве достаточно самостоятельной пограничной провинции. О том, что определенная государственная преемственность между Бохаем и Дундань имела место, подтверждают письменные источники [Е Лун-ли, 1979, с. 119]. В них зафиксирован интересный дипломатический конфуз. Посол (сын бохайского поэта Тайхэя), представлявший Бохай в 908 и 919 гг., прибыл в Японию в 930 г. (через четыре года после падения Бохая) уже от вассального киданям государства Дундань и отличился тем, что сильно ругал киданьского императора, за что получил

выговор от японского императора. Как видим, бохайских чиновников использовали на государственной службе уже нового (киданьского) государства. Даже тех, кто, как в приведенном выше случае, не особенно отличался благонадежностью и преданностью. Но для более или менее активного функционирования нового, хотя и вассального, государства Дундань требовались люди, способные организовать удержание и контроль над территорией. Обнаружение же на территории Приморья городищ вдоль узловых дорожно-транспортных магистралей с новыми фортификационными элементами, присущими киданям, наличие на этих городищах квартально расположенных административных зданий и керамических изделий ляоского облика, свидетельствуют о том, что система управления и контроля над территорией Приморья после разгрома Бохая киданями все-таки осуществлялась. Причем с помощью самих бохайцев.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОХАЕВЕДЕНИЯ (вместо заключения)

История северных государств или, как их образно называют в китайской историографии, «северо-восточного захолустья» — Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.), Бохай (698–926 гг.н.э.) для стран Дальнего Востока, с момента их возникновения являлась проблемой политической, прямо выходящей на принципиальные для любого государства аспекты: пограничные вопросы, иерархический статус северных государств относительно Китая, происхождение государств, их этническая составляющая, этногенез населения и, естественно, этническая принадлежность правящей верхушки этих государств. Истоки этой проблемы уходят в раннее средневековье. Названная проблема в силу различных обстоятельств то на время затухала, то, из-за возникших осложнений, молниеносно активизировалась, но никогда не уходила из поля зрения политиков дальневосточных стран. Свидетельством этому служат научные симпозиумы и их тематика. Так, в Китае в 1998, 2000 гг. Государственное управление артефактов дважды созывало симпозиумы-коллоквиумы с когурёской и бохайской тематикой [Лю Сяодун, 2006, с. 158]. В ноябре 2000 г. в Токио состоялся симпозиум по древней истории Кореи, в котором участвовало более 500 специалистов из Японии, Республики Корея и КНДР, докладывавших об археологических раскопках памятников Когурё, Бохая, об обнаружении фактов, подтверждающих происхождение государство Пэкче от Когурё [Петров, 2004].

7.1. Северо-восточный проект Китая и КНДР

В начале 2000-х годов проблема вновь приобрела актуальность и была выведена Китаем на государственный уровень. В феврале 2002 г. правительство КНР создало в Институте археологии Академии общественных наук центр по изучению приграничных культур. В этот центр из провинций были привлечены специалисты по северо-восточным (граничащим с Россией и Кореей), северным и северо-западным (граничащим с Монголией), юго-западным (граничащим с Вьетнамом) территориям. Особое внимание было уделено северо-восточным территориям, что проявилось в выделении правительством Китая крупных денежных субсидий на осуществление пятилетнего проекта, известного под названием «северо-восточный». Проект был направлен на проведение археологических изы-

сканий и раскопок памятников государства Когурё, и в первую очередь некрополей с фресками. Конечной целью северо-восточного проекта являлось закрепление Китаем на международном уровне посредством ЮНЕСКО в качестве мировых культурных ценностей реестра когурёских памятников, расположенных на северо-восточных территориях КНДР. Это позволяло Китаю квалифицировать Когурё как вассальное государство. Но процедура регистрации когурёских гробниц в ЮНЕСКО тянулась достаточно долго, хотя и постоянно контролировалась Китаем. Известно заявление КНДР от декабря 2003 г. в Комитет по всемирному культурному наследию ЮНЕСКО о регистрации фресок когурёских гробниц провинции Цзилинь.

Это событие заметили все приграничные с Китаем страны, но особенно активную контрпозицию заняли Республика Корея, Корейская Народно-Демократическая Республика и Япония, поскольку усмотрели в этом акте притязание Китая на включение государства Когурё в свою историю. Основания для подозрений подобного рода имелись. Об этом свидетельствует вся древняя и средневековая китайская историография, где северо-восточные государства всегда рассматривались как зависимые от Поднебесной. Квинтэссенция взглядов китайских специалистов на проблему северо-восточных государств четко выражена в цитате из книги Цзоу Лан: «Государство Бохай династии Тан было государственным образованием меньшинств — мохэских племён, в первую очередь сумо, а также других этнических групп северо-востока древнего Китая. Его правитель постоянно получал от Танской династии такие почетные титулы, как „великий вождь, командующий левым флангом конницы“, „князь Бохайский“, „военный правитель провинции Хухан“, „советник с золотой печатью и лиловой лентой“, „почетный инспектор-командующий“, „властелин Бохая“ и т.д. Следовательно, государство Бохай было локальным феодальным режимом в подчинении Танской династии» [Цзоу Лан, 2006, с. 126].

На действия Китая мгновенно среагировала Южная Корея. В южнокорейских СМИ появились агрессивно-негативные отклики, причем в этом принимали участие не только специалисты, но и широкая общественность — школьники, студенты, бизнесмены. В Интернете и в печати появились многочисленные статьи, главным лозунгом выступлений было то, что Когурё является исконно корейским государством.

Реакция КНДР на этот шаг Китая была вполне «симметричной». Дело в том, что в идеологическом плане проблема Когурё для КНДР являлась важной и принципиальной, поскольку это государство не только интерпретировалось как наследник Древнего Чосона, но и считалось главным среди четырех средневековых корейских государств — Когурё, Силла, Кая, Пэкче, сыгравших основную роль в формировании корейского этноса и истории страны. Кроме того, всегда подчёркивалось, что Когурё после его разгрома Китаем в 668 г. послужило платформой для создания государства Бохай (корейское Пархэ), которое тоже пытаются вписать в китайскую историю. Поэтому логично, что Северная Корея, со своей стороны, начала каталогизировать памятники Когурё на Корейском полуострове и также пытаться зарегистрировать их через ЮНЕСКО в качестве всемирных культурных ценностей Северной Кореи. Следует отметить, что если в Китае до этого момента систематических исследований памятников Когурё не велось, то в Северной Корее исследования когурёских крепостей, некрополей,

поселений, как и вся археология, являлись государственной прерогативой и начиная со второй половины XX в. были прямо связаны с идеологией «чучхе». Тогда же началось искусственное удревнение археологических артефактов Кореи. По сути дела, «чучхеизацией» заразился весь дальневосточный регион. Ярким примером тому служит Япония со скандальной историей господина Фудзимур и профессора Кадзивары, которые ежегодно удревняли археологические памятники Японии на 100–200 тыс. лет, помещая в раскоп артефакты. Надо отдать должное японским специалистам — они сами разоблачили подобные «открытия» и установили, что археологических объектов древнее 20–30 тыс. лет на Японских островах нет*. В КНДР подобных разоблачений не произошло, поэтому при регистрации северокорейских памятников в ЮНЕСКО специалисты предъявили ряд претензий. Так, специалистка факультета восточных и азиатских исследований Лондонского университета А. Перрин, являвшаяся членом экспертной комиссии ЮНЕСКО, после посещения КНДР в августе 2000 г. заявила, что отдельные захоронения, например могилы короля Тонмёна (основателя династии Когурё) и короля Вангона (основателя династии Корё), чрезмерно реставрированы и что политические постулаты стали побудительным мотивом для фабрикация новых археологических артефактов, в частности гробницы мифического основателя корейской нации Тангуна. При этом А. Перрин отметила как положительный факт то, что северокорейскими специалистами за довольно короткий период подготовлена вся рабочая документация и что реставрация памятников открывает доступ к множеству исторических мест в КНДР гостям из Южной Кореи и других стран [Perrin A., 2000].

В результате ЮНЕСКО на 27-й сессии Комитета по всемирному культурному наследию (30 июня — 5 июля 2003 г.) отклонила просьбу КНДР по «техническим причинам». Однако Северная Корея получила весомую поддержку со стороны японского художника и посла доброй воли ЮНЕСКО Икуо Хираямы. Именно он сначала помог Пхеньяну ратифицировать в июле 1998 г. Конвенцию о всемирном культурном наследии, а затем, будучи главой экспертной комиссии ЮНЕСКО, посетил в 2003 г. семь захоронений с фресками, проверил степень их сохранности, однозначно поддержал регистрацию когурёских гробниц и, кроме того, оказал разностороннюю материальную поддержку, поскольку считал регистрацию

* «...Ранее считалось, что первые люди пришли в Японию с территории современной Кореи 30 тысяч лет назад. Фудзимаура нашел свидетельства того, что человек разумный строил примитивные жилища в Стране восходящего солнца еще 600 тысяч (!) лет назад. Причем японские доисторические люди были гораздо умнее, чем их современники из других регионов мира. Словом, Фудзимаура переписывал историю человеческой эволюции... Позже Фудзимаура признался, что занимался подлогом еще с начала 1980-х и всего сфальсифицировал 42 раскопа из 180, в которых принимал участие. Среди фальшивых находок оказался и артефакт, который, как утверждал Фудзимаура, является древнейшим в мире орудием труда, сделанным руками человека.

Скандал попал на первые страницы газет всего мира. Признание археолога повергло в шок нацию и вызвало гнев коллег. Под угрозой оказалась вся древняя история Японии. Нужны были новые доказательства в поддержку той теории, что на территории Японии люди жили в эпоху раннего и среднего палеолита. Прежние доказательства основывались на артефактах, найденных Фудзимурой. Как саркастически заметил один из западных журналистов, „Япония потеряла миллионы лет своей истории“.

Комиссия изучала обстоятельства дела в течение двух с половиной лет и в мае 2003 г. опубликовала доклад, в котором было признано, что деятельность Фудзимур носила мошеннический характер. Так что учебники пришлось все же переписать» (<http://fraudsa.ru/glavnaya/95-raskopki-arheologa-siniti-fudzimury.html>).

гробниц активным вкладом в дело мира. Хиряма выразил надежду на положительное решение вопроса и заявил: «Следующее заседание Комитета по всемирному культурному наследию состоится в июне 2004 г. в Китае. КНР дружески относится к КНДР и будет председательствовать на этом заседании». Действительно, когурёские гробницы с фресками были зарегистрированы в 2004 г. на сессии Комитета в г. Сучжоу. В список вошли пять захоронений, расположенных на территории КНР (округ Хуанжень, провинция Ляонин и г. Цзиань, провинция Цзилинь), и 12 памятников Северной Кореи (г. Пхеньян, провинция Южный Пхёнан и г. Нампхо, провинция Южный Хванхэ).

Таким образом, включение в реестр всемирного культурного наследия когурёских памятников Китая и Северной Кореи произошло одновременно, но с явным количественным преимуществом КНДР. Ведь только вблизи Пхеньяна было обнаружено 70 когурёских гробниц, а общее их число вместе с памятниками КНР в провинциях Ляонин и Цзилинь достигло 90. К тому же серьёзным минусом для Китая было то, что на указанной территории отсутствовали китайские погребальные некрополи. Сам же процесс регистрации КНДР в ЮНЕСКО фресок когурёских гробниц длился с 2001 по 2004 г. Помимо умелого противодействия в этом деле Китая затянутость регистрации северо-корейских археологических памятников усугублялась спецификой бюрократической системы этой страны и недофинансированием своих скромных делегаций на международные форумы и конференции. Так, на сессии Комитета по всемирному наследию в Париже (июнь–июль 2003 г.) голоса двух постоянных представителей КНДР в ЮНЕСКО против 25 голосов китайских делегатов, представлявших все слои правительственных и научных кругов КНР, просто потерялись.

Но даже в таких стесненных обстоятельствах КНДР искала сторонников и планомерно закрепляла ту идею, что Когурё было центром древней цивилизации корейского народа. С этой целью Пхеньян начал награждать научными степенями зарубежных историков, поддерживавших официальную доктрину КНДР. Так, в январе 2004 г. докторскую степень по истории получил преподаватель исторического факультета Яньбяньского университета Юн Хёнчхоль, исследовавший и систематизировавший историю государства Бохай (Пархэ). «Основываясь на принципе приверженности исторической правде, он научно установил, что Пархэ являлось преемником Когурё, а история Пархэ — это важная часть истории корейского народа», — заявило Корейское центральное агентство новостей [Петров, 2004]. Естественно, что на регистрации в ЮНЕСКО памятников Когурё северо-восточный проект не закончился. В настоящее время с той же целью идет активное изучение бохайских археологических объектов и исторических документов и к этому процессу приковано внимание не только Пхеньяна, но и Сеула и Токио. Особенно серьезных результатов достигли китайские исследователи.

7.2. Китайская доктрина в бохаведении

Как верно отметил Лю Сяодун, «в обстановке реформ и открытости внешнему миру были проведены систематические раскопки погребения принцессы Чжэнь Сяо в пров. Цзилинь и руин Бохайского дворцового города Шанцзин в пров. Хэй-

лунцзян в начале 80-х годов XX столетия, созван симпозиум по истории Бохая в 1986 г. в районе Цзинбоху трёх северо-восточных провинций» [Лю Сяодун, 2006, с. 9]. Затем симпозиумы-коллоквиумы с соответствующей тематикой и содержанием созывались в 1998 и 2000 г., причем дали серьезные результаты. По заданию государственных органов Китая провинциальные учреждения культуры, научные исследовательские институты и университеты провели инвентаризацию древних и средневековых памятников провинции Цзилинь и Хэйлунцзян, где бохайским объектам уделялось особое внимание. Результаты проведенных исследований были опубликованы в серии статей и монографиях. В политической доктрине, касающейся Бохая, четко просматриваются две линии: 1) этногенетическая, в которой, по версии китайских ученых, генеалогическая цепь тунгусо-маньчжурских этносов выглядит следующим образом: сушени — вэймо — илоу — уцзи — сумо мохэ — когурё — бохай — хань, т.е. в конечном счете бохайцы превращаются в ханьцев [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъю, Чжуан Янь, 2000, с. 108]; 2) историческая, или государственно-статусная, заключающаяся в том, что Бохай является частью истории Поднебесной как вассальное государство Китая.

Рассмотрим первую линию китайской доктрины. Придерживающиеся ее исследователи, тщательно проанализировав весь корпус китайских нарративных источников, приходят к следующему выводу: «Мнение ученых о том, что бохайский этнос имел много истоков — сумо мохэ и оставшийся народ гаоли, — едино. Споры заключаются в том, какой из истоков был главным — сумо мохэ или гаоли? Исторические материалы, на которые опираются спорящие стороны, в основном одинаковы, однако вследствие разного толкования этих материалов точки зрения различаются» [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъю, Чжуан Янь, 2000, с. 108]. Одним из камней преткновения в толковании этнической истории и этногенеза бохайцев является имеющаяся в письменных источниках фраза, что сумо мохэ это особый род гаоли. Китайские исследователи, в отличие от корейских, считают, что ее нельзя толковать как ассимиляцию когурёсцами сумо мохэ. Эта фраза означает, что «сумо мохэ, как и гаолисцы, происходили от вэймо, только потому их и называли «особым родом Гаоли» [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъю, Чжуан Янь, 2000, с. 109]. Далее китайские исследователи пишут: «Народ вэймо в древности распространялся очень широко, в разное время им были образованы государства и племенные союзы Фууй, Когуре, Воцзюй. Остальные племена вэймо обитали по рекам Сунгари, Хуйфахэ, Туманган, Хуньчунхэ в Китае и северной части Кореи. В разное время они по отдельности подчинялись Фууй и Когурё» [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъю, Чжуан Янь, 2000, с. 112]. Завершается анализ этнического происхождения бохайцев заключением, что «сумо мохэ являются одной из родственных ветвей вэймо, а оставшиеся когуресцы впоследствии вошли в состав Бохай, ассимилировавшись в бохайский этнос... После Бохая оставшийся народ в большинстве переселился на запад и постепенно вошел в ханьский этнос. Отсюда становится известно, что после эпох Суй и Тан определенная часть народа вэймо через Бохай вошла в состав ханьского этноса» [Сунь Цзиньцзя, Ай Шэнъю, Чжуан Янь, 2000, с. 114]. Как видим, генетическая линия тунгусо-маньчжурских этносов завершается ханьцами, и такой позиции придерживаются все китайские исследователи.

Вторая линия китайской доктрины по поводу статуса Бохая наиболее полно, чрезвычайно аккуратно и красочно изложена в статье Яо Фэна «Политика нацио-

нальной автономии империи Тан в отношении Бохая», переведенной на русский язык А.Л. Ивлиевым. Приведем некоторые выдержки из нее: «Бохай это первое в истории государственное образование, созданное тунгусо-маньчжуроязычными национальностями. Это был неизбежный результат социального развития мохэ-ского общества и его соседей. Тем не менее самостоятельно утвердившийся ваном (в 698 г.) мохэский вождь Да Цзожун очень быстро получил „чжао-вэй“ от династии Тан (в 705 г.). „Вэй“ это „ань“ — „успокаивать, умиротворять“, фактически „чжао-вэй“ значит „чжао-ань“ — „призывать к покорности, умиротворять“. По прошествии недолгого времени (в 713 г.) Да Цзожун также принял инвести-туру от династии Тан. С этого времени Бохай превратился в местную администрацию, учреждённую династией Тан — округ Хуханьчжоу, а Да Цзожун и все последующие правители (ваны) стали должностными лицами на подчинённых танскому двору территориях — генерал-губернаторами (дуду) округа Хухань-чжоу. Однако Бохай вовсе не был обычной местной администрацией танского двора, также не был и обыкновенным округом. Фактически он был „округом сдерживания“ (цзими чжоу) Китая эпохи Тан, говоря современным языком, это был средневековый автономный национальный округ Китая.

Такая автономная национальная власть была и государственным образованием, и местной административной территорией империи Тан, ее правитель (го-ван) был главой государства, также он был и местным должностным лицом империи Тан. На протяжении всей истории Бохая его правители, хотя и сами становились королями (ванами), однако должны были получать пожалование на должность от империи Тан; в Бохае был собственный административный аппарат, а империя Тан учредила должность чжанши для контроля за ним; Бохай имел собственные войска, но должен был принимать команды и подчиняться контролю империи Тан. С одной стороны, Бохай старательно развивал свою национальную экономику и культуру, с другой стороны, он также непрерывно импортировал материальные средства, технику и передовую культуру района Великой Китайской равнины вплоть до того, что достиг степени, когда одинаковыми с теми, что на Великой Китайской равнине стали ширина колеи повозок, письменность, устройство городов и вероучение.

Общеизвестно, что империя Тан не только добилась успехов, каких не было ни у одной из династий, в военной, политической, экономической и культурной областях, но и в область национальной политики эта средневековая сверхдержава также внесла особый вклад. Император Тай-цзун Ли Шиминь говорил: „Издrevле все правители ценили чжунхуа (китайцев) и презирали варваров (и-ди), только Мы любим их как одно целое (т.е. всех одинаково. — *Перев.*), поэтому их роды и племена относятся к Нам как к отцу и матери“. Политика сдерживания „цзими“, осуществляемая империей Тан в отношении окраинных районов, фактически была самой ранней в нашей стране политикой национальной автономии, т.е. это было самое раннее формирование национальной автономии. Она отличалась от обычной системы вассалитета, и от известных в истории систем союзов. Осуществление этой политики сыграло соответственно важную роль в укреплении рубежей и умиротворении народа, объединении рек и гор, подъеме экономики и культуры окраинных территорий; и поэтому внесло огромный вклад в ассимиляцию народов и смешение культур Китая в средние века. Поэтому эта глубоко проникающая в сердца людей национальная политика также копировалась последующими династиями Сун и Мин.

Следует отметить, что для осуществления этой национальной политики танские власти осуществили ряд конкретных и важных мер. Например, назначали мохэсцев на важные чиновные должности; вручили инвеституру на правление бохайскому вождю; учредили должность чанши, чтобы он находился в их племенах с функциями контроля; жаловали важных людей мохэ императорской фамилией Ли; направляли послов для непосредственной связи и разведки; в военных делах проводили непосредственное руководство и контроль; оставляли бохайцев в качестве заложников и на службу в гвардии; принимали подносимую Бохаем дань; усиливали торговый обмен; обучали приезжавших из Бохая студентов, широко пропагандировали передовую культуру района Великой Китайской равнины и т.д.» [*Яо Фэн*, 2001, с. 90–92]. И далее: «Пожалование инвеститурой на правление это важный прием, гарантирующий полное осуществление политики национальной автономии династии Тан. Причина того, что династия Тан вручила инвеституру Да Цзожуну, а Да Цзожун принял эту инвеституру, заключается в том, что эта мера не только соответствовала интересам империи Тан, но одновременно и соответствовала интересам Бохая.

Для империи Тан, во-первых, она, не двинув ни одного солдата, могла установить отношения господства-подчинения с Бохаем, а это еще далее укрепляло политическое положение империи Тан в районе Северо-Востока, таким образом достигалась ее политическая цель укрепления границ и умиротворения народа. Во-вторых, в военном отношении Бохай мог оказывать помощь империи Тан. „Постоянно держа отборные войска, отражать киданей“ — с фланга отвлекать силы киданей. В-третьих, в экономическом отношении империя Тан не только не понесла никаких потерь, но и, наоборот, еще и весьма приобрела. Империи Тан не было необходимости платить какое-либо жалование бохайским чиновникам всех рангов, наоборот, можно было ежегодно получать дань от Бохая. Конечно, ключевое значение дани заключалось не в экономике, а главным образом в политике. В-четвертых, можно было воспользоваться этим выгодным политическим климатом, еще более пропагандировать передовые идеи и прогрессивную культуру района Великой Китайской равнины, в духовном плане укрепить уже достигнутые политические результаты.

Для Бохая: во-первых, инвеститура от династии Тан делала вновь возникшую бохайскую власть еще более безукоризненной номинально и по существу, к тому же она весьма возвысила авторитет и положение Да Цзожуна среди племен мохэ, таким образом укрепив его господствующее положение в пределах всего Бохая. Во-вторых, в военном отношении можно полагаться на прямое покровительство империи Великая Тан. Во время существования империи Тан кидани несмотря на то, что алчно взирали на Бохай, однако так до конца Тан и не решились ни на шаг вторгнуться в Бохай, спустя же немного времени после гибели Тан уничтожили Бохай (в 926 г.). В-третьих, вследствие изменения политических отношений Бохаю в экономическом плане не только разрешалось непосредственно получать всевозможные танские ткани, продукты питания, металлические изделия и т.д., но еще и разрешалось учиться передовым технологиям и технике империи Тан, таким образом сильно повысили производительные силы Бохая. В-четвертых, бохайцам не только можно было учиться у Тан передовой системе административного управления, но и можно было непосредственно впитывать передовые материальную и духовную культуры Великой Китайской равнины, это способствовало тому, что про-

изошли глубокие изменения в архитектуре, искусстве, музыке, танцах, литературе, образовании, народных обычаях и верованиях Бохая, а впоследствии Бохай достиг степени единства с Тан ширины колеи повозок и письменности.

Из приведенных выше фактов нетрудно видеть, что управляемый Бохаем район номинально был государством, фактически — округом танского Китая — округом Хухань. Говоря словами танцев, это был „цзими чжоу“ („округ сдерживания“), говоря современным языком, в основном его можно назвать национальным автономным округом. Что же касается правителей (го-ван) Бохая на протяжении всей его истории, то это были всего лишь дуду (главный военачальник) — один из чиновников танской империи» [Яо Фэн, 2001, с. 92]. Как видим, у китайских исследователей нет сомнений, что это тунгусо-маньчжурское государство, имевшее статус автономного национального округа империи Тан на взаимовыгодной основе.

7.3. Южнокорейская версия

Взгляды корейцев на историю государства Бохай, его отношение и взаимосвязь с корейскими государствами и корейским этносом многократно (и кардинально) менялись в зависимости от политической ситуации в Восточной Азии. Как только Корея становилась более или менее самостоятельным государством, Бохай объявлялся корейским государством и включался в корейскую историю. При попадании же Кореи под влияние Китая или Японии история Бохая выносилась за рамки корейской истории, и Бохай исключался из числа корейских государств. Поскольку в настоящее время южнокорейские ученые получили доступ ко всему корпусу исторических источников — нарративных в виде китайских, японских и северокорейских публикаций и археологических — в виде материалов раскопок бохайских памятников в российском Приморье и в Маньчжурии, то значительно укрепили свои позиции и предложили достаточно интересные интерпретации [Ким, 2003, № 2, с. 78–80].

Ведущим специалистом по проблемам этногенеза и этнической истории бохайцев является профессор Сон Ки Хо [Song Ki Ho, 1990, vol. 30, № 6, p. 4–20]. Досконально ознакомившись с работами российских ученых и археологическими материалами, а также с китайскими летописными источниками, он принял позицию российских ученых и согласился с тем, что основным населением Бохая являлись мохэские племена, в частности сумо мохэ, т.е. средневековые тунгусо-маньчжуры, но при этом считает, что они находились в вассальной зависимости от когурёсцев. Более жесткую позицию по этому вопросу занял другой ведущий ученый — профессор Хан Гю Чхоль, попытавшийся по письменным источникам доказать, что мохэсцы (мальгаль), принимавшие участие в создании Бохая, это не тунгусо-маньчжуры, а особый род Когурё, связанный брачными связями. Данная идея сама по себе достаточно интересна и в свете исследования ее в аспекте дуальной теории может дать чрезвычайно важный результат. Таким образом, в настоящее время имеются две связанные между собой корейские версии происхождения бохайцев. Согласно одной из них, тунгусо-маньчжурские сумо мохэ — особый род когурёсцев, происходящий от вэймо. Согласно другой версии, сумо мохэ — не тунгусо-маньчжуры, а особый род когурёсцев, восходящий к вэймо.

7.4. Российская версия

(по письменным источникам)

Этническая история бохайцев была сформулирована российскими учеными еще в дореволюционные времена. В ее основе тоже лежали китайские летописные сведения. На протяжении всего времени исследования суть этногенетических формулировок почти не корректировалась, но по мере расширения восточноязычных источников, поставленных Бичуриным, Васильевым, Гребенщиковым, Воробьевым, Малявкиным, Кюннером, Шавкуновым, укреплялась новыми материалами.

Наиболее оптимальную характеристику тунгусо-маньчжурской проблемы предложил М.В. Воробьев, заключив: «В целом традиционно китайская (или маньчжурско-цинская) генеалогическая цепь: сушени — илоу — мохэ — чжурчжэни — маньчжуры — оказалась приемлемой и в своих основных звеньях мало оспаривается современной наукой». И действительно, это так. Вслед за летописями практически все российские ученые считали племена сумо мохэ создателями государства Бохай и относили их к тунгусо-маньчжурам. Когурёсцев включали в число этносов, входивших в это государство, однако с этногенезом бохайцев их не связывали.

Таким образом, китайские, корейские и российские исследователи едины в том, что государство Бохай было создано племенами сумо мохэ. По остальным позициям — происхождению, генезису и исторической судьбе — имеются разногласия.

Российские исследователи кроме письменных источников разрабатывали данную проблему на археологическом материале. Рассмотрим, как коррелируются археологические и письменные источники по проблеме происхождения бохайцев.

7.5. Российская

археологическая версия

По своему составу Бохай был полиэтническим государством. Помимо племен сумо мохэ, в него входили когурёсцы, палеоазиаты, айны и китайцы. Социальный статус этих племен был различный. Для установления этнического состава Бохая по археологическому материалу автором разработана методика, по которой определялась структура средневековых культур, состоявших из трех пластов — аборигенного, регионального (государственного) и эпохального. Аборигенный пласт включал вещи, изготовленные местным населением и содержащие этническую информацию. К таким вещам в первую очередь относилась лепная керамика. Региональный (государственный) пласт представляли ремесленные вещи, маркирующие границы государства и его торговые связи. Эпохальный пласт содержал ремесленные и прочие вещи, имевшие широкое хождение и являющиеся хорошим материалом для датировки.

Автору удалось выделить в гончарстве бохайцев мохэские традиции и установить, что в бохайских памятниках Приморья прослеживается лепная мохэская

керамика троицкой и найфельдской групп. Троицкая группа мохэ и культура амурских чжурчжэней являются разными этапами одной культуры и, согласно летописям, вполне сопоставимы с племенами хэйшуй мохэ, генеалогию которых продолжили чжурчжэни и маньчжуры. Ситуация с найфельдской группой мохэ-ской культуры много сложнее, поскольку она сочетает в себе две традиции — мохэскую и польцевскую, причем влияние польцевской традиции весьма значительно. Территория распространения памятников найфельдской группы мохэ-ской культуры в основном совпадает с территорией расселения племен сумо мохэ. Выявленный по археологическим материалам дуализм найфельдской группы мохэ коррелируется с письменными источниками. Получается, что с племенами вэймо, которые тоже дуальны по происхождению, может быть сопоставлена польцевская культура. Напомним, что данная культура имеет южное происхождение и ареалы ее распространения фиксируются в Приамурье, частично в Приморье, Корее и Японии (культура яёй) [Дьякова, Шавкунов, 2010, с. 119–122]. Получается, что движение этих племен (или племени) шло из одного ареала, но в разные стороны — на север, северо-восток и, видимо, восток. Дальнейшая их судьба была разной. В Приамурье на польцевскую культуру наслоились мохэ-цы, образовав благословеннинскую и найфельдскую группы, в Приморье, она, видимо, сохранилась в более чистом виде (смольнинская традиция), в Японии стала основой формирования японского этноса [Дьякова, Шавкунов, 2010, с. 119]. Есть такие памятники и в Корее.

Этническое происхождение польцевской культуры неоднозначно. А.П. Окладников видел в археологическом материале польцевцев тунгусскую составляющую, А.П. Деревянко считал, что это палеоазиаты. Мы пока оставляем в стороне определение исходной этнической принадлежности польцевцев — это требует специального анализа. Главное то, что в археологическом материале бохайской культуры прослеживаются две мохэские линии — троицкая и найфельдская. Причем найфельдская линия восходит к польцевской культуре, что совпадает с мнением китайских и корейских специалистов о том, что сумо мохэ — это особый род вэймо. Особым он является, на наш взгляд, по своему дуальному происхождению, что и отмечено в письменных источниках. Таким образом, археологический материал позволяет полагать, что бохайцы — это найфельдские мохэ, ассимилировавшие польцевцев.

Таким образом, археологические материалы мохэских и бохайских памятников российского Дальнего Востока позволяют заключить, что государство Бохай было создано тунгусо-маньчжурским этносом сумо мохэ, происхождение которого дуально (мохэ + польцевцы), что и отражено в письменных источниках. По составу населения Бохай был полиэтническим, но титульным этносом являлись сумо мохэ. Социальный статус когурёсцев и китайцев не выходил за рамки ремесленников, земледельцев, зодчих и чиновников. Ассимиляции мохэсцев когурёсцами и китайцами не случилось, поскольку все три этноса благополучно сохранились до настоящего времени (мохэсцы в виде маньчжуров и тунгусо-маньчжурских этносов КНР и России, корейцы в виде северных и южных корейцев, ханьцы в виде китайцев). Самостоятельность и невассальность государства Бохай очевидны, как очевидны культурные, политические и экономические контакты Бохая с Китаем, доминировавшим в то время в дальневосточном регионе и гибко осуществлявшем свою политику.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Литература на русском языке

- Арсеньев В.К.* Археография: памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии // Вест. Азии. 1916. № 38, 39.
- Арсеньев В.К.* Китайцы в Южно-Уссурийском крае // Зап. Приамур. отдела Рус. Географ. о-ва. Т. 10, вып. 1. С. 36–38.
- Арсеньев В.К.* Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края // Зап. Прим. о-ва востоковедения. 1912. Вып. 1. С. 27–32.
- Арсеньев В.К.* Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края: сочинения. Владивосток, 1947. Т. 4.
- Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2006 г.) / Н.А. Клюев, Дон Хун Ким, А.В. Гарковик, Н.А. Дорофеева, Ю.В. Кривуля, О.Л. Морева, И.Ю. Слепцов. Тэджон: Гос. исслед. ин-т культур. наследия Республики Корея, 2010. Рус. яз., кор. яз. С. 204–207.
- Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья по материалам исследований 2008–2009 гг. / Н.А. Клюев, Дон Хун Ким, А.В. Гарковик, Н.А. Дорофеева, Ю.В. Кривуля, О.Л. Морева, И.Ю. Слепцов. Тэджон: Гос. исслед. ин-т культур. наследия Республики Корея, 2010. С. 204–207. Рус. яз., кор. яз.
- Бируни Абу Райхан.* Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957. 213 с.
- Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи. Т. 2, ч. 2. 1842 г. С. 254–256.
- Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии. Т. 1–2. СПб., 1828.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–2. М., 1950.
- Болдин В.И.* Бохайские гончарные печи (по археологическим материалам селища Корсаковского-1) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XIX вв.: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 146–147.
- Болдин В.И.* Городище Синельниково-1 — раннесредневековый памятник Приморья // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. Вып. 3. С. 122–131.
- Болдин В.И.* Городище Синельниково-1 и периодизация средневековых археологических культур Юго-Западного Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 181–185.
- Болдин В.И.* Краскинское городище: история исследования // Междунар. конф. Фонда изучения Когурё «Когурёская история и культура»: [докл.]. — Сеул: Фонд изучения Когурё, 2005. С. 223–231. Рус. яз.
- Болдин В.И.* Раскопки буддийского храма на Краскинском городище // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 189–190, 215–216.
- Болдин В.И.* Результаты археологических исследований бохайских памятников Приморья в 1994–1998 гг. // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы Междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 72–75.

- Болдин В.И.* Стратиграфия селища Константиновское-1 // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Владивосток, 1990. С. 40–43.
- Болдин В.И.* Хозяйственная и производственная деятельность населения Краскинского городища // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 327–331.
- Болдин В.И.* Черепичные печи Краскинского городища // Проблемы археологии и палеоэкологии Дальнего Востока и Центральной Азии: материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспед. РАН. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 312–316.
- Болдин В.И., Дьякова О.В., Сидоренко Е.В.* Новогордеевское городище как источник для периодизации культур Приморья. Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток, 1990.
- Болдин В.И., Ивлиев А.Л.* Многослойный памятник Новогордеевское городище: материалы раскопок 1986–1987 годов // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 46–58 (Тр. ИИАЭ ДВО РАН; Т. 11).
- Болдин В.И., Семениченко Л.Е.* Стратиграфия городища Николаевка-II и периодизация бохайской культуры в Приморье // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978. С. 57–63.
- Бродянский Д.Л., Леньков В.Д.* Плывущие человечки из Синегорья: Сюжетные рисунки на средневековых сосудах в Приморье // Вестн. ДВО РАН. 1995. № 6. С. 98–103.
- Буссе Ф.Ф.* Остатки древностей в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ // Зап. о-ва изуч. Амурского края. 1888. Т. 1. С. 1–28.
- Буссе Ф.Ф., Крапоткин Л.А.* Остатки древностей в Амурском крае // Зап. о-ва изуч. Амурского края. Т. 12. С. 1–66.
- Васильев В.П.* Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. — СПб., 1863.
- Венюков М.В.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск. Кн. изд-во, 1970.
- Воробьев М.В.* Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения // Докл. отделений и комиссий ГО СССР. Л., 1968. Вып. 5. Этнография. С. 60–73.
- Воробьев М.В.* Древняя Корея. М.; Л., 1961.
- Воробьев М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X–1234 г.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983.
- Воробьев М.В.* Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 410. Рус. яз.
- Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X–1234 г.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 167.
- Гельман Е.И.* Взаимодействие центра и периферии в Бохае (на примере некоторых аспектов материальной культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. Ч. 4, гл. 3. С. 476–516.
- Гельман Е.И.* Глазурованная керамика и обменные процессы в Бохае // Международная конференция Фонда изучения Когурё «Когурёская история и культура»: [докл.]. Сеул: Фонд изучения Когурё, 2005. С. 232–238. Рус. яз.
- Гельман Е.И.* Эволюция бохайской черепицы из бохайских памятников Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспед. РАН. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 324–327.

- Гельман Е.И., Пискарева Я.Е. Мохэская керамика Краскинского городища // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 4. С. 156–178.
- Гладышев С.А. Археологические разведки в долине р. Зеркальной (Южное Приморье) / Проблемы археологии Северной и Восточной Азии: сб. науч. тр. Новосибирск, 1986. С. 89–90, 94–95.
- Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома // Труды членов русской духовной миссии в Пекине, 1852.
- Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994. 56 с.
- Гребеничиков А.В. Исторический очерк нашего края // Весь Владивосток. 1926. С. 116–118.
- Гребеничиков А.В. К изучению истории Уссурийского края по данным археологии // Юбилейный сборник О-ва изучения Амурского края. Владивосток, 1916. С. 55–57.
- Гребеничиков А.В. К истории китайской власти (Нумизматические памятники в Южно-Уссурийском крае) // Вестн. Азии. № 50.
- Гребеничиков А.В. Очередная задача краеведения // Vivat Academia: сб. Владивосток: Издание студентов Восточного института, 1915. С. 38–41.
- Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: ДВО РАН, 2001. 428 с.
- Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене. Владивосток: Дальнаука, 2000.
- Дьяков В.И. Сихотэ-Алинь в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. С. 11–30.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В. Каменные крепости Северо-Восточного Приморья // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): материалы Междунар. науч. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 120–123.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В. Курганный комплекс Петровка-9 // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. Вып. 2 / Отв. ред. О.В. Дьякова. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 44–49.
- Дьяков В.И., Леонова Н.Б., Сакмаров С.А. Курганы Приморья // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Нальчик; Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2001. С. 103–107.
- Дьякова О.В. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2009. С. 42–43.
- Дьякова О.В. Горные городища Северо-Восточного Приморья // Древности Востока: сб. к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. М., 2004. С. 136–147.
- Дьякова О.В. Горные каменные укрепления Северо-Восточного Приморья: классификация и происхождение // Вестн. Центра кореевед. исслед. Дальневост. гос. ун-та. Владивосток, 2005. № 2. С. 266–270.
- Дьякова О.В. Городища Северо-Восточного Приморья // Тетюхинские чтения. Дальнегорск, 2001. С. 15–17.
- Дьякова О.В. Городища и крепости Дальнего Востока (Северо-Восточное Приморье) / отв. ред. П.М. Кожин. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. 188 с.
- Дьякова О.В. Дорожные сети центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье «古代和中世纪锡霍特山脉中心地区的道路交通网» // Исследование Сибири. 2012. № 5. (Хэйлунцзянская Академия общественных наук.)
- Дьякова О.В. Древние и средневековые укрепления бассейна р. Бикин // Шестые Гродековские чтения: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке» (Хабаровск, 20–21 апреля 2009 г.). С. 172–174.
- Дьякова О.В. Древние и средневековые укрепления бассейна р. Джигитовки // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Результаты охраны, изучения природных комплексов Сихотэ-Алиня». Терней, 2005. С. 7–10.

- Дьякова О.В. История исследований древних и средневековых городищ и укреплений Приморья // Современные корееведческие исследования в Дальневосточном государственном университете. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 82–93.
- Дьякова О.В. К проблеме выделения в Приморье памятников государства Дундань и империи Ляо // Вестн. ДВО РАН. 2012. № 4. С. 106–112.
- Дьякова О.В. Классификация орнаментов гончарной керамики городища Николаевка-II // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979.
- Дьякова О.В. Когуреские параллели в военном зодчестве Бохая и Цзинь // Корея: взгляд из России: доклады, представленные на XI науч. конф. корееведов России и стран СНГ (Москва, 29–30 марта 2007 г.). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. С. 238–244.
- Дьякова О.В. Монгольский компонент в культуре удэгейцев (археологоэтнографические параллели) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Омск: Наука–Омск, 2003. С. 43–44.
- Дьякова О.В. Мохэский компонент в охотской культуре Сахалина и Северного Хоккайдо. Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. к регион. конф. Иркутск, 1982.
- Дьякова О.В. Мохэский компонент в охотской культуре Сахалина и Северного Хоккайдо. Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. к регион. конф. Иркутск, 1982.
- Дьякова О.В. Некоторые аспекты происхождения штампованного орнамента средневекового населения Дальнего Востока СССР. Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984.
- Дьякова О.В. Некоторые аспекты происхождения штампованного орнамента средневекового населения Дальнего Востока СССР. Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984.
- Дьякова О.В. О корреляции раннесредневековых культур Приамурья. Материальная культура Востока. М.: Наука, 1988.
- Дьякова О.В. О корреляции раннесредневековых культур Приамурья. Материальная культура Востока. М.: Наука, 1988.
- Дьякова О.В. О корреляции средневековых памятников открытого и закрытого типа Приморья // Карстовые пещеры Приморья. Владивосток, 1979.
- Дьякова О.В. О причинах различия бохайских памятников // Тез. докл. регион. конф. Иркутск, 1978.
- Дьякова О.В. О соотношении культур эпохи средневековья на Дальнем Востоке СССР. Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980.
- Дьякова О.В. Об особенностях исследования средневековых культур. Свердловск; Куйбышев, 1991.
- Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока СССР (по материалам керамического производства): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990.
- Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993. Ч. 1–3.
- Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (IV–X вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979.
- Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (IV–X вв.). М.: Наука, 1984.
- Дьякова О.В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР (источники, реконструкции, интерпретации) // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР: сб. науч. тр. Владивосток, 1987.
- Дьякова О.В. Средневековые культуры Северо-Восточного Китая, Приморья, Приамурья: соотношение и формирование // Общество и государство в Китае: XXI науч. конф.: тез. докл. Ч. 2. М.: Наука, 1990.

- Дьякова О.В. Средневековые укрепления Приморья: строительные традиции // Забайкалье в геополитике России: материалы Междунар. симпоз. «Древние культуры Азии и Америки». Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2003. С. 91–93.
- Дьякова О.В., Сакмаров С.А. Древние и средневековые городища Северо-Восточного Приморья (Тернейский район) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 3. С. 106–111.
- Дьякова О.В., Сакмаров С.А. Строительные приемы укреплений Джигитовского городища // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 158–162.
- Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. Древние и средневековые культуры Северо-Восточного Приморья (по материалам Куналейского городища) // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 5–47 (Тр. ИИАЭ ДВО РАН; Т. 11).
- Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. Стратиграфия Куналейского городища // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. Вып. 1. С. 130–134.
- Е Лун-ли. История государства киданей / пер. В.С. Таскина. М.: Наука, 1979.
- Жуциковская И.С. Поселение кроуновской культуры Корсаковское-II в Приморье // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Владивосток, 1987. Препр.
- Забелина Н.Н. К исторической топографии г. Уссурийска // Вопр. географии Дальнего Востока. Хабаровск, 1960. Сб. 4. С. 374–390.
- Ивлиев А.Л. Археологические памятники Бохая в Приморье // Ко:чжо:сон — ко:гурё — пальхэ пальпхё: нонмунчжип [Статьи по Древнему Чосону, Когурё и Бохаю]. Сеул: Фонд изучения Когурё, 2005. С. 585–622. Рус. яз., кор. яз.
- Ивлиев А.Л. Археологические памятники Бохая в Приморье // Международная конференция Фонда Когурёских исследований «Когурёская история и культура»: [докл.]. Сеул: Фонд изучения Когурё, 2005. С. 205–217. Рус. яз.
- Ивлиев А.Л. Городища Бохая, Ляо и Цзинь в Приморье и Северо-Восточном Китае и Крильонское городище // Мунву какаисэн какаивуводжэкин киванкэнкю саваликала пукдоннихон кайниоокэлу кодайджунсэ кёлусано кокогакукэнкю [Археологическое исследование истории обмена с Сахалином в северо-восточном районе Японского моря в древности и средние века: материалы 2-го симпозиума гуманитарного факультета Университета Тояма]. [Тояма], [2001]. С. 16–34. Рус. яз.
- Ивлиев А.Л. Исследование бохайских погребений в северо-восточном Китае (по материалам статьи Чжэн Юнчжэня) // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989.
- Ивлиев А.Л. Китайские летописи об образовании мохэского государства Чжэнь // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 310–318.
- Ивлиев А.Л. О монетах из раскопов центральной части памятника Синие Скалы // Синие Скалы — археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 326–327.
- Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. Ч. 4, гл. 2. С. 449–475.
- История древнего мира. Т. III. Упадок древних обществ. М., 1969. С. 262.
- История духовной миссии в Китае // История духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 15–16.
- Кафаров П. Дорожные заметки от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурию в 1870 г. СПб., 1870. С. 95

- Кафаров П.* Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии. ЗИРГО по общей географии. 1871. Т. 8. Вып. 1.
- Кафаров П.* (Палладий, архим.). Старинные следы христианства в Китае // Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1872. 47 с.
- Кафаров П.* Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край // Изв. Императорского Рус. геогр. о-ва. СПб., 1872. Т. 7, отд. 2, вып. 2. 94 с.
- Ким А.А.* К изучению истории Бохая в Республике Корея в 90-х гг. XX в. // Интеграция археологических и этнографических исследований / Наука. Алматы; Омск, 2004. С. 20–22. Рус. яз.
- Ким А.А.* Ученые Республики Корея об изучении Бохая в России // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 2. С. 78–80.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 527.
- Клюев Н.А., Ким Дон Хун, Гарковик А.В., Дорофеева Н.А., Кривуля Ю.В., Морева О.Л., Слепцов И.Ю.* Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья по материалам исследований 2008–2009 гг. Тэджон, 2010. 198 с.
- Клюев Н.К., Ивлиев А.Л.* Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье // АТР. 2013. № 3. С. 104–116.
- Кожин П.М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеоэкология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 426 с.
- Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135–160.
- Кузнецов А.М., Мерзляков А.В.* Археологические исследования УГПИ // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1985. С. 65–70.
- Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
- Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеогр. анализа. М.: Наука, 1990. 179 с.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 235 с.
- Кызласов Л.Р.* Открытие государственной религии древних хакасов. М.; Абакан, 1999. С. 13.
- Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Санкт-Петербургское лингвистическое общество, 2010. 361 с.
- Кычанов Е.И.* Чжурчжэни в XI в.: Материалы для этнографического исследования // Древняя Сибирь. Вып. 2: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
- Ларичев В.Е.* Потерянные дневники Палладия Кафарова // Изв. СО АН СССР. 1963. № 1, вып. 1. С. 114–122.
- Ларичев В.Е.* Сорок лет среди сибирских древностей. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.
- Ли Бо.* Небожитель, пьяный пишет письмо, устранившее государство Бохай // Удивительные истории нашего времени и древности (избранные рассказы из сб. XVII в. «Цзиньгуцигуань»). М.; Л., 1954. С. 238–267.
- Лопатин И.* Обзор южной части Приморской области Восточной Сибири за рекой Суйфуном // Зап. Сибир. отдела ИРГО. Иркутск, 1864. Кн. 7.
- Матвеев З.Н.* Бохай. Из истории Восточной Азии VIII–X вв. // Тр. Дальневост. гос. ун-та. Сер. 6, № 8. Владивосток, 1929. 34 с.
- Медведев В.Е.* Городище в долинах рек Кенцухе и Тадуши // Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 237.
- Медведев В.Е.* Средневековое городище Кенцухе II на реке Тадуши // Изв. СО АН СССР. Сер. общественных наук. Вып. 3, № 11. Новосибирск, 1969. С. 124.
- Мезенцев А.Л., Калашиникова В.В.* Распространение археологических памятников в юго-западных окрестностях Уссурийска // Уссурийский краевед. вестник. Вып. 4. Уссурийск, 2005. С. 44–54.

- Нестеров С.П., Алкин С.В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 2. Благовещенск, 1999.
- Никитин Ю.Г., Чжун Сук Бэ, Пискарьева Я.Е. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 году. Б/м, 2007. 397 с.
- Никитин Ю.Г., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2009 году. Б/м, 2007. 397 с.
- Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Могилы бохайских воинов, найденные в могильнике Чернятино-5 в бассейне р. Суйфун в 2003–2004 г. // Междунар. конф. Фонда когурёских исследований «Когурёская история и культура»: [докл.]. Сеул: Фонд изучения Когурё, 2005. С. 200–204. Рус. яз.
- Носов К.С. Замки и крепости Индии, Китая и Японии. М.: Рейттарь, 2001. 227 с.
- Овчинникова Б.Б. Оградки в традиции народов Саяно-Алтая // Труды конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 206–208.
- Окладников А.П. Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становлении новых обычаев, обрядов, традиций у народов Сибири // Материалы науч.-практ. конф. (22–26 нояб. 1966 г., Улан-Удэ). Улан-Удэ, 1966. Вып. 2. С. 220.
- Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- Окладников А.П. Две бронзовые статуэтки бохайского времени из Приморья // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Т. 3. Новосибирск, 1975.
- Окладников А.П. Остатки Бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян // Советская археология. 1957. № 3. С. 198–214.
- Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // Советская археология. 1960. № 3. С. 282–288.
- Основные результаты раскопок на Краскинском и Новогордеевском городищах / В.И. Болдин, А.Л. Ивлиев, Е.И. Гельман, Н.В. Лещенко // Россия и АТР. 2002. № 4. С. 32–34.
- Памятники истории и культуры Приморского края // Материалы к Своду. — Владивосток, 1991. — 268 с.
- Петров Л.А. Современная историография КНДР и древнее государство Когурё [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Korusforum.org.PHP/stvKNCA,2004a>.
- Поносов В.В. Предварительное сообщение о разведке развалин Дунцзин-Чена // *Archaeologia Orientalis*, ser. A, vol. V. Tokyo, 1939.
- Раскопки бохайского буддийского комплекса Краскинского городища в Приморье / В.И. Болдин, Е.И. Гельман, А.Л. Ивлиев, Н.В. Лещенко, Ю.Г. Никитин, Н.Г. Артемьева // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 гг. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 149–152.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 108.
- Самгук саги. Исторические записки трех государств / под ред. М.Н. Пак. Т. 1. М.: Наука, 1959. 384 с. Рус. яз.
- Семениченко Л.Е. Материальная культура населения Приморья в период государства Бохай (VII–X вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 24 с.
- Сергушева Е.А. Культурные растения бохайского городища Горбатка (Приморский край) по палеоэтноботаническим данным // Седьмая Дальневост. конф. молодых историков: сб. материалов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 223–231.
- Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. 177 с.
- Татарников В.А. Дальнегорск и его окрестности. Дальнегорск, 2008. 208 с.
- Татарников В.А. История археологического изучения пещер Приморья // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке. Владивосток, 1976. С. 37.

- Татарников В.А.* Стоянка Водораздельная — новый археологический памятник Северо-Восточного Приморья // Материалы по истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 43–50.
- Усольцев А.* Заханкайский край Приморской области Восточной Сибири // Морской сборник. 1964. Т. 22, № 6. 199 с.
- Федоров А.З.* Памятники старины в г. Никольск-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийск: Изд. Ю.-Уссур. отд. Русск. геогр. о-ва. 24 с.
- Хан Гю Чхоль.* Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / ДВО РАН. Владивосток, 2001. С. 66–71. Рус. яз.
- Хронология культур палеометалла и средневековья Приморья (Дальний Восток России) / Я.В. Кузьмин, С.А. Коломиец, Л.А. Орлова, Л.Д. Сулержицкий, В.И. Болдин, Ю.Г. Никитин // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий (материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 156–164.*
- Чжан Сюань.* Мореходство в Древнем Китае. М., 1960.
- Шавкунов В.Э.* К вопросу о восточной границе государства Бохай // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 27–32.
- Шавкунов В.Э.* Каменный диск из Приморья // Россия и АТР. 2004. № 2. С. 71–74.
- Шавкунов В.Э.* Обследования на Смольнинском городище: предварительные результаты // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 30–37.
- Шавкунов В.Э.* Памятник возле с. Извилилки // Россия и АТР. 2002. № 4. С. 36–37.
- Шавкунов В.Э.* Раскопки Ауровского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы Междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 173–183.
- Шавкунов В.Э., Гельман Е.И.* Многослойный памятник Ауровское городище // Актуальные проблемы дальневосточной археологии: труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 11. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 75–107.
- Шавкунов Э.В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. 94 с.
- Шавкунов Э.В.* Государство Бохай и средневековая Корея // Россия и АТР. 1997. № 2. С. 44–48.
- Шавкунов Э.В.* Исследования на Абрикосовском селище в 1996 г. // Вестн. ДВО РАН. 1997. № 1. С. 82–85.
- Шавкунов Э.В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. С. 62–88.
- Шавкунов Э.В.* Несколько слов о взаимоотношениях Бохая и Японии // Вестн. ДВО РАН. 2001. № 3. С. 100–104.
- Шавкунов Э.В.* О зарубежных концепциях истории Бохая // Вестн. ДВО РАН. 1993. № 1. С. 88–94.
- Шавкунов Э.В.* О слагаемых этноса и культуры Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы Междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 11–16.
- Шавкунов Э.В.* Раскопки на сопке Копыто // Вест. ДВО РАН. 1995. № 2. С. 103–107.
- Шавкунов Э.В.* С объективных позиций: Бохай в трудах корейских исследователей (по публикациям Сон Ки Хо (Республика Корея)) // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 2. С. 70–80.
- Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 411.
- Яо Фэн.* Политика национальной автономии империи тан в отношении Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии к 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной научной конференции (Владивосток, 21–26 сентября 1998 г.). Владивосток, 2001. С. 90–96.

Литература на китайском, корейском и японском языках

- Болдин В.И.* Бохайские гончарные печи — по материалам Корсаковского селища // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи [Собрание переводных материалов по археологии Северо-Восточной Азии]. Харбин: Бэйфан вэньу, 2002. Вып. 4. С. 279–281. Кит. яз.
- Болдин В.И.* Краскинское городище: история исследования // Ко:чжо:сон — ко:гурё — пальхэпальпхё : нонмунчжип [Статьи по Древнему Чосону, Когурё и Бохаю]. Сеул: Фонд изучения Когурё, 2005. С. 641–679. Рус. яз., кор. яз.
- Болдин В.И.* Очерк истории археологических исследований на Краскинском городище // «Нихондо» канрэн боккай исэкино ко:когакутэки тё:са [Археологическое исследование бохайских памятников, связанных с «дорогой в Японию»]. Токио: Университет Аояма гакуин, 2001. Прил. С. 1–10, табл. 1–6. Яп. яз.
- Болдин В.И., Шавкунов В.Э.* Наконечники стрел Краскинского городища // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи [Собрание переводных материалов по археологии Северо-Восточной Азии]. Харбин: Бэйфан вэньу, 2002. Вып. 4. С. 301–305. Кит. яз.
- Болдин В.И., Шавкунов В.Э.* Предметы вооружения с селища Константиновское-1 // Дунбэйя каогуцзыляо ивэньцзи. Гаогоули, бохай чжуаньхао [Собрание переводных работ с материалами по археологии Северо-Восточной Азии. Спец. выпуск по Когурё и Бохаю]. Харбин: Изд-во редакции журнала «Бэйфан вэньу», 2001. С. 297–304. Кит. яз.
- Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа.* Культура и история Бохая. Яньбань: Яньбяньское народное изд-во, 1991. 230 с. Кит. яз.
- Ван Чэнли.* Бохайское государство на китайском северо-востоке и северо-восточная Азия. Цзилинь: Цзилиньское изд-во истор. литературы, 2000. 285 с. Кит. яз.
- Верхняя столица Бохая / Сост. Институт археологии провинции Хэйлунцзян. Пекин: Изд-во Вэньу, 2009. Т. 1–3. 569 с.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В.* Археологические исследования в долине р. Самарги // The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum: Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending: Japan and Russia Cooperative Symposium. Sapporo: The Hokkaido University Museum, 2002. Р. 62–69. Рус. яз.; Р. 70–73. Яп. яз.
- Дьякова О.В.* Дорожные сети центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье» «古代和中世纪锡霍特山脉中心地区的道路交通网» / Хэйлунцзянская Академия общественных наук // Исследование Сибири. 2012. № 5.
- Дьякова О.В.* Мохэские памятники Приморья // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи. Вып. 5 [Собрание переводных работ с материалами по археологии Северо-Восточной Азии. Вып. 5]. Харбин: Изд-во Бэйфан вэньу цзачжише, 2004. С. 158–292. Кит. яз.
- Дьякова О.В.* Укрепления Северо-Восточного Приморья в контексте дальневосточной археологии // Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века: материалы Междунар. симпоз. Токио, 2005. Т. 1. С. 247–258. Рус. яз.; Т. 2. С. 127–130. Яп. яз.
- Ивлиев А.Л.* Памятники Бохая в Приморском крае России // ТОГИ боккай симпозиуму «Кодай нихонто боккай — ното кара мита хигаси адзиа [Симпозиум по Бохаю в Тоги «Древняя Япония и Бохай — Восточная Азия — взгляд из Ното»]. Б.м.: Изд-во Дайко:ся, 2005. С. 151–166. Яп. яз.
- Ивлиев А.Л.* Средневековые городища в Приморье // Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region: North-East Asia International Cooperative Symposium : preliminary Papers. Tokyo: Department of Japanese History Faculty of Literature, Chuo University, 2004. Vol. 1. Р. 17–24. Рус. яз.; Vol. 2. Р. 19–37. Яп. яз.
- Им Сансон.* Столичная организация в Бохае и ее особенности // Хангуксахакбо (Вестник по истории Кореи). 2006. № 24. С. 291–323. Кор. яз.

- «Интеграция» на Краскинском городище: четыре года исследований / В.И. Болдин, Е.И. Гельман, А.Л. Ивлиев, Ю.Г. Никитин // Лиши юй каогу синьси. Дунбэйя [Новости истории и археологии. Северо-Восточная Азия]. Чанчунь, 2004. № 1. С. 85–95. Кит. яз.
- «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований / В.И. Болдин, Е.И. Гельман, А.Л. Ивлиев, Ю.Г. Никитин // Аоямако:ко. 2003. № 21. С. 49–66. Яп. яз.
- Исследования археологических памятников эпохи Бохая в Приморье в 1997 г. / В.И. Болдин, А.Л. Ивлиев, Ю.Г. Никитин, Е.И. Гельман // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи. Гаогоули, бохай чжуаньхао [Собрание переводных работ с материалами по археологии Северо-Восточной Азии. Специальный выпуск по Когурё и Бохаю]. Харбин: Изд-во редакции журнала «Бэйфан вэнь», 2001. С. 255–258. Кит. яз.
- Ким Ги Ун*. Исследование особенностей когурёских горных городищ. Отдельный оттиск. С. 138–152.
- Ким Чонхёк*. Достигнутый результат в археологическом изучении бохайских памятников // Чосон когоёнгу (Изучение археологии КНДР). 1992. № 1. С. 2–6. Кор. яз.
- Культура и история Бохай / под ред. Лю Сяодун (Вторая редакция). — Харбин: Народное издательство пров. Хэйлунцзян, 2003. — 389 с.
- Культура и история Бохая / под ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. Яньбань: Яньбяньское народное изд-во, 1991. 295 с.
- Лещенко Н.В.* Глиняные изделия бохайских памятников Приморья // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи [Собрание переводных материалов по археологии Северо-Восточной Азии]. Харбин: Бэйфан вэнь, 2002. Вып. 4. С. 282–288. Кит. яз.
- Ли Дяньфу*. Исследования могил Когурё // Археол. вестник. 1987. № 3. Кит. яз.
- Лудиншань и бохайский город / Сост. Институт археологии АН КНР. Пекин, 1997. 312 с.
- Лю Сяодун, Хэ Сыдэ, Ян Чжицзюнь*. Первоначальное исследование товарно-денежной системы и экономики государства Бохай // Изучение истории. 1991. № 2. С. 12–17.
- Лю Сяодун*. Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзю (Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий). Харбин: Изд-во Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. 348 с.
- Лю Сяодун*. Перепроверка и корректировка династической летописи (хроники) Бохай // Изучение истории. 1996. № 6. С. 21–25.
- Научные записки о пригородном Наньчэнцзы г. Муданьцзян // Юбилейный сборник научного общества музея артефактов провинции. Хэйлунцзян, 1980. Кит. яз.
- Отчет об обследовании древних памятников в провинции Цзяньдао // Исследовательский музей. 1984. № 1. Яп. яз.
- Отчет по раскопкам памятников на северо-востоке Китая. Пхеньян: Корейское издательство общественных наук, 1966. 390 с.
- Пан Хакпон*. Бохайские памятники в районе Линьцзяня // Пархэый юмуль юджок (чун) (Материальные памятники Бохая. Ч. 2). Сеул, 2006а. С. 147–157. Кор. яз.
- Пан Хакпон*. О Верхней столице Бохая // Пархэый юмуль юджок (ха) (Материальные памятники Бохая. Ч. 1). Сеул, 2006б. С. 339–363. Кор. яз.
- Пан Хакпон*. О горных крепостях Бохая в районе Яньбянь-Корейского автономного округа и их особенность // Пархэый юмуль юджок (ха) (Материальные памятники Бохая. Ч. 1). Сеул, 2006в. С. 285–298. Кор. яз.
- Пан Хакпон*. Погребальные обряд бохайцев и его особенности // Бохайские памятники. Т. 3. (Пархэый юмуль юджок (ха). Сеул, 2006.
- Пан Хакпон*. Столицы Когурё и Бохая // Пархэый юмуль юджок (чун) (Материальные памятники Бохая. Ч. 2). Сеул, 2006. С. 201–228. Кор. яз.
- Пукхан мунхва юджок палгыльгэбо (Обзор раскопок памятников культуры Северной Кореи). Сеул, 1991. 643 с. Кор. яз.
- Син Чансу*. Крепости Бохая // Пархэый ёксава мунхва (История и культура государства Бохай). Сеул, 2007. С. 252–275. Кор. яз.

- Сюй Лифан.* Бохайские находки и памятники на территории Северной Кореи // Пархэконгук 1300 чунён (698–1998) (Сборник, выпущенный к 1300-летию основания государства Бохай). Сеул, 1999. С. 213–237. Кор. яз.
- Сюнь Юйлян.* Сборник исторических материалов Бохай. Цзилинь: Цзилиньское изд-во исторической литературы, 1992. 423 с.
- Фэн Сяньмин.* Некоторые проблемы развития китайской керамики // Вэньу. 1973. № 7. С. 20–29. Кит. яз.
- Хан Кю Чхоль.* Пархэса ёнгуы хёнкван ква квачжэ (Современное состояние истории Бохая и темы исследования) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998) / Хакхёнмунхванса. Сеул, 1999. С. 15–36. Кор. яз.
- Хэйлунцзян чжи.* Вэньу чжи (Описание провинции Хэйлунцзян. Описание памятников истории и культуры). Харбин: Изд-во Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1994. 498 с.
- Цзинь Юйфу.* Записки государства Бохай. Отредактированное и ревизованное приложение «Три вида (книги) описания государства Бохай». Тяньцзинь: Тяньцзиньское изд-во древней литературы, 1992. 412 с. Кит. яз.
- Цзинь Юйфу.* Три вопроса касательно государства Бохай // Преподавание истории. 1956. № 4. С. 11–19.
- Цзинь Юйфу.* Что касается дополнения к изучению бохайского «памятника принцессе Чжэнь Хуэй» // Археологический вестник. 1956. № 2. С. 18–26. Кит. яз.
- Цзоу Лан.* Хэйлунцзян хэган дицзюй гудай вэньхуа ицунь. (Памятники древних культур в районе ХэганХэйлунцзяна). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. 149 с. Кит. яз.
- Чжан Чжунпэй.* Предисловие к книге Ван Чэнли. Бохайское государство на китайском северо-востоке и северо-восточной Азии. Цзилинь: Цзилиньское изд-во исторической литературы, 2000. С. 5–9. Кит. яз.
- Чжао Хунгуан, Гань Чжигэн, Тань Инцзе, Сунь Сюжэнь.* Хэйлунцзян цюйюй каогусяо (Археология района Хэйлунцзяна). Харбин, 1991. 195 с. Кит. яз.
- Чжи Бичже, Дань Хуаша, Сунь Сюжэнь.* Муданьцзян чжун ся ю каогу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об археологической разведке в среднем и нижнем течении р. Муданьцзян) // Каогу. № 4. 1960. С. 26–28. Кит. яз.
- Чжу Гочэнь, Цзинь Тайшунь, Ли Шоте.* Древние городища Бохай. Харбин: Народное изд-во пров. Хэйлунцзян, 1996. 314 с. Кит. яз.
- Чжу Жунсянь.* Культура Бохая. Пхеньян: Корейское изд-во общественных наук, 1971. 327 с. Кор. яз.
- Чу Йонь Хэн (Чжу Жунсянь).* Культура Бохай. Пхеньян: Корейское изд-во общественных наук, 1971.
- ЧэньЧунься, Дун Цин.* Сведения и реестровые книги от нингутасских (ссылных беженцев) людей в начале династии Цин по развалинам бохайского Шанцзинчэн // Артефакты севера. 1995. № 4.
- Шавкунов Э.В.* Исследования на Абрикосовском селище в 1996 г. // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи. Гаогоули, бохай чжуаньхао [Собрание переводных работ с материалами по археологии Северо-Восточной Азии. Спец. выпуск по Когурё и Бохаю]. Харбин: Изд-во редакции журнала «Бэйфан вэньу», 2001. С. 270–272. Кит. яз.
- Шавкунов Э.В.* Наконечники стрел Марьяновского городища // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи. Гаогоули, бохай чжуаньхао [Собрание переводных работ с материалами по археологии Северо-Восточной Азии. Спец. выпуск по Когурё и Бохаю]. Харбин: Изд-во редакции журнала «Бэйфан вэньу», 2001. С. 289–293. Кит. яз.
- Шавкунов Э.В., Шавкунов В.Э.* Новые результаты археологических исследований во дворе Абрикосовского храма и на Ауровском городище // Дунбэйя каогу цзыляо ивэнь цзи. Гаогоули, бохай чжуаньхао [Собрание переводных работ с материалами по археологии Северо-Восточной Азии. Спец. выпуск по Когурё и Бохаю]. Харбин: Изд-во редакции журнала «Бэйфан вэньу», 2001. С. 252–254. Кит. яз.

Янь Ваньчжан. Исследование Бохайского «Памятника принцессе ЧжэньХуэй» // Издательство археология. 1956. № 2. С. 7–12.

Ivliev A.L. Archaeological Sites of Bohai State in Primorski Territory of Russia // Тоги боккай симпозиуму «кодай нотоно цуйган сэкай» [Симпозиум в Тоги по Бохаю «Мир противоположного от древнего Тоги берега»]. Тоги, 2004. С. 31–45. Англ. яз., яп. яз.

Литература на английском языке

Dyakova O.V. The Mohe Cultural and Historical Community (by Archaeological Data) // Chinese Traditional Civilization and the Contemporary World: XIV EACS Conference. M., 2002. P. 147.

Dyakova O.V., Sakmarov S.A. Construction Methods in Fortifications of Djigitovskoye Walled Town // Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-East Japan Sea Region: North-East Asia International Cooperative Symposium: Preliminary Papers. Tokyo: Department of Japanese History Faculty of Literature, Chuo University, 2004. Vol. 1. P. 269–272.

Dyakova O.V., Sakmarov S.A. Earliest Stone Artillery Ground in Primorye // Archaeological Studies on Trade in the Ancient and Medieval Periods between Sakhalin and the North-east Japan Sea Region: North-East Asia International Cooperative Symposium: Preliminary Papers. Tokyo: Department of Japanese History Faculty of Literature, Chuo University, 2004. Vol. 1. P. 267–268.

Lim Sang Sun. Taoistic Thinking of Pohai People (with a Focus on Epitaf of Princess Jung Hye and Orincess Jung Hyo) // Древняя и средневековая история восточной Азии / ДВО РАН. Владивосток, 2001. С. 126–131.

Perrin A. Heritage Protection in the DPRK // The Korea Foundation Newsletter. 2000. Vol. 9, N 5.

Song Ki Ho. Several questions in Studies of History of Parhae // Korean Journal. 1990. Vol. 30, N 6. P. 4–20.

Song Kiho. On the nature of the «Sureong» in Parhae // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай / ДВО РАН. Владивосток, 2001. С. 119–125.

Отчеты о полевых исследованиях

Александров А.В. Отчет о разведке археологических памятников в долине рек Шкотовка и Стеклянуха Шкотовского района Приморского края в 1985 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10812.

Александров А.В. Отчет об археологических раскопках на городище Стеклянуха-1 в Шкотовском районе. 1986 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 11747.

Александров А.В. Отчет об археологических раскопках на городище Стеклянуха-1 в Шкотовском районе. 1987 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 12179.

Андреев Г.И. Отчет об археологических исследованиях прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края в 1958 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1777.

Арсеньев В.К. Путевой дневник 1908–1909 гг. // Архив ПФРГО–ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 144.

Арсеньев В.К. Путевой дневник № 2. 1906 г. // Архив ПФРГО–ОАИК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

Арсеньев В.К. Путевой дневник № 3. 1907 г. // Архив ПФРГО–ОАИК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

Арсеньев В.К. Путевой дневник за 1907 г. // Архив ПФРГО–ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8. Л. 79.

- Арсеньев В.К.* Путевой дневник. 1908–1909 гг. Архив ПФРГО–ОАИК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Шайгинского городища в Партизанском районе и Южно-Уссурийского городища в Уссурийском районе Приморского края. Р-1. № 24028.
- Болдин В.И.* Итоги полевых исследований на Краскинском и Новогордеевском городищах в Приморском крае в 2000 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 437. 104 л.
- Болдин В.И.* О результатах полевых исследований на Краскинском городище в Приморье в 2004 г. // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 564. 193 л.
- Болдин В.И.* Об археологических исследованиях на городище Николаевское-I и Николаевское-II в Михайловском районе Приморского края в 1977 г. Р-1. № 6748. 177 л.
- Болдин В.И.* Об археологических исследованиях на Николаевском городище-II в Приморском крае в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5646.
- Болдин В.И.* Отчет о раскопках на Константиновское-I селище и Новогордеевском городище в Приморском крае в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12079.
- Болдин В.И.* Отчет о раскопках на селище Константиновском-I в Приморском крае в 1989 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО АН СССР. Ф. 1. Оп. 2. № 343.
- Болдин В.И.* Отчет о результатах исследований на Новогордеевском городище в Приморском крае в 2001 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 458. 67 л.
- Болдин В.И.* Отчет о результатах полевых исследований на Краскинском городище, городище Синельниково-I и в Анучинском районе Приморского края в 1997 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 21131.
- Болдин В.И.* Отчет о результатах полевых исследований на Краскинском городище в Приморском крае в 2001 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 457. 176 л.
- Болдин В.И.* Отчет об археологических исследованиях на Корсаковском поселении в Уссурийском районе. Приморский край. 1981 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8560.
- Болдин В.И.* Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище в Приморском крае в 1983 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9822. 47 л.
- Болдин В.И.* Отчет об археологических исследованиях на Новогордеевском городище в Приморском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 111515.
- Болдин В.И.* Результаты археологических исследований на Краскинском городище в Приморском крае в 2003 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 546. 158 л.
- Болдин В.И.* Результаты полевых исследований на Краскинском городище в Приморье в 2002 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 531. 115 л.
- Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г.* Разведка бохайских памятников в Приморском крае в 1994 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 385.
- Бродянский Д.Л.* Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 183.
- Буссе Ф.Ф.* Остатки древности в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ // ЗОИАК. Т. 1. 1888.
- Вострецов Ю.Е.* Отчет о разведочных работах в Красноармейском районе Приморского края в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7765.
- Гельман Е.И.* Археологические исследования на городище Горбатка в Михайловском районе Приморского края в 2003 г. // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 550.
- Дьяков В.И.* Археологические работы в 1993 г. (Приморский край, Амурская область) // Архив ИА РАН. Р-1. № 18197.
- Дьяков В.И.* Отчет об археологических работах на стройплощадке по улицам Раздольная и Агеева в г. Уссурийске. 1997 // Архив ИА РАН. Р-1.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В.* Археологические исследования в Приморском крае в 1991 г. № 16539.
- Дьяков В.И.* // Архив ИА РАН. Р-1. № 896.
- Дьякова О.В.* Итоги весенней археологической разведки 1973 г. по изысканию памятников железного века в Дальнегорском и Тернейском районах Приморского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 4984.

- Дьякова О.В.* Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в 2002 г. на городищах Куналейское, Красное озеро и разведочных работах в Кавалеровском и Тернейском районах Приморского края // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 557. 206 л.
- Дьякова О.В.* Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в 2003 году на городище Сибайгоу и разведочных работах в Кавалеровском, Ольгинском, Чугуевском и Пожарском районах Приморского края // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 558. 113 л.
- Дьякова О.В.* Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в Приморском крае в 2004 году (Кавалеровский, Тернейский районы) // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 573. 120 л.
- Дьякова О.В.* Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в Приморском крае в 2005 году (Кавалеровский район) // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 597. 111 л.
- Дьякова О.В.* Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в Приморском крае в 2006 году в Тернейском и Чугуевском районах в 2006 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 611. 60 л.
- Дьякова О.В.* Отчет об археологических изысканиях памятников железного века в Дальнегорском, Тернейском районах Приморского края в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4384.
- Дьякова О.В.* Отчет об археологических исследованиях Амуро-Приморской археологической экспедиции на Джигитовском городище в 1998 г. // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 444. 37 л.
- Дьякова О.В.* Отчет об археологических исследованиях Амуро-Приморской археологической экспедиции на Куналейском городище в 1999 г. // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 445. 215 л.
- Дьякова О.В.* Отчет об археологической разведке в Дальнегорском и Тернейском районах Приморского края. 1974 г. // Архив ИА РАН. № 4384.
- Дьякова О.В.* Отчет об исследованиях Амуро-Приморской археологической экспедиции на Куналейском городище в 2000 г. // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. 208 л.
- Дьякова О.В.* Работы Амуро-Приморской археологической экспедиции 2001 г. Научный отчет // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 487. 230 л.
- Дьякова О.В.* Работы Амуро-Приморской археологической экспедиции в Приморском крае в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Жуциховская И.С.* Отчет о работе на поселении Корсаковское-II в Приморье в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10145.
- Ивлиев А.Л.* Археологические исследования в Ханкайском районе Приморского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7478.
- Квашин В.Г.* Отчет об археологической разведке в Тернейском районе Приморского края летом 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18262.
- Лопатин И.* Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране // Архив ЛОИА, 1869. № 34/1869.
- Мезенцев А.Л.* Отчет об археологических исследованиях в Уссурийском, Хасанском и Красноармейском районах Приморского края в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21203.
- Мезенцев А.Л.* Отчет об археологической разведке в Уссурийском районе Приморского края в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19370.
- Никитин Ю.Г.* Археологические исследования Октябрьском и Партизанском районах Приморского края в 1997 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486.
- Никитин Ю.Г.* О результатах археологических исследований на поселении Чернятино-2 в 1999 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 525. 75 л.
- Никитин Ю.Г.* Отчет об археологических исследованиях в Михайловском, Октябрьском и Черниговском районах Приморского края в 1987 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 338.

- Никитин Ю.Г., Болдин В.И.* Отчет об археологических разведках в Октябрьском, Уссурийском, Кавалеровском и Чугуевском районах Приморского края в 1996 году // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 398. 240 л.
- Окладников А.П.* Отчет о работах ДВАЭ в 1956 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1325.
- Окладников А.П.* Отчет об археологических исследованиях на Дальнем Востоке в 1957 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1614.
- Окладников А.П.* Отчет об археологическом обследовании Приморского края летом 1955 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1189.
- Семениченко Л.Е.* Материальная культура населения Приморья в период государства Бохай (VIII–X вв.). Полный науч. отчет // Архив ИИАЭНДВ ДВО АН СССР. Ф. 1. Оп. 2. № 229. Л. 152.
- Семениченко Л.Е.* Отчет об археологических исследованиях на Старореченском городище Приморского края в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10373. 57 л.
- Семениченко Л.Е.* Отчет об археологической разведке в долине р. Даубихэ в Ануцинском районе. Приморский край. 1972. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4843.
- Сидоренко Е.В.* Отчет о разведочных работах в Тернейском и Дальнегорском районах Приморского края в 1997 г. // Архив ИИАЭНДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 579. 30 л.
- Силантьев Г.Л.* Отчет об археологической разведке средневековых памятников на территории Кавалеровского, Партизанского и Шкотовского районов (Приморского края), 1980 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8331
- Слепцов И.Ю.* Отчет об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 2001 г. // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 482.
- Татарников В.А.* Археологические исследования в северо-восточном Приморье. 1978 // Архив ИА РАН. № 7095.
- Татарников В.А.* Отчет о раскопках Водораздельной стоянки (Приморский край) в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9315. 124 л.
- Толстых И.Н.* Этнокультурные особенности хореографического искусства корейцев, 2010. 39 с. // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 482.
- Хорев В.А.* Отчет об археологических исследованиях на Краснояровском и Ананьевском городищах в Приморском крае в 1983 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10005.
- Шавкунов Э.В.* Археологическая разведка в Кировском районе // Архив ИА РАН, Р-1, № 3652. 48 с.
- Шавкунов Э.В.* Отчет о результатах полевых исследований на территории Приморского края в 1955–1956 гг. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1316. Л. 11.
- Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1995. С. 17.
- Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических раскопках на Абрикосовском селище в Приморском крае в 1996 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 20258.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПАЭ — Амуро-Приморская археологическая экспедиция
АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
ДВАЭ — Дальневосточная археологическая экспедиция
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЗОИАК — Записки Общества изучения Амурского края
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИАЭ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ИИФиФ СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
ОИАК-РГО — Общество изучения Амурского края — Русское географическое общество

Summary

The Ethnic composition of Bohai state on the archaeological materials

It is known from written sources that as for structure of population the Tungus-Manchu state Pohai (698-926) was poly ethnic (multinational) one and consisted of tribes: Mokhe (Malgai), Paleo-Asiatics, Chinese, Koguryo residents. The social status of these tribes and ethnic communities in Pohai state has not been determined yet. It is known that a considerable number of Koguryo residents came to Pohai after the fall of Koguryo state. Moreover, scientific debates are continued concerning to ethnic belonging of the first Van of Pohai state — whether he was of Mokhe origin or belonged to Koguryo tribe. But in this report I intend not to analyze the ethnic origin of the first Van of Pohai but to determine the role, significance and social status of Kogurye residents in Pohai state. Written sources are quite scanty and gave no opportunity to solve this problem objectively. In fact only archaeological artifacts are preserved. And I intend to use them.

Structuring mediaeval archaeolodgical culture. There have been three sources of information about the mediaeval Far East: *a*) written evidence dealing with affairs of state, political boundaries, and the economies of the states of Bohai and Jurzhen; *b*) the remains of fortified sites, roads and craft centers; and *c*) handicraft products such as wheel-made pottery or metallic articles found in profusion, along with many other objects during excavations at the urban and burial sites of the Bohai and Jurzhen cultures. Most scholars are still quite content with the existing interpretations of this information, even though many are merely romantic exaggerations, among which, unfortunately, must be counted some descriptions of the cultures of these particular societies. It is our contention, however, that these interpretations display instead the apparent failure of an approach to the study of mediaeval archaeological cultures restricted to the considering of only one aspect, namely, the urban cultural sphere, whose characteristics are very much alike throughout various cultures due to the effects of industrial development, yet whose origins are not necessarily native. It is hardly questionable that governments, not excluding medieval ones, often promoted crafts with the help of foreign craftsmen brought in for just such a purpose. As a result, new types of wheel-made clay ware, as well as other goods, came into being. They had neither intrinsic links to the culture and traditions of the local populace nor any domestic prototypes. The refore, we conclude that within the existing approach to a survey of mediaeval sites in the Russian Far East, the genuine aboriginal culture has literally fallen out of the sphere of most researchers' attention. Attempts have been made to solve basic problems of ethnical and cultural processes in their full complexity* while drawing on rather irrelevant materials. This a situation has prompted us to work out a structural scheme of mediaeval archaeological culture to make it clear how a given group of traits

* “*ethnogenesis*” or ethnogenics, and “*culturogenesis*” or culturogenics, respectively, as Russian terminology puts it

relates to a broad analysis of a given culture. An analysis of the entire body of mediaeval data brought from each of the Far Eastern sites allowed us to speak of the three major subdivisions within an archaeological culture. They may be defined as *a*) culturally indicative (aboriginal), *b*) regional (those characteristic of a particular state), and *c*) epochal. As culturally indicative we define those traits represented by items embodying aboriginal traditions, and thus suitable for reconstructing not solely the processes of cultural development (*culturogenics*), but ethnical dynamics as well (*ethnogenics*). Among such items the foremost importance belongs to handmade clay ware produced by the cultural tradition bearers of a given culture themselves. It can serve as a clear-cut recognition symbol of a culture. Handmade ware could not spread outside a limited area and as a rule, this area coincided precisely with that of the archaeological culture. To regional traits (those characteristic of a state) we attribute objects produced, to a greater or lesser degree, with the use of industrial methods of manufacture, including, of course, wheel-made ceramics. Their distribution was related with the activity of craft centers (workshops, 'schools', 'families', 'kilns'), whose influence seldom reached beyond the official state boundaries. Therefore, traits of this type can be indicative of a particular state. Items of this category may reflect both domestic and adopted foreign traditions. This may lay the groundwork for reconstructing patterns of political and mercenary contacts but is of little use when it comes to understanding the ways of ethnical changes (ethnogenics). Shapes and decorations of vessels and other objects within this category could change easily, subject to vogues of the time, a ruler's tastes, or requirements imposed by a certain social stratum, whereas technique and technological traditions were usually prone to stability.

Classified as epochal need to be those cultural elements which prove more or less ubiquitous, regardless of geographical or political barriers, and, as characteristic traits, belong to no particular society but to a definite time span. Such would be Turkic belts, Mongol arrowheads, selected types of wheel-made pottery, or certain designs of ornamentation, to mention just a few. They are good for dating complexes and cultures, or attesting to martial, economic or religious events and interactions, but are in no way suitable for building reconstructions of the patterns of ethnical changes.

To sum up, we believe that any mediaeval archaeological culture has to be analyzed as a triplex structure that comprises three groups of traits: aboriginal, regional (those relating to a state) and epochal. This approach makes not only answering questions about cultural roots, changes and chronology possible, but also lets us advance to more adequate historical associations and realistic interpretations, not in the least those helping to solve the problem of the genesis and development of particular states in this area.

Task one. To answer the question: what ethnic communities were the native (indigenous) population of Pohai state? Ceramics is the most objective material in this case. Vessels out ceramics, that were discovered in archaeological sites of Pohai culture in the North-East of China and on the territory of the Russian Primorye are the basic material. [Fig. 1. My analysis of ceramics revealed that as for technique it is represented by three categories of articles: modeled vessels, ceramics, being completed on potter's wheel and potter's ceramics. All these three categories are done with different technique, that is on different ethnic traditions. The first category — modeled ceramics made with circular band model. Fig. 2.

Its forms are vases, pots, jars with modeled cylinder under the top, decoration and technique of modeling are traditional for Mokhe tribes (Malgal). Modeled earthenware

was made by native indigenous population. Such type of vessels — Mokhe one — was developing on the territory of North East China and the Russian Far East (Primorye and Primorye) for more than one thousand years. Such earthenware is characteristic for Mokhe culture (Malgal), culture of the Amur Jurchen and it could be met almost on all Pohai sites. In Koguryo state the other modeled earthenware was traditional, and it is absent on Pohai sites. So, the main indigenous residents of Pohai state were the tribes of Mokhe (Malgal), that is the Tungus-Manchus.

Task two. To determine Kogurye materials on Pohai sites. In this case we could use the second category of ceramics — handicraft pots of definite form, decoration and proportions, modeled on potter's wheel. They are met on all Pohai sites and are analogous to Kogurye handicraft pots. Fig. 3–6.

Such type of earthenware is marking Pohai cultures and is defined as Pohai ceramics of Koguryo origin. Besides of Pohai pots, in Pohai culture of sites of North East Primorye — Sinegorye 1 - there appeared long potter's kilns being traditional for Kogurye. That is, the appearance on Pohai sites handicraft Koguryo earthenware is not a result of trade-economic relations when earthenware would be bring over from anywhere. The presence of potter's kilns — is an index of native production and indirect presence on Pohai monuments of Kogurye potters. Judge by a number of potter's articles, there were quite a number of Koguryo potters in Pohai and such was the situation not only in central provinces but on the outskirts of state. For example, it was so in the north-east of Primorye where there were discovered kilns of Koguryo type and the very ceramics itself. So the conclusion is that in Pohai state Koguryo residents represented the strata of crafts-men.

Task three. To show : what function, besides handicraft one, was exercised by Koguryo residents? This task could be seen through analyzing fortification constructions. After the fall of Koguryo state on the territory of Primorye, in particular in the north-east, there appeared stone fortresses that were constructed according to Koguryo traditions. They were built out of stones (rocky) and without cement linking. Stones had got special trim, and walls became solid. **Stone fortresses on isolated hills** are located on the tops of separately standing hills, often rock outcrops, and are built of stones without cementing. Positioned so as to dominate local landscapes, such fortifications permit a good view of neighboring valleys and obviously must have served strategic purposes. Today we know of ten stonework fortresses in Primorye, six of them are located in central Sikhote-Alin mountain range and on East Sea's (Sea of Japan's) eastern and northeastern coasts: Shmyrkov Klutch, Zabolotnoye (Altar) in Serebryanka river basin, Klutchi (Dzhigitovka river basin), Vaskovskoye (Rudnaya river basin), Seselevskoye (Zhivopisnaya river basin), Yashu. **Planigraphy** of stone fortresses is simple. The builders chose flattened areas and adjacent surfaces available on suitable hills. **Fortifications** consist of round or serpentine stonework walls encircling a hill. **Constructing technologies** are interesting for the presence of persistent technical patterns and ultimate skill. Building stone was usually procured on the locality. Durability of walls highly depended on methods of stone processing. Prior to raising of wall, builders would flatten an underlying surface. The width of a stripe to be flattened was up to 2-6 m. It was to be covered with a layer of big stones, specially processed — each piece of stone had a raised border on its edge so that an overlying stone would not slip. Stones in the upper layers are pyramidal in shape. The higher the layer, the smaller the stones. It seems that the size of stones was standardized for each layer. The

shape of the stones has some notable particularities — each stone was rectangular in the base, had rounded corners in the middle, and was tapered at the top. The lowest part of the wall on the inside was staircase-shaped. Fig. 7-8.

To sum up, the **stone-built mountain fortresses** can be characterized by the following features: placement in strategically important localities atop dominating heights; the use of local building material; lack of cementing; standardized stone shapes and sizes of certain wall parts; staircase-shaped inner wall configuration; absence of continuous vertical seams; artificial flattening of hill surface before construction. According to collected data, stonework fortresses were built during the Mohe and Bohai times.

This method was widely used only by Koguryo representatives. The Mokhe residents never built such fortresses. These fortresses were situated on separate hills, usually on bare territory, on dominating hills giving opportunity to control all entrances to the valleys. There are ten such fortresses: in Yashu, Zabolotnaya, Shmyrkov Kliuch, Vas'kovskoye site, Kliuchi, Soenskon site. So, a definite part of Koguryo residents was on military service, and judging to location of stone fortresses, Pohai used them for defending his boundaries, in particular, of North East Primorye.

By choice of location, constructing methods, and purposes, stone fortresses of Primorye derive from fortification traditions of **Koguryo fortresses**, often being virtually identical with those. Perhaps this tradition of arranging a fortified site was adopted by the Mohe and Bohai not before 7th century AD, i.e. after the downfall of Koguryo state and Koguryo people having become the Bohai citizens.

The Koguryo traditions in mediaeval town-planning in Primorye. The construction technology used in northeastern Primorye to erect stone fortresses (Shmyrkov Klutch, Zabolotnaya, Klutchi, Vaskovskoe Ozero) obviously reproduces the Koguryo technology and actually derives from the latter.

With Koguryo bulders, just the same way as with the Jurzhen from East Xia State, the main criteria of choosing a building location were precipitous mountainous landscape and presence of large river.

Of 176 Koguryo town sites found in northeastern China and North Korea only 56 have been researched. Among them there are 47 stonework fortresses and only 9 earthen ones (Sokson, Ensonja, Thapsan, Koi, Puksansondja, Rendam, Sariho, Mokki, Hongenno in Manchuria and Anhak in North Korea). The author have already published her study of links between mediaeval stone fortresses of Russian Primorye and Koguryo, thus no point in elaborating on this here. We must remember though that construction technology used in northeastern Primorye to build stone fortresses (Shmyrkov Klutch, Zabolotnaya, Klutchi, Vaskovskoe Ozero) obviously reproduces the Koguryo technology and actually derives from the latter. All the more so because ceramic materials from the above mentioned Primorye's fortresses are comparable with the Mohe and Bohai traditions, contemporaneous with the Koguryo culture. It is known that military and technical innovations spread fast enough. Koguryo's fortified earthen mountain towns, as opposed to stone fortresses, are scarcely explored for various reasons. For a long time Korean, Chinese, and Russian scholars worked separately in their own countries. Today we have got an opportunity to analyze and compare the results relevant to the problem of genesis and development of mediaeval fortifications in the Far East. Geophysical parameters of Russian Primorye, northeastern Korea and northeastern China are similar enough, and this fact should have in similar way influenced

the process of choosing a location by inhabitants of these territories when it came to building a fortified site. The choice would be dictated by landscape. The Koguryo people as well as the Jurzhen from East Xia preferred a steep mountainous topography and presence of large river. Korean written sources state that, as a rule, the Koguryo placed their mountain towns on hilltops facing the lowlands. "...Outside the fortresses they raised earthen bulwarks to prevent the use of ladders and visibility of actions inside the fortress... Even if enemies fiercely attacked, their hike from the base of the hill to the fortress exhausted them, they breathed interruptedly, their ardor died away, while our soldiers remained calm, inspired and ready to fight against intruders by letting big boulders roll down the hill — enemies fell right on the run" (Kim Gi Un) . Kim Gi Un wrote that the Koguryo mountain towns were always found in the presence of water source. Water not only provided means of transportation, but served as a natural border helping to control an enemy's movement and limiting the latter's maneuverability (Nosov 2001). To build mountain towns, the Koguryo chose places near the valleys inhabited by people who could supply human force as well as food, yet find shelter in the fortress in dangerous situations. Such pattern is comparable to the Jurzhen of East Xia's. An unconditional rule for the Koguryo to choose a place to build a town was the presence of convenient means of transportation, i.e. waterways and roads, permitting both maneuverability and communicability with neighboring fortresses. The Jurzhen obeyed the same rule, as we noted before. All of the Koguryo's mountain towns were crossed by rivers or streams, otherwise had ponds and wells. For example, according to ancient scripts, the Koguryo town of Taeson had 99 ponds plus a brook. The East Xia's Jurzhen provided themselves with water the similar way. To ensure the combatant value of their towns the Koguryo paid ultimate attention to reinforcement of fortress walls, the basic fortification element. Like the Jurzhen, the Koguryo builders erected watch posts and towers over gates. Near a gate the fortress' wall was usually duplex, while in front of the gate there was a protective wall with embrasures at sides, known as "chokte". Watch posts, as a rule, helped to strengthen wall corners and served as command posts. Similar constructions are typical for mountain towns of Jurzhen too. With Koguryo fortresses, an important defensive role played embrasures placed so as to permit shooting at an enemy directly or from sides. Before the invention of embrasure it was impossible to shoot at the troops which had made their way right under the walls. Korean scholars believe embrasures to be a Koguryo's invention while protective walls, gates in the wall without tower, defensive lines, and double walls to be distinctive features of Koguryo mountain fortresses. Having analyzed Primorye's mountain towns belonging to the Jurzhen of East Xia and Koguryo's mountain fortifications, we come to the conclusion that the influence of Koguryo's fortifications on the development of Jurzhen type of mountain towns was an immense one. To say the least, the Jurzhen people did adopt Koguryo's principles of placement of fortresses in mountainous landscape. Those principles include the following: protection by hills on three sides, while on one side, usually southern, the presence of water-containing ravine; methods of obtaining and keeping fresh water; distribution of fortification elements (on the wall, at gates, by corners). At the same time Jurzhen's mountain towns retained some Chinese fortification traditions, Hantu earthen wall-mounds in the first place. It is known that from the ancient times Chinese towns were surrounded with earthen walls where the filling soil was put in layers, each layer being rammed by special wooden rollers. As a result, the walls became very firm and reached eight meters in height. This

method have been known in China since 4th century BC, and since 6th century BC the Chinese have used stone lining of curtain-walls and built the towers (Mangi Eram). Apparently the Koguryo adopted the method of erecting earthen walls from the Chinese as early as in antiquity, but further adapted it to mountainous environment. On the other hand, by geomorphology as well as fortification and constructing technologies the stonework mountain fortresses built by the Mohe and Bohai peoples correspond well with Koguryo traditions and appear to be derived from the latter. Thus we are to conclude that in Primorye the two types of mountain fortified sites built by mediaeval Tungus-Manchurians — the Mohe, Bohai, and Jurchen peoples — obviously meet the requirements typical of Koguryo's town-building traditions, having been, as it seems, founded on the latter.

Thus, the analysis of archaeological material let doing such conclusions: the indigenous residents of Pohai state were tribes of Mokhe (Malgai). After the fall of Koguryo a considerable number of Koguryo residents joined Pohai state. It was so significant that Koguryo earthenware became the principal indicator. Therefore, a certain part of Koguryo residents got the status of crafts-men, in particular, potters. The presence of stone fortresses, being built according to Koguryo building traditions, shows that in Pohai there was a considerable number of Koguryo fighting men and fortification builders (masters) building stone fortresses and defending borders. Undoubtedly, some part of Koguryo residents bore a relation to administrative system of Pohai, but it is difficult to trace it according to archaeological data. Evidently, Koguryo peasants inculcated agricultural practice to Tungus Manchus population of Pohai, but there are little archaeological facts on it too.

CONTENTS

Foreword	5
Chapter 1. Historiographic Problems of Pohai Study	6
1.1. Problems of Pohai Study in the Chinese historiography	6
1.2. Problems of Pohai Study in the South-Korean historiography	14
1.3. Problems of Pohai Study in the North Korean historiography	20
1.4. Problems of Pohai Study in the Russian historiography	21
Chapter 2. Archaeological Sites of Pohai	31
2.1. Archaeological sites of North Eastern China	31
2.2. Archaeological sites of North Korea	35
2.3. Archaeological sites of the Russian Primorye	103
2.4. Памятники российского Приморья	109
Chapter 3. Ethnic and Social Stratification of Pohai (On archaeological materials)	214
3.1. The Ceramics of Pohai Culture	214
3.1.1. The Ceramics of Pohai culture of Primorye as a source of ethnic stratification	214
3.1.2. The Ceramics of Pohai culture of North Eastern China	229
3.2. Ornamental motif “The Round Dancing People” in the context of ethnic-social stratification	232
3.3. Градостроительные традиции государства Бохай	235
3.3.1. Долинные городища	236
3.3.2. Многоугольные городища	237
3.3.3. Каменные крепости на отдельных сопках	238
3.4. Town building traditions in Pohai State	239
3.5. Indo-European traces in Pohai culture	165
Chapter 4. Road Transport system of Pohai	244
4.1. Archaeological attributes of roads	246
4.2. Landscape peculiarities of the Sikhote-Alien	246
4.3. Land transport main roads	247
4.4. Naval ways	254
Chapter 5. Historical-Cultural aspects of Pohai	257
5.1. State-Administrative structure	257
5.2. Diplomatic activity	259
5.3. Language and Literature of Pohai	261
5.4. Язык и литература Бохая	264
Chapter 6. Historical Fates of Pohai Residents (Historical-Archaeological Aspect)	276
6.1. Особенности фортификации бохайской, чжурчжэньской и киданьской культур	279
6.2. Памятники Приморья постбохайского времени	280
6.3. Памятники, содержащие киданьские артефакты	281
6.4. Памятники с постбохайской керамикой	282
Chapter 7. Political Aspects of Pohai Study (instead of a conclusion)	284
7.1. Северо-восточный проект Китая и КНДР	284
7.2. Китайская доктрина в бохаеведении	287

7.3. Южнокорейская версия	291
7.4. Российская версия (по письменным источникам)	292
7.5. Российская археологическая версия	292
Bibliography	294
List of abbreviations	309
Summary	310

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Историографические проблемы бохаведения	6
1.1. Китайская историография	6
1.2. Южнокорейская историография	14
1.3. Северокорейская историография	20
1.4. Российская историография	21
Глава 2. Археологические памятники Бохая	31
2.1. Методология	31
2.2. Памятники Северо-Восточного Китая	35
2.3. Памятники Северной Кореи	103
2.4. Памятники российского Приморья	109
Глава 3. Этническая и социальная стратификация Бохая (по археологическим материалам)	214
3.1. Керамика бохайской культуры	214
3.1.1. Керамика Приморья как источник этнической стратификации	214
3.1.2. Керамика северо-востока Китая	229
3.2. Орнаментальный мотив «хоровод танцующих людей» в контексте этносоциальной стратификации	232
3.3. Градостроительные традиции государства Бохай	235
3.3.1. Долинные городища	236
3.3.2. Многоугольные городища	237
3.3.3. Каменные крепости на отдельных сопках	238
3.4. Индоевропейские следы в бохайской культуре	239
Глава 4. Дорожно-транспортная система Бохая	244
4.1. Археологическая атрибутика дорог	246
4.2. Ландшафтные особенности Сихотэ-Алиня	246
4.3. Сухопутные дорожно-транспортные магистрали	247
4.4. Морские пути	254
Глава 5. Историко-культурные аспекты Бохая	257
5.1. Исторический контекст возникновения Бохая	257
5.2. Государственно-административное устройство Бохая	259
5.3. Дипломатическая деятельность Бохая	261
5.4. Язык и литература Бохая	264
Глава 6. Исторические судьбы бохайцев (историко-археологический аспект)	276
6.1. Особенности фортификации бохайской, чжурчжэньской и киданьской культур	279
6.2. Памятники Приморья постбохайского времени	280
6.3. Памятники, содержащие киданьские артефакты	281
6.4. Памятники с постбохайской керамикой	282
Глава 7. Политические аспекты бохаведения (вместо заключения)	284
7.1. Северо-восточный проект Китая и КНДР	284
7.2. Китайская доктрина в бохаведении	287

7.3. Южнокорейская версия	291
7.4. Российская версия (по письменным источникам)	292
7.5. Российская археологическая версия	292
Использованная литература и источники	294
Список сокращений	309
Summary	310
Contents	316

Научное издание

Дьякова Ольга Васильевна

**ГОСУДАРСТВО БОХАЙ:
АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА**

*Утверждено к печати Институтом истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Редактор *Л.С. Ефимова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.И. Чернышева*
Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*

Подписано к печати 04.06.2014
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 22,0. Усл. кр.-отт. 29,0. Уч.-изд. 24,0
Тираж 800 экз. Изд. № . Зак. №

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
119049, Москва, Мароковский пер., 26
www.vostlit.ru

ООО «Цифровая типография № 21»
123022, Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 29